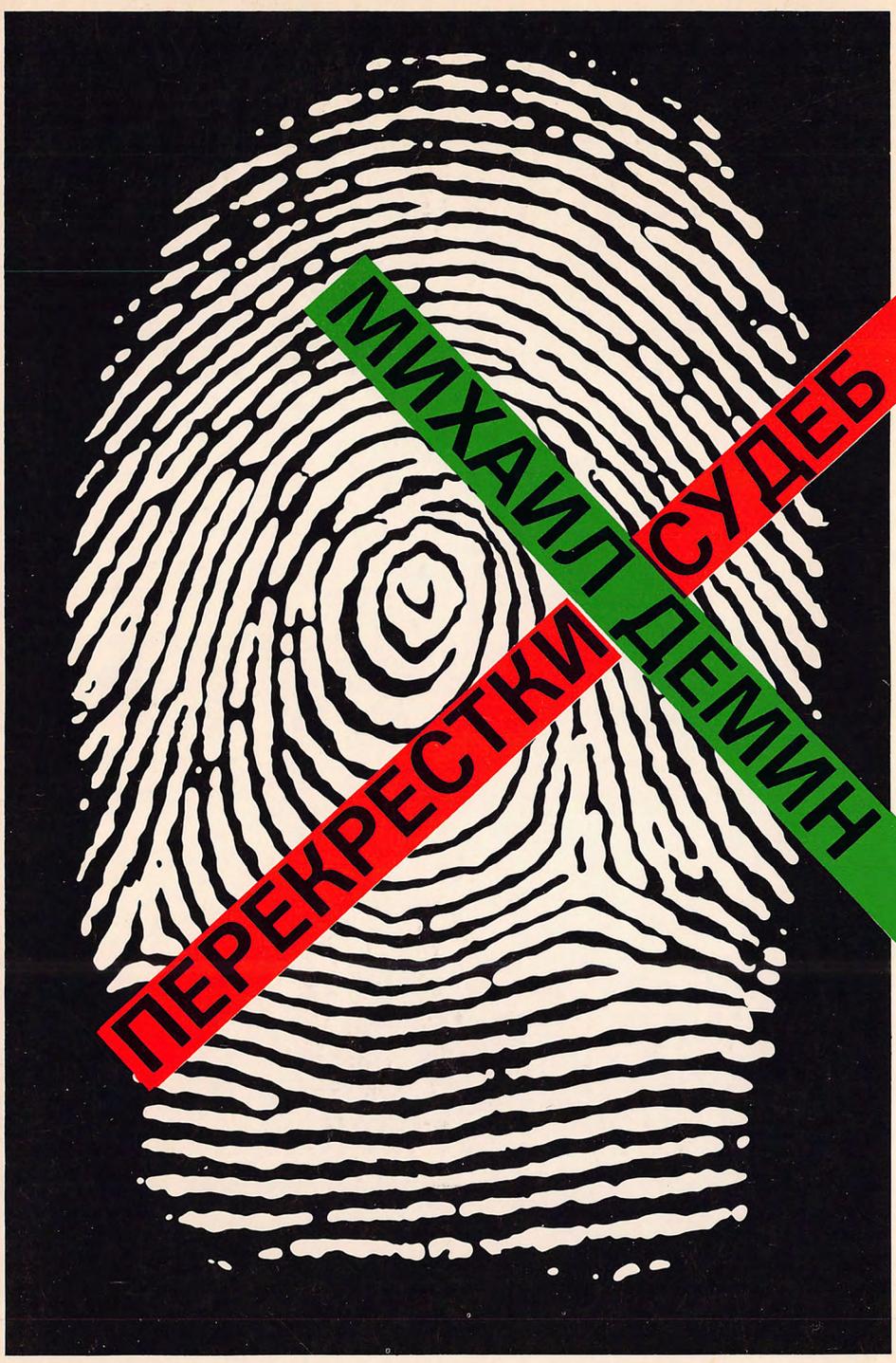


МИХАИЛ ДЕМИН



ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЕБ



МИХАИЛ ДЕМИН
ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЕБ

Михаил Демин завоевал популярность у русского читателя сразу после выхода первого русского издания (1981) романа «Блатной».

В новую книгу Демина, «Перекрестки судеб», входят две детективно-приключенческие повести, связанные между собой одними и теми же героями.

Повесть «...И пять бутылок водки» — первое русское произведение такого жанра, появившееся на Западе — впервые вышла в 1975 году в переводе на французский и итальянский языки.

Повесть «Тайны сибирских алмазов» закончена автором сравнительно недавно.

Несмотря на общность жанра, эти книги очень различны. Герои первой из них — городские уголовники — действуют на юге Украины, в солнечной Полтаве; вторая же ведет читателя в жестокий мир таежных болот и алмазных приисков Якутии — самой холодной области Восточной Сибири.

В отзывах на произведения Демина критики неизменно отмечают редкое умение сочетать захватывающий сюжет с точностью и достоверностью даже самых мелких деталей повествования. Так, по его «сибирским» книгам действительно можно изучать Сибирь!

Книгой «Перекрестки судеб» издательство «Руссика» начинает публикацию остросюжетных повестей Михаила Демина.



Михаил Демин

ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЕБ

Книга первая

...И ПЯТЬ БУТЫЛОК ВОДКИ

Книга вторая

ТАЙНЫ СИБИРСКИХ АЛМАЗОВ

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

NEW YORK • 1983

DYOMIN, Mikhail.

PEREKRESTKI SUDEB. Two novellas:

1. "...I piat' butylok vodki"

2. "Tainy sibirskikh almazov"

● for the Russian language edition

1983 by RUSSICA PUBLISHERS, INC.

All rights reserved. Except for use in a review, the reproduction or utilization of this work in any form or by any electronic, mechanical, or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, and in any information storage and retrieval system is forbidden without the written permission of the publisher.

Cover and title pages design by **Vagrich Bakhchanyan**.

Photograph on back cover by **L. Fedorova**.

Library of Congress Catalog Card Number: 80-54024

ISBN: 0-89830-033-9 (paper); 0-89830-071-1 (cloth).

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

799 Broadway.

New York, N. Y. 10003.

...И ПЯТЬ

К



БУТЫЛОК



ВОДКИ

ОТ АВТОРА

Я впервые встретил его в таежном якутском селе — в помещении местной почты. (Меня занесла туда журналистская скитальческая судьба). Я стоял у прилавка, сочинял текст телеграммы. Мимо меня, сквозь толпу, внезапно и резко протиснулся парень — невысокий, сухой, с угрюмым и нервным лицом. Он приблизился к окошку и коротко спросил, жуя папиросу:

— Мне — нет?

— Нет, — сказала девушка за прилавком.

— Но... Ты уверена? Может, спуталась, забыла мое имя — проверь!

— Дак чего ж проверять, — откликнулась та певуче, — чего проверять-то? Я ж тебя знаю: Игорь Беляевский... — И быстро, исподлобья глянула на него. — Тебя ни с кем не спутаешь... — И потом, привычно, ловко перебрав пухлую пачку писем: — Нету! Не пишут! Позабыли, видать...

Он отвернулся. Раскашлялся, хватаясь за грудь. И ни слова более не сказав, — вышел, стуча тяжелыми сапогами.

Проводив его взглядом, девушка вздохнула легонько:

— Третий месяц уже ходит, все ждет какого-то письма. Как приехал, так все время и ждет... От кого — интересно?

И потом — поджимая губы — добавила задумчиво:

— От женщины, наверное... От кого же еще?!

За моей спиной завозились. И кто-то сказал — баском:

— Странный, вообще-то, тип. Непонятный. Он — кто, откуда?

— Черт его знает, — отозвался из толпы негромкий голос, — ничего толком о нем неизвестно. Только слухи всякие бродят...

— Какие же слухи?

— Ну, всякие. Будто бы он — старый вор. Был крупным блатным. А потом — что-то случилось... Что-то с ним произошло... Предал он, что ли, кого-то — не знаю. История, словом, темная.

— Но почему он — здесь? — спросила девушка. (Она с интересом прислушивалась к разговорам.) — Что он тут делает?

— Работает... Шофером, что ли... Говорят, он — под контролем милиции.

— То-то он и ходит, как волк, — все один и один, — сейчас же сказал первый голос. — Ни с кем не якшается, ни на кого не смотрит. Не может нормальным людям в глаза глядеть — ясное дело!

— А все-таки он интересный, таинственный, — сказала из-за прилавка девушка. — Что-то в нем есть... Какая-то загадка... Ах! — Она повела плечиком. — Люблю загадки!

— Мужика тебе, Ленка, надо, — хохотнули в толпе, — поядреней, покрепче — вот и вся твоя загадка! А этот — что ж... Тощий, кашляет, — опять же не подходит.

И долго еще запрудившая почву толпа гудела, обсуждая загадки и слухи, связанные с угрюмым этим парнем. Его недолюбливали здесь — это чувствовалось... Люди вообще не любят непонятного.

И когда я на следующий вечер пришел поужинать в сельскую чайную, — я увидел его сидящим отдельно от прочих, за бутылкой водки, в дальнем углу.

Свободных мест в зале не было. (По вечерам сюда, как обычно, собирались местные выпивохи — лесорубы, охотники, плотогоны). Пустовал только столик Беляевского... Официант — шустрый старичок с клочковатой бородкой — сказал мне, прищуриваясь:

— Можете там — в углу. Но предупреждаю: осторожно! Один из наших — Семен — недавно подсел вот так... Ну, понятно — шумел по пьяному делу... Этот парень сразу его укоротил. Врезал ему справа — так, что Сенька через весь зал на горбу проехал.

Я направился в угол. Попросил разрешения — сесть. Парень молча кивнул. Я уселся и заказал пельменей и водки. И некоторое время мы помалкивали, думали каждый — свое... Но потом, как-то незаметно, разговорились.

В жизни бывают минуты, когда груз пережитого становится непереносимым. Душа как бы пробуждается от оцепенения и ищет возможности раскрыться. Сокровенное выплескивается наружу. И тогда — необходим хороший собеседник, слушатель... И, как это и водится, лучшими слушателями зачастую оказываются совершенно чужие, случайные люди.

Такая минута, как раз, и наступила сейчас. И вот почему мне повезло! Игорь раскрылся, вдруг, разговорился — и

то, что я услышал, наполнило меня печалью и удивлением.

— Я начинал, как король, а кончил — в полном дерьме, — заметил он, усмехаясь сумрачно и вертя в пальцах стакан. — Размахивался на большое, а сорвался — на пустяке. А все потому, что однажды в жизни решил быть добрым. Поступил не по правилам, а просто — по совести... Пожалел... Поверил в случай! И вот, потерял все. Остался один. А один — кому я нужен? Не нужен даже — самому себе...

Он поднял стакан и опрокинул его в глотку — жадно, порывисто, одним толчком. Затем передохнул медленно. И закурил, закутался в дым.

Мы долго сидели в тот вечер. Он рассказал мне свою историю. Она — любопытна и заслуживает того, чтобы передать ее вам. Началась она, кстати, в сибирских таежных местах... По существу, это — повесть об одиночестве. И еще — о роли Случая. О Случае, который подстерегает нас на каждом шагу и, порою, — неотвратно и стремительно — меняет всю нашу судьбу. И не всегда, далеко не всегда, дано нам знать заранее: что он несет нам, этот Случай? Что в нем кроется? Кто это, в сущности — Бог? Или дьявол?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В кабинете начальника хабаровской железнодорожной милиции залиvisto и резко прозвучал телефонный звонок.

— Слушаю, — сказал, снимая трубку, начальник. — Откуда? Из Владивостока? Комиссар? — Тень озабоченности прошла по его лицу. — Давайте!

«Что бы это значило? — подумал он. — Что случилось? Зачем я понадобился Владивостоку?»

Низкий медленный голос проговорил — в самое его ухо:

— Полковник?

— Так точно, слушаю вас.

— Привет, — сказал комиссар. — Я вот почему звоню... —

Он умолк, чиркнул спичкой, закуривая. — В поезде номер тринадцать едет группа бывших заключенных. Уголовники. Рецидивисты. Ребята, в общем, тяжелые. Трое из них — учти это — были в свое время осуждены за дорожные кражи и бандитизм. Скоро жди их у себя. Ну и — будь начеку. Сам понимаешь, может всякое случиться...

— Есть, — сказал полковник.

— И передай дальше — по линии. Пусть там тоже приготовятся.

— Они когда же освободились? — поинтересовался начальник милиции.

— Недавно.

— Все вместе? Одновременно?

— Нет, не совсем... Но те, кто вышел раньше — околывались в городе, дожидались друзей. Очевидно, у них была специальная договоренность... Они, понимаешь ли, следуют все по одному маршруту — на юг.

— Та-а-к, — протяжно сказал полковник, — значит, группа... И — сколько же человек?

— Шесть.

— Ого!

— Вот то-то, — донеслось из трубки. — Потому и звоню.

— Ну, а поименно — кто да что? Вот что мне интересно...

— Тебе нужны все подробности?

— Да нет, общие сведения. Ну и клички ихние — если они, конечно, известны...

— Известны, — сказал комиссар, — нам все, брат, известно.

Сведения, полученные начальником милиции, были таковы. Три железнодорожных вора, входящие в данную группу, отбыли — каждый — по десятке. Звали их: Олег Никишин (кличка — Копыто), Петр Баруздин (кличка — Мальш), Василий Ильин (кличка — Васька Сопля). В этой компании имелся также один налетчик, осужденный на двадцать лет, но досрочно активированный в связи с болезнью — Анатолий Жигачев. (Прозвище он носил смешное и замысловатое — Архангел с Овчинными Крыльями). Находился среди них, кроме того, украинский ширмач, карманный вор, Константин Зорин, по кличке — Хуторянин. Приговоренный к восьми годам заключения, он в лагерях вел себя довольно смиренно, ходил исправно на работу и, в результате, освободился по зачетам — на два года раньше срока... Ну, а возглавлял всю эту группу, явственно верховодил в ней, некто Интеллигент (паспортных имен Интеллигент имел множество; настоящее же имя его было — Игорь Беляевский), тридцати двух лет, происходящий из семьи служащих, холостой, неоднократно судившийся. Беляевский был — судя по всему — преступником опытным и разносторонним. Профессий он имел столько же, сколько и паспортов. Промышлял квартирными кражами, подвизался в качестве майданника — поездного вора. Не брезговал он также и налетами, и этот последний свой срок сидел как раз за грабеж. Срок он получил по Указу, но — небольшой, всего лишь пять лет. И теперь, отбыв его полностью, возвращался на родину, в Полтаву.

Возвращался не один — сумел как-то собрать, сколотить целую шайку. И сделал это, конечно же, неспроста! Что-то, очевидно, было у него на уме; какие-то дела, какие-то планы... Но — какие? Какие?

После разговора с комиссаром полковник некоторое время сидел, погрузившись в раздумья. Потом он потянулся к селектору. Нажал кнопку вызова. И наклонясь к аппарату — приказал:

— Усилить наряды на платформах и у выхода из вокзала. Немедленно, слышите! Тринадцатый идет точно, по расписанию?

— Вроде бы — точно, — отозвался голос из селектора.

— Ну, ладно. Выполняйте! И пришлите ко мне начальника опергруппы... Он — где? Ага... Ну, как придет — сразу ко мне.

С минуту он помолчал. И потом:

— Да, и вот еще что: соедините-ка меня с соседним участком, с Евдокимовым.

Дав отбой и достав папиросу, полковник неторопливо прошелся по кабинету. Старый криминалист, он много повидал на своем веку. И, как ему казалось, — неплохо понимал психологию уголовников. Теперь он старался представить себе всех этих «бывших заключенных», всю группу; пытался вжиться в образы блатных и предугадать их поступки...

«Едва освободившись, обретя свободу — что бы я сделал на их месте? — думал он. — Наверняка, поспешил бы отъехать подальше. Подальше и без хлопот. Главное для них — уйти из-под надзора, скрыться, исчезнуть... Они же ведь знают, что этот их маршрут известен властям. Ну, а раз так, — шкодить в данных обстоятельствах глупо. Тут, как раз, надо ехать тихо! Конечно, комиссар прав: может всякое случиться... И надо быть начеку... Но скорее всего, настоящие дела начнутся у них не здесь, не сегодня, а — позже. На юге. В тех местах, куда они стремятся так дружно».

Он остановился возле стола. Смял в пепельнице окурок. И снова — резким движением — надавил кнопку селектора:

— Подготовьте телефонограмму для полтавского угрозыска, — сказал он. — Текст будет вот какой...

Так, весь этот день, по великой сибирской дороге — по городам и крупным станциям страны — надрывались телефонные звонки, летели депеши, перекликались голоса:

«Едет группа рецидивистов, матерых уголовников. Будьте начеку! Примите меры!»

А виновники всего этого переполоха — ничего не ведая и ни о чем не беспокоясь — мирно полеживали на полках плацкартного вагона. Интеллигент и Хуторянин курили, поглядывая в окно. Трое других (Копыто, Малыш и Васька Сопля) дремали, усыпленные мерным ровным рокотом колес. А старый налетчик, — Архангел с Овчинными Крыльями — растянувшись на верхней полке и подложив руки под голову, негромко напевал, тянул надрывную блатную песню.

Песня называлась «Лагерный вальс». Архангел исполнял ее с чувством. Голос у него был хриплый, диковатый, но все же — не лишенный приятности:

Звон проверок и шум лагерей
не забыть никогда мне на свете.
Изо всех, самых лучших друзей,
помню девушку в синем берете...
...И не мало найдется людей,
пролетит словно осенью ветер,
пронесется сквозь жуть лагерей,
мимо девушки в синем берете.
Мы с тобой два экспресса ночных,
что в тиши обменялись гудками
и в ночной темноте разошлись,
на минуту блеснув огоньками.

Интеллигент и Хуторянин курили, поглядывая в окно. Там, за полотном, пролетали — рябя и вращаясь — хвойные заросли, кущи березняка. Широкий ветер шел по вершинам деревьев. Ветер врвался в раскрытое окно вагона, обдавая пассажиров запахом дыма и острой смолистой свежестью.

Смеркалось. Наплывали туманы. Сквозь желтоватую мглу тускло просвечивало солнце, медленно тонущее в неохватных лесах.

— Воля, — протяжно, с хрипотцой, выговорил Хуторянин. И вздохнул легонько. — Вот она — воля! Черт его знает, как это получилось, но вот я, — старый дурак, — до сорока лет уже дожил; борода, можно сказать, в член упирается... А настоящей воли так и не повидал до сих, не удосужился. Одно только и видел: небо в крупную клетку... А жизнь, она — вот она. Эх! — Он смял недокуренную папироску — растер ее в пальцах. И сейчас же потянулся за новой. — Так бы вот слез на первой же остановке — и пошел, пошел бы...

— Куда? — сухо спросил Игорь.

— Куда глаза глядят, — усмехнулся Хуторянин. — Какая разница? Кругом хорошо.

— Хорошо там, где нас нет, — пробормотал Игорь.

Он по-прежнему, не отрываясь, смотрел в окно — все смотрел и думал о чем-то. Таежный простор — непомерный, дышащий дикой волей — лежал перед ним и манил, и звал... Тайга то подступала к полотну вплотную, то вдруг редела, распаивалась, открывая обширные вырубки, околицы сел, строения железнодорожных станций и разъездов. Поезд был скорый, курьерский; мелкие станции он проскакивал без остановок, только чуть замедляя ход у семафоров. Тогда — на какое-то мгновение — серая, смазанная картина за окном обретала детальность, распадалась на отдельные кадры. Воз-

никала будка стрелочника, дощатая платформа, людская толчея у прилавков станционного рынка. Как на замедленной мультипликационной пленке, фигуры людей застывали в движении. Был отчетливо виден каждый жест — незавершенный и словно бы замерший, но все же исполненный скрытой стремительности: чья-то рука, приподнятая в призыве, лицо, повернутое в беззвучном окрике, ребристые меха гармони, широко растянутые на груди у подгулявшего парня, косо наклоненный в беге женский силуэт.

Сипловатый голос за спиной Игоря сказал негромко:

— Баб-то, баб-то сколько! Ах, черт... Я когда сидел, думал: на свободе и людей-то уж не осталось. Вся страна — в лагерях... А тут, гляди, что творится! Живут, плодятся, мельтешат. На гармошках вон наяривают. Вон, гляди, девчонка в сарафанчике — ишь, торопится куда-то, ножками виляет.

Игорь обернулся: покачиваясь от быстрого хода поезда, стоял позади Архангел. Он пристально, сощурился, смотрел в окно и выражение его лица было мечтательное, странное — такое же, как у Хуторянина.

— Живут, — повторил Архангел, — ничего...

— Что значит — живут? — резко возразил Интеллигент. — Ох, не завидуйте, ребята, фрайерской жизни!

Он помрачнел и как-то весь напрягся сразу; настроение, овладевшее друзьями, ему не понравилось. Он чувствовал, что и Хуторянин и Архангел, да и прочие урки — все они мечтают сейчас об одном: о покое, о тихих житейских радостях. Отвыкшие от воли — почти забывшие о ней за долгие годы лагерных скитаний — они теперь взирают на нее с тоскливою нежностью и умилением. И если сейчас же, немедленно, не повлечь на ребят, не отвлечь их, не образумить — кто знает, к чему приведет нежданная эта их ослабленность? В любую минуту компания может распасться, рассеяться... А допустить этого Интеллигент не мог, не хотел.

Он давно уже вынашивал мысль о создании своей, надежной, крепко спаянной группы! С грустью видел он, как утрачивается былая сплоченность блатных, как теряют свою непреложность старые воровские правила и устои... Началось все это после Отечественной войны — в конце сороковых годов — в ту пору, когда российские тюрьмы заполнили недавние фронтовики. Среди них было множество бывших уголовников, профессионалов. Однако воровская среда их обратно не приняла — отвергла. Отвергла потому, что блатной — по древним законам — входить в контакт с властями не имеет права. Любая служба для него — позор. Тем более — служба в армии. Блатной в погонах — уже не блатной. Для отщепенцев такого рода существует особое прозвище — «суки». Презрительная эта кличка ложится, как несмываемое

клеймо. Людей, отмеченных таким клеймом, с каждым годом накапливалось все больше и больше... И наконец, случилось неизбежное. Преступный мир раскололся. Образовались два враждебных лагеря — и повели между собою затяжную яростную войну. Суки восстали против блатного закона — ортодоксы упорно отстаивали его. В истории отечественных тюрем и лагерей война эта известна, как «время большой крови». Называют ее так же «сучьей войною». С течением времени она разрослась, обрела невиданные масштабы и охватила, по сути дела, всю страну. Велась эта резня беспощадно. Блатные превосходили численностью сук, но все же полностью одолеть их не могли; бывалые солдаты, фронтовики, те не боялись крови. Наоборот — жаждали ее. И к тому же еще — опирались на поддержку властей... Силы, таким образом, были как бы уравновешены. И это увеличивало трагизм положения. Конца поножовщине не предвиделось, и трещина, однажды расколовшая монолитный мир, неотвратимо углублялась, ширилась, ветвилась... Игорь наблюдал все это воочию; лично участвовал в кровопролитной резне (он входил в категорию «законников», «честных блатных») и испытал немало бедствий и разочарований. К концу срока он растерял почти всех своих старых друзей; одни из них погибли, другие — «завязали», вышли из игры, начисто порвали с уголовной средой. А некоторые — «ссутились», переметнулись к врагам. Таких, правда, насчитывалось немного, но все же они были, были! Игорь отчетливо сознавал, что процесс распада, в сущности, необратим; привычные связи ослабевали, взаимное доверие, верность принципам — все постепенно утрачивало свою прочность... Он сознавал это и томился. И так, незаметно, родилась у него мысль об обновлении уголовного мира, о воскрешении былой его чистоты. Начинать приходилось с малого — что ж, для почина вполне хватало тех людей, каких он себе уже подобрал! Небольшая эта группа должна была — по его замыслу — явиться основой будущей организации, ее ядром, той веточкой, которая — будучи опущенной в насыщенный раствор — вызывает активный процесс кристаллизации. Партнеров он себе подбирал придирчиво, тщательно, еще будучи в заключении; за полгода до конца срока. Все они выглядели надежными, своими. Все прошли сквозь лагерные кошмары — сквозь поножовщину и кровь — и остались незапятнанными. Игорь ни с кем из них близок ранее не был, но слышал о них много. Они пользовались неплохой репутацией. На них можно было положиться в любой ситуации! В любой — но, как выяснилось — не в этой.

Нынешняя эта ситуация оказалась, на поверку, самой путаной и сложной.

— Не завидуйте, ребята, фрайерской жизни, — угрюмо и

насмешливо повторил Интеллигент, — завидовать нечему. Вам кажется — все тут по-доброму... Но ведь это же — показуха, бутафория. Та блесна, на которую ловятся дураки.

Станция промелькнула и канула. И сразу же в окошко хлынула темнота. Заря за лесами истлела, горизонт подернулся плотной синевой. Глядя в ночь и чувствуя за спиной удручающее, тяжкое молчание, Игорь говорил:

— Конечно, я понимаю, вас тоска заела... Но погодите: доберемся до места, раскрутимся, обживемся — будем как короли ходить! А кто так может ходить? Уж во всяком случае, не фрайера... Работяги, они везде работяги — что в лагерях, что на свободе. Участь у них скорбная: паши — за баланду. Вкальвай. Горб наживай! И все. Просвета нет.

Впереди, по ходу поезда, внезапно вновь обозначился свет. Приблизился разъезд. Из гудящей тьмы выплыла дощатая стена сарая. Дверь сарая была распахнута, и там — в освещенном проеме — предстала глазам путников диковинная фигура.

Опираясь сложенными ладонями на рукоять совковой лопаты (очевидно, он разгребал в сарае уголь), стоял тщедушный мужик с косматой нечесанной бородой, в драном ватнике и галошах. Галоши были надеты на босу ногу. Под растворенным ватником видна была голая, вся в темных подтеках, щуплая грудь. Зато на голове у него (несмотря на летнюю пору) была надета зимняя шапка-ушанка. Шапка сидела косо и как-то боком; одно ее ухо поднималось сзади торчком, другое свисало поперек лба. Мужик стоял, полуоткрыв рот, задрав белесые свои брови и — разглядывая поезд — жадно взирал на чужой, пролетающий мимо, заманчивый и недостижимый мир. И на лице его попеременно отражались то восторг, то ужас, то робкая завистливая грусть.

Он шибко вертел головой, провожая взглядом каждый вагон и, в такт этим движениям, ухо зимней его засаленной шапки моталось, как у собаки...

— Вот он! — подавшись к окошку, воскликнул Интеллигент. — Вот он, фрайер, — натуральный, истинный! Смотрите, урки, — вот он каков! — хорошо смотрите. Запоминайте, на всякий случай... Таковую вы, что ли, ищете себе участь?

За спиной его послышался смех — это смеялся Хуторянин. Архангел что-то пробормотал в половину голоса. Слов его Интеллигент не разобрал, но интонация была понятной — презрительной, высокомерной.

Тогда Игорь встал, потягиваясь. Невысокий, жилистый, с широкой грудью, с сухим и нервным лицом, он был скор в движениях и нетороплив в словах. Поворотившись к друзьям, он сказал протяжно:

— А все-таки, братцы, хорошо...

Интеллигент улыбался. Он торжествовал сейчас. Нелепая

эта фигура мужика появилась вовремя, в самый раз! Она возникла, как иллюстрация к его монологу; ничего более точного и впечатляющего нельзя было подыскать при всем старании.

— Едем на Украину — к солнцу, к теплу, — сказал он, — сами себе хозяева... Хорошо! Свобода, конечно, это вещь! Это пожалуй, единственное, что еще ценно по-настоящему. Только не надо дешевить; не надо ею баловаться, на пустяки ее разменивать... Она дорого стоит — свобода!

Он вдруг почувствовал себя полководцем, только что выигравшим сражение. Сражение, правда, небольшое. И таких еще немало будет впереди — он понимал это. Но все же, был доволен случившимся. Дело было начато — и весьма удачно. Ребята опомнились, снова стали ручными... Теперь их можно и побаловать; нельзя же все время натягивать вожжи!

— А не рвануть ли нам? — проговорил он игриво. — По маленькой... Для разогрева, а? Братцы? У нас еще осталось что-нибудь в заглазнике?

Смуглый, носатый, похожий на цыгана, Хуторянин сказал, закуривая:

— Вряд ли осталось. Вторые сутки уж гудим. Надо у казначея нашего спросить... Он, я помню, на Имане что-то покупал.

— Так буди его, — закричал Архангел. — Эх, пить будем и гулять будем!.. — Резкие коричневые морщины на лице его разгладились, разошлись, сивая борода задралась. — Всех, давай, буди! Целый день кемарят, лавки жмут — это что такое?!

Артельным казначеем был Васька Сопля — беловолосый вологодский парень, избранный на это поприще за деловитость и расчетливость. Он сказал, пробудясь и густо позевывая:

— Водяры нету, не осталось, все еще утром высосали. Есть только самогонка, две бутылки. Я у бабы у одной приторговал — на всякий случай. Божилась, что — хлебная...

Когда все расселись, сгрудившись возле откидного столика, Интеллигент аккуратно — примерившись глазом — разлил по кружкам мутный самогон. Затем возгласил:

— За нас, на нашу кодлу! Чтоб она была — нерушима!..

Поднял кружку — залпом вытянул из нее. И сейчас же напрягся, закаменел, наморщась. Лицо его побагровело. Глаза увлажнились.

— Ну, как? — спросил, ухмыляясь, Васька Сопля. — Хороша?

— Хороша-а-а, — медленно, сдавленным голосом, выговорил Игорь. Он вытянул губы — подышал. Утерся ладошкой. И затем — потряся щеками: — Хороша... Будь она проклята...

— Пошла?

— Пошла... Но что здесь намешано? Какое-то адское варево.

— Н-да, крепкая отравка, — выпив и переведа дух, пробормотал с натугой Хуторянин, — наврала, Васька, твоя торговка. Это — не из хлеба. Это из бензина.

— Или из чесоточной мази, — предположил Малыш.

— А вернее всего, просто — из дерьма, — мрачно резюмировал кто-то.

— Вот ведь, подлая баба, — сказал Васька. Опростав кружку, он долго, задумчиво, вертел ее в пальцах — разглядывал, нюхал. Потом добавил, поднимая брови: — Цену заломила, как за коньяк! А это, что ж... Действительно, из дерьма — не иначе...

— Насчет дерьма, ребята, вы ошибаетесь, — сказал, отдышавшись, Интеллигент. И прищурился лукаво. — Из этого продукта можно такую самогонку сварганить — хо, го! — Он сложил щепотью пальцы, поднес их ко рту и издал губами смачный поцелуйный звук. — Мне как-то однажды довелось попробовать... Первый класс! Экстра!

— Врешь, — сказал изумленно Васька Сопля. — Божись!

— Вот, чтоб мне век свободы не видать, — скороговоркой произнес Игорь. И перекрестился размашисто.

— Еще божись!

— Пошел к чертовой матери, — отмахнулся Интеллигент, — раз я говорю — все точно. Да и что тебя тут удивляет?

— Ну, как же, — развел тот руками, — все-таки... И где ж это было?

— В Миргороде, — пояснил Игорь, — недалеко от Полтавы. В тех краях, куда мы как раз и едем... Роскошные места! — Он умолк, озираясь. — Кто-нибудь из вас в Миргороде бывал?

— Я, — отозвался Архангел, — давно, еще в детстве. Уж и не помню ничего. Одно только смутно: зелень, сады, базары...

— Вот, вот, — поднял палец Игорь, — сады! Таких нигде в целом свете не сыскать... Там-то все и случилось.

Он достал из кармана пачку папирос — вскрыл ее и пустил по кругу. Ребята задымили. Хуторянин сказал, привалясь плечом к шаткой, вздрагивающей стене:

— А ну-ка! Расскажи...

— Ладно. Слушайте. — Игорь уселся поудобнее. — Только чтоб тихо было! — Прикурил — прижмурил глаз от дыма. И начал, не торопясь.

РАССКАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТА

— Произошло это уже давненько — летом 1947 года. Как-то ночью четверо урок — среди которых был и я — молот-

нули склад центрального полтавского универмага. Товар был погружен на машину и той же ночью отвезен в Миргород; там уже ждали нас перекупщики. Работа, в общем, получилась солидная. Однако на складе — помимо ценных вещей — мы прихватили второпях и всякую ненужную мелочь: какую-то вату, ящик с дрожжами... Все это отсеялось при сортировке. Перекупщикам дрожжи были не нужны. Пришлось их ликвидировать, — кинуть в привокзальную уборную, в выгребную яму... Вот, таково начало этой истории! А теперь представьте себе осень. Прозрачную, золотую миргородскую осень; необъятные огороды, пышные сады... Сады эти, повторяю, знамениты; таких черешень и груш, как в Миргороде, нет нигде! Об этом как раз и вспомнил я с друзьями, когда проезжал — спустя три месяца — по местной дороге. Мы возвращались в Полтаву. И выглядели на сей раз отменно — все в кожаных регланах и при хороших грошах. Грошей у каждого из нас было полно! В Киеве нам подвернулся еще один богатый куш; вообще это была полоса везения, период большого форта... Итак, попав проездом в Миргород, мы подумали вдруг о тамошних садах — и тотчас решили слезть. Был, как я помню, полдень; следующий полтавский поезд шел часа через три. Можно было спокойно, без суеты, посидеть здесь и пообедать. Торчать в вокзальном ресторане не хотелось; мы расположились на вольном воздухе, на лужайке. Базарчик находился неподалеку. Оттуда мы натащили уйму всякой жратвы. И фрукты, фрукты; мы навалили их горою! Теперь не хватало только выпивки... Продуктовый, торгующий водкой ларек, оказался — как водится — закрыт. Что делать? Мы кинулись к торговкам. И уже через четверть часа перед нами стояли две литровые бутылки. Баба, продавшая нам самогонку, предупредила, что посуда ей будет нужна. «За тарой, — сказала она, — я вернусь попозже». Она ушла, а мы развалились на травке и приняли — по первой... Что ж, самогоночка оказалась подходящая, крепкая. Имелся в ней, правда, какой-то необычный привкус — но какой, мы так и не разобрали. Да это нас, в общем-то, и не беспокоило. Главное, чтоб были градусы. А они — были! За первой порцией последовала вторая... А затем перед нами возникла фигура оперуполномоченного. Он был грузен, усат, похож на опереточного Тараса Бульбу. Он сказал: «Ребята, я вас знаю. Вы пасетесь на этой дороге уже давно. И я интересуюсь: сколько времени вы тут намерены ошиваться?» Ну, мы, конечно, его успокоили, разъяснили, что задерживаться не собираемся, — пообедаем и отчалим со следующим поездом. «Дел у нас здесь нету никаких, — сказали мы ему, — и ты, папаша, зазря не нервничай, лучше выпей-ка с нами по-доброму!» Он согласился. Сказал, разглаживая усы: «Что ж, за ваш отъезд!» Выпил стакан. Как-то странно помрачнел, нахмурился.

И потом: «Вы где эту самогонку доставали? У кого?» Мы, понятно, не ответили. Кто-то из ребят начал его тут же стыдить: зачем же ты, мол, батя, провоцируешь нас на неприличные поступки? Это, мол, нечестно. Мы тебя уважаем, но выдавать людей не собираемся... Он рассердился. Начался спор. А тут как раз она сама и подошла, эта баба. Вернулась за тарой! Он увидел ее — и весь затрясся, побагровел. «Ах, ты стерва, — кричит, — ты что же это делаешь? Чем торгуешь? На дерьме наживаешься!» Шум поднялся отчаянный. Сбежался народ: кто хохочет, кто отплевывается... Представляете? Ну, мы пристали к участковому: в чем дело? Что тут стряслось? И вот что, в результате, выяснилось... Месяца три назад — по его словам — в станционной уборной вдруг забушевало дерьмо; поднялось, закипело и разнесло сортир на куски. Было такое впечатление, словно там взорвалась бомба. Дерьмо затопило весь привокзальный район. От него не было спасения. Запах его прочно стоял над Миргородом, причем к нему явственно примешивался мощный, густой спиртной дух. От этого духа сразу же очумели свиньи и куры — они бродили по улицам совершенно пьяные. Тогда же люди видели и другое диво: хмельных, кривляющихся воробьев... Всем этим заинтересовались местные самогонщики — быстро разобрались в ситуации и принялись за дело. И вскоре появился небывалый, крепчайший «первач». Его продавали из-под полы на рынке, выносили к поездам... Все поезда, проходившие в течение лета через Миргород, снабжались «первачом» в изобилии и, таким образом, спекулянты успели напоить им почти половину населения Украины; ведь городишко-то этот расположен на самой оживленной трассе: на линии, связующей два крупнейших республиканских центра — Харьков и Киев. Вот таковы были подробности, сообщенные участковым. Рассказывая, он чуть не рыдал. «Мы, — говорит, — думали, что истребили самогонщиков, пресекли — ан нет... Отравы по-прежнему в продаже. И нет ей конца. И — самое главное — никак нельзя выяснить: с чего же все началось, кто затеял кошмарную эту диверсию?» Ну, нам-то, конечно, сразу стало ясно — в чем суть... Роковой этой бомбой оказался тот самый ящик с дрожжами, который — помните? — мы когда-то бросили в выгребную яму. Так что бедствие, постигшее республику, произошло, в сущности, по нашей вине... Мы это поняли — и предпочли исчезнуть как можно быстрее.

Так, при общем смехе, закончил Игорь свой рассказ.

Мальш спросил его — утирая слезящиеся глаза:

— Ну, а самочувствие, самочувствие-то ваше после этого — какое было? Небось, сразу по кустам разбежались?

— Разбежались, — подтвердил Игорь.

— Замутило, значит!

— Да нет... Самогонка, право же, оказалась вполне пригодной. Только вот признаваться в этом было, конечно, неудобно... Потому мы и разбежались; для вида, — понимаешь? — для приличия. А в натуре...

— А в натуре — если б она сейчас здесь была, — хихикая и дергаясь, спросил Копыто, — ты бы выпил?

— Ну, не знаю, — уклонился Интеллигент. — Вот приедем на место — тогда и потолкуем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром состав подошел к Хабаровску. Стоянка здесь, по расписанию, должна была быть большая — тридцать минут. Интеллигент уже заранее (когда поезд, гремя и посвистывая, выбирался из путаницы подъездных путей) напомнил шпане: «Осторожно! Зря не шнырять, не шкودить!»

И — оглядев свое пестрое воинство — добавил веско:

— Не забывайте старый уговор! Дорога должна быть чистой... Гадить на ней нельзя.

Поезд дернулся и замер. За окнами обозначился фронтон вокзала. Топоча и толкаясь, пассажиры ринулись к выходу. Смешавшись с толпою, урки высыпали на перрон и сразу же увидели милиционера. Массивный, затянутый в желтую португую, он стоял, прочно расставив ноги. Стоял недвижно, как монумент. Толпа разбивалась об него и обтекала его, бурля... Милиционер был не один. Поодаль маячили другие фигуры в португях, в фуражках с красными околышками.

— Ой-ей-ей, — встревожился Архангел. — Сколько красноголовых... — Он повернулся к Игорю — мигнул глазом. — Ты говорил: осторожно... Да тут, милоч, хошь не хошь — а придется поостеречься. Куда денешься? Вон они — шпалерами стоят!

— Надо сматываться, ребята, — нахмурился Интеллигент. — Здесь, я чувствую, что-то неладно... Айда в вагон!

Когда урки снова собрались в купе, Интеллигент заметил, что недостает Хуторянина; он как-то сразу отбилсЯ ото всех и затерялся в толпе...

— В буфет, наверно, подался, — сказал лениво Малыш. И тотчас же Копыто добавил: — А может, шустрит уже где-нибудь, работает.

Они всегда держались вместе — громоздкий, костлявый, медлительный Малыш и юркий, маленький, востроносый его партнер. Что их объединяло? Трудно сказать. Контраст между ними был разительный. В отличие от флегматичного Малыша, Копыто постоянно пребывал в движении — суетился, мелко хихикал. И все время что-то лениво жевал. И теперь он — одновременно двигая челюстями и скалясь — проговорил, косясь на окно:

— Душа, видать, не выдержала. Душа-то у него широкая, истинно воровская. Такая толчея на перроне, — разве удержишься! Это же для карманника — лафа!

— Толчея среди мусоров? — удивился, сдвигая брови, Интеллигент. — Странно. Для работы это не место. Неужели он?.. Нет, не должно быть! А впрочем...

Игорь встал. Снова сел. Поджал озабоченно губы. Затем решительно двинулся к дверям.

— Пойду, прошвырнусь по перрону, — кинул он на ходу друзьям. — Посмотрю: как там, да что... А вы — сидите!

Он разыскал Хуторянина довольно быстро. Тот стоял у вокзальных дверей и внимательно разглядывал доску объявлений. Обширный этот стенд был весь залеплен всевозможными справками, извещениями о продаже и купле, рекламными афишами.

— Эй, ты чего тут торчишь? — окликнул его Игорь.

— Да просто так... — Хуторянин пожал плечами. — Просто... — Он как-то замялся вдруг; вид у него был растерянный и немного смущенный. — Вот, читаю — от нечего делать. А что?

— Так ведь тебя же ребята ждут; не знают уже, что и подумать... Все в сборе — одного тебя нет!

— Ах, так, — пробормотал Хуторянин, — что ж, ладно. Пойдем.

Он поспешно зашагал к поезду. Игорь задержался на миг — приблизился к стенду, к тому месту, где только что стоял Хуторянин. И тотчас же в глаза ему бросилось крупное, четко набранное, объявление о наборе рабочих на новые стройки Алтая.

А спустя неделю Хуторянин исчез. Друзья хватились его уже за Уралом. Поначалу думали: он отстал в Свердловске. И ожидали, надеялись, что он догонит их в пути. Но время шло, отставший не появлялся, и тогда все единодушно решили, что он, вероятно, уже задержан где-нибудь. «Захотел подработать, — так думалось ребятам, — нырнул в чей-нибудь карман... И заловился, засекся.» Они долго толковали так, осуждая товарища за суетливость, за нарушение уговора и, одновременно, — сочувствуя ему... И только один Игорь помалкивал, сторонясь этой темы.

Хуторянин отбился от своих намеренно и по иным причинам; он просто решил начать новую жизнь. Решил устроиться на работу — Игорь твердо знал это. Но разъяснять блатным смысл происшедшего не хотел. Наталкивать ребят на эту мысль было опасно. Пусть уж лучше они думают, что Хуторянин остался вором, оплошал, ошибся, но — не предал своих!

Игорь с беспокойством приглядывался теперь к друзьям; его уже не покидала глухая, скрытая тревога. Победа, одержанная им в начале пути, оказалась ложной. В сущности, он ничего не достиг! Мало того, что-то подсказывало ему, что неприятности на этом не кончатся — нет, не кончатся... И верно: предчувствия не обманули его!

Вслед за Хуторянином, внезапно дезертировал из кодлы старый седой налетчик, Архангел с Овчинными Крыльями; он ушел в тот день, когда поезд прибыл в Казань.

Там, на вокзале, слоняясь в толпе, Архангел встретил давнего своего приятеля (когда-то они вместе тянули срок на Беломорканале). Человек этот, как выяснилось, давно уже «завязал» и работал ныне железнодорожником — был старшим мастером ремонтной бригады. Взволнованные встречей, они долго и шумно вспоминали бывшее — пересмеивались, шутили. Потом посерьезнели, перешли на шепот. А затем отправились к пивному ларьку.

Вернулся к ребятам Архангел перед самой отправкой. Он был заметно под хмельком. Торопливо собрав в вагоне свои вещички, он сказал, отводя глаза:

— Остаюсь, братцы... Не обижайтесь. И не поминайте лихом.

— Что ж ты собираешься тут делать? — спросили его.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Вот корешок старый встретился — зовет к себе... Жить, говорит, пока у меня будешь. А там посмотрим.

— На старое ремесло, значит, не надеешься? — едко усмехнулся Малыш.

— Да куда я теперь гожусь! — махнул рукою Архангел. И решительным движением забросил за плечо вещевой мешок. — Года, брат, не те. Да и нюх — тоже... Я как старый кот — мышей ловить уже не способен. Ну, в крайнем случае, пошустрю маленько, а потом что — опять в конверт? Нет, ребята, увольте. Нового срока мне теперь не отбить; загнусь, не выдюжу... А пожить еще, все-таки, охота!

— Но что за жизнь тебя ждет? — воскликнул Игорь. — Подумай.

— А-а-а, — небрежно и устало протянул Архангел, — что про это думать? Какая карта выпадет — так и ладно будет. Я на любую масть согласен, лишь бы — не крести, не казенный дом!

Вот так она и начала разваливаться, эта группа! Прошло совсем немного времени, а уже от нее осталась ровно половина... Последним отсеелся, вышел из игры, Васька Сопля — артельный казначей.

Случилось это при таких обстоятельствах.

С некоторых пор (компания уже приближалась к Украине)

Васька зачастил вдруг в соседний вагон. Несколько раз друзья заставляли его там, стоящим в тамбуре и оживленно беседующим с какой-то девушкой — тоненькой, длинноногой, в опрятном платьице, в тугих, струящихся за плечами, пшеничного цвета косах. Стало ясно: казначей влюбился!

Как-то раз — проходя по составу в вагон-ресторан — увидел эту парочку и Игорь.

Круглолицый и рослый, Васька стоял, прислонясь к оконному косяку. Ворот пестрой его ковбойки был расстегнут, обнажая сильную шею, рукава — засучены до локтей. В углу прямого рта дымилась изжеванная папироска. Покуривая и щурясь, он светло смотрел на девушку, а та говорила что-то, теребя переброшенный на грудь пушистый кончик косы. Подождая ближе, Игорь услышал:

— Так значит, вы — геолог. Ах, это интересно! Я, знаете, сама мечтала поступить на геологический... Но — не получилось. Не прошла по конкурсу. А как бы мне хотелось! У вас, у геологов, очень интересная жизнь. Столько романтики! — Она смешно, по-детски, всплеснула руками. — Опасности, поиски, приключения...

— Н-да, это верно, — пробормотал, косясь на проходящего товарища, Васька, — опасностей у нас хоть отбавляй. Чего, чего, а уж этого — навалом!

— Как я вам завидую!

— Ну, — усмехнулся Васька, — завидовать-то особенно нечему...

Вечером следующего дня Интеллигент снова увидел эту девушку. Поезд стоял в поле, на глухом полустанке; очевидно, выбился из графика и дожидался теперь свободного пути. Вокруг — шелестя и поблескивая — простирались голубоватые овсы. Овсяные волны тянулись до самого горизонта. И там, у кромки, вставало багряное зарево молодой луны. Отблески этого зарева трепетали на стенках вагонов, на лицах людей. Утомленные ожиданием, пассажиры высыпали наружу — бродили, разминаясь, по насыпи, переговаривались негромко.

Игорь сразу же различил в полутьме знакомую тоненькую девичью фигурку. Рядом с нею стояла какая-то женщина — закутанная в платок и, судя по всему, немолодая. До Игоря донеслось:

— Геолог! Дура ты — веришь каждому проходимцу. Ты на его рожу взгляни!

— Ну как ты, мама, так можешь? Он очень милый. Я ему верю.

— Верь, да оглядывайся...

— Что же мне — документы у него спрашивать?

— А — спросила бы! Что тут такого? Или, хочешь, я сама спрошу?

— Нет, нет. Пожалуйста... Вот он приедет к нам домой — там и поговоришь с ним.

— Домо-о-ой? Да ты очумела! Небось, уже и адрес наш дала?

— Нет еще... Но он просил. И я не вижу причины — почему бы...

— Не давай, слышишь! Не смей! Вот морока на мою голову. Пойми, глупая, пойми: нельзя доверяться первому встречному. Почему ты знаешь — кто он и чего он хочет? Ну, чего он хочет, это, в общем-то, понятно... Мужики все одинаковы. Им, главное, взять свое. Таких дурех они только и ищут. Вот таких — которые верят всему.

И помолчав, переведя дух, женщина в платке добавила — с ожесточением:

— Геолог! Разве так геологи выглядят? Они в плацкартных не ездят. Они в мягких вагонах катаются.

— Но как же быть? — медленно, запинаясь, сказала девушка. — Он спрашивал адрес — и я пообещала...

— Так дай ему другой какой-нибудь адрес.

— Какой же?

— Не знаю. Придумай. Какая разница? Пиши любой — лишь бы отвязаться... Нам все равно нынче ночью сходить.

Первой мыслью Игоря было — разыскать Ваську и передать ему то, что он сейчас услышал. Однако вернувшись в купе, он застал там ребят, увлеченных картежной игрою. Васька Сопля проигрывал, нервничал — и Интеллигент решил не отвлекать его пока, не тревожить. «Подождем до утра, — подумал он, — торопиться некуда.»

Игра шла большая и затянулась допоздна. Интеллигент задремал незаметно. А когда проснулся — утро давно уже минуло. В окна вагона ломилось густое полуденное солнце. Постукивая на стыках, поезд шел уже по миргородской ветке; путешествие приближалось к концу.

Игорь глянул в окошко — сожмурился от слепящего света. Потом вдруг вспомнил о «геологе» и, спуская ноги с лавки, позвал:

— Эй, Сопля, как спал? Какие сны видел?

Ответом ему было молчание. Купе оказалось пустым. Позевывая, вышел Игорь в коридор — и увидел стоявших там Малыша и Копыто.

— А где же Васька? — сейчас же спросил Интеллигент.

— А черт его знает, — лениво процедил Малыш, — куда-то уперся еще ночью... Перед утром... Ничего никому не сказал...

— Наверное, в соседнем вагоне ошивается, — подал голос Копыто, — у этой своей красотки. Где ж ему быть?

— У красотки? — повторил, насупясь, Интеллигент. И

мгновенно вспомнился ему вчерашний вечер — лунное зарево, силуэты двух женщин в полумгле. И негромкий их разговор. И слова, произнесенные матерью: «Нам все равно, нынче ночью сходить».

— У красотки, вы думаете? Не знаю, не знаю. Вряд ли...

— Ну, так еще где-нибудь, — повел бровью Малыш, — какую-нибудь новую бабенку надыбал... Сопля, — он — такой! Он падкий на них — как муха на навоз.

— Жрать захочет — придет, — уверенно вставил Копыто, — вернется, никуда не денется!

Но Васька так и не вернулся. Что произошло с ним? Трудно сказать. Вероятно, он получил желанный адрес и бросился на поиски его, не ведая об обмане, не зная, что это — фальшивка...

Обманутый сам, он обманул также и своих друзей. Обманул их и бесстыдно предал. После его исчезновения обнаружилось, что все артельные деньги пропали. А денег было немало! Ребята рассчитывали на них. Теперь они остались без копейки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда за окнами проплыли пышные кущи Миргородских садов, Малыш заметил меланхолически:

— Н-да. Такие дела. Теперь даже и эту здешнюю самогонку, — отраву эту, — и то не купишь. Не на что. — И, помолчав, добавил, с хрустом сжимая гигантский свой кулак: — Вот же негодяй, Васька! Ну, попадись он мне...

— А все почему? — сказал, двигая челюстями, Копыто, — все ведь — из-за баб. Из-за этих гадюк болотных. Гибнут люди, рушатся правила — все из-за них! Что они с нашим братом делают, что вытворяют — уму непостижимо!

— Бабы — это ладно, — проворчал Малыш, — не о них разговор...

Он поворотился к Интеллигенту — глянул на него, сощурился. Затем спросил:

— Ну? Атаман? Что делать будем?

Интонация, с какой это было сказано, не понравилась Игорю. В словах Малыша ему почудилась некая плохо скрытая ирония... И передернув плечами, он хмуро сказал:

— Во-первых, какой я вам атаман? С чего ты взял? Мы не деревенские бандиты, мы — урки. Урки законные, чистой породы... Атаманов у нас нет.

— Ну, ладно, — усмехнулся Малыш. — Не атаман, так — старшой... Суть не в этом. Ты с самого начала взялся командовать, распоряжаться, ведь так? Ну, вот и докомандовался! Хотел, чтоб все у нас было — артельное... Видишь

сам — какой результат! Всю дорогу мешал нам работать, бубнил: надо, мол, тихо. Шкодить, мол, в пути нельзя... Что ж, мы поверили, послушались — а теперь, что? Что мы кусать-то будем? До Полтавы еще почти сутки езды...

— Главное — доехать, — сказал Игорь. — А уж там раскрутимся; все, что надо, достанем.

— Что же там, ждут нас? — хихикнул Копыто. — С оркестром встречать готовятся?

— Без оркестра, конечно, — с полной серьезностью возразил Игорь, — но — ждут.

— Кто же? — поднял брови Малыш.

— Один мой дружок полтавский. Костя Хмырь. Я его с детства знаю. Вместе росли... Он малый бывалый, оттянувший два срока за мошенничество.

— Он, значит, кто? — деловито осведомился Копыто. — Фармазон? Или просто — спекулянт, барыга?

— И то, и другое вместе, — подумав, проговорил Игорь, — в общем — повторяю — человек нужный, надежный. В нашем деле без таких все равно не обойтись. А этот, как-никак, свой...

— Ты с ним, что же, заранее списался? — спросил погода Малыш.

— Ну, да. Еще весной. Когда на 16-ом лагпункте был. У меня там знакомые вольняшки завелись — так вот, с их помощью...

— Значит, ждут, — протяжно проговорил Копыто, — что ж, дай Бог! Если все точно...

Интеллигент сказал все точно. В Полтаве их действительно ждали... Однако он сильно удивился бы, узнав, что не один только Хмырь интересуется данной компанией. Были в городе и другие люди, заранее осведомленные о предстоящем приезде рецидивистов, и по-своему активно готовящиеся к этому.

В управлении Полтавского угрозыска (примерно в ту самую пору, когда исчез Васька Сопля) происходил разговор между двумя работниками оперотдела. Один из них — широкий, приземистый, с гладким, бритым наголо черепом — сидел за столом, развалясь, задумчиво перебрасывая какие-то бумаги. Другой — сухощавый и узколиций, с рыжеватыми, аккуратно подбритыми усами, — неспешно, заложив руки в карманы, расхаживал по кабинету.

Бритоголовый (парторг управления, по имени Викентий Павлович Проценко) говорил, облокотясь об стол, похрипывая одышкой:

— Черт его знает — что делать? Ума не приложу... Вот опять, пришло отношение из прокуратуры. Интересуются

отчетностью за первый квартал. А там у нас — два нераскрытых дела... И в прошлом месяце одно. Квартирный грабеж. Да еще, с убийством. Итого — три! Ты понимаешь, Наум Сергеевич? Ведь это же позор.

— Позор, — согласно покивал Наум Сергеевич.

— Ну, а что же ты скажешь? Что посоветуешь?

— А что я могу сказать? — Не вынимая рук из карманов, Наум Сергеевич остановился. Высоко поднял плечи и так застыл посреди кабинета. — По моей группе ни одного такого дела не значится. У меня все чисто — сам знаешь. А за других я не могу отвечать. И не хочу, признаться... Да и вряд ли они примут мои советы.

— А что бы ты, к примеру, мог посоветовать? — спросил, подаваясь к нему, Проценко.

— Да я же повторяю: меня и слушать не станут!

— А ты мне скажи! — усмехнулся парторг. — Я потому тебя и вызвал одного, понимаешь? Говори, выкладывай! Обсудим на пару.

— Н-ну, если так, — помедлив, проговорил Наум Сергеевич.

— Именно, так. И перестань метаться. Не бегай. Сядь!

— Что ж, единственный выход — по-моему — заново перетасовать колоду, — сказал, присаживаясь на край стола, Наум Сергеевич. — Переиграть все и найти другие фигуры — понимаешь? Мы убьем сразу двух зайцев: выправим отчетность и, одновременно, нанесем ущерб блатным... Пусть даже те, кого мы возьмем, будут и неповинны в данных преступлениях — все равно, раз это воры, значит в чем-то они, без сомнения, виновны; что-нибудь у них непременно числится в прошлом. Или — ожидается в будущем... Так что, в принципе, мы будем правы! Наша задача ведь — борьба с преступным миром, не так ли? Ну, а в этом плане хороши любые средства. Любые! Самые рискованные!

— Которыми ты, собственно, и пользуешься, — небрежно, как бы вскользь, проговорил Проценко.

— В общем, да, — сказал Наум Сергеевич, — пользуюсь. При вашем согласии...

— Или — попустительстве, — натужно пробормотал парторг.

— Как бы то ни было — заметил, отходя от стола, Наум Сергеевич, — со мной всегда все в порядке. Дела, проходящие по моей группе, закрыты все до единого! И прокурорский надзор еще ни разу ни к чему не придрался. Чего о Новицком, например, сказать нельзя.

— Д-да, это верно...

Проценко помолчал, насупясь. Постучал ногтями по столу — по груде бумаг. Затем поднял к собеседнику глаза:

— Ну, а если мы примем твой вариант... У тебя — конк-

ретно — есть кто-нибудь на примете. Только — конкретно... а?

— Надо подумать, — поджал губы Наум Сергеевич, — да, надо подумать...

Внезапно он встрепенулся, шагнул к парторгу. И потом — негромко, медленно, глядя на него в упор, сказал:

— Послушай, дней десять назад мы приняли телефонограмму из Хабаровска — помнишь?

— Ну? И что же?

— Так вот же тебе решение проблемы! Если я не ошибаюсь, там было сказано, что к нам, сюда, едет группа блатных. Во главе со здешним, полтавским жуликом... Как его имя? Дай Бог память... Кажется — Беляевский, не так ли?

— Так, так, — подтвердил Проценко, сразу оживившись, начиная уже догадываться, постигать — в чем суть. — Фамилия Беляевский. Кличка — Интеллигент. Судя по всему, он со своей шпаной должен прибыть со дня на день... Если уже не прибыл.

— Нет, — уверенно заявил Наум Сергеевич, — пока не прибыл. Я знаю точно.

— Откуда? — удивился парторг, — Из каких источников?

— Из агентурных, — скупое и четко сказал Наум Сергеевич.

— Но эта твоя агентура — надежна?

— Вполне.

— Кто же это?

— Один человек, — уклончиво ответил Наум Сергеевич, — он на меня давно работает. И еще ни разу не подводил.

— Значит, как только Интеллигент появится — ты будешь сразу же извещен?

— Конечно, — пожал плечами Наум Сергеевич, — а как же? Моя система работает бесперебойно. Стоит ему только слезть здесь с поезда, и сразу же он окажется в капкане.

Полтава, Полтава! — Блатные ожидали ее с нетерпением. Долгий путь утомил их и принес немало разочарований. Хотелось поскорее добраться до места, сменить обстановку — и потому последние эти версты пути казались особенно долгими и томительными.

Угрюмо рассевшись по вагонным лавкам, ребята курили папиросы — курили на пустой желудок. Они ничего не ели с утра и не успели опохмелиться. Да и табак был тоже на исходе. Малыш всю дорогу помалкивал, насупившись, упершись локтями в расставленные колени. Копыто брезгливо посасывал окурки и напевал вполголоса — бормотал тягуче:

Ремесло я выбрал кражу,
из тюрьмы я не вылажу,
и тюрьма скучает без меня.

Малыш шевельнулся, шумно вздохнул. И подхватил басовито:

И сколько б я по тюрьмам не сидел,
не было мгновенья, чтоб не пел...

Примостясь в уголке, у окна, Игорь поглядывал на друзей и думал о том, что судьба всегда почему-то идет наперекор его стремлениям, разрушает все помыслы и планы. Вот и на сей раз: так все, вроде бы, хорошо задумывалось, начиналось... А в результате — завершилось распадом, бегством, предательством. Одна надежда теперь — на эту парочку! Она не предаст, не отколетя. Малыш и Копыто — воры природные, другой участи у них нет. И поют они сейчас про самих себя; они, кстати, отлично спелись. «А вот, как будет между ними, — думал Игорь, — и мною? Они, конечно, раздражены, устали, теперешняя их отчужденность понятна. Но все же нельзя допускать, чтобы они, в дальнейшем, отбивались от рук. Что ж, Бог даст, приедем в Полтаву — все снова наладится... Там они станут смирными... Скорее бы, скорей бы уж добраться туда!»

— Душно здесь, — пробормотал Малыш, — пойтить, что ли, проветриться...

Он медленно встал и, повернувшись к приятелю, мигнул глазом:

— Айда!

И сейчас же, соскользнув с лавки, Копыто одернул пиджачок. И неслышно, мягко, шмыгнув вслед за Малышом.

Сгустилась ночь за окнами. Потекли, заструились мерцающие брызги звезд. Смешиваясь с ними, плескались и гасли багряные искры, вылетавшие из трубы паровоза; огненная вьюга бушевала над трассой. Неумолчно и гулко стучали на стыках колеса — они отсчитывали последние километры...

Игорь глянул на часы: двенадцать без четверти. Осмотрелся. Купе пустовало. «Где ребята, черт возьми?» — подумал он с беспокойством и вышел в коридор — осмотреться.

Вагон затихал помаленьку; людская толчея и гомон сменялись сонным покоем. Кто-то похрапывал уже, кто-то рассказывал звучным полусшепотом очередной дорожный анекдот.

— Ходит по степи мужик с ведром — ловит сусликов, — неторопливо, со смаком, повествовал любитель анекдотов, — подойдет к норе, посвистит. Ну, суслик, конечно, отвечает. Тогда мужик плещет в нору из ведра. Суслик выскакивает. И он его — в торбу. Ну, вот... Подходит он, значит, к очередной, большой норе. Свистит. Ждет. И оттуда вдруг — со свистом — выскакивает паровоз! — Рассказчик умолк и затем

добавил — при общем смехе: — Это он ошибся — подошел к тоннелю.

По соседству с этой компанией — в конце вагона — помещалась другая. Там шла игра. Стучали костяшки домино.

А возле самых дверей, вытянувшись на нижней полке, лежал громоздкий, длинноногий парень. Широкие ступни его в нитяных, заштопанных носках, свисали с полки и загораживали проход.

— Эй, дядя, — сказал Игорь, — убери протезы — дай пройти.

— Чего? — сонным мятым голосом спросил парень, приподнимаясь. — Чего надо?

— Убери свои ноги, говорю!

Бессмысленно глядя на ноги, парень моргнул. Пошевелил ступнями. И затем сказал — вновь вытягиваясь на полке:

— Это не мои ноги.

— А чьи же? — изумился Игорь.

— Не знаю... Мои — в сапогах!.. А эти — нет, не мои.

«Ого! — подумал Игорь, — остроумный ответ. Сапоги, стало быть, с него уже успели снять. Кто же это постарался — уж не мои ли мальчишки? Ах, это было бы неосторожно. Хотя, что ж, они вольны поступать, как им хочется! Дорога кончена — начинаются дела... Но где же они, все-таки?»

Мальчиков в вагоне не оказалось. Обеспокоенный этим, Интеллигент отворил тяжелую, ведущую в тамбур дверь. И там, в полутьме, сразу же увидел знакомые фигуры.

Малыш и Копыто стояли, прижимаясь к стене — у вагонного фартука, — и о чем-то тихо и торопливо толковали меж собой.

— Ну, — сказал Игорь, — что вы тут таитесь?

— Да вот, решаем — что делать, — сказал Малыш, — куда попку девать?

— Попку? — Интеллигент шагнул к ребятам. — Какую?

— Хорошую, — сказал Копыто, — богатую.

Он хихикнул, потирая ладони. Слегка отодвинулся от стенки. И потянувшись туда взглядом, Игорь увидел большой, поржелый, кожаный чемодан.

— А почему вы знаете — богатая это попка, или нет? — Игорь пнул чемодан носком сапога. — Может, здесь одни клопы...

— Да чудак, все точно, — заспешил Копыто, — все — наверх. Этот угол из того самого купе, где Васька Сопля паша, усекаешь? Там его девчонка ехала с матерью. Ну и с ними — еще одна пассажирочка. Она, понимаешь ли, только что из Питера — ездила хоронить свою тетку. Получила наследство: столовое серебро, какие-то брошки, колечки, то-се...

Сама обо всем рассказывала, хлесталась, а Васька услышал. И мне рассказал — аккурат, в ту ночь, когда мы играли с ним, когда он сбежал, негодяй... А теперь мы решили пробежаться по майдану и заглянули в то самое купе. А она одна в нем. Спит! А чемодан — в головах корячится... Что ж, мы — ясное дело — с ходу его приласкали... Не оставлять же! Ведь эдакий фарт, — ты подумай.

— Н-ну, раз такое дело, — пробормотал Интеллигент.

— Надо теперь сообразить — что с углом этим делать, — сказал Малыш. — Оставлять его так нельзя... А ну, не дай-то Бог, хозяйка очнется, рюхнется — что тогда? Погорим с ходу.

— Н-да. — Интеллигент покусал губу, помедлил в раздумьи. — Сделаем так... Вынем товар, переложим в свои мешки, а сам этот угол — ликвидируем.

— Что ж, верно, — кивнул Малыш.

Он нагнулся — тронул чемодан. И внезапно выпрямился, замер в напряжении. Затем стремительно рванулся к тамбурной двери.

Кто-то был там, по другую сторону двери! Кто-то хотел отворить ее и войти в тамбур.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дверная ручка дернулась — повернулась, скрипя. Дверь уже начала поддаваться... Малыш налег на нее, навалился всем корпусом. И поворотив к друзьям лошадиное, с отвисшей челюстью, лицо, прошипел отчаянно:

— Тикайте!

— Но — куда? — растерянно поднял плечи Игорь. — В наш вагон нельзя. Сразу увидят, поймут...

— Там ведь уже спят, — пробормотал Копыто.

— Не все, — нахмурился Игорь, — у самых дверей играют — в козла режутся, подлецы, треп разводят. Днем-то, в свете, как раз легче было бы... А сейчас — нет. Не годится.

— Ну, что вы?.. Эй! — хриплым, сдвоенным шепотом, окликнул их Малыш. — Соображайте! Быстрее!

— Да вот, — усмехнулся Интеллигент, — думаем.

Однако на раздумья времени уже не было; ручка вертелась все сильнее. В дверь ломались — начали стучать... Оставалось последнее средство: немедленно прыгать с чемоданом под откос. В практике поездного вора такое случается нередко. Этот способ был хорошо знаком всем троицам!

— Но кто будет прыгать? — спросил, запинаясь и ежась, Копыто. — Я не могу.

— Эт-то еще почему? — грозно осведомился Игорь.

— Не справлюсь. Расшибусь. У меня же — я давно говорил — нога не в порядке. Кость перебита.

— Ко-о-ость, — протянул Игорь, — эх ты...

Он еще хотел что-то сказать, но промолчал, махнул рукой. И не колеблясь, не раздумывая, шагнул к наружной двери вагона — рванул ее решительно. В лицо ему ударил хлесткий ветер. Послышался вольный стремительный гром колес.

Секунду спустя, чемодан уже был у Интеллигента в руках. Примерившись, выбрав удобный момент, Игорь резким движением сбросил его в темноту. Потом ступил на подножку. И уцепившись за поручни — повисая на них всей тяжестью — крикнул, захлебываясь от ветра, перекрывая посвист и гул:

— Значит так, ребята! Встретимся — как уславливались — на малине у базара. Не забудьте: дом восемнадцать, вход со двора, первая дверь направо.

Навстречу ему бешено летела земля; поблескивала, рябя, щебеночная насыпь, текли неясные тени. Клубы мрака перемежались зыбкими световыми пятнами. И все внизу казалось смутным, неотчетливым, ненадежным. Интеллигент знал, как опасно прыгать с поезда ночью, на полном ходу. Беда здесь возникает неожиданно и очень часто. И, в принципе, подстерегает всех! В судьбе у каждого майданника есть момент, когда такой вот ночной прыжок становится роковым, последним... Игорь знал все это, но — что же поделаешь? — вынужден был идти на неизбежный риск. Отказываться от прыжка было нельзя, неудобно. Авторитет его — и так уже заметно пошатнувшийся — тогда бы рухнул окончательно... А этого он допустить никак не мог.

С трудом разжав, расцепив судорожно стиснутые пальцы, он взмахнул руками, оттолкнулся от подножки и прыгнул навстречу ветру — в густое месиво света и тьмы...

Упал он удачно — на бок и довольно мягко — скатился по насыпи и рухнул во что-то влажное, пахучее, хрустко мнущееся под руками. Отряхнулся. Щелкнул переключателем карманного фонарика. И увидел свежий развороченный стог.

Какое-то время он сидел в стогу — отдыхал. Сладко пахло клевером и росистой землей. Подувал ветерок. Низкие крупные звезды помаргивали над головой. И где-то на западе — по ходу поезда — растекалось белесовато-желтое сияние. Там находилась Полтава; огни ее были близки!

Чемодан отыскался без труда; он лежал метрах в ста от этого места — в неглубокой ложбине, поросшей кустарником. От удара створки его раскрылись, и содержимое просыпалось наземь. Игорь долго — присев на корточки и чертыхаясь — собирал в кустах разбросанные вещи: дамское бельешко, туфли, чулки... Серебро по счастью не затерялось; оно хранилось в большой, перевитой лентой коробке. Коробка осталась в чемодане, в ворохе тряпья. Там же разыскал Игорь и узелок с фамильными ценностями — браслетами и брошками. А рядом

с ними помещалась большая пухлая пачка каких-то бумаг.

«Может быть — деньги?» — мгновенно насторожился он. Посветил фонариком... Но нет, это были не деньги! Пачка состояла из писем, каких-то квитанций и старых, потрепанных фотографий. Игорь достал одну из них — равнодушно повертел в пальцах, отбросил. Взял другую...

На фотографии изображена была группа подростков. Вероятно — школьники, пионеры. Они размещались в глубине двора, на фоне кирпичного многоэтажного здания. Передние сидели, развалившись на пыльной траве. Задние стояли, обнявшись. И в одном из них — лопухом, маленьком, стоявшем на краю — Интеллигент узнал самого себя! Было такое ощущение, словно его ударили по глазам. Он даже зажмурился на мгновение. Перевел дух. Потом — поднеся фонарик вплотную к карточке — взгляделся вновь. И понял, убедился: все точно!

Вот он и встретился, наконец, с прошлым! Увидел образ позабытого своего детства. Образ этот достался ему, как подарок. Но от кого, от кого? Очевидно судьба столкнула его с кем-то, кого он знал когда-то... Судя по тому, что успел сообщить Копыто, чемодан этот принадлежал какой-то женщине. Значит, и она тоже пришла из его детства. Этот подарок — от нее... «Подарок! — хмуро усмехнулся Игорь, — для меня — пожалуй. А ведь она, поди, плачет сейчас...»

Интеллигент наморщился, кряхтя. Замотал головой, пытается отогнать от себя, развеять тягостное видение. И тут же подумал, спохватился: но кто же она, эта девочка из прошлого? Изображение ее, вероятно, имеется на групповом снимке... Он еще раз — пристально, подробно — осмотрел фотографию. Девичьих фигур здесь было немного, всего лишь пять. Одна помещалась рядом с ним; девичья ладонь лежала на щуплом его плече. Интеллигент взгляделся, изучая детали. Потом принялся поспешно рыться в пачке бумаг. И вскоре извлек оттуда портрет светловолосой девушки с кудряшками у висков, с широко расставленными, длинными, приподнятыми к вискам глазами... Это была она — та самая, что стояла, обнимая маленького Игоря за плечо! Теперь он вспомнил: ее звали Наташей, и жила она в этом именно доме, по соседству с ним. Они дружили в детстве и даже, кажется, с ней, с длинноглазой этой девочкой, связаны были его первые любовные терзания...

На обороте фотокарточки (той, где они стояли рядышком — в группе подростков) значилась дата: «апрель 1941 года». Стало быть — сообразил Игорь — здесь они были изображены перед самой разлукой. Вскоре началась Великая Отечественная война. Полтава попала под удар почти мгновенно; бомбежки, пожары, сумятица эвакуации — все это обрушилось на тихий городок внезапно и неотвратимо. Водоворот собы-

тий завертел их и развеял, разметал по сторонам. Больше они уже не виделись.

Наташа успела спастись тогда, выехать с семьей на восток; Игорь же остался. Остался поневоле. Во время очередной бомбежки — в самый разгар эвакуации — отец его погиб. Мать занемогла, заболела и, в общем, пережила отца не намного. С приходом немцев Игорь остался один. Попал в сиротский приют. Но жить там не захотел, бежал. Был пойман и водворен обратно. Затем снова бежал. Добрался, наконец, до Киева и, обосновавшись там, какое-то время промышлял на базарах — нищенствовал, бедовал, ютился с беспризорниками в трущобах. Потом помаленьку подрос, возмужал; сошелся с жульем и начал работать серьезно. К концу войны он был уже весьма опытным воров, известным не только в Киеве, но и во многих других городах Украины. И тогда же — еще при немцах — успел он впервые познакомиться с тюрьмой... Его схватили в Днепропетровске, во время ночной облавы. Отправили в местный концлагерь, на земляные работы. Но пробыл он там, по счастью, всего лишь полгода и был освобожден с приходом советских войск.

Так началась грешная его, скитальческая жизнь. Вскоре он снова погорел и очутился в лагере — теперь уже в новом, советском. Порядка здесь было меньше, чем в немецком, а харчи — посытней. В этом, собственно, и заключалась вся разница между ними. В этом, да еще, пожалуй, в том, что уголовные преступления карались при немцах гораздо более жестоко. Оккупационные власти блатных не щадили — сажали без срока, загоняли в самые гиблые места. Отечественный уголовный кодекс был в ту пору куда гуманней. За карманную кражу давали, в принципе, всего лишь один год. За квартирный грабёж — от двух до трех лет заключения. На таком вот «квартирном деле» Игорь и завалился однажды. И по отбытии срока поспешил покинуть отчие места. Оставаться на Украине было опасно, да и скучно; хотелось побродить по свету, повидать иные, неизведанные края. Огромная, на тысячи верст, держава раскинулась перед ним — звала его, манила... Он уехал и несколько лет колесил по стране; изездил всю Центральную Россию, побывал на Кавказе и в Средней Азии. И вот там, в Ташкенте, снова попал под арест. Однако кодекс к тому времени уже изменился. Вступил в действие новый правительственный указ — страшный сталинский указ, ознаменовавший собою начало нового послевоенного террора. В соответствии с ним, все срока увеличивались минимум вдвое. Игорь получил по суду восемь лет лагерей — и вскоре был отправлен по этапу на Дальний Восток; туда, откуда он как раз и возвращался ныне.

Некоторое время спустя, он уже стоял на вокзальном перроне. Ему повезло: в пути, в двух верстах от Полта-

вы, его нагнал порожний товарный состав... Теперь — на перроне — он думал о том, как поступить. Попасть отсюда в город можно было только через вокзальное здание. Однако идти туда не хотелось. Слишком уж рискованно было показываться на людях с краденым «темным» чемоданом в руках!

Он медленно пошел вдоль вокзала... И вдруг увидел окно ресторана.

Несмотря на поздний час, ресторан еще был открыт, залит светом. Силуэты людей маячили там, за стеклом. И в оранжевом, ярком свете, мгновенно распознал он профиль Наташи. Она сидела у самого окна, склонясь над столиком, подперев кулачком подбородок — о чем-то думала горько.

С минуту Игорь стоял у окна. Затем решительно шагнул к двери ресторана.

Сразу же у входа помешалась вешалка; обитающий здесь человек с окладистой бородой, в белой форменной куртке, сказал строгим голосом:

— С вещами в зал — не велено.

— Знаю, — усмехнулся Игорь, — я как раз и хочу оставить чемодан у вас. Пусть постоит пока...

— Чемоданы не принимаем, — последовал ответ, — несите в камеру хранения. Она — вон там — за углом!

— Да я на минуту, — сказал нетерпеливо Игорь, — только загляну — и обратно... Ты уж, батя, выручи, ладно?

— Ну, если на минуту, — пробормотал, поскребывая бороду, гардеробщик. — Только чтоб — быстро!

— О чем разговор!

Игорь сунул чемодан в угол, под вешалку, — под прикрытые висящих там курток и плащей. Затем вошел в зал. Осмотрелся. Пригладил ладонью растрепанные волосы. И, медленно пробираясь меж столиков, направился к окну.

Она сидела все в той же позе. В кулачке ее — он только теперь заметил — был зажат влажный скомканный платок. Темные подтеки виднелись на тугих ее скулах. На краю столика — в пепельнице — тлела недокуренная папироска.

— Извините, — проговорил он негромко, — можно присесть?

Она пожала плечами. И ничего не ответила — потянулась за папиросой. Игорь придвинул к себе стул, уселся, сказал, разглядывая ее в упор:

— Ну, здравствуйте.

— Что?

— Я говорю: здравствуйте! Неужто вы меня не узнаете?

Наташа скользнула по нему невидящим взглядом. И отвела глаза. Но тут же вздрогнула, подняла голову. Лицо ее ожило, порозовело. Зрачки медленно расширились. И там, на дне их, затеплился зыбкий огонек.

— Нет, — воскликнула она шепотом, — нет!
— Да, — сказал он, — да.
— Не может быть...
— Как видишь — может.
— Неужто это ты, Игорек? В самом деле?
— Ну, конечно, я, — сказал он, — кто же еще!
— Но ведь говорили же, что ты умер... Погиб...
— Кто говорил? — усмехнулся он, — когда? Где?
— Где-то, вроде бы, в лагерях. Не помню уж — кто говорил. Но мы все были убеждены... Ты ведь исчез так давно — и надолго.

— Что ж, у меня, действительно, было много всяких приключений, — сказал он неохотно. — Однако погибать я куда не собираюсь. Наоборот... Но все же, это удивительно.

— Что? — не поняла она.
— А вот то, что ты меня сразу узнала.
— Сразу, — сказала она, — только глянула...
— Сколько же мы не виделись? — проговорил он. — Лет четырнадцать?

— Да, — вздохнула она, — точно. Четырнадцать. А кажется — целая жизнь прошла с тех пор.

— И как же ты теперь? — наклонясь к ней, спросил он негромко. — Что делаешь? Как поживаешь?

— Да как... — Она еще вздохнула. — Ничего интересного. Дела, хлопоты.

Она сказала это — и сейчас же по лицу ее прошла тень. Игорь понял: Наташа вспомнила о пропаже.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он понял это мгновенно и безошибочно. Но вида не подал, конечно. И глядя на милое ее лицо — на скорбную складочку у губ и припухшие, покрасневшие глаза ее, и густые ресницы, отягченные влагой, — спросил:

— Что с тобой, Наташа? Случилось что-нибудь?

— Ах, Игорек. — Она вздохнула, всхлипнув. — Если б ты только знал...

— Но что такое?

— Да понимаешь... Так все обидно и глупо. Украли чемодан — а в нем ценности. И немалые. Как я теперь домой приеду? Кошмар. И ведь главное — всю дорогу берегла, следила, а перед самой Полтавой уснула случайно, сморилась. И вот. Ты уж прости. Такая встреча — а мне плакать хочется...

Она проговорила это невнятно, торопливо; путаясь в словах, прижимая к щеке платочек.

— Теперь пропажи не воротишь. Проклятое жулье!

При слове «жулье» лицо ее исказила гримаска брезгливого гнева. Игорь опустил глаза. Его словно бы что-то мягко толкнуло в сердце. И внезапно — внезапно для себя самого — он сказал, подчиняясь странному порыву:

— Ты говоришь — украли. Но может быть, тут просто, случайная путаница, ошибка.

— Ну, какая же ошибка, — усмехнулась она сквозь слезы. — Я проснулась — чемодана нет.

— Когда это произошло?

— Не знаю...

— Я имею в виду: когда ты проснулась? Это было далеко от Полтавы? В скольких верстах?

— Совсем близко. Поезд уже подходил к станции.

— Так может быть, и в самом деле — ошибка? Знаешь, как бывает: второпях, в суматохе... Кто-нибудь перепутал — схватил не свое.

— Ах, не утешай меня, — сказала она устало.

— А я и не утешаю. Я это — к чему? Только что, — когда я проходил по платформе, — мне встретились люди, они толковали о каком-то потерянном чемодане. — Игорь ткнул через плечо большим пальцем — указал в сторону окна. — Может, они и сейчас там... Суетятся, не могут найти хозяина... У тебя чемодан — какой?

— Желтый, — сказала она медленно. — Кожаный. Большой. — И тут же насупилась, затрясла головой. — Нет, неправда. Не может быть! — И потом — с изумлением и робкой надеждой. — Ты не шутишь, Игорек?

— Да нет же, нет, — сказал он, вставая. — Какие тут могут быть шутки! Пойду, разузнаю — что, да как. А вдруг, тебе и впрямь повезло?!

— погоди, — заторопилась она, — я с тобой.

— Не стоит, — возразил он, — зачем? Сиди здесь. Жди. Я все сам сделаю.

Вскоре он явился, таща с собой злополучный чемодан. И долго потом с умилением, с каким-то новым, непривычным чувством, смотрел на Наташу. Смотрел на то, как она изумляется, всплескивает руками, суетится, перебирая вещи; как морщит она губы в улыбке и помаргивает, и утирает совсем уже мокрым платочком глаза — смахивает с них сладкие, счастливые слезы.

— Не знаю, как тебя и благодарить, — проговорила она, умеря дыхание. — Ты меня так выручил... Просто — спас... Можно я тебя поцелую?

— Можно, — согласился Игорь.

Она прижалась к нему, приникла. И затем — скользнув губами по его шершавой щеке — сказала:

— Удивительно, как все же бывает в жизни! Столько

лет мы не виделись, были в разлуке — и вдруг ты появляешься. И именно в такой момент... С моим чемоданом. Тебя прямо сам Бог мне послал. Ты не находишь?

— Что ж, — пробормотал он, — совпадений, действительно, много...

— Вот, вот. Я верю в судьбу. И мы теперь не должны терять друг друга из виду. Раз уж ты приехал... Ты ведь сюда насовсем, надолго?

— Пока не решил, — сказал он, — хотелось бы, конечно... Все-таки — родина! Но в общем, жизнь покажет. Если все будет хорошо...

— Будет, — сказала она, — вот увидишь! Все будет хорошо. И — погоди-ка... Возьми на всякий случай мой адрес.

Наташа высвободилась из его объятий, присела к столику и, вырвав из блокнота чистую страничку, что-то быстро написала там.

— Вот — не потеряй! Приходи в любое время, хоть завтра.

На мгновение она задумалась, — морща брови, покусывая губу. Потом подняла к нему чистые, мерцающие глаза:

— Слушай, а что ты завтра делаешь?

Он молча пожал плечами. Она сейчас же сказала:

— Приходи-ка завтра к обеду. Сможешь?

— Думаю — да ... Да, да. Конечно. Приду.

— Значит, так и условимся. Я буду ждать!

Они простились, и Игорь ушел. Он ушел, унося на губах своих слабый смешанный запах ее кожи, слез и духов... И все время, покуда он шагал во тьме, запах этот преследовал его, томил. Сколько лет уж он не слышал, как пахнет женщина! Он от многого отвык, многое позабыл и утратил... Теперь утраченное как бы возвращалось к нему; жизнь обрела новое наполнение. И ощущать это было мучительно, тревожно и странно.

Воровской притон — куда он направлялся сейчас — был ему незнаком. Адрес этот прислал Игорю приятель его, Хмырь — еще весною, на Дальний Восток. В том же письме Хмырь сообщал, что место это — надежное, пользующееся среди местного воря вполне пристойной репутацией. И хотя с Хмырем он не виделся уже давненько (последний раз они встречались в Днепропетровске — еще в годы оккупации), Игорь все же верил ему, вполне на него полагался. Да и какие у него могли быть основания для сомнений? Человека этого он знал с детства. Они росли вместе и вместе ушли затем в бродяжью жизнь. Дороги их впоследствии разошлись. Игорь сделался вором. Хмырь избрал другое поприще — сошелся с «фармазонами», стал подделывать документы и, как специалист по печатам, приобрел, с течением времени, весьма прочную известность.

Дороги их разошлись. Но все равно, они с Игорем принадлежали к одному, подземному, потайному миру. И в этом мире оба они — каждый по-своему — занимали не последнее место, были на виду, пользовались уважением.

Нет, он ничуть не сомневался в старом своем друге. И со спокойной душой шел по указанному адресу.

Отыскав нужную дверь (первая — направо, вход со двора), он постучал условным стуком. Сейчас же дверь приотворилась на вершок, и оттуда проговорили негромко:

— Чего надо?

— Впусти — потолкуем, — скороговоркой произнес Игорь, повторяя пароль, указанный в письме. — За порогом правды нет.

— Откуда? — послышался вопрос.

— С востока.

— Входи.

Едва он вошел в помещение, — его встретил надрывный, трепетный перезвон гитарных струн.

Малина шумела, пила, отводила душу. Блатные сборища повсюду одинаковы. Воровской досуг — стереотипен. Он заполнен хмелем, марафетной мутью, надрывным и бесшабашным разгулом. Разгул этот истеричен; он всегда — на пределе. Нигде не развлекаются так отчаянно, не пьют так горько, как в сумрачном, подпольном этом мирке. Жесткая жизнь требует разрядки. Душа, изнемогшая от вечных тревог, упорно жаждет утех, забытья и подчеркнутого веселья.

Малина шумела... Гитарные переборы сплетались с нестройными звуками песни. Гитарист — смуглый, цыганского вида парень — пел тягучим, задумчивым тенорком. Ему вторили трое блатных. Сгрудясь у стола, окружив гитариста, они подхватывали песню хриплыми глотками — перемигивались, притопывали в лад. Угрюмый этот рев и топот перемежался руганью, время от времени вспыхивающей в дальнем углу; там — за бутылкой водки — выяснялись отношения, поминались какие-то давние обиды...

Игорь осмотрелся, отыскивая друзей. Однако ни Малыша, ни Копыта здесь не было. Хмыря он тоже не увидел; лица собравшихся были ему незнакомы. Он повернулся к женщине, впустившей его в помещение — недоуменно поднял брови. Хозяйка малины была высока, дебела, рыхла. Нарумяненные щеки ее обрамляли рыжие прямые пряди. Правую руку украшала наколочка: пронзенное сердце и крест. Она была понятлива, хозяйка. Уловив его взгляд, она мотнула головой, указывая на внутреннюю, задрапированную занавескою, дверь.

— Твои — там.

— Ага, — пробормотал Игорь. И пошагал к занавеске. Он пошагал — и больше уже не оглядывался на поющих и

спорящих. Он утратил к ним интерес. И напрасно!

Если бы он сейчас оглянулся, то заметил бы, как один из блатных (одутловатый, низенький, с рассеченной раздвоенной бровью) внезапно замолк, обрывая песню. Потянулся к бутылке. Встряхнул ее. Сказал: «Что-то горячего маловато. И когда все вылакали? Что ж, ладно... Схожу за водярой». И поднявшись, — медленно, вперевалочку, — направился к выходу.

— Привет, — сказал Малыш, — наконец-то!

Он сидел, развалясь на кушетке, — закинув ногу за ногу и опираясь локтем о низкий овальный столик. На столике теснились, поблескивая, бутылки, виднелись тарелки с закусками. Здесь же был и Копыто. Он, по обыкновению, что-то жевал, сопя и шлепая мокрыми губами.

— Наконец-то, — проговорил, ослабясь, Малыш, — а мы уж было думали — ты там угробился...

— А что? — сказал Игорь. — Запросто мог угробиться.

— Но в общем — все обошлось? Порядочек?

— Да как будто...

— Ну, садись. — Копыто отодвинулся, освобождая место. — Рвани-ка, сполосни душу.

Он быстро — мягким точным движением — разлил водку по стаканам. Протянул один Малышу, другой подал Игорю. Затем, высоко подняв свой стакан, сказал, хихикая и дергаясь:

— Дай Бог — не последняя... Примем, братцы, — за удачу!

Друзья со звоном чокнулись, выпили, помолчали, переводя дух. Малыш понюхал хлебную корочку. Копыто торопливо закурил. Игорь пододвинул к себе тарелку, нашарил там кусок ветчины и с жадностью впился в нее зубами. Только сейчас он почувствовал, как он голоден! Давеча, в суете и хлопотах, он как-то забыл об этом; теперь же — когда по жилам прошел обжигающий жидкий огонь — все его тело обмякло вдруг от слабости и голодной истомы.

Насытись и передохнув, Игорь размял папироску, зажег ее.

— А где же Хмырь? — спросил он удивленно, — он же должен был встретить нас...

— Черт его знает, — лениво махнул рукою Малыш, — хозяйка сказала: задержался где-то. Если зайдет, то позже...

— Этот твой Хмырь, говоришь, фармазон? — осведомился Копыто.

— Точно, — кивнул Игорь, — специалист по печатям. Ну и, кроме того, имеет какие-то дела с фарцовщиками, знает всех спекулянтов в городе. Вообще, человек нужный, полезный.

— Значит, и в нашем деле он тоже — сгодится?

— Это в каком деле? — не понял Игорь.

— Ну, я говорю о чемодане, о покупке. Там ведь серебро, золотишко, то-се... Товар дефицитный; его надо в хорошие руки определить!

— Да, конечно, — сказал Интеллигент.

Он машинально сказал это. И осекся, холодея. Только сейчас он отдал себе отчет в том, что произошло... Ребята ждут чемодана — а ведь чемодана-то нет! Он отдал его. Отдал обратно «покупку», добытую сообща и принадлежавшую, в сущности, всем троим.

«О черт, — подумал он лихорадочно, — о черт возьми. Они ведь ждут свою долю, они вправе требовать ее! А я... Что же мне делать? Не дай Бог, если кто-нибудь спросит про чемодан... Только бы не спросили — потом как-нибудь вывернуть — только бы не сейчас!»

И тотчас же Малыш сказал, приблизив к нему широкое свое, лоснящееся, ухмыляющееся лицо:

— Н-ну, старик, расскажи-ка подробней: как все было? На чем доехал? Ведь не пешком же... И кстати: а где чемодан?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Где чемодан? — спросил Малыш. И мгновенно товарищ его встрепенулся, — поднялся, потирая руки.

Оба они — выжидательно, с нетерпением — смотрели на Игоря, на своего главаря. А главарь помалкивал.

Он медленно докурил папиросу. Вздохнул. Окунул окурочек в пепельницу; смял его там, растер. Затем проговорил, не поднимая глаз:

— Чемодана нет, ребята.

— То есть, как это — нет? — дернулся Копыто. От изумления он даже перестал жевать. Малыш пробасил, темнея лицом:

— Ну, ну, старик! Что за шутки?

— Да нет, — криво усмехнулся Игорь. — Я не шучу.

— Так в чем же дело? Давай, волокиты... Где он у тебя?

— Да понимаешь ли, — трудно, с натугой, сказал Интеллигент, — в двух словах всего не объяснишь...

— Но ты — когда спрыгнул — нашел его? — нетерпеливо перебил Игоря Копыто. — Разыскал?

— Д-да...

— И потом — что?

— Потом вижу: идет товарный порожняк... В том месте он как раз замедляет ход. Ну, я вскочил и — все. Так и доехал! Без особых хлопот. Но вот затем, уже в Полтаве...

— Только не говори, что — потерял! — предостерегающе поднял ладонь Малыш.

Он слушал Игоря сумрачно, напряженно. Кожа на его скулах натянулась, ноздри раздулись. На лбу набрякла лиловая жила.

— Я и не говорю — что потерял, — устало сказал Игорь. — Я его, братцы, отдал.

— О-о-отдал? — протянул Копыто. — Как так? Кому?

— Ну, той самой женщине.

— Где ж ты с ней встретился? — прищурился Копыто.

— На вокзале.

— Она что же, — подпасла тебя, прихватила?

— Да нет... Просто, оказалось, что мы с ней знакомы. Давно с детства. Старые друзья, понимаете, братцы?

— Не понимаю, — угрюмо сказал Малыш. — Не могу понять.

— Что ж тебе непонятно? Ну, — встретил. Пожалел... Ведь бывает... Могу же я пожалеть? Имею право на жалость?

— Не можешь, — сказал Малыш жестко. — Не имеешь!

— Но как же так? — растерянно пробормотал Игорь. Он умолк, озирая лица друзей. И те тоже молчали, разглядывая его. Молчание было тяжким, гнетущим. Затем Игорь сказал:

— Я чувствую: вы мне не верите...

— А почему мы должны верить? — пожал плечами Малыш. — Откуда мы знаем: как все было в действительности?

Сейчас же — в тон ему — Копыто добавил, цедя слова углом поджатого рта:

— Ты нас на понт не бери. Не заливай: встретил, отдал. Неужто ты думаешь: мы такие лопухи?

— А вы что же полагаете, — медленно, закипая, сказал Интеллигент, — я его себе решил оставить, притырить от вас — так что ли?

— Все может быть...

— Да вы — что? — спросил, запинаясь, Игорь, — вы в своем уме?

Он встал, резко двинув ногою стул — весь сотрясаясь от обиды и ярости. На мгновение ему стало трудно дышать.

— Вы понимаете — что вы говорите? На что намекаете?

— Но чем ты докажешь, что это — не так? — спросил Малыш. И тоже поднялся, встал, нависая над Игорем, — рослый, костлявый, тяжелорукий. — Докажи! Ну!

— Что ж, если вы так уж хотите, — проговорил Игорь пересохшим ртом, — доказать можно... Трудно — но можно. — Он облизал губы, провел ладонью по взмокшему лбу. — Завтра я встречаюсь с ней. Мы как раз условились. Если хотите — пойдемте со мной. Вы сами увидите. Убедитесь.

— А хотя же даже и так, — сказал Малыш, — допустим. Что это меняет?

— Все меняет, — живо проговорил Игорь, — тут вы меня не можете упрекнуть в подлости.

— Почему? — возразил Малыш. — Можем. Запросто. Как ты не вертись, а подлость остается.

— В чем же вы ее видите?

— Да хотя бы в том, что ты распорядился сам. Соображаешь? Сам, один, без нас! А ведь эта покупка — артельная. По крайности, ты должен был хотя бы посоветоваться, спросить...

— Да что ты ему толкуешь? — кривясь и дергаясь, зашипел Копыто. — Что он, вчера родился? Законов не знает? Все он, проклятый, знает, разбирается — лучше любого... Разыгрывает из себя простачка. Думает: этот номер пройдет... Не-ет. — Он подступил к Игорю вплотную — вытянул шею. — То, что на востоке проходило, на западе хрен пройдет. Учти это, учти! И все равно: тебе нет прощенья. Нарушил закон — отвечай!

Теперь он уже не говорил, а кричал — брызжа слюною, жарко и смрадно дыша в лицо Игорю. И содрогнувшись от отвращения, Интеллигент отстранил его резко — толкнул в плечо.

Копыто качнулся, задел столик. На пол, со звоном и дребезгом, обрушились бутылки. Тогда Малыш — заслоня друга — шагнул к Игорю и широкой, цепкой своей пятерней, схватил его за ворот рубашки.

Игорь дернулся, вырываясь. Брызнули пуговицы. Ворот треснул, расползаясь под пальцами Малыша.

— Ты что же это? — густо спросил Малыш. — На драку нарываешься? Приключений себе ищешь?

— Пусти, — прохрипел Игорь. — Да пусти же!

— Если ищешь — то сейчас найдешь... Схлопочешь...

И в ту же секунду — откуда-то сбоку — услышал Игорь пронзительный вопль!

— Вот ты как! Вот как, значит... Ну, держись!

Он уловил краем глаза шуплую фигуру Копыта; тот приближался, держа бутылку за горлышко — заводя для удара руку... И, поняв, что дело серьезное, Игорь мгновенно, рывком, вывернулся из цепких пальцев.

«Надо спастись, — подумал он, — надо уходить отсюда. Не дай Бог — вмешаются посторонние. Тогда будет совсем худо...»

И он, пригнувшись, торопливо нашарил за голенищем сапога шершавую рукоятку ножа.

А в это время, на другом краю города (в высоком угловом доме, на восьмом этаже) происходил такой разговор:

— Послушай, что ты мне сказки рассказываешь? За кого ты меня принимаешь?

— Но — что такого? Я не пойму... Я тебе все рассказала, как было.

— Ты меня, наверно, за дурака считаешь. Где ж это видно, чтоб исчезнувший чемодан отыскался — так легко и столь странным образом!

— Что ж тут странного? Игорек объяснил...

— Игорек!

Человек, произнесший это, хмыкнул усмешливо. Полное бледное лицо его наморщилось, потемнело.

— Этот твой Игорек — судя по всему — первостатейный жулик.

— С чего ты это взял, Сергей? — возмущенно перебила его Наташа. — Человек меня выручил, помог... Мы его благодарить должны.

— Благодарить? — Сергей пожал плечами. — За что?

— За чемодан.

— Да ведь, чудачка, пойми: наверняка он сам же его украл! Упер, понимаешь ли, а потом вернул почему-то...

Во время всего этого разговора Сергей расхаживал по комнате — кружил из угла в угол. Теперь он вдруг остановился. Снял очки — протер их. Моргнул медленно.

— А кстати, — почему? Почему он его вернул?

— Ну, не знаю... — Она помолчала в растерянности. — Во-первых, ты, по-моему, не прав. Где у тебя доказательство, что украл именно он? А во-вторых — даже если и так — то что ж... Мы ведь с ним были друзьями. Росли вместе. Знаем друг друга давно и близко.

— Близко, говоришь? — сощурился Сергей. — Насколько же — близко? Как это понять? Хотя, в общем-то, понятно...

— Перестань, — гневно сказала Наташа. — Не смей!

— Может быть, это как раз он — тот самый? — словно бы не слыша ее, пробормотал Сергей. — Тот самый, первый... А? Или — какой?

И он, подойдя к чемодану, яростно пнул его ногой.

— Подношение от старого друга... О, проклятье! Сколько их вообще, было тут у тебя? И сколько еще имеется?

Держа нож в согнутой руке — на уровне пояса — Игорь говорил, обводя блатных настороженным взглядом:

— Что ж, ребята, толковать больше не о чем. И в драке я щадить не умею... Учтите: каждый, кто сунется — попадет на это вот перо. Получит вентиляцию в шкуру... Так что замрите, голуби, не вибрируйте, не делайте лишних движений!

Все это он говорил, постепенно отходя, отступая к двери и угрожающе поигрывая сверкающим узким лезвием. На пороге он остановился. Подбросил нож и поймал его в подставленную ладонь. И потом — вполоборота — приподняв занавеску:

— Как бы то ни было, можете быть уверенными: свою долю вы получите. Этот должок я вам, так или иначе,

верну. Расквитаюсь полностью. И быстро...

Занавеска упала. Игорь исчез. Копыто сказал, отдуваясь и густо сопя:

— Вывернулся, проклятый. Ушел...

Он круто повернулся к товарищу — оттопырил губу:

— Чего ж ты его выпустил? Эх, ты!

— А что я должен был делать? — развел руками Малыш. — На нож лезть? Да и вообще, к чему затевать свару? Он, я верю, не обманывает. Так все, видать, и было. Интеллигент — одно слово! Конечно, он нахамил, заигрался... Но может, и вправду — расквитается? Вернет нашу долю?

— Жди... Как же! — процедил Копыто. И, размяв прыгающими пальцами папиросу, закурил, затаился с жадностью. — А впрочем — посмотрим. Там видно будет... Когда он, кстати, собирается это сделать — вот, о чем его надо было бы спросить!

Он заторопился, ринулся к дверям.

— А ну-ка, пойдем, посмотрим... Может, Интеллигент еще здесь — не ушел?

Малина шумела... Народу за это время прибавилось. Гитариста окружала уже немалая толпа. В противоположном конце комнаты (там, где давеча — за бутылкой водки — шел спор и поминались обиды) помещались теперь три вокзальные проститутки; они только что пришли с работы и пересчитывали выручку. Одна из них — чем-то огорченная — всхлипывала, размазывая слезы по сухому, костлявому, перекошенному лицу.

Тут же вертелась хозяйка. Друзья поинтересовались: где Игорь? Она сказала, махнув татуированной пухлой ручкой:

— Этот ваш тип какой-то странный, ей Богу. Псих он, что ли? Выскочил — и никому ни слова не говоря, — шаст к выходу. Я ему: погоди, побудь. Выпьем вместе. Куда там! Убег, как с цепи сорвался...

Она хотела добавить что-то — и застыла, с полуоткрытым ртом. Плоский лоб ее взялся складками, глаза вышли из орбит.

Двери притона распахнулись. Ворвался взъерошенный, тяжело дышащий человек; прислонился к притолоке, глотнул воздух. И сорванным, хриплым голосом крикнул:

— Облава!

И тотчас малина затихла. И в разразившейся этой тишине отчетливо прозвучали слова Копыта:

— Ах он, сука! Так вот, значит, как он расквитался с нами! Пообещал — быстро... Что ж, действительно. Все сделано без задержки... Ах, негодяй.

Беспечно посвистывая, шагал по сонному городу Костя Хмырь. Он только что расстался с подружкой своей Сонь-

кой, — и еще не остыл после нее, не отдышался; шел, весь распаренный, на хмельных веселых ногах.

Время было уже позднее: без четверти два. Костя спешил. Сутуловатый, жилистый, с сухим и острым лицом, он попеременно то хмурился, то улыбался своим мыслям. Улыбался он машинально, невольно — не в силах отогнать от себя видения, связанные с нынешним ночным свиданием. Хмурился же оттого, что усердно клял себя за забывчивость... Сегодня вечером — с киевским десятичасовым — должен был прибыть в город Игорь. Телеграмму об этом Костя получил от него еще загодя — с дороги. И сразу же, с ходу, начал действовать: подыскал удобную комнату для Игоря и его партнеров, договорился с хозяйкой притона, Розой, о том, чтобы она получше приняла, приветила гостей. Все подготовил — и вот, забыл обо всем, застрял допоздна у девочек...

«Игорь сейчас удивляется, наверно, — думал он, подходя к базару, — досадует... А впрочем (тут опять, мельком, возникли перед ним смеющиеся — щелочками — влажные сонькины глаза), впрочем — что ж... Ну, задержался — с кем не бывает! Его там и без меня должны принять, как надо. Роза пообещала. А она дело знает!»

До малины оставалось теперь минут пять ходьбы — не более того. Костя обогнул базарные, залитые луною, ларьки. Свет и тень чередовались здесь ровными полосками. Он уже собирался было свернуть в переулок — ступил на искрящийся под луною, словно бы посыпанный серою солью, тротуар, как вдруг уловил поодаль, в тени, какое-то смутное движение. Он остановился. И тотчас ему послышался шепот. Кто-то звал его негромко, окликал по имени... Настороженно глядяваясь во тьму, Костя пошел на зов; приблизился к угловому ларьку и увидел маячивший там женский силуэт.

Это была Роза. Вид ее удивил Хмыря. Прямые рыжие патлы, обрамлявшие ее лицо, были взлохмачены, на щеках виднелись мутные подтеки, рот был сложен в кривую, жалкую гримасу. Торопливо — запинаясь и всхлипывая — она сообщила Косте о последних событиях: о внезапной милицейской облаве и разгроме малины.

— Замели всю кодлу подчистую, — добавила она затем, — приехали на трех машинах. Ох, ты не представляешь, что было! Ворвались с наганами...

— Постой. Как так? — Костя захлебнулся дымом, закашлялся. Выронил папиросу. — Неужели посадили всех, кто был? На каком же основании?

— Нет... Просто — привезли в отделение, проверили документы, составили протокол. А потом наших, местных, выпустили.

— Местных? — нахмурился, повторил Костя. — Так... А — залетных?

— Ты имеешь в виду этих — с востока?

— Да, да.

— Ну, так их обоих — и Малыша и Копыто — сразу в наручники заковали и увели отдельно. За ними-то, видать, и охотились. Больше их никто не видел.

— Их же должно было быть трое, — недоуменно пробормотал Хмырь. — Разве Игорь еще не приехал? Ну, помнишь: я тебе специально говорил о нем.

— Знаю, знаю, — махнула она пухлой, татуированной рукой. — Приехал... Как же! Из-за него-то все и случилось.

— Что-о-о? — хрипло, медленно протянул Хмырь. — Из-за него?

— Так все ребята думают... Он навел, он, проклятый, больше никому!

Костя прикуривал теперь новую папиросу. Он чиркнул спичкой... Но так и не поднял огня, не донес его до рта. Он застыл, занемел, держа зажженную спичку в опущенной руке, и так смотрел на Розу — все смотрел, разгневанно и изумленно... Когда огонь лизнул его пальцы, он вздрогнул и выругался шепотком. И потом — помахав обожженной пятерней, начисто забыв о куреве, сказал:

— Послушай, что ты плетешь? Да как же это могло произойти? Тут какая-то путаница, недоразумение... Я головой ручаюсь...

— Не ручайся, — усмехнулась она, — не ручайся головой — потеряешь.

— Но, черт возьми, объясни же, наконец: как все было? С чего началось?

— Началось так... — Роза вдруг охнула, хватаясь за бок — привалилась жирной спиной к стенке ларька. — погоди, дай передохнуть маленько... сердце зашлось. От этих делов и загнуться недолго!

Потом, помедлив и переводя дух, она рассказала Хмырю все подробности ссоры, случившейся между приезжими. Костя слушал ее напряженно, внимательно. Он все время помалкивал и только в одном месте перебил ее — попросил повторить сказанное:

— Ты точно помнишь: после ухода Игоря прошло — до облавы — всего лишь четверть часа? Ты не ошибаешься?

— Точно, Костенька, все точно! Я как раз тогда часы заводила. А что?

— Да так, ничего, — уклончиво проговорил Хмырь, — а скажи-ка: кто-нибудь еще выходил перед тем из малины?

— Вроде бы — нет. — Она передернула плечиком. — Не заметила. Хотя... Да, да, конечно! Выходил! Как же это я запаматовала!

— Кто же? — пригнулся к ней Хмырь. — Кто?

— Приятель твой... Ну, знаешь, этот — со шрамом. — Роза тронула пальцами левую бровь. — Все забываю его кличку... Брюнет, кажется.

— Ага, — проговорил Костя, — так... И когда же он ушел?

— Как раз в тот момент, когда этот Игорь появился... Сидел с ребятами, слушал гитару. Потом встал: пойду, говорит, за водкой. Ну, и потопал.

— За водкой, значит, — сказал задумчиво Костя. — В тот самый момент... И прищурился выжидательно: — Принес?

— Нет. Не успел, видать. И слава Богу! Один только он и отделался легко. Остальные — я уж говорила — все в протокол попали. А на меня, — она всхлипнула, кривясь, — на меня отдельную бумагу оформили, сказали, что еще — вызовут... Теперь уж мне покоя не дадут, не-ет, не дадут: сживут со света, это как пить дать!

— Ладно, не горюй, — сказал Костя. И легонько потрепал ее по плечу. — Все обойдется. Переменишь адрес, уедешь — и все дела. Главное, что выпустили! Теперь иди отдыхай. И мне тоже — надо...

— Боюсь, — беззвучно, одними губами, произнесла она, — боюсь идти к себе.

Потом умолкла на миг и с прерывистым вздохом сказала:

— Пойду лучше переночую у девочек... Ты меня проводишь?

— Ладно.

Костя вновь закурил — и на этот раз благополучно. Смятение его прошло. Мысли были теперь ясны и отчетливы.

Итак, что же произошло? Не успел Интеллигент покинуть сборище, как туда, почти мгновенно, явилась милиция. Причем, охотилась она, — как утверждает Роза — именно, за приезжими... Тут какое-то противоречие. Да и вообще, не понятно: каким это образом Игорь — едва только слезший с поезда — успел вступить с мусорами в столь тесный контакт? А вот поведение Брюнета действительно выглядит странно. Он сказал, что идет за водкой — но ведь он же водку не пьет, не любит! Предпочитает ликеры и сладенькие наливки. Да и вообще пьет очень мало — как и все желудочные больные... Но мало того: уйдя «за водкой», он так и не вернулся, не пришел обратно. Пришли другие... Вот тут уже — связь очевидная! И, к тому же, он знал все заранее! Знал о предстоящем приезде блатных, видел телеграмму от Игоря... Костя ничего не скрывал от него. Известный этот фарцовщик, спекулянт, был его давним приятелем. Когда-то они даже работали на пару — и не плохо. Парень этот вообще был удачлив. Удачлив до странности.

Легко выпутывался из всех передраг, никогда не горел... Раньше это восхищало Хмыря. Теперь он вдруг задумался: почему? Почему Брюнету всегда так везет? Какая сила постоянно хранит его и спасает? Как она, эта сила, зовется? Может быть, имя ей — угрозыск?

Костя шел рядом с Розой — попыхивал дымком, жевал отсыревшую папироску... Вдруг он остановился. Решительным жестом запахнул пиджак. И спросил, понижая голос:

— Послушай, на малине обыск был, конечно?

— Был... Но, в общем, не большой. А что?

— Ты не знаешь: они не нашли тот тайничок — в задней комнате, под цветами? Ну, тот, где коробки с патронами...

— Нет, нет, — засмеялась Роза, — обошлось — слава Богу!

— Ага. Ну, так дай ключи.

— Ты хочешь — туда? — испуганно дернулась она.

— Не бойся, — мигнул он глазом, — я на минуту. Только возьму коробку — и назад.

— Ах, неосторожно, — слабо сказала она, вручая ему ключи. — А что, если там...

— Ерунда, — отмахнулся Хмырь. — Что они мне, в крайнем случае, сделают? Ну, проверят и отпустят. Документы у меня в полном порядке. Отличные. Сам мастырил!.. Но только, я уверен, теперь там пусто.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Взошедший над Полтавою день был безоблачен, чист и исполнен засушливого зноя. Потоки слепящего света рушились из синевы на покатые кровли и застывшие в безветрии сады. К полудню стало припекать особенно свирепо. И когда Игорь добрался до высокого углового дома — того самого, где жила Наташа, — он весь уже взмок, пропылился, был утомлен. Его мучила жажда. Он чувствовал себя невыспавшимся и разбитым. Эту ночь он провел в привокзальном скверике, на скамейке, — слабо дремал там и беспрерывно пробуждался, тревожимый сторонними шумами, и поднялся рано, чуть свет.

Теперь, войдя в подъезд — в полутьму его и прохладу — Игорь подумал с наслаждением: «Первым делом, попрошу у Наташки напиток. Может быть, есть пивко холодненькое — ах, хорошо бы!..»

Лифт не работал — оказался испорченным. Пришлось подниматься на восьмой этаж пешком. Уже стоя перед дверью, нашаривая звонок, Игорь вдруг ощутил беспокойство: а как она, кстати, здесь живет? Одна? Или с кем-нибудь — с

каким-нибудь мужиком? Тогда, на вокзале, она ничего не сказала об этом. Вероятно, забыла, думала о другом... Что ж, если кто-нибудь и есть у нее — удивляться нечему. Она ведь уже не девочка. И вообще, такой товар не залеживается, не ржавеет...

Он позвонил. Дверь растворилась с шорохом. На пороге возникла Наташа — она была не одна! За нею маячило мужское незнакомое лицо; бледные полные щеки, узкая полоска губ. И тотчас же Игорь понял, кто это. И странное дело, — испытал мгновенное острое чувство разочарования и смутной безотчетной обиды...

— Здравствуй, Игорек, — сказала Наташа, — входи!

И потом — влоборота — указав на мужчину:

— Познакомьтесь... Мой муж, Сергей.

— Милости просим, — пробормотал Сергей. И, несколько помедлив, — словно бы нехотя, — протянул Игорю влажную, вяло раскрытую ладонь.

Они обменялись рукопожатием, постояли немного, произнося случайные, ничего не значащие фразы. Потом прошли в комнату. Приглядываясь к Наташе и Сергею, Игорь уловил в их жестах и интонациях какую-то натянутость, напряженность... «Чего это они? — мельком подумал он, — поссорились, наверное? А впрочем, что ж, дело понятное — семья!»

И опять, при этой мысли — семья — что-то укололо его, ужалило в сердце...

— Значит, вы — как я успел понять — старый друг Наташи, — усаживаясь и потирая ладонь о ладонь, сказал Сергей. — Росли вместе...

— Точно, — кивнул Игорь. — В одном доме, в одном дворе.

— В сущности, мы с ним почти что родня, — быстро выговорила Наташа. — Ведь — с самого детства!... Ты понимаешь, Сережа?..

Подавшись к мужу, она легонько коснулась его плеча. Но Сергей не ответил, не поднял к ней глаз. Он словно бы вовсе не замечал Наташу. Пристально, в упор, разглядывал он Игоря и улыбался, потирая руки.

— Вместе росли. Да, конечно. Детские воспоминания, я понимаю, самые трогательные... Ну, а теперь — простите — вы откуда? Из каких же краев?

— С востока. — Игорь сделал рукой неопределенный жест. — С Севера.

— Ого! Конец неблизкий. Вы там, что же — работали? Служили?

— Ну, ясно... Служил.

— А простите — где?

— В геологическом управлении, — скороговоркой произ-

нес Игорь. И шевельнулся нетерпеливо. Назойливые эти вопросы становились утомительны, начинали тяготить его.

И тотчас же Наташа (она все видела, примечала, стоя за спиной мужа) вмешалась в беседу — воскликнула, всплеснув руками:

— Господи, что же это я? Пригласила человека на обед — а сама забыла! Ты уж извини, Игорек. Соловья ведь баснями не кормят... Но ничего, сейчас я все сделаю! Сейчас, сейчас.

Она ушла на кухню — загремела там кастрюлями. Сергей и Игорь, оставшись наедине, продолжали беседовать; разговор их был прерывист, шел зигзагами. Хозяин по-прежнему сыпал вопросами, а гость отвечал — все более скупой, холодно, неохотно.

— Сколько же лет вы провели на этом вашем Севере?

— В общем, немало.

— Значит, вы говорите — служили в геологическом управлении...

— Я по специальности геолог. Изыскатель.

— Что же вы, простите, изыскиваете?

— Ну, это долго объяснять...

Игорь усмехнулся и потом — сужая глаза сказал:

— А вы?

— Я? Ну, что ж обо мне... Профессия у меня скромная, не романтическая.

— А все же?

— Я, видите ли, хозяйственник. Замдиректора мебельной фабрики. В Полтаве я человек новый. Всего лишь третий год здесь живу. А, простите, вы... с тех пор, с детства, так и не навевались сюда ни разу?

— Да как-то так все получилось, — пожал плечами Игорь, — был занят...

— Это сколько ж лет вы отсутствовали?

— Много. Считайте — с войны!

— Ай-яй! Да... И что же, сюда — надолго?

— Не знаю.

— Но возвращаться на Север не собираетесь?

— Да говорю: не знаю!

Возникла томительная пауза. Наташа, тревожась, заглянула в столовую. Игорь сидел, облокотясь о стол — постукивал о край его ногтями. Сергей теперь стоял посредине комнаты — листал блокнот, рылся в нем сосредоточенно. Брови его были опущены, на щеке подрагивал желвачок.

— Сережа, — сказала она, — ты бы пока помог мне накрывать на стол. Все уже готово, остались голубцы; минут через пять доспеют — и все. Можно садиться!

— Ага, — отозвался тот, — хорошо. Я только позвоню сейчас на фабрику. Срочно, понимаешь, надо — а я запамятовал...

Он спрятал в карман блокнот. Остро, коротко, глянул на Игоря. И выйдя в прихожую, к телефону, осторожно притворил за собою дверь.

Беглый этот взгляд неприятно царапнул Игоря и почему-то сразу насторожил. Не понравилась ему и плотно притворенная дверь... «Зачем? — мгновенно подумал Игорь, — зачем ее надо закрывать? Он же собирается звонить на фабрику... Может, у него какие-нибудь секреты? Но — какие? Фабрика-то ведь мебельная! Нет, тут что-то не то».

Он потянулся к лежавшей на столе пачке сигарет. Закурил — затянулся жадно. Затем встал со стула и, пройдясь по комнате, сказал, разбивая рукою синий слоистый дым:

— Прости, Наташенька. Я не спросил: можно ли здесь курить?

— Кури, пожалуйста, — сказала Наташа. Она стояла спиной к нему, наклонясь над столом — расправляла, разравнивала смявшуюся скатерть. — Вообще не стесняйся, все пустяки.

— Ну как, пустяки, — возразил он, придвигаясь к двери, — неудобно, все-таки. Пришел в дом, надымил.

Легким небрежным движением толкнул он дверь. Она скрипнула, поддалась... И сейчас же, в образовавшуюся щель, просочился быстрый, приглушенный голос Сергея:

— Да, да. Он самый. Безусловно! Ну, не знаю, наверное, еще не скоро. Пока посидим, пообедаем... Ага, ага. Ладно. Постараюсь!

Звякнул рычаг. В коридоре зашлепали шаги. Игорь отшатнулся от двери — повернулся к Наташе. Она копошилась теперь у комода, доставала тарелки. Он сказал, шагнув к ней:

— Давай уж я, что ли, пособлю тебе — а? Наташа?

И в ту же секунду на пороге появился Сергей.

— Ну, зачем же вам, — проговорил он, — не беспокойтесь, сидите, ради Бога... Вы — наш гость!

За короткий этот срок он изменился разительно — стал совсем другим. Он как-то вдруг оживился, повеселел, преисполнился странной бойкости. Хлопотливо подскочив к жене, он принял у нее из рук тарелки — со стуком расставил их. Смахнул со скатерти какую-то пылинку. Оглядел стол, задумался на мгновение. И сказал, потирая руки:

— Все, вроде бы, в ажуре. Одного только не хватает — водочки. Может сходить, — ты как думаешь, Наташа? Все же ведь — встреча... Такой гость... Уж если принимать, так по-настоящему!

— Как хочешь, — сказала она. И внимательно, испытующе, посмотрела на мужа. Перемена, происшедшая с ним, удивила ее и озадачила. Озадачила, пожалуй, сильнее, чем та напряженность и подозрительность, с какой он держался вначале. — Если хочешь — сходи...

- Но ты-то сама — как? Не возражаешь?
— Нет, наоборот. Я бы сейчас тоже выпила.
— Ну, вот и ладно.

Он натянул пиджак и поспешно направился к выходу.

Едва лишь на лестнице заглохли его шаги, Игорь сказал:

— Вот что, милая. Мне сейчас придется уйти отсюда, понимаешь? Уйти — и как можно скорей!

— Но почему? — изумилась Наташа. — Что еще стряслось? Если это — из-за Сергея...

— Да как тебе сказать. — Он замаялся, наморщась. — В общем, боюсь, что сюда — с минуты на минуту — вломится милиция.

— Милиция? — повторила она растерянно. — С какой стати? За кем?

— За мной...

— Ты это — серьезно? — спросила она, запинаясь.

— Вполне.

— По-моему, ты что-то не договариваешь, скрываешь...

— Потом я все тебе объясню, — перебил он ее, — а пока вот что. Давай договоримся, где мы можем встретиться? Когда и как?

Спустя минуту, Игорь уже стоял на лестничной площадке. Лицо его было пасмурно, к губе прилип тлеющий окурочек. Он стоял, прислонившись к перилам лестницы, — осматривался и соображал.

Восьмой этот этаж был последним. Выше начинался путь на чердак. Отсюда, с площадки, был виден краешек чердачной двери... Первой его мыслью было: туда! Навверх! Но тут же он передумал — принял другое решение.

Тщательно раскурив папиросу, Игорь — метким щелчком — зашвырнул ее на ступеньки, ведущие к чердаку. Сделал он так неспроста. Дымящийся окурочек заметен. Милиция, без сомнения, сразу же обратит внимание на такую деталь...

Он спустился по лестнице до середины пролета. Здесь помещалось окошко. Невысокое и пыльное, оно выходило прямо на улицу. Прежде чем исчезнуть из дома, следовало проверить: все ли благополучно в его окрестностях... Резко, рывком (чтобы не было скрипа!) распахнул он оконную раму, выглянул наружу. И тотчас же отшатнулся, вобрал голову в плечи. Потом снова, украдкой, приник к окну.

Он увидел внизу — на обочине тротуара — фигуру Сергея. Сергей был не один. Плотно придвинувшись к нему, стояли двое мужчин в перепоясанных плащах и одинаковых темных кепках. Они — все трое — о чем-то оживленно толковали. В руках у Сергея зажата была бутылка; она казалась ослепительно белой, в ней плавилось и отражалось солнце.

Вот Сергей отступил на шаг, повернулся, указывая на

дом. Бутылочное стекло в его руке сверкнуло и брызнуло режущим светом. Это было — как выстрел. Как беззвучный выстрел... Больше Игорь уже не смотрел. Он знал теперь, что из дома ему не выбраться, не уйти незаметно. Он — в западне, в капкане!

Не раздумывая, он двинулся дальше — вниз. Дойдя до шестого этажа, он осторожно приблизился к одной из дверей. На табличке, прибитой к ней, значилась женская фамилия. Игорь замер, прислушиваясь. Уловил неотчетливую, слабо, как дуновение, звучащую музыку. И надавил кнопку звонка.

Немолодая, грузная, в пестром халатике женщина, строго спросила, отворив дверь:

— Вам кого?

— Извините, пожалуйста, — пробормотал Игорь, — у меня вот какое дело... Я, понимаете ли, ищу одного человека...

Он назвал фамилию Наташи; расчет его был прост и точен. Стоило бы ему только произнести любое другое, выдуманное имя, — и диалог с этой женщиной мгновенно кончился бы, пресекаясь. Теперь же она сказала участливо:

— Вы ошиблись, голубчик. Наташа живет на восьмом этаже. Угловая дверь — направо.

— Да, да, — покивал Игорь, — знаю. Я там был только что. Но вот беда: в квартире никого нет, понимаете...

Произнося все это, он — как бы невзначай, незаметно — наступал на хозяйку, теснил ее вглубь прихожей.

— Очевидно, ушла куда-нибудь. И, главное, неизвестно — когда вернется. А у меня времени в обрез. Через час надо быть на вокзале. Вот что обидно. Побывать в доме и уйти не поймавшись... Представляете?

Он говорил без умолку, торопливо и, в то же время, напряженно прислушивался к звукам на лестнице. Там, в отдалении, возникла какая-то возня, смутный шорох. Вспыхнули и заметались голоса, многократно повторенные эхом. Застучали шаги. Шаги множились, приближались.

Игорь находился теперь в прихожей — за порогом. Оставалось последнее: захлопнуть за собою дверь... Это он и сделал со словами:

— Разрешите, я черкну ей записочку. Оставлю вам, а вы — передадите. Ладно?

— Конечно, конечно, — сказала она, — прошу вас.

Он вытащил из кармана смятый листок бумаги (с наташиным адресом), приложил его к запертой двери — расправил, разравнял. Затем старательно — огрызком карандаша — написал: «Дорогая Наташа! Сколько лет мы не виделись... Я так хотел повидать тебя, встретиться с тобою! И вот, видишь, как глупо все получилось...»

Шаги на лестнице множились, приближались. Судя по все-

му, шли трое, или четверо... Идущие поравнялись с дверью — протопали, сопя. И торопливо стали удаляться.

Игорь оглянулся на хозяйку. Сказал, вертя в пальцах затупившийся огрызок:

— Как-то неряшливо получается, грязно. Может, у вас чернила найдутся, а? Я бы переписал. Если, конечно, это возможно. Мне очень неловко вас беспокоить, но — сами понимаете. Такое дело...

— Понимаю, — засмеялась она, — да вы не волнуйтесь, не нервничайте. Идемте-ка в комнату!

Вскоре он уже сидел за столом, прихлебывал чай со сливками, хрустел печеньем. (Обед не удался — теперь он навостывал упущенное!) Хозяйка — одинокая, скучающая, недавно вышедшая на пенсию — была женщиной радушной и любила поговорить. Наташу, как оказалось, она знала давно; когда-то работала машинисткой в одном с ней институте. Узнав, что Игорь — старый наташин друг, она сказала, улыбаясь, собрав морщинки у глаз и на полных щеках:

— Вот как! А я было подумала: вы недавно познакомились. Решила, что это так... флирт, приключение, какое-нибудь дорожное знакомство...

— Ну, что вы, что вы! — Игорь поднял ладони протестующим жестом. — Какой флирт!

— Ну, а что ж с того? — возразила она. — Ваше дело молодое...

— Нет, нет, — сказал он, — именно — дружба! Старая! А она, как известно, не ржавеет.

Так они сидели и беседовали неспешно. Здесь было уютно, чисто прибрано, покойно. Посвистывал самовар. Негромкая тягучая песня сочилась из стоявшей в углу радиолы. Песня была старая, памятная с детства... «Пара гнедых, — говорилось в ней, — пара гнедых, запряженных с зарею...»

Игорь заслушался, размяк. Сейчас он чувствовал себя в безопасности и как бы отдыхал от тревог. Хотелось и вовсе забыть о них — но забывать было нельзя... Взглянув мельком на часы, он понял, что пора уходить! Вообще-то было бы неплохо еще побыть здесь, посидеть — для надежности. Но ведь он же сам заявил, что поезд его отходит через час... Этот час прошел. Да, надо уходить!

— Ну, спасибо вам, — трудно, медленно произнес он, вставая. — Пойду.

— Ваш поезд когда отходит?

— Да скоро, — нехотя пояснил он, — в общем, сидеть некогда. Надо спешить. Как это ни прискорбно.

— Да, а — письмо? — спохватилась хозяйка. — Вы же хотели переписать...

— Письмо... — Игорь наморщился в раздумьи. — Вообще-то, конечно, надо было бы... Но — ничего! — Он махнул рукой. — Сойдет и так.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Спускаясь по лестнице, он все время держался настороже... Но нет: все обошлось благополучно! Ни в доме, ни вокруг него, не оказалось ничего подозрительного. Погоня запуталась, ушла по ложному следу. Вдруг он рассмеялся — неудержимо, судорожно, до слез. «Представляю, какие теперь морды у мусоров, — подумал Интеллигент, свернув в переулок и стремительно удаляясь от злополучного этого дома. — Представляю... Невеселые, да, невеселые».

Те, о ком он только что подумал, и в самом деле, выглядели невесело. Сдвинув на ухо кепку, задумчиво поскребывая ногтями подбородок, стоял — прислонясь к ограде тенистого, поросшего акацией двора — начальник опергруппы Наум Сергеевич. Он стоял, запрокинув голову, разглядывая вознесшийся над ним ребристый кровельный скат. Из-за этой крыши углом проступала другая — соседняя. А еще дальше виднелась пологая кровля высокого углового восьмизэтажного дома. Поиск шел оттуда; он докатился по гребням и изломам крыш до укромного этого двора — и пресекся, кончился. Дальше построек не было. За оградой помещалась строительная площадка.

— Куда же он подевался? — медленно процедил Наум Сергеевич. — Исчез — как испарился...

Сотрудники, окружавшие его, помалкивали, курили, переминаясь. Одежда их была истерзана, лица — припорошены пылью. Затем один из них сказал, выплюнув окурок и старательно растирая его каблуком:

— С чердака можно было уйти только этим путем. А тут мы все проверили! Действительно — непонятно... Прямо — Фантомас какой-то!

Вот так у Интеллигента появилось еще одно прозвище: Фантомас.

— Фантомас! — угрюмо усмехнулся Наум Сергеевич. — Н-да... Это, конечно, все объясняет... Вряд ли только наше начальство удовлетворится таким объяснением.

На исходе того же дня — в недрах полтавского угрозыска — беседовали двое.

— Итак, подведем итоги. Что же получается? Ни одна операция, в сущности, к осязательным результатам не привела...

Говоривший это — парторг управления — умолк, похрипывая одышкой, потер ладонью бритый свой череп.

— Вчера ночью было задержано сколько человек? Двое — если не ошибаюсь?

— Двое, — сказал Наум Сергеевич.

— А всего сколько было в этом их притоне?

— Шестнадцать.

— Ого, — крикнул парторг, — немало.

— Да, конечно. Но все они, в принципе, здешние, полтавские. У каждого — знакомства, родственники, всяческие связи... Наверняка, имеется алиби... Нет, с местными трудно. Для нашего дела никто из них не подходит. Только эти...

— Ну, хорошо. Эти! Ты задержал всего лишь двоих... Но самый-то главный скрылся. Тогда ушел и сегодня — тоже... Из-под самого носа ушел. Оба раза! Как же так?

— Как-то так получилось... Сам не пойму. — Наум Сергеевич растерянно моргнул, поднял плечи. — Очень уж ловок, видать, подлец! Ребята в шутку его Фантомасом окрестили.

Он ударил правой, стиснутой в кулак рукою о левую ладонь:

— Ну, ладно... Далеко этот Фантомас все равно теперь не уйдет.

— Да ведь и вообще, если вдуматься, — добавил тут же парторг, — брать его необходимо при всех обстоятельствах. Участие его в краже чемодана бесспорно, подтверждено показаниями Грачева. И если насчет тех — двух — прокуратура еще может усомниться, то здесь все наверняка. Все точно. Санкция будет, я это обещаю! Главное сейчас — напасть на след. — Он тяжело шевельнулся в кресле, посмотрел на собеседника в упор. — Вот что ты мне обеспечишь... Сможешь?

— Смогу, — уверенно проговорил Наум Сергеевич. — Моя агентура...

— Агентура! — небрежно отмахнулся парторг. — Разговор я о ней слышу много. А толку пока что — чуть... Не нравится мне здесь что-то, сомнительным кажется, смутным.

— Что же, например? — прищурился Наум Сергеевич.

— Ну, хотя бы то, что этот Фантомас так странно — вовремя — исчез из малины.

Парторг склонился, посапывая, к столу, зашуршал бумагами. И потом сказал:

— Вот — твоя собственная докладная. Ты пишешь: «Из опроса присутствующих выяснилось, что Игорь Беляевский внезапно покинул помещение за четверть часа до прихода опергруппы».

— Что ж, правильно, — пробормотал начальник опергруппы, — не пойму, что вас тут смущает...

— А может, он ушел не случайно? Может, его кто-то предупредил, а?

— То есть, как — предупредил? — удивился Наум Сергеевич. — Кто? — Лицо его дернулось и напряглось. — Кто же бы это мог?

— Не знаю, не знаю... Эта твоя хваленая агентура — ты за нее ручаешься? Вполне?

— В общем, да, — покивал, наморщась, следовательно. —

Человек, с которым я там связан, проверен давно и надежно. Это как раз он — если помните — помог нам в деле Новоселова. И кое в каких других делах тоже содействовал. И весьма успешно. Так что я не допускаю...

— А все же подумай, проверь, пораскинь мозгами... Все ведь случается — сам знаешь! Ты с ним когда в последний раз виделся?

— Недавно.

— Теперь постарайся встретиться еще раз. Срочно! И пощупай его, проверь, присмотришься... Соображаешь?

— Н-не совсем, — трудно, медленно выговорил Наум Сергеевич. — Вы что же, полагаете, что это двойник?

— Я ничего пока не полагаю, — резко возразил парторг. — Я просто делюсь с тобой сомнениями. Человек этот — твой, а не мой. Вот и займись им, как следует. Выясни, чем он дышит, какому богу молится, с кем дружбу водит... Вообще, подбери к нему ключи...

— Слушаюсь, — сказал, подтягиваясь, начальник опергруппы. — Постараюсь.

Отойдя от дома подальше — свернув на центральную улицу и растворившись в пестрой людской толчее — Игорь остановился передохнуть. Недавнее нервное напряжение спало, сменилось гнетущей усталостью. Захотелось лечь, вытянуться, забыть. «Куда податься, — задумался он, — где отыскать надежное место? Разве что — вернуться в притон... Малыш и Копыто будут кривляться, конечно. Но черт с ними! Дружба рухнула, ее не вернешь. А дела — что ж... Я им пообещал отдать должок — и отдам. В этом они не должны сомневаться... И, кстати, расскажу шпане о сегодняшнем приключении!»

Вот так он размышлял, стоя в тени, у газетного киоска. Он ничего не знал о ночной облаве, не ведал беды, нависшей над его головою; не подозревал о том, что с этого дня он уже, в сущности, проклят и напроць отвергнут блатными. Душа его была незамутнена, и мысли были легки.

«Пойду, — решил он твердо, — хоть отдохну по-настоящему!»

И только он подумал это — в стороне, в отдалении, возникла фигура, показавшаяся ему знакомой. Он взгляделся: смуглое, цыганского типа лицо, косая черная челка над бровью... «Ну, ясно, — сообразил Игорь, — это же гитарист! Тот самый парень, что был в притоне в ту ночь; играл и пел, и неплохо пел».

Вокруг бурлила и текла густая толпа; крутились, рябя, косынки и кепки, пыльники и пиджаки. Предвечерняя улица была залита светом, исполосована тенями и битком набита людьми. Но все эти люди были чужими Игорю. Близкой и своей казалась ему только та, отдаленная фигура...

Гитарист, очевидно, только что вышел из пивной. За его спиной зияла растворенная дверь; там, в полумраке, в прохладной глубине, смутно белели столики, двигались темные силуэты. Он стоял у порога, вполоборота к двери — дожидался кого-то... И в тот самый момент, когда Игорь приблизился, из глубины пивной появилась женщина — рыжеволосая, с покатыми плечами, с обширной грудью, колышавшейся в вырезе пестрого платица. Пухлые плечи ее были обнажены, осыпаны веснушками. И на правой ее руке Игорь увидел наколку: сердце, пронзенное стрелой...

— Привет, — сказал Игорь. Он весело сказал это, так как был искренне доволен встречей. — Привет, друзья! Вот хорошо... Тебя-то, Роза, мне как раз и надо...

То, что произошло затем, повергло Игоря в изумление. Гитарист отшатнулся, прижимаясь боком к стене. Лицо Розы как-то странно осунулось, завяло, губы побелели. В расширенных глазах метнулась тревога.

— Ты, — проговорила она вздрагивающим голосом.

— Я, — сказал Игорь, — конечно — я! Кто же еще? Вы что — не узнаете меня?

— Ты... Чего ты от нас хочешь?

— Да ничего... Просто — поговорить, — недоуменно и растерянно пробормотал Игорь. — Я не пойму... В чем дело? Что с вами такое? Вы меня, наверное, не узнаете, путаете с кем-то другим.

— Да нет, узнаем, — сказал, кривясь, гитарист, — такого ни с кем не спутаешь... После всего, что было...

— А что — было? — спросил сейчас же Игорь. И весь напрягся, исполненный скверных предчувствий. — Что?

— А ты разве не знаешь? — поигрывая бровью, сказала Роза. — Не догадываешься? Ну, конечно, конечно. Ты же ведь мальчик тихий, простой, ни в чем не повинный.

— Ни в чем, — сказал Игорь. — Точно. Ну-ка, что вы мне можете предъявить?

«Неужели, это все — по поводу чемодана? — тоскливо подумал он. — Скорее всего — так... О, проклятье! Но ведь это же мелочь, пустяк, не стоящий разговора!» Он подался к Розе — шагнул к ней — и она попятилась, в страхе.

— Ну! — повторил, накаляясь, Игорь. — Что вы можете предъявить? Говорите же, черт вас возьми! Если вы имеете в виду ту, ночную историю, — так мне просто смешно... Произошло недоразумение. Я, конечно, виноват — не отрицаю. Но иначе я поступить не мог. Просто не мог. И не так уж это ужасно... И вообще, хватит о пустяках!

— Так ты считаешь это пустяками? — взвизгнула Роза. — Ах, ты... — Она задохнулась, замерла на миг. Воздела в гнев руки. — Ах, ты!

— погоди! — одернул ее гитарист, — не делай базар.

Он быстро, коротко оглянулся. И уловил сторонние, исполненные любопытства взгляды. Ссора у дверей пивной начала уже привлекать внимание; бурлящая вокруг толпа как бы стала сгущаться, слегка замедлила ритм.

— Тихо, Розочка, тихо, — пробормотал он опасливо, — не надо нервов. Гляди — фрайера! У них уши, как радары.

И затем, — понизив голос, — оборотясь к интеллигенту:

— Ты сказал, что вину свою не отрицаешь?

— Ну... Да, — замылся тот, — в какой-то мере...

— Значит, все же — не отрицаешь? — настойчиво попытался гитарист. — Признаешь?

— Д-да.

— Ну, вот и ладно, — сказал гитарист. — Это-то и надо. Хорошо, хоть сразу раскололся.

Он вдруг прищурился, охваченный какой-то новой мыслью.

— Погоди. А — почему?

— Что? — не понял Игорь. — Что — почему?

— Почему ты так легко признаешься, колешься, а? Дело-то ведь серьезное... Непонятно. Или, может, — тоже как-то хитришь?

— Да зачем, — воскликнул Игорь, — зачем мне хитрить? Ты говоришь: дело серьезное... Ничего серьезного в том, что произошло, я не вижу. Да, не вижу! В конце концов, если и есть какая-то моя вина, то — небольшая. Все это выеденного яйца не стоит. И мне действительно смешно...

И тотчас же Роза задергалась, зачастила визгливо:

— Навел мусоров, ссучился, заложил всю кодлу и это, потвоему, вина небольшая? Тебе — смешно?

— Кто ссучился? — вздрогнув как от удара, спросил Игорь. — Я?

— Ты, — сказал гитарист. — Ты же сам только что признался! И не кривляйся; если уж начал колотиться — колись до конца. Расскажи-ка, когда ты успел столкнуться с милицией? После твоего ухода легавые вломились почти сразу же, через пятнадцать минут... Они, конечно, ждали, пока ты отвалишь... Все было заранее продумано, это ясно. Но как ты ухитрился все это обстрипать — вот, что интересно! В ту самую ночь, или раньше? Может, ты писал с дороги не одному только Хмырю?

Только сейчас, только в этот момент понял Игорь всю безнадежность обрушившегося на него несчастья. Случилось что-то странное, непостижимое. Причем — и это самое главное! — случилось в его отсутствие... И ничего уже, в сущности, нельзя теперь ни изменить, ни поправить. Он понял это, угадал; битую карту не переигрывают — за нее просто платят!

Ах, он отлично понял это. Но все же попытался еще раз разговориться, разобраться в ситуации, как-то спастись...

— Послушай, послушай, — произнес он, запинаясь, с трудом шевеля помертвевшими губами. — Это какой-то бред... Чертовщина... Мы же толковали о разных вещах! Я совсем в другом признавался! Я ведь — про что? Про чемодан. А то, о чем ты говоришь...

Он не закончил — не смог. Его толкнули в плечо и оттеснили в сторону. Из пивной, гогоча и топая, вывалилась шумная компания. Между Игорем и гитаристом мгновенно вклинился какой-то тип — распаренный, пахнущий потом и пивным перегаром. Возникла суета. Блатные разделились, раздались; их завертело в водовороте. И когда гуляки схлынули, Игорь увидел, что он — один. Один! Без своих! Гитарист и Роза исчезли, поглощенные толчеей. А может, — бежали, воспользовавшись ею...

Они бежали. Но слова, оброненные гитаристом, остались. И наиболее отчетливо врезалось в сознание Игоря одно только слово — одно имя — Хмырь.

«Хмырь! Старый дружок, надежный парень. Конечно же, это он. Только он повинен во всем! Он с самого начала был в курсе всех дел. Он готовился к встрече. И подготовился — подыскал место, указал адрес малины... Что ж, он все сделал с толком, с умением. Выказал сноровку. И лишь в одном ошибся: не учел той случайности, которая помогла мне спастись... Хотя, нет, — подумал Игорь тут же, — он и здесь не ошибся. Все время он был в выигрышном положении, бил наверняка. Я спасся — но какой ценою! Лучше уж было бы погореть тогда — со всеми вместе — попасть под облаву, угодить в милицию. Как я теперь оправдаюсь? Я опорочен, запятнан, а он, проклятый, чист... В глазах всей кодлы он по-прежнему — свой человек, надежный парень.»

Игорь усмехнулся при этой мысли. И почувствовал, как поднимается в нем, подступает к самому горлу, тяжелый, душущий гнев. Такой гнев, когда мутится в глазах, и все вокруг затянато багряною пеленою. Такой — когда уже не думается ни о чем, кроме расплаты, кроме немедленной мести.

«Ты все сделал с толком, с умением. Ты ловко распродал меня, Костя, надежный парень, старый мой дружок. Но все же, я цел, покуда. И еще хожу по свободе. И разговор наш не кончен. И нож мой — при мне!»

Игорь отыскал костин дом без особого труда. Это было дощатое, барачного типа, приземистое строение, расположенное на окраине города, в старом районе, славившемся богатыми своими садами.

Здесь все утопало в зелени, было захлестнуто ею. Пыльная, застывшая в безветрии листва, тяжело нависала над ог-

радами — роняла плотные тени и пахла томительно и хмельно.

Когда Игорь добрался сюда, уже вечерело. Низкое солнце катилось в багровой мути — закатывалось за крышу барака. С трех сторон барак окружал раскидистый запущенный сад. Косые вечерние лучи прошивали листву и плавилась в оконных стеклах. Хоронясь за деревьями, в кустах — держась в густой их, душистой тени — Игорь долго, внимательно разглядывал здание; обшарпанный, грязный фасад, двустворчатую дверь подъезда.

Где-то тут обитал Костя Хмырь; именно по этому адресу послыл Игорь все свои письма.

Он решил проверить: нет ли в доме других дверей. Осторожно обошел барак кругом, обследовал его и возвратился удовлетворенный. Вход имелся только один. Все, таким образом, складывалось удачно. В сущности, Хмырь был почти уже пойман, был у Игоря в руках! Разминуться они не могли никак. Рано или поздно, Костя должен был появиться здесь, пройти — и тогда...

Затаясь в кустах ежевики, Игорь погрузился в ожидание. Он сидел терпеливо и настороженно, а время, между тем, шло. Незаметно пали сумерки. Потянуло сыростью и прохладой. В недрах сада заварился, закипел туман. Белесые его волокна протянулись над кущами сада, над просторным, безлюдным в этот час, двориком.

Повитый туманом, барак как бы отдалился, утратил четкость очертаний. Детали сгладились, стерлись; теперь были ясно видны лишь окна. Освещенные эти квадраты — оранжевые, белые, зеленоватые — обозначились сразу же с наступлением ночи. Они протянулись, вспыхнув, по всему фасаду, и только одно окошко (в самом центре, слева от входа) все время оставалось темным, слепым. Оно зияло, как провал, как пятно сгустившегося мрака.

Костя все не шел, не появлялся. И глядя на слепое это пятно, Игорь вспомнил, что в адресе Хмыря значилось: квартира № 2. «Стало быть, он тут как раз и живет, — подумал Игорь, — и сейчас где-то шляется, собака. Что ж, я подожду».

Игорь шевельнулся, устраиваясь поудобнее. Зевнул, стукнув зубами. Устало поднял воротник пиджака.

«Я подожду. Я дождусь! И прикончу его не просто, не сразу, не с одного удара, нет. Сначала я заставлю его признаться во всем. Буду резать медленно... Натешусь вволю...»

Было тихо. Только где-то за садом легонько позванивала, надрывалась гармоника. Потом музыка ушла. Постепенно угасли все окна в доме. Туман надвинулся плотней... А Костя все не шел, — он так и не появился в эту ночь!

Утром Игорь выбрался из кустов — взъерошенный, в помятом, сыром пиджаке. И потягиваясь и жмурясь, пробормотал с беспокойством:

— Где же он, этот чертов Хмырь?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

А Костя Хмырь в это самое время занимался сходным делом — выслеживал Брюнета, караулил его. Он так же, как и Игорь, не спал всю ночь, и одинаково устал и измаялся, и мысли его были примерно такими же...

Он стоял сейчас у только что открывшегося пивного ларька. В одной его руке были литровая пенящаяся кружка, в другой — зажженная папироса. А за поясом, под рубашкой, грелся тяжелый кольт.

Час был ранний, день еще только начинался, но вокруг ларька уже гомонили алкоголики. Багроволицые, опухшие, они похмелялись, перебранивались, скидывались «на троих». В шумном их окружении было удобно стоять, наблюдая за домом, куда скрылся Брюнет.

Место это было Косте Хмырю незнакомо. Здесь он не бывал еще ни разу. Начав вчера вечером слежку, он долго кружил по городу, обошел немало улиц и побывал по всем известным ему адресам. След Брюнета обнаружился за полночь — в одной из потайных спекулянтских квартир. Оттуда Брюнет отправился к подруге — известной базарной проститутке по кличке Зебра. Пробыл у Зебры до света, а выйдя наружу — пошел прямо сюда. Причем, шел Брюнет (эту деталь Хмырь сразу же отметил!) нерешительно, как бы нехотя. И прежде чем войти в дом — некоторое время слонялся у подъезда, петляя, озираясь опасливо... Почему? По какой причине? Вообще-то, причин для такой осторожности могло быть сколько угодно. Сама их профессия требовала постоянной скрытности и тайны. При других обстоятельствах Костя не обратил бы никакого внимания на все эти мелочи; принял бы их, как должное. Однако теперь — заподозрив приятеля — он решил проследить все его пути и связи. Решил выяснить все до конца.

Пиво в кружке кончилось... Протиснувшись сквозь толпу, он купил новую порцию. Заглянул в кружку. И отстранил ее, поставил на прилавок. Пить натошак кислотоватую эту жижу не хотелось — было тошно... Сейчас же в ухо ему проговорил сплюсватый, пропитанный спиртом голос:

— Что, браток, не идет?

— Нет.

— Что так?

— Отрава...

Костя сказал это равнодушно, не глядя на собеседника. Посасывая окуроч, он разглядывал дом, возвышающийся напротив ларька — наискосок, через улицу... Внезапно там, около подъезда, появилась фигура в перепоясанном плаще и серой кепке. Она была видна лишь мгновение; промелькнула и исчезла в дверях. Но все же Хмырь успел различить знакомый профиль; вислый нос, подбритые усики, острый костистый подбородок. Он узнал характерное, давно знакомое ему лицо старого полтавского чекиста, начальника опергруппы. Опер скрылся в том же подъезде, что и Брюнет... Сбылись, наконец, все самые худшие опасения!

Кто-то легонько похлопал его по плечу. Спиртной, медлительный голос сказал:

— Что ж ты, браток, не пьешь? Ай-ай. Зря только выдыхается...

— Да не хочу, — отмахнулся Костя, — отстань!

— Ну, если не хочешь — давай я допью.

— Пей, — сказал с досадой Костя, — черт с тобой! Только не лезь, не мешай, понял?

— Так разве я мешаю, — обиделся пьяница. — Ты же все равно ведь не пьешь — стоишь, куда-то смотришь...

И тотчас же — при этих словах — из-за угла ларька выдвинулся человек с неприметной внешностью, в скромной одежде. Он пристально взгляделся в лицо Хмыря, обвел его стремительным, цепким, запоминающим взглядом. И растворился в людской толчее.

— Ты, вроде бы, недоволен чем-то? — спросил Брюнета Наум Сергеевич.

— Да не то чтобы недоволен, — хмуро усмехнулся Брюнет, — но все-таки... Слишком уж часто вы стали вызывать. А ведь для меня это риск. Вам — что? Вам не страшно. А мне это все однажды боком выйдет.

— Ну, ну, не будь таким нервным, — пробормотал начальник опергруппы, — что это у тебя за настроение с утра? Плохо спал, что ли? Или с похмелья?

Он нетерпеливо расстегнул плащ, бросил его на спинку стула. И затем — доставая из кармана бутылку ликера — сказал:

— Кстати, если — с похмелья, то вот... Сейчас разговеемся. Отличный ликерчик, импортный. Я же ведь знаю: ты любишь сладкое.

— Что ж, ладно, — ответил, помедлив, Брюнет.

— Ну, тогда садись, — Наум Сергеевич указал полусогнутой ладонью на стул. — Давай, брат, запросто... Выпьем, потолкуем...

— Потолкуем. Только — о чем? — Брюнет уселся, сопя. — Зачем вы, все же, меня вызвали?

— Да так... Просто...

Начальник опергруппы весь как бы лоснился, излучал веселье. Жесты его были широки и радушны, узкие — в тяжелых веках — глаза маслянисто поблескивали.

— Не все же ведь — о делах! Хотя и о делах, конечно, — тоже... Но это потом, погода, это не к спеху. Давай-ка сначала — по одной!

Он ловко откупорил бутылку, разлил по рюмкам тягучую,пряно пахнущую жидкость. Оба выпили, помолчали. Брюнет, сощурился, чмокнул липкими губами; напиток ему понравился — это было заметно. Наум Сергеевич огладил усы ребром ладони, сказал доверительно:

— Чем-то ты, знаешь ли, мне симпатичен. Да, да, симпатичен. А вот по душам поговорить как-то все у нас не получается.

— Да и вряд ли получится, — пробормотал Брюнет, вертя рюмку в пальцах. — Души у нас разные...

— Ну, почему же, — отозвался Наум Сергеевич. — Все мы люди, все мы человеки. Разница, конечно, имеется, как же без этого? Один любит кислое, другой — сладкое. Но это все мелочи. А в принципе — что ж... Понять друг друга, при желании, можно всегда.

Он говорил и чувствовал: разговор не клеится, не получается. Брюнет насторожен и замкнут, и вовсе не склонен к откровенным излияниям. «Трудно будет его расшевелить, — подумал он озабоченно, — ох, трудно! Да и не гожусь я для такой роли. Парторг требует, чтобы я разобрался в нем, узнал, чем он дышит... Приказывать легко, а вот как это сделать? Разве что, напоить по сильнее?»

Он потянулся к бутылке — встряхнул ее, посмотрел на свет. И только приготовился налить по второй, как в дверь внезапно постучали.

Стук был тихий, условный. Начальник опергруппы поспешно отпер дверь. И увидел стоявшего на пороге человека с неприметной наружностью и в скромной одежде.

— Ты что, Зубавин, — спросил он. — Случилось что-нибудь?

— Да, — сказал Зубавин. — Разрешите доложить! — И затем перешел на шепот:

— Возле дома болтается какой-то тип. Весьма подозрительный.

— Где? — так же шепотом спросил Наум Сергеевич. И ступил в коридор, прикрыв за собою дверь.

— У пивного ларька.

— Но... Ты уверен? Ты твердо уверен?

— Конечно.

— Когда же он появился?

— Сразу же вслед за этим, — Зубавин указал глазами на дверь. — И с тех пор не уходит. Стоит, не пьет, все время смотрит сюда... Ведет наблюдение — ясное дело!

— Ага, — Наум Сергеевич крикнул, поскреб ногтями подбородок. — Вот, черт возьми... — И помолчав, спросил:

— Каков он с виду? Приметы?

Зубавин задумался, опустил голову, собрав складками кожу под подбородком (в этот момент в его внешности обозначилось нечто определенное), и затем — быстро, точно, четко — начал описывать внешность Кости Хмыря.

Зубавин не просто описывал его внешность; он давал «словесный портрет».

Старый, опытный — с дореволюционным еще стажем — агент уголовного сыска, он знал дело и был сведущ в искусстве «словесного портрета», разработанном западными криминологами Бертильоном и Рейсом. Твердо следуя правилам прославленной школы «антропологического принципа», он перечислил теперь все детали, характеризующие Хмыря. Добавил к этому подробности, касающиеся одежды. И точность его наблюдений подтвердилась сразу же.

Дверь распахнулась с треском, и в проеме ее возникло одутловатое лицо Брюнета. Щеки его обвисли, подернулись пылью, раздвоенная бровь изогнулась; пересекающий ее шрам побагровел.

Все это время он подслушивал, стоя за дверью, — и сейчас воскликнул, глядя на Наума Сергеевича белыми, прыгающими глазами:

— Это Костя! Приметы — его. Все точно, все точно... Теперь я погиб!

— Какой Костя? — живо спросил Наум Сергеевич.

— Ну, тот самый — Хмырь — друг Интеллигента. Тот, с которым Игорь переписывался все это время.

— Ах, вот это кто, — нахмурился Наум Сергеевич, — вот кто...

— Ну, да. Ну, да, — невнятно, захлебываясь, зачистил Брюнет. — Наверное, он как-то догадался, заподозрил... Специально следил... И вот, готово дело, застукал!

— Но почему ты думаешь, что он следил специально? — мгновенно настораживаясь, проговорил Наум Сергеевич. — С чего ты это взял? Весьма возможно, тут простое совпадение. Парень случайно оказался около ларька, заметил тебя и заинтересовался... Так ведь тоже может быть!

— Да, конечно, — пробормотал Брюнет, — может быть и так. Но все же...

— Что — все же? — хищно подался к нему начальник опергруппы. — Что? — Он внимательно, из-под опущенных век, посмотрел на Брюнета. — Послушай-ка... Этот самый друг Игоря — он ведь и твой друг, насколько я понимаю?

— Не то чтобы настоящий друг... Но — хороший знакомый, старый партнер.

— Это дела не меняет, — отмахнулся Наум Сергеевич, — так или иначе, ты с ним часто общаешься, выпиваешь вместе, беседуешь, не правда ли?

— Бывает, — сказал Брюнет, — ну и что?

— Может, ты когда-то, где-то сболтнул лишнее, промахнулся, а? Ну-ка, подумай, припомни!

— Н-нет, ничего такого, вроде бы, не было, — пожал плечами Брюнет.

— А ты еще подумай.

— Да нет же, черт возьми! Я все отлично помню. И нигде не промахивался.

— Ну, так в чем же дело? — усмехнулся Наум Сергеевич. — Значит и действительно, — случайность.

— Да какая мне разница, — захрипел, задергался Брюнет, — случайность это, или нет, — плевать! — Его лихорадило, трясло — как на морозе. По лицу и рукам шла мелкая частая дрожь. — Главное то, что Хмырь меня выследил. Понимаете? И надо что-то делать с ним, решать, пока он еще здесь, пока не ушел.

А Костя Хмырь все торчал у пивного ларька, все не уходил; его вдруг стали одолевать сомнения.

«Судя по всему, — размышлял он, — тут у мусоров — явочная квартира. То место, где опер встречается с тайной своей агентурой, со своими сексотами. Похоже, что так; очень похоже! Сначала явился один, потом — другой... Но, может быть, я ошибаюсь, путаюсь? Что, если этот опер пришел не к Брюнету, а — за ним. За ним, по его следам, так же точно, в сущности, как и я сам? Что, вообще, я знаю? Весьма возможно, сейчас — в этот самый момент, — Брюнета вяжут, берут, заковывают... Но если это так, его — рано или поздно — должны вывести. Вывести в наручниках... А может, он выйдет сам; спокойненько, запросто, как ни в чем не бывало!? Что ж, деваться некуда, надо ждать. Посмотрим — что будет дальше, чем закончится вся эта история».

Так он думал и маялся в нерешительности, и не знал, не догадывался, что каждая минута промедления все ближе и все неотвратимее подводит его к последней, губительной черте.

— Надо что-то делать, — мечась по комнате, твердил Брюнет, — выпускать его из рук нельзя. Вы представляете, что тогда будет?

— Н-да. — Начальник опергруппы наморщился, поджал в раздумьи губы. — Придется задержать его, это самый лучший вариант.

Он повернулся к Зубавину. Мигнул значительно. (Тот по-прежнему стоял на пороге, у притолки — помалкивал, не

вмешивался в разговор.) Уловив начальственный взор, Зубавин встрепенулся, всмотрелся — и потупился понимающе.

— Можно, — кивнул он, — свободное дело.

— А — предлог? — прищурился Наум Сергеевич.

— Не извольте беспокоиться, — улыбнулся старый агент, — предлог — дело пустое. Можно затеять скандальчик, шумок какой-нибудь... Да Господи, о чем речь? Все сделаем. Мигом.

Коротким движением запахнул он пиджак, низко надвинул на брови кепку.

— Разрешите идти?

И повернулся — уходить. Но тут же остановился, задержанный криком Брюнета:

— Стойте! Не надо!

— Что-о-о? — удивился Наум Сергеевич. — Не хочешь?

— Нет.

— Почему?

— Да неужели же вы не понимаете? — запинаясь и стуча зубами, проговорил Брюнет. — Арест ничего не даст — наоборот. Тогда уж вы меня наверняка погубите.

Дрожь, сотрясавшая Брюнета, все не унималась; руки его тряслись, и он говорил, прижав их к груди — крепко стиснул, сцепив и мелко похрустывая пальцами.

— Стоит ему только придти в камеру, как об этом сразу же все узнают... Тюремный телеграф работает быстрее всякого другого!

— Но... Что же ты предлагаешь? — сказал начальник опергруппы.

— Не знаю. Ах, ничего я не знаю! Хотя...

Брюнет вдруг умолк. Глотнул воздух. И медленным, сдавленным, пересохшим каким-то голосом проговорил:

— Один выход все же имеется. Только один! Но зато — самый надежный.

— Какой же?

— Убрать...

— То есть как — убрать, — повторил Наум Сергеевич. — Убить, что ли?

— Ну да. Пришить — и кончики. Что же еще? Другого выхода нету.

— Да ты что? Ты в своем ли уме? — возмущенно сказал начальник опергруппы. — Ты забыл, наверное, с кем говоришь?

Он напрягся, выпрямился, — словно бы даже ростом стал выше. Рыжеватые усики его ошетинились. На скулах задыгались желваки.

— Как-никак, я — представитель законности.

— А-а-а, — яростно оскалась, перебил его Брюнет, — тоже мне законность! Что я вас, не знаю? Когда вам нужно — вы не стесняетесь... Творите, что хотите...

— Замолчи, — сказал Наум Сергеевич, — слышишь?!

Он произнес это властно, тоном приказа. Шагнул к Брюнету. И сейчас же от двери — в комнату — неслышно ступил Зубавин. Брюнет затих, озираясь. Он трудно дышал, лицо его подергивалось судорожно, в уголках рта скопилась белесая пена.

С минуту все они молчали. Затем Наум Сергеевич сказал — деловито, вполголоса, как ни в чем не бывало:

— Ну, а как же ты это себе представляешь? Как ты намерен?

— Не я, — слабо отозвался Брюнет, — а вы...

— Ну уж нет, — возразил начальник опергруппы. — Не мы, а ты... Если нужно — делай сам. Своими руками.

— А вы, значит, в стороне?

— Да, мы в стороне. В это дело мы вмешиваться не будем. Отдам его тебе, — поступай, как знаешь. Выиграешь, твое счастье. Ну, а если проиграешь...

— А если? — исподлобья глянул на него Брюнет.

— Что ж я тебе могу сказать, — развел руками Наум Сергеевич. — Не проигрывай.

— Вот как, — пробормотал Брюнет. И скрипнул зубами. — Эх, вы... Н-ну, ладно.

Он как-то сразу остыл и заметно успокоился; истерика его схлынула, прошла. Закурив и вытолкнув колечко дыма, он спросил:

— Так значит — отдаете?

— Отдаем.

— Ну, тогда я пошел... Пока!

Брюнет торопливо направился к выходу. Начальник опергруппы сказал — глядя ему в спину:

— Иди черным ходом! Знаешь — где он?

— Знаю, — не оборачиваясь, бросил Брюнет, — все знаю.

Он скрылся в коридоре. Наум Сергеевич наморщился, думая о чем-то, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом поманил к себе Зубавина.

— Слушай-ка, — шепнул он. — Сделаешь так... Иди сейчас за ним. И следи, не спускай глаз. Следи за каждым шагом, понятно?

— Есть!

Зубавин вытянулся, щелкнул каблуками. И затем спросил:

— Дополнительных инструкций — никаких?

— Нет, никаких. Только наблюдай. Вмешиваться мы ни во что не будем, но знать — должны все!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Потолкавшись возле ларька еще с полчаса, Хмырь, наконец, утомился. Ни Брюнет, ни опер не появлялись — и

это одно, уже само по себе, свидетельствовало о многом... Ждать больше не имело смысла; все было ясно и так! «Пойду-ка домой, — решил он, позевывая, — выплюсь, отдохну. А вечером разыщу блатных и тогда решим сообща — что теперь делать».

Он выбрался из толпы, мимоходом — ладонью — потрепал по плечу знакомого алкоголика. (Тот уже успел пристроиться к кому-то другому, был занят разговором и обернулся с неудовольствием.)

— Что, папаша, допиваешь? — спросил Костя, — ну, ну!

Затем он пошел — размышляя о последних событиях и дивясь тому, как стремительно и грозно развернулись они вдруг за истекшие сутки.

«Сволочи! — думал Брюнет, — ох, сволочи! Работай на них, помогай... Ну, нет. С меня хватит. После этого случая я ученый. Больше я не верю никому! Вот расквитаюсь с Хмырем, разделаюсь с ним — и все. И кончики. Пусть они, собаки, ищут себе другого партнера. Слава Богу, что они мне отдали его; открыли чистую карту... Этот шанс — мой. И надо им воспользоваться поумнее, получше! Интересно: вооружен ли Костя? Если он прихватил меня случайно, у него, вполне возможно, ничего при себе и нет... Ну, а может, он следил специально, преднамеренно? Может, он и в самом деле — разоблачил? Что ж, в таком случае, при нем — его кольт. Хороший кольт, новенький; он его недавно только купил у тульских ребят. Если кольт — это серьезно, это трудно... Но — ничего. Как-нибудь! То, что может быть у него, я все-таки, знаю. А вот то, что имею я, он вряд ли сможет угадать; эту штуку он в моих руках еще не видел. Ему сначала и в голову не придет...»

Вот так он думал, провожая Хмыря — прядясь за спинами прохожих и время от времени хоронясь в подъездах домов. Когда они пересекали центр города, Брюнета внезапно кольнуло беспокойство: а не было ли с Костей кого-нибудь еще? Один ли он? Что, если у него имеется напарник — идущий сейчас где-то рядом и наблюдающий за всем со стороны?

Он оглянулся на ходу — окинул внимательным взглядом людную улицу. И не заметил ничего подозрительного.

Зубавин шел за Брюнетом, держась от него на расстоянии десяти шагов. Он видел, как Брюнет обернулся, и сейчас же, на всякий случай, съезжился, опустил голову. Сделал он так машинально, по привычке... В принципе же он чувствовал себя спокойно. Он знал: приметить его в толпе нелегко.

Зубавин умел растворяться, умел менять облик и стано-

виться неузнаваемым. Его когда-то, еще до революции, обучали этому хорошие мастера!

Он действительно выглядел сейчас неузнаваемо. Пиджак был снят и переброшен через плечо. Галстук исчез. Ворот рубашки был вольно распахнут. Исчезла также и кепочка; ее заменил просторный шерстяной берет. И в довершение ко всему, глаза его прикрывали квадратные, в крупной оправе, дымчатого стекла очки.

Все это — и берет, и очки — заранее хранилось во вместительных его карманах. Там было также и многое другое: вторые очки (уже не дымчатые, а синие), еще один галстук, трубка, пестрый канареечный шейный платок. Применяемые в различных комбинациях, вещи эти отлично помогали преображаться, становиться всякий раз новым, иным. Наряду с этим полагалось также менять — время от времени — походку, жесты, манеру держаться... Зубавин в совершенстве знал и это искусство. Он выполнял свое дело легко, как бы даже играючи. Он уверенно шел за Брюнетом, — пас его, держал на крючке. Чем-то он сейчас напоминал рыболова, подсекающего сазана и слегка отпустившего, отдавшего леску; пусть рыбешка покружит, поплещется, все равно, она уже поймана; ей с крючка не сорваться!

Костя Хмырь не торопился домой. Он плелся, застревая у витрин и киосков — перемигивался с продавщицами, толкался в очередях. Затем завернул в закусочную и долго сидел там, завтракая, потягивая местное молодое вино.

Преследователь его остался снаружи — в толпе на трамвайной остановке. Зубавин же, с минуту поколебавшись, вошел в помещение вслед за Хмырем. Он так рассудил: Брюнет не уйдет, никуда не денется. Главное — не терять из вида основную приманку!

Усевшись за дальним столиком, в углу, Зубавин заказал себе протоквашу. И достав из кармана газету, развернул ее с ломким шорохом.

Он отдыхал сейчас. Кружение по городу его утомило. Хоть и любил он дело и с удовольствием играл свою роль, все же тягаться в ходьбе с молодыми не мог уже так, как прежде — быстро выдыхался, слабел. Недавно ему сравнялось шестьдесят, и груз этих лет ощутимо чувствовался, давил.

«Пора, видать, на покой, — вскользь подумал он, — послужил, потрудился, хватит!» В последнее время он нередко приходил к этой мысли. Но всякий раз она рождала в душе его чувство протеста, горечи и обиды. Мысль о покое не тешила его, нет! В старом этом сыщике жила профессиональная гордость, потаенное, но мощное ощущение своей значительности и особой силы. Ощущение это, в

принципе, было сродни тому, что испытывает актер. Разница заключалась только в том, что публика здесь находилась в роковой зависимости от лицедея — была в руках у него, в полной его власти...

Покончив с завтраком, Хмырь зажег папироску. И потягиваясь и морщась от дыма, оглядел зал.

В этот час (время близилось к двенадцати) закусовая выглядела тихой, полупустой; обеденный перерыв еще не начался, и народу было пока не густо.

По соседству с Хмырем помещались две девушки — негромко переговаривались, дробно стучали ложками. Какая-то парочка, поодаль, выясняла отношения: «Нет, ты объясни, — настойчиво бубнил мужской голос, — это куда ж годится?» — «Ах, оставь, пожалуйста, — возражала женщина. — Вечно тебе мерещится...» — «Нет, ты объясни!» У самых дверей, за угловым столиком, сидел, попыхивая трубкой, пожилой коренастый мужчина. Он сидел вполоборота к Хмырю — развалившись на стуле и углубясь в газету. Лица его почти не было видно; из-за края газетного листа проступала лишь часть щеки и тощая, жилистая, старческая шея, повязанная ярким канареечным платком.

Когда Хмырь поднялся, направляясь к дверям, старик шевельнулся, выбил трубку о пепельницу. И тут же вновь прикрылся газетой — затрещал развернутыми страницами.

Когда Костя добрался, наконец, до дому, был уже полдень. Потоки слепящего света заливали двор барака. Бродили сонные куры. Лениво колыхалось на веревках белье, обдуваемое сухим, горячим ветром. Костя пересек двор (мимоходом поздоровался с бабой, развешивающей белье) и, обогнув барак, ступил в густую, узорную тень сада.

Тут было прохладно. Крепко пахло зеленью и нагретой корой. Зыбкие блики света мерцали в зарослях ежевики. Костя остановился возле этих зарослей, под корявым грушевым стволом. Опустился на корточки. И вынув из-за пояса револьвер — аккуратно стал заворачивать его в носовой платок.

Прежде чем лечь спать, он решил припрятать оружие в надежном месте. Слежка кончилась, — так ему казалось! Дальнейшие события должны были проясниться лишь позже, потом, и без толку таскать с собою кольт было сейчас ни к чему.

А в двух шагах от него — в самой гуще кустарника — сидел, схоронясь, Интеллигент. Но он не видел Хмыря, не слышал его, — он дремал в этот момент, сморенный усталостью и томительным безмерным ожиданием.

Игорь сидел, привалясь спиной к пеньку, — скорчив-

шись и подтянув колени к подбородку. Лицо его было помято, к щеке прилипла травинка, шапка сползла, скатилась, и спутанные волосы просыпались на глаза... Он долго крепился, боролся с истомой. И лишь недавно забылся — совсем недавно — за полчаса до появления Хмыря!

Он дремал и слабо улыбался. Смутные видения роились перед замкнутым его взором. И среди неясных, клубящихся фигур только одна ему виделась отчетливо — только одна! Фигура Наташи.

Хмырь завернул револьвер в платок. Поискал, пошарил взглядом в кустах: куда бы лучше сунуть сверток... И вздрогнул, услышав, как за спиной его хрустнула ветка. Зашуршали чьи-то шаги. Он обернулся стремительно — и увидел Брюнета.

— Ты? — изумленно, медленно пробормотал он. — Ты?

— Я, — оскалившись в усмешке, сказал Брюнет. — Что, не ожидал?

— Н-нет... Вот уж, действительно... Ты как здесь появился?

Произнося эти слова, Костя приподнялся. Он держал теперь сверток в правой руке — прижимал руку к бедру и торопливо, прыгающими пальцами, пытался распуścić, распутать платок.

— Тебе же ведь не тут надо быть.

— А где же? — прищурился Брюнет.

— Там, — Костя мотнул головой, — там, где ты нынче утром был. У опера. На этой вашей тайной хавире!

— А ты уверен, что я там был?

— Еще бы! Сам все видел.

— Ну и что...

— Видел! Своими глазами!

— Ну и что ж ты видел?

— Видел, как ты нырял в тот дом, и как опер туда явился. У вас это, видать, уже давно, Эх ты, паскуда! А я-то, дурак, я-то тебе верил — как своему, как брату...

Они говорили быстро, яростно, перебивая друг друга и хрипло дыша. И голоса их разбудили Игоря. Очнувшись, он какое-то мгновение сидел, бессмысленно помаргивал, с трудом осознавая реальность происходящего. Он ведь не спал почти две ночи, и короткая эта дремота не освежила его, а наоборот, — как бы одурманила, опьянила.

Потом он начал понимать, улавливать смысл долетавших до него слов. Разговор происходил здесь же, рядом, за кустами. Раздвинув ветки, Игорь глянул в просвет меж ними — и подобрался весь, напряженно вслушиваясь и темнея лицом.

— Верил... Ах, я дурак! Но ничего. Теперь ты — мой, — говорил Костя. — Теперь уже не отвертись!

— А чего мне вертеться? — небрежно, с какой-то странно наглесою, ответил Брюнет. — Ну, был. Был у опера. Все так! И что же дальше?

— А дальше — вот что!

Избавиться от платка не удалось, но это было уже не важно; палец наконец-то добрался до гашетки, нащупал ее, и Костя сразу же почувствовал себя уверенно, спокойно. Он поднял руку с револьвером. Но стрелять не спешил.

— Теперь ты умрешь. Но прежде скажи-ка мне...

Он не спешил стрелять; хотелось еще потолковать, высказать все, что накопело, и узнать кое-какие подробности. Поигрывая кольцом, он начал фразу — но закончить ее не успел.

Случилось что-то странное, непостижимое... Брюнет (он стоял метрах в трех от Хмыря, не далее) внезапно и резко взмахнул рукой. Перед глазами у Кости мелькнула как бы черная молния. И в ту же секунду он ощутил оглушающий, страшный, тупой удар в висок.

Костя упал — мгновенно, без вскрика — и так и не успел по-настоящему сообразить: что же, в сущности, произошло?

Зато Игорь видел все. Видел ясно, во всех подробностях.

Он видел черную эту молнию и угадал, в чем дело. Брюнет воспользовался страшным оружием — «ростовским кистенем». Так называется гиря — чугунная килограммовая гиря — на ремешке, или тонкой цепочке. Привязанная к запястью, она обычно прячется в рукаве, либо в согнутой ладони, и потому неприметна со стороны. Пущенный в ход, «кистень» действует молниеносно и сокрушительно. Он поражает на расстоянии четырех метров — и уберечься от него практически невозможно. Для этого, во всяком случае, нужен опытный глаз и хороший навык. Костя Хмырь, судя по всему, такого навыка не имел; на Украине ведь оружие это встречается крайне редко! Оно распространено, в основном, на Северном Кавказе и в предместьях Ростова. Будь у Брюнета пистолет, или же нож, Костя знал бы, что делать; он не дал бы себя опередить! Он готов был ко всему — но только не к этому... А теперь было поздно. Теперь он лежал в траве, в изумрудной зелени, и подавшись к нему, Брюнет бормотал, оскалив в усмешечке мелкие, изъеденные свои зубы:

— Ты все, вроде бы, увидел... Хорошо смотрел, собака... А вот главного-то и не заметил, — самого главного, — эх, ты!

Брюнет стоял, разглядывая труп, — неторопливо собирал, сматывая, накручивая на запястье ремешок кистеня. Он тор-

жествовал сейчас! Он снова был доволен собой и верил в свою фортуна.

Первым движением Игоря было — защитить Костю, спасти... Но он опоздал. Он ведь не сразу очнулся и какое-то время пребывал в полубеспамятстве, в зыбком дурмане. А когда он разобрался, наконец, в ситуации и поднялся, рванулся, раздвигая кустарник — все уже было кончено.

Тогда Интеллигент вспомнил о ноже. И торопливо потащил его из-за голенища, не сводя с Брюнета острых, немигающих глаз.

Заметив возникшего из кустов человека, Брюнет на мгновение замер, застыл. Он посмотрел в глаза Игоря — и уловил, прочел в них свою участь. Усмешка сошла с его лица, жесты стали неровными, руки заторопились.

Рывком подхватив гирию, он шагнул к Игорю и замахнулся — завел для броска руку...

Пригнувшись, Интеллигент шарахнулся в сторону. И стал, хоронясь за корявым грушевым стволом. Он сделал это вовремя! Едва лишь он спрятался, — о ствол, сотрясая его, звонко цокнула гирия кистеня. Удар был меток; он пришелся вровень с головой. С ветвей посыпался мелкий древесный мусор, запорошил Игорю брови и ресницы.

Помаргивая и шурясь, Игорь выглянул из-за ствола; подбросил нож и ловко поймал его за лезвие. И затем метнул во врага.

Голубовая сталь сверкнула в лучах, — прочертила блещущую, ломанную трассу — и с коротким свистом вонзилась в правое плечо Брюнета.

Брюнет охнул, приседая. Лицо его исказилось, завяло. На рукаве обозначилось густое, рыжее пятно.

Но все же враг был жив! Игорь выругался с досадой. Он целил в горло — и промахнулся. Такого с ним раньше не бывало. Причиной всему, вероятно, был сор, просыпавшийся в глаза...

Брюнет был жив. Мало того, ранение, видимо, не подкосило его и не сильно ослабило. Он держался, действовал! Здоровой левой рукой он нащупал нож — резко рванул его и высвободил со стоном.

Теперь опять игра пошла в его пользу. Фортуна и впрямь улыбалась этому стукачу! Обретя дополнительное оружие, он наступал на Игоря — шел к нему, рыча от боли, всхлипывая и шумно дыша. А Игорь был беззащитен; был с пустыми руками.

Существует старая босяцкая заповедь: тот, кто пользуется ножами — должен иметь их несколько. С одним ходить нельзя. Необходим запас. Он бывает необходим в самых

разных обстоятельствах, в том числе — и в таких вот, как сейчас... Игорь понимал свою ошибку. И чувствовал, что она — непростительна.

Но все же, надо было что-то делать, как-то выкручиваться... Единственно правильное решение — бежать — представлялось Игорю невозможным, противоестественным. Нет, бежать он не мог! Он должен был отомстить за друга. Отомстить сурово, по всем правилам. И, таким образом, как бы оправдаться перед ним и перед своей собственной совестью.

А Брюнет приближался... Пользоваться кистенем он, по счастью, не мог; правая рука его бездействовала, висела плетью. Зато в левой — льдисто и жутковато — светилось узкое жало ножа.

Игорь напряжился, подобрался весь, готовясь к схватке. Невольно подался назад. И задел ногою что-то твердое. «Камень», — подумал он. Быстро глянул вниз — и увидел кольт Хмыря.

Вернее, не кольт — а платок. Револьвер был прикрыт им наполовину. И именно эта деталь — белое пятно — прежде всего бросилась Игорю в глаза.

Лишь в следующую секунду разглядел он вороненый, масляно поблескивающий ствол и краешек рубчатой рукоятки. Мысленно возблагодарив судьбу за неожиданный этот подарок, Интеллигент присел, схватил кольт. Мгновенно сорвал с него платок. И поднял голову.

Брюнет стоял уже над ним.

От Игоря его отделял теперь один шаг — один только шаг! Что-то хрипло выкрикнув, Брюнет шагнул, занес нож. Узкое голубоватое лезвие сверкнуло и приблизилось... И уклоняясь от удара — падая на спину — Интеллигент торопливо нажал спусковой крючок.

Нажал — и потом еще раз. И еще.

Он стрелял в ненавистное, судорожно кривящееся лицо, в хрипящий рот, в широкий шрам, пересекающий бровь; стрелял до тех пор, пока лицо это не исчезло, не растаяло в пороховом дыме.

И было видно сквозь дым, как Брюнет попятился и согнулся — словно бы сломился надвое. И медленно, грузно осел наземь.

Над кущами сада заматалось гулкое, дробное эхо. Крича и путаясь в листве, взмыла из кустов стая птиц. Затем пришла тишина.

Игорь поднялся и с минуту стоял, держа в руках закопченный, еще не остывший после стрельбы револьвер. Он и сам еще не остыл, был весь на пределе...

Брюнет лежал на боку, неестественно скорчившись. Нож выпал из его руки и поблескивал в мятой, орошенной

кровью траве. А поодаль — темнело недвижимое тело Хмыря.

«Ну, вот и все, — мысленно сказал, обращаясь к другу, Игорь, — вот все и кончилось. Я сделал, что мог! И ты прости меня, Костя. Я был виноват перед тобой. Виноват дважды. В первый раз — потому, что не поверил. Заподозрил в предательстве, а значит, сам тебя предал... И еще потому виноват, что не спас, не помог. Но теперь все в порядке. Брюнет прикончен. И мы с тобой квиты.»

Игорь сильно потянул воздух сквозь сцепленные зубы. Передохнул, успокаиваясь. Он отомстил, расплатился с врагом! — и сознание выполненного долга принесло ему сейчас неизъяснимое облегчение.

И была, помимо этой мысли, еще одна — потаенная, подспудная, но не менее сладостная.

«Теперь я, наконец-то, смогу оправдаться перед кодлой! Все прояснилось, распуталось, встало на свои места. Предатель раскрыт — и уже наказан. Наказан не кем-нибудь, — мною! И за одно это уже блатные должны быть мне благодарны...»

И только он подумал так — за деревьями, со стороны дома, послышался чей-то смятенный возглас.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Чей-то возглас послышался за деревьями. Смутные тени замаячили там. И перед взором Игоря предстало новое лицо.

Знакомое лицо; Интеллигент распознал его тотчас же. Это был Гитарист — тот самый парень, который находился на малине в памятную ночь, перед милицейской облавой. И который затем, — на шумной улице, возле пивной, — первый бросил Игорю страшное обвинение...

Он все время мельтешил на пути у Интеллигента, попадался в роковые моменты. Теперь он явился не один; с ним было двое неизвестных парней. И все они, выйдя из-за деревьев, смотрели на Игоря. Смотрели пристально, изумленно.

Поворотясь к друзьям, Гитарист проговорил что-то — быстро и неразборчиво. Игорь уловил лишь слово: «Назад!» И он шагнул к блатным, и вскинул было руку — желая остановить их, удержать; намереваясь объяснить им случившееся...

Он шагнул и понял: бесполезно. Хотел крикнуть, позвать ребят, — и не стал. Блатные исчезли, сгнули, так же внезапно, как и явились.

Тогда Интеллигент опустил руку. И вдруг заметил, что в ней зажат кольт — еще теплый, еще дымящийся. Он совсем забыл о нем, запямятовал. И ужаснулся тому, что при-

зывный его жест блатные могли истолковать неверно, ошибочно — так же ошибочно, как и всю эту сцену в целом.

Игорь попробовал представить себе, как выглядит он со стороны. Запущенный сад, ржавая от крови зелень лужайки. Два простертых в траве трупа. И над ними — одинокая его фигура с револьвером... С револьвером! Он даже застонал от отчаяния. Его словно бы преследовал какой-то рок; последнее время он непрерывно попадал в ситуации фальшивые и запутанные. И вот опять все обернулось против него. Если раньше его подозревали в предательстве, то теперь вполне могли обвинить в убийстве, в расправе над своими. Он снова проиграл. И на этот раз — окончательно, уже без малейшей надежды на какой-либо отыгрыш.

Резким движением отбросил он в сторону кольт. Подумал, поколебался... И потом — нахмуясь — подобрал его снова. Осмотрел, проверил. И сунул в боковой карман пиджака.

Он обыскал также одежду Хмыря и выгреб из карманов патроны. И перейдя к соседнему трупу, присев около него на корточки, отмотал с руки Брюнета сыромятный, тонкий ремешок кистеня.

Затем он поднял валяющийся в траве нож — старый, испытанный свой финяк, с узким, чуть изогнутым лезвием и наборной рукояткой. Этот финяк был сработан по личному его заказу, — еще на Востоке, в одной из лагерных мастерских. Делали его умелые люди. Рукоять лежала в ладони увесисто и надежно; сама просилась в нее! Гибкая, отполированная сталь была остра и певуча, и исполнена холодного, струистого блеска.

Интеллигент обтер нож о траву. Повертел его в пальцах, любуюсь. И легонько, ласково, провел по плоскому лезвию кончиками пальцев. И сейчас же сталь запотела, затуманилась, взялась тончайшими радужными пятнами. «Как рыбаья спина, — подумал Игорь, — как нежная спинка форели...»

И еще раз, тщательно обтерев финяк, он упрятал его в привычное место — за голенище сапога.

Теперь он был полностью вооружен. Хорошо вооружен! И только это служило ему утешением. Он понимал: тихая его жизнь кончилась, рухнула. Все нормальные связи в ней распались. Наступает новый период — период одиночества и звериной тоски. Отныне его ждет война. Война со всеми и против всех!

Блатные оказались здесь совершенно случайно. Шли мимо барака и вспомнили вдруг про Хмыря. Завернули к нему — но не смогли достучаться. Во дворе какая-то женщина развешивала белье... Гитарист обратился к ней, справляясь о Косте, и услышал в ответ: «Ищите за домом, в саду».

Вот так это все случилось. Внезапно возникшая в саду стрельба насторожила и озадачила ребят. Они ринулись на звуки выстрелов — и увидели уже знакомую нам картину.

Увидели — и тотчас же отступили, ушли. Ушли, в основном, потому что все они были в данный момент безоружными (они ведь направлялись не на работу, а просто — погулять и развеяться). Вообще, надо сказать, что российские блатные — в отличие от западноевропейских — не злоупотребляют ношением оружия; стараются иметь его при себе как можно реже и применять только в случаях крайней надобности. Тут все дело в режиме. Советский закон — в этом смысле — крайне суров. За хранение огнестрельного оружия в России обычно дают по суду от трех до пяти лет лагерей.

В уголовной практике всегда возможен некий случай, непредвиденная проверка документов, внезапный обыск, ошибочный арест... Если при этом в карманах задержанного милиция обнаруживает наган или браунинг (два самых распространенных в России вида огнестрельного оружия), блатному уже не отвертеться, не уйти от тюрьмы. Он теряет свободу при всех обстоятельствах. Теряет надолго, и ссылается далеко.

За ножи, конечно, тоже наказывают — но не так уж жестоко... Потому-то уголовники и пользуются ими охотнее всего.

Вскоре блатные уже сидели в укрытии, в потайном притоне; пили, обсуждали случившееся.

— Значит, он устрепал обоих, — задумчиво сказал кто-то, — но за что? По какой причине?

— Черт его знает, — пожал плечами Гитарист. — Наверное, они что-то знали о нем...

— Костя Хмырь, кажется, был с ним давно знаком?

— С детства, вроде бы, — сказал Гитарист. — Старые кореша.

— Ничего себе — кореша! — усмехнулся другой парень.

— А кстати, — прищурился первый, — этот самый Хмырь — он ведь, кажется, и привел Интеллигента на малину?

— Не привел — просто дал адрес, — уточнил Гитарист. — Но это все тоже дело мутное. — И помолчав, добавил угрожающе: — Эх, был бы Костя жив — мы бы его спросили... О многом бы надо было его спросить!

— Теперь что ж о нем... Бог ему судья! И историю эту, видать, уже не понять, не распутать.

— Поч-чему? — возразил Гитарист. — Распутаем. Все распутаем.

— Это каким же образом?

— А вот найдем этого подлеца, разыщем — и все. И лады.

— Так-то оно так, — проговорил его собеседник. — Но вообще-то, взять его будет не просто. Это тертый мужик, бывалый, — по всему видать.

— Помните, — подхватил другой, — помните, как он вскинулся, когда нас увидел — сразу изготовился к стрельбе...

— Эх, обидно. — Гитарист крепко, ладонью, ударил по столу. — Было бы хоть что-нибудь у меня — хоть что-нибудь! А так... Эх! Он с пушкой, а я — голенький. Он нас — да, а мы его — нет... Что ж тут поделаешь? Глупо получилось.

— Куда ж он теперь может податься? — помедлив, спросил один из ребят. — У него есть тут какой-нибудь украв?

— Поди — угадай, — отозвался другой. — Он ведь, кажется, местный?

— Да, — кивнул Гитарист. — Полтавский. Коренной.

— Ну, тогда ищи ветра в поле...

— Ничего. Как-нибудь! — сказал, отделяя слова, Гитарист. — Теперь им вся кодла займется. Вся! Специально займется. Теперь-то уж точно.

— Ну, если кодла, — протяжно сказал первый.

— Ну, если вся, — словно эхо, отозвался другой.

Выбравшись из сада, Игорь перемахнул через дощатую изгородь и очутился на соседнем участке. Миновал и его. Выскользнул на улицу: осмотрелся, перевел дух. И метнувшись через дорогу, углубился в путаницу мелких глухих окраинных переулков. Он старался уйти подальше от злополучного места — и не только из-за блатных. С минуты на минуту туда могла нагрянуть милиция, привлеченная громом стрельбы. А ведь она тоже охотилась за ним!

Игорь чувствовал себя окруженным, обложенным со всех сторон — словно загнанный волк. Повсюду у него были одни только враги! Да, нормальная его жизнь кончилась, все привычные связи распались.

Все — кроме одной, единственной... Он вдруг подумал о Наташе. Связь эта, как тоненькая ниточка, была непрочна, ненадежна, едва приметна — но все-таки она существовала, и нельзя было ее обрывать.

Игорь глянул на часы. Озабоченно сдвинул брови. Время близилось уже к четырем. А ровно в пять у него было назначено свидание с Наташей. Она должна была, по уговору, ждать его в кафе, напротив главпочтамта. Это, в сущности, на другом конце города. Путь не близкий — шагать, да шагать! Он вздохнул и заторопился.

Не приведи Бог опоздать, — упустить из рук последнее...

— Что с тобой, Игорек? — спросила Наташа, тревожно, с беспокойством, глядяваясь в лицо Интеллигента.

— Ничего, — пробормотал он, усаживаясь за столик и тяжело дыша после быстрой ходьбы. — А в чем дело?

— Ты ужасно выглядишь.

— Просто — устал, замотался.

— Где ж ты был?

— Так... в одном месте... — Он сделал рукой неопределенный жест.

Наташа сказала, осторожно проведя пальцем по шершавой его, небритой щеке:

— У тебя здесь царапина. И рубашка вся в грязи, и на рукаве — гляди-ка — кровь... Ты, что ли, дрался?

Он не ответил — молча пожал плечами. Осмотрел рукав пиджака. И подумал, что это кровь Брюнета... Вероятно — запачкался, когда отматывал ремешок кистеня. Н-да, вид, конечно, аховый, дикий. И как это все объяснить ей? Да и стоит ли? Есть ли смысл ее пугать? А может, все же — стоит?

— Ах, Игорек, Игорек, — сказала она, — и когда ты угомонишься?

— Дело не во мне, — проговорил он трудным, сдавленным голосом. — Таковы обстоятельства. — При этих словах он шевельнулся — искоса глянул на дверь. — Так уж как-то складывается.

— У тебя почему-то всегда все складывается именно так! И в детстве, — помнишь? — вечно ты задирался, ходил в ссадинах, в синяках.

Они заговорили о детстве. И долго, наперебой, вспоминали различные события и даты, перебирали имена школьных друзей. Размягченный, оттаявший, Игорь проговорил:

— Хорошее все же было время. Беззаботное — вот что главное!

— И мы сами были другие, — негромко сказала Наташа. — Чище были, красивее, счастливее.

— Ну, тебе-то грех жаловаться, — сказал Игорь. — На что ты ропщешь? Молодая, красивая — все при тебе! И нормальная жизнь, и... — Он усмехнулся. — Семейное счастье.

— Ах, какое там семейное счастье, — возразила она. — Если бы ты знал...

— А что такое? — понизил он голос. — Не ладно что-нибудь?

— В общем — да. — Она потупилась, заломила бровь. — Не хочется только рассказывать.

Подошел официант. Наташа заказала кофе с булочкой, Игорь — пива и сто грамм водки.

В ожидании заказа каждый помалкивал — думал свое. Наконец, появились на столе водочка и пивная, запотевшая от холода, бутылка. Игорь поднял стакан, сощурился. И опрокинул его в горло — жадно, одним толчком.

Выпил — и снова оглянулся на дверь. И потом повернулся к Наташе. Она сидела, прихлебывая кофе мелкими глотками. Лицо ее было пасмурно, опущенные ресницы подрагивали.

Отодвинув пустую чашку, она вздохнула. Облокотилась о стол — подперла кулачком подбородок:

— Не хочется рассказывать. Неприятно. Но если уж — на чистоту... Все у нас с ним плохо, все неладно. Что ни день, то новая ссора.

— И... Давно у вас так? — поинтересовался Игорь.

— Да почти что с самого начала.

— Из-за чего же это? Если, конечно, я могу задать этот вопрос...

— Можешь, Игорек, — покивала она, — можешь, родной мой. Тебе все можно... Ты спрашиваешь: из-за чего? Сама не знаю. Из-за всего. Мы с ним, в общем, разные, чужие... Никак, ни в чем не можем понять друг друга. К тому же он не верит мне, замучал подозрениями.

Слабым движением отбросила она упавшую на лоб, витую пряжку. Умолкла на миг. И взглянула на Игоря в упор.

— Послушай, ты чего все время вертишься, оглядываешься? Кого-то ждешь?

— Я? — Он изобразил недоумение. — Чепуха! Никого не жду. С чего ты это взяла?

Он потянулся к пиву. Налил стакан и отхлебнул из него, и утерся медленно. Потом зашуршал папиросами. И вдруг ощутил усталость. Смертную усталость. И отчаяние. И безнадежность. Вот сейчас они поговорят и разойдутся, и... что? Что потом? Вероятно, будут еще такие же вот встречи. А может, и нет, не будет их. Как ему теперь жить? Они разойдутся, и она отправится домой. А он — куда? Куда ему деваться и на что рассчитывать, — одинокому, загнанному, потерянному среди чужих?

Наташа что-то говорила — негромко и горестно, и он с усилием заставил себя вслушаться.

— Я, конечно, тоже не ангел. Но все же... Постоянные сцены — от этого можно сойти с ума! Теперь вот — из-за тебя. Он твоего имени не может слышать. Он на все готов...

— Я это знаю, — сказал Игорь медленно. — Потому-то, собственно, я и ушел тогда.

— Ты... понял, почувствовал?

— Да нет, все гораздо хуже. Помнишь, тогда вдруг явилась милиция? Ну, так вот: это он ее вызвал.

— Что-о-о? — Наташа отшатнулась. — Он?

— Да, — сказал Игорь. — Вызвал по телефону, тайком...

И закурив — окутавшись в дым — он рассказал Наташе обо всем; кинулся в откровенность, как в омут, как в ледяную воду.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Рассказ Игоря длился долго... Наконец он умолк. Наташа проговорила — стесненным, прерывистым шепотом:

— Господи, Господи! Так значит, это все — из-за меня?

— Я не к тому, — отмахнулся Игорь. — Я это — просто... Вот таковы дела! Теперь ты в курсе... Знаешь все подробности.

— Но это же страшно!

Она зябко передернула плечами. Ей словно бы немоглось сейчас. Губы ее дрогнули и ослабли, глаза ушли в тень.

— Как же ты будешь, а? Игорек? Надо ведь как-то спастись... Что-то предпринимать.

— Не знаю, — усмехнулся он хмуро. — Ума не приложу.

Он задумался, застыл, — прикусив губу, бессильно уронив руки на скатерть.

— Что-то надо предпринимать... Но что? Что? Ах, черт, как нелепо все сложилось! Один — без друзей...

— А обо мне ты забыл? — сказала Наташа. И положила на его руку — свою.

— Да, да, — он посмотрел на нее благодарно. — Это правда. Только ты у меня одна и осталась. Давай-ка выпьем за это!

Подозвав официанта, Игорь заказал еще водки... Они со звоном сдвинули стаканы. Выпили. Потом Наташа сказала медленно:

— Может быть, самое правильное было бы сейчас — уехать? — Она выжидательно посмотрела на Игоря. — У тебя деньги есть?

— Н-нет, — признался он.

— Ну, так держи! — Наташа поспешно раскрыла сумочку — зашуршала там. — У меня здесь немного. Но на билет хватит... Если не очень далеко... Вот! Бери — и на вокзал.

Она достала пачку мятых рублей и положила ее на стол, перед Игорем. Тот сказал, двинув деньги локтем:

— Что ты, милая, что ты! На вокзал мне сейчас нельзя. Где-где, а уж там-то меня наверняка уже ищут... И прихватят сразу же, с ходу. Нет, вокзал — самое гиблое место!

— Но ведь и в Полтаве тебе тоже нельзя оставаться.

— И все же придется.

— Но — как же?... И где?

— А вот это, как раз, и надо нам обдумать.

— Послушай, — проговорила она, наморщась. — У меня есть подруга. У нее отдельная квартира, и живет она одна...

— Нет, — сейчас же ответил он.

— Но почему?

— Ты за нее ручаешься?

— Вполне.

— Вполне?

— Ну... да. — Она подняла брови. — А что?

— Ты с ней давно знакома?

— Не очень. Так — года с два. Но она хорошая, своякая, уж поверь! Вся душа — нараспашку.

— Я тебе верю, — мягко сказал Игорь, — верю, милая. Но все же этот вариант не подходит. Во-первых, за подругу твою полностью ручаться трудно. Слишком уж мало ты ее знаешь! А душа нараспашку — это еще не аргумент. Пожалуй, наоборот... Ну, и во-вторых, в такой квартире я буду, как в ловушке, соображаешь? Как в западне. Если что случится, не вырвешься. Да и вообще, — суета, соседи... Мне надо что-нибудь понадежнее и, — как бы тебе объяснить? — попроще, что ли. Может быть, даже не в самом городе, а где-нибудь около. В предместье, в пригороде.

— Ну, тогда хочешь — ко мне на дачу? Там сейчас никого; дом пустует.

— На дачу? — Игорь поджал губы. В сомнении качнул головой.

— Но там, действительно, пусто! У Сергея отпуск уже кончился. Да и соседей нет — уехали в Крым.

— Заманчиво, конечно, — протянул Интеллигент. — Но все же... дача-то ведь твоя? Тебе принадлежит?

— В том-то и суть. Я хозяйка!

— Вот потому и не стоит мне туда соваться! Зачем тебя впутывать во все эти дела? Ну, посуди сама: вдруг меня там найдут, накроют.

— А почему ты думаешь?..

— Н-ну. — Он дернул плечами. — Всяко бывает.

— Тогда вот что. — Наташа умолкла, сдвинула брови. И затем — просяив: — Ну да, ну да! Это лучший вариант. Вот что... Ты город знаешь?

— Плохо, — сказал Игорь. — Забыл уж многое; сама понимаешь.

— Но реку-то хоть помнишь? То место, где мы купались? Ну, то самое, где обрыв, а рядом — мост.

— Ах, это... — Игорь улыбнулся. — Припоминаю.

— Вот. Теперь слушай внимательно.

Она придвинулась к Игорю, положила ему руку на плечо. И он уловил ее дыхание — прерывистое, щекотное, жаркое:

— За мостом — если идти по течению — находится старая консервная фабрика. Вернее, не фабрика, а развалины. Они еще со времен войны остались. Ты найдешь их легко. Ходьбы туда минут пятнадцать, и главное здание видно издали-ка.

— Ага! — сказал Игорь. — Это уже интересно. Значит, говоришь, развалины... Но укрыться-то в них можно?

— Конечно можно! Разрушено ведь не все. Я там, кстати, была недавно. Мы с друзьями катались по реке — ну и завернули мимоходом, полазили... Место для тебя отличное. Надежнее не придумать.

— Что ж, ладно, — сказал Игорь медленно. — Остановимся на этом...

Он покосился на деньги — собрал их, пересчитал.

— Бери, бери! — сказала Наташа. — Тебе же нужно... Запасись едой, папиросами. А послезавтра я приду к тебе. Перед вечером, часов в шесть.

Они сидели тесно, почти вплотную; лицом к лицу, глаза — в глаза.

Светлые, широко распахнутые глаза ее заслоняли теперь все. Посторонние детали исчезли, отступили куда-то; остались только зеленые эти озера. И были они глубоки, и наполнены теплым странным свечением. И они говорили, спрашивали, ждали ответа.

— Хорошо? — спросили они.

И Игорь ответил взглядом:

— Хорошо.

Покуда они разговаривали, сидя в кафе, события разворачивались своим чередом. Далеко отсюда — на окраине города, в заброшенном старом саду — собралось сейчас немало народа.

Как и предполагал Игорь, милиция появилась сразу же. Прибежавший на место происшествия участковый немедленно вызвал оперативников и экспертов. Люди эти заполонили теперь двор около барака и сад; одни из них опрашивали жителей, другие рыскали в зарослях, третьи — производили осмотр убитых; фотографировали их, обыскивали, снимали отпечатки.

И здесь же, в толпе, обретался пожилой приземистый мужчина, с неприметной внешностью и в скромной одежде.

Он держался особняком; в споры не ввязывался, помалкивал. И лишь однажды (да и то недолго) поговорил о чем-то с парторгом Проценко, который занимал одновременно должность заместителя начальника городского управления милиции. В этот день Проценко нес дежурство по управлению. И когда прозвучал сигнал тревоги, — решил лично, сам, возглавить выездную группу.

То, что он увидел, озадачило его и навело на беспокойные размышления. И все время, покуда он знакомился с обстановкой и распоряжался, и беседовал с людьми, — с лица его не сходило выражение замкнутости и заботы.

Обследование трупов — дело кропотливое, долгое. Прошло достаточно времени, и день уже потускнел и иссяк, прежде чем работа экспертов была закончена.

Похрипывая одышкой, жуя прилипший к губе, отсыревший

окурок, Проценко прислонился к грушевому стволу — строго посмотрел на окружающих (они тотчас же притихли) и начал не спеша диктовать протокол осмотра места происшествия:
— 1959 года, 27-го августа, в светлое время суток...

А вечером того же дня в кабинете у парторга появился Наум Сергеевич.

На сей раз он не бегал, не кружил по комнате, нет, — он сидел сбоку от стола и настороженно, исподлобья, следил за Проценко.

Парторг же расхаживал, заложив руки в карманы галифе. Толстое его лицо было насуплено и багрово, на бритом черепе поблескивали росинки пота.

— Не понимаю... Да, не понимаю! — Парторг произнес это густо, с отяжкой. Тряхнул обвисшими щеками. — Не могу понять! Как можно было так испортить все дело; запутать, привести к нулю... Не по-ни-маю. Вспомни, что ты обещал мне? Хотел исправить положение, помочь с отчетностью — а что вышло? К старым нераскрытым делам теперь добавилось новое. Да ведь какое! Два трупа — зараз!

— Что же, это все по моей вине?

— А по чьей же? Твои ошибки...

— Ну, от ошибок никто не застрахован, — сказал Наум Сергеевич. — Сами знаете: не ошибается только тот, кто ничего не делает.

— Знаю, знаю. Но слишком уж много промахов накопилось. Один за другим... Непостижимо! Ну вот — посуди сам.

Проценко поднял пухлую растопыренную ладонь и начал медленно загибать пальцы.

— Неудача с облавой — раз. Беляевский ушел тогда прямо из рук. Прямо из рук! И потом ты снова его упустил. И считай дальше: я тебе посоветовал прошупать свою агентуру, приглядеться к ней получше — а чем же это закончилось? Явочная квартира раскрыта, провалена. Твой агент убит. И — пятое — преступник скрылся.

Пальцы его плотно сомкнулись в кулак и, потрясая им, Проценко проворчал хриловато:

— Все худо, все! Убийцу этого тоже ведь упустили, не смогли выследить. Вот — твои люди! Я разговаривал с Зубавиным...

— И что же он?

— Да что, — отмахнулся парторг. — Старик, что с него возьмешь! На пенсию пора. Не угнался, говорит, отстал... Хорошо хоть дал словесный портрет. Знаешь, чей? Описание убийцы полностью совпадает с приметам твоего Фантомаса.

— Ах, жалко... — раздумчиво сказал Наум Сергеевич. — Жалко, я не смог выехать на происшествие; занят был, возился с бумагами в секретной части... Он, стало быть, перекокал всех.

— Нет. Судя по показаниям Зубавина, сначала дрались двое — твой Брюнет и его приятель. Фантомас появился позже. Как и откуда — непонятно. Там, вообще, много неясностей. Зубавин, к сожалению, видел не все.

— Как же так?

— Да вот так... Не все! Успел заметить только начало, только драку. А затем во дворе появились какие-то люди — и он отвлекся. И Фантомаса засек лишь в последний момент.

— Н-да, скверно получилось, — процедил, теребя свои усики, Наум Сергеевич. — Хотя... Как посмотреть. В конце концов, убитые — кто? Уголовники, преступный элемент. Перессорились, прикончили друг друга — о чем речь? Дело ясное. И с нас тут спрос небольшой! Для прокуратуры...

— Для прокуратуры, друг мой, — перебил его парторг, — существует сам факт убийства. И наша обязанность — его объяснить. Какова бы ни была подоплека... А что мы знаем? Знаем только то, что один из этих уголовников найден с раздробленной левой височной костью. Судя по всему, удар был нанесен каким-то тупым орудием. — Парторг умолк, сопя, вытер платком лоснящуюся лысину. — Другой же убит в упор тремя выстрелами из револьвера, калибра 7,68. Кроме того, на теле его обнаружено ножевое ранение. Вот все, чем мы располагаем!

— Ну, так в чем же дело? Достаточно.

— Не достаточно. Отнюдь! Дело в том, что оружие-то исчезло. Понимаешь? Исчезло! Сведения о нем имеются, а само оно — где? Вероятно, у третьего... И пока мы его не сыщем — прокуратура у нас не примет материала, не успокоится.

— Ах, черт возьми, — сказал Наум Сергеевич. — Значит, что же: окажись револьвер на месте...

— Да. Револьвер и нож. И тогда, действительно, все бы утряслось, объяснилось. Ну, блатные схлестнулись меж собой, — ты прав, — дело ясное. И третий был бы здесь не при чем...

— Что ж, если загвоздка только в оружии, — медленно, осторожно, проговорил Наум Сергеевич, — еще не все потеряно. Можно кое-что придумать...

И он как-то странно, по-птичь, — боком и снизу вверх, — посмотрел на парторга.

И сразу же отвел глаза, отвернулся с безучастным видом.

Проценко сказал устало:

— А-а-а, оставь. Надоели мне твои махинации.

— Что-о? — сейчас же распрямился, вскинул голову Наум Сергеевич. — Послушайте... Я, конечно, допустил кое-какие промахи, не отрицаю. Но это, все же, не дает вам права... Да и что значит — махинации? И почему они только мои? Все мы ловчим порой, и вы тоже... Все! Каждый по-своему! А в общем, делаем одно дело.

— Да, но делать надо чисто, — наставительно сказал Проценко. Он грузно прошел к столу. Уселся, скрипнул стулом. — Чисто! — повторил он. — Аккуратненько! А ты пачкотню развел. И еще негодуешь.

— Но все же, все же... — Наум Сергеевич стоял теперь, усы его гневно топорщились, сухие впалые щеки были бледны. — Не делайте из меня козла отпущения; я не хуже других... Махинации!

— Да успокойся, остынь, — проговорил Проценко. — Никто и не говорит, что ты — хуже. Чего ты пенишься? Нервишки у тебя, брат, ни к черту. Подлечиться бы тебе, а?

— Ах, да какое тут лечение, — мрачно махнул рукою Наум Сергеевич.

— Нет, в самом деле, — сказал парторг, — подумай об этом. — Он зашуршал бумагами, нагнул бугристый свой череп. — Впрочем, мы сами уже подумали... Посовещались с комиссаром и решили дать тебе возможность отдохнуть.

— Как это — отдохнуть?

— Ну, как люди отдыхают? — Парторг хохотнул добродушно. — Берут отпуск, едут к морю. Загорают, цветочки нюхают...

— Значит, что же, — сказал, сужая глаза, Наум Сергеевич. — Значит, вы, попросту говоря, отстраняете меня от дела?

— Вовсе нет, — досадливо поморщился Проценко. — Все проще, брат, да, все проще... Тебе предоставляется краткий внеочередной отпуск. А дело временно передается другому. Вот так. Временно. Понимаешь?

— Это — кому же?

— Савицкому.

Выйдя от парторга, Наум Сергеевич постоял с минуту в коридоре — угрюмо насупясь, дыша сквозь сцепленные зубы. Расстегнул тесный, душачий ворот кителя. И медленно, тяжело прошел к себе, в оперативную часть.

Там его дождался Зубавин.

— Ага, — сказал начальник опергруппы, — тебя-то мне и надо...

— Разрешите доложить! — Зубавин шагнул к нему, вытянулся.

— Не трудись, — усмехнулся Наум Сергеевич, — я все уже знаю. От начальства. Ему ты постарался доложиться раньше. Почему, черт возьми?

— Что-с? — растерянно спросил Зубавин.

— Почему ты мне сразу же не позвонил — оттуда, с места?

— Не смог, — сокрушенно пробормотал старик, — не успел.

— Не успел! — Наум Сергеевич бешено глянул на Зуба-

вина. — Ты представляешь, в какое положение ты меня поставил? Я, начальник опергруппы, ничего не знаю! Я вынужден все подробности узнавать от Проценко; сидеть с дурацким видом, хлопать ушами. Да еще выслушивать упреки в том, что мои люди не умеют работать... Когда этот — третий — появился, ты где был?

— Да, в общем, недалеко, — развел руками Зубавин, — но ведь там что получилось?...

— Это мне не интересно, — резко прервал его Наум Сергеевич. — Ты мне скажи: почему ты его упустил, а? Как ты мог?.. Тоже — не успел?

Ответом ему было молчание. Передохнув, помедлив несколько, Наум Сергеевич проговорил:

— Что-то ты стал в последнее время — не успевать. Беда с тобой. — И добавил мстительно: — На покой пора, на отдых.

— На отдых? — встревожился Зубавин. — То есть, как?

— Ну, как люди отдыхают? Уходят на пенсию; загорают, цветочки нюхают.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Игорь спал. Ему снился пустой, незнакомый, безлюдный город.

В белесоватом пепельном небе четко вырисовывались крыши; острые изломы и углы, чешуя черепиц и выступы труб. Трубы эти не дымились, и проемы окон были темны. Игорь никак не мог понять: что сейчас — утро? Или, может быть, вечер? Одно лишь он знал, видел отчетливо: было светлое время суток.

Низко, над самыми крышами, висело бледное, бескровное солнце. Странное солнце! Диск его был не круглым — как обычно — а несколько сплюснутым и неровным. Бесформенное это пятно окружала неширокая, черная полоса. И под сумрачным, окантованным тьмою светом, простирались немые скверы, мертвые площади и улицы, лишенные теней.

Игорь видел себя, идущим через пустынную площадь. Он шел, плотно вбивая в асфальт каблуки — торопился куда-то и с тревогой прислушивался к звукам за спиной.

Ему все время казалось, что кто-то идет за ним; настигает, торопится вслед! Каждый его шаг словно бы повторялся, двоился. Но это было не эхо, нет. Эхо возникало отдельно и жило само по себе. Это явно были чьи-то чужие шаги; они сливались, смешивались с его собственными — но все же не совсем, не совсем...

Дойдя до середины площади, Игорь остановился, испытывая томление и тяжкий, невыносимый страх. Стал — и обер-

нулся резко. И замер, обшаривая взглядом перспективу. Все было, как прежде. Угрюмо и немотно высились по краям площади здания. Маячило над крышами солнце, окруженное полосой мрака. Над безлюдными улицами и скверами реяла белесоватая муть.

Город был мертв, пустынен. В мутных его глубинах не угадывалось ни проблеска, ни звука, ни движения. Игорь постоял некоторое время. Потом опять заспешил. И снова, в лад с ним, — нет, не в лад, а чуть позже, поотстав на мгновение — зачастили чьи-то шаги, послышался грозный сдвоенный топот...

Игорь крикнул, задохнулся и сел, — с трудом разлепляя веки, оглядывая полутемную комнату.

Он сидел на полу, на охапке соломы. Рядом с ним помещался дощатый перевернутый ящик. Днище ящика заменяло стол; на нем лежала краюха хлеба, пачка папирос и финский нож. Здесь же — воткнутая в пустую бутылку — мигала оплывшая свечка.

Оранжевое пламя ее слабо подрагивало и билось; из-под неплотно притворенной двери тянуло сквознячком, на полу и на ближней стенке лежали неверные, шаткие блики. Освещенное пространство было невелико. За его пределами клубились густые лиловые тени. Где-то в дальнем углу пустой огромной комнаты сочилась сырость — монотонно постукивала капель. И это, — да еще шорох ветра за окошком, — были здесь единственные живые звуки. Они не нарушали тишины, наоборот, — подчеркивали и обостряли ее.

Игорь зевнул. Потянулся с хрустом. Нашарил на столе папиросу и прикурил от свечи. И долго потом сидел в неподвижности; вслушивался в тишину.

Вслушивался — и вспоминал только что виденный кошмар.

Что он значил и предвещал, этот сон? Бескровное, бледное, омраченное солнце, пустые глазницы окон, улицы, лишённые теней. Призрачный мир! Как после атомной войны... Что это? Намек на грозящие бедствия? Или просто — символ одиночества?

Он шевельнулся. Поднялся. Снова сел. Опустил лицо в подставленные ладони. Один! Один во всем свете! Как потерпевший крушение, как Робинзон... «Хотя нет, не так, — подумал Игорь тут же, — Робинзону Крузо было, все-таки, легче. Он страдал от тоски, от безлюдья. Но боялся-то он вовсе не этого! Он боялся людей. И настоящий, истинный страх, испытал лишь раз — в тот самый момент, когда увидел на берегу след постороннего человека...

Единственный след — и сколько было переживаний и маяты! А что же делать мне; я ведь окружен чужими следами. Их много, они угадываются повсюду. И от каждого я должен вздрагивать и шарахаться, и таиться, опасаясь беды.

И самое гнусное то, что сейчас я — в дополнение ко всему — практически беспомощен, бессилен, обречен на полное бездействие. Я как бы заживо похоронен. Время едет мимо меня... Мимо меня...»

Безмолвие одиночества становилось все более тяжким, давящим, невыносимым. Машинально глянув на часы, Игорь понял, что Наташа, вероятно, уже не придет. Она обещалась к шести, а теперь уже — десять...

Стараясь занять себя чем-нибудь, он прибрал на столе; передвинул и укрепил шатающийся ящик. Поправил соломенное свое ложе. Затем прошелся по комнате. Завернул в темный ее, дальний конец, постоял, рассматривая всяческий хлам — поломанные этажерки, стулья, битый кирпич — и вернулся медленно. Шаги его раздавались в тишине отчетливо и гулко. И вдруг он насторожился — почувствовал холод в груди. В сердце его словно бы вошла ледяная игла.

Звуки его шагов внезапно усилились и странно раздвоились.

Недавний сон воплотился в реальность!

Кто-то находился рядом, за дверью, — бродил там и топал во тьме. Сторонние эти, чужие шаги, на мгновение смешались, слились с его собственными — но все же не совсем, не совсем...

Игорь метнулся к подстилке — к спрятанному там кольту. И остановился, подумав:

«А вдруг это Наташа?»

И сейчас же эту его мысль обогнала другая:

«А вдруг нет, — не она? Теперь надо быть готовым ко всему».

Он достал из-под соломы револьвер. Взвел курок. И подкравшись на цыпочках к двери — распахнул ее рывком.

За дверью стояла Наташа.

— Господи, — сказала она, — как ты меня напугал! — На ней был пушистый свитер, короткая клетчатая юбка. В руке она держала хозяйственную, тяжело нагруженную сумку.

— Входи, — пробормотал он. — Здравствуй, милая.

И потом — засовывая кольт под рубашку, за пояс:

— Почему ж ты так поздно? Я тебя уже и ждать перестал...

— Задержалась, прости... Никак не могла раньше. — Она произнесла это прерывисто, чуть задыхаясь — то ли от волнения, то ли от спешки. — Сергей весь вечер крутился возле меня — словно чувствовал что-то. Не отпускал ни на шаг и сам не уходил. А ведь он иногда уходит по вечерам — или на фабрику, или к друзьям, к преферансистам своим... Играет там, допоздна засиживается.

— Ну, и как же ты?..

— Да в общем, повезло. Вдруг позвонили из цеха — вызвали срочно. Какая-то у них поломка произошла... Не знаю... Словом, он собрался, заторопился, а я сразу — сюда!

— Ну, слава Богу, — сказал Игорь. — Судьба, значит, не вовсе от меня отвернулась. Честное слово: без тебя я бы тут от тоски повесился... Дай-ка, я тебя поцелую.

И он привлек ее к себе, обнял за плечи, и осторожно, бережно поцеловал. С минуту они постояли так — молча и тесно. Наташа погодя сказала, вручая ему сумку:

— Вот, держи. Тут продукты, табак. И одеяло. Тебе ведь оно нужно?

— Конечно, — сказал он. — Это ты неплохо сообразила.

— Ты где же спишь? — поинтересовалась она, проходя вглубь комнаты.

— Вот здесь, за ящиком. — Игорь поворошил носком сапога солому. — Неплохо устроился, а?

— Да как тебе сказать, — повела она плечиком. — Наверное — жестко...

— Ничего, — усмехнулся он, — в самый раз... Сейчас прикрою одеяльчиком — и вообще красота будет.

Игорь присел на корточки. Раскрыл сумку. Наташа сейчас же сказала:

— Постой. Дай-ка, уж я сама...

Достала туго свернутое одеяло — расправила, разостлала медленно. И, вздохнув, уселась на него. Поджала ноги. Поправила растрепавшуюся прядь над бровью.

Игорь копался в сумке — выгружал из нее продукты.

— Ого! — сказал он. — Это кстати, ах, кстати!.. — И засмеялся, удовлетворенный, разглядывая зажатую в руке бутылку. — Коньячок. Да еще марочный. Ну, ты гений, Наташа! Что ж — выпьем?

— Выпьем, — согласилась она.

— Молодец. — Он потрепал ее по круглой коленке.

— Да, — спохватилась она, — я, кажется, забыла штопор...

— Э-э, чепуха, — сказал Игорь. — Обойдемся. — Он повернул бутылку и крепко ударил ладонью о доньшко. Пробка выскочила, чмокнув. Запрокинув голову, Игорь выпил, — передохнул, отдувшись, — и потом еще. И утерев рукавом влажный рот, повернулся к Наташе.

— Пей. — Он протянул ей бутылку. — Тащи!

— Я так не умею, — призналась она, — не пробовала.

— Учись! — сказал Игорь.

— Ладно, — несмело улыбнулась Наташа.

Она выпила — и тут же поперхнулась, закашлялась. Игорь шутливо похлопал ее по спине. Спина была мягкая, податливая — и он невольно задержал там руку... Погладил медленно, взял за плечо. Она не сопротивлялась. Тогда он стиснул ее — наклонил к себе. И тронул губами шею.

— Ой, я совсем пьяная, — сказала Наташа, — совсем, совсем...

Слабым движением провела ладонью по лбу, поправила волосы. И внезапно и остро глянула Игорю в глаза.

— Послушай, не надо...

— Надо, — хрипло выговорил он.

— Но — зачем? — Она шевельнулась и мягко повела плечами, как бы высвобождаясь из его объятия. Но не сдвинулась, осталась сидеть. — Зачем все осложнять? Стоит ли?

— Не знаю, не знаю, — пробормотал он. — И почему именно — осложнять?

— Ну, как же, — вздохнула она, — мы же ведь — друзья.

— Ах, ну и что? — возразил он, — одно другому не мешает, пожалуй даже — наоборот.

— Ты так считаешь?

— Конечно! И к тому же, мы какие друзья? Истинные, старые...

— Вот, вот, — сказала Наташа. — Старые, с детства, почти — родственники, понимаешь? Получится нечто вроде кровосмешательства.

— Ну, что ты, — сказал Игорь. — Что ты. — Он сказал это трудно, не управляясь с дыханием, — вовсе нет. Получится другое...

— Что же?

— То, что нужно.

— Нужно — кому?

— Хотя бы мне, — шепнул он, — мне! И если ты настоящий друг...

Он заглянул в ее лицо. И опять — в который раз уже — подивился ее красоте. И усомнился, подумал мгновенно: «Не может быть, чтобы это было — мое. Неправда. Так не бывает». И затосковал. И спросил:

— Настоящий?

— О да, — сказала она.

— Правда?

— Можешь не сомневаться.

— Что ж, если так... — Игорь прижал ее, сильно, почти с яростью. — Если так — пойми, наконец, меня.

— Я понимаю, — еле слышно отозвалась она, — все понимаю. Но...

— Обойдемся без «но», — сказал он, — без этого союза. Как он, кстати, называется, — по школьным правилам?

— Противительный, — улыбнулась она.

— Ну вот, — сказал он, — ну, вот. Давай-ка, вспомним другой союз. Соединительный. Например — «да».

Сколько времени протекло с этого момента, Игорь не заметил, не сообразил. Он словно бы окупился в небытие.

Окружающее перестало существовать, — заволклось багровым, жарким туманом, — а когда оно снова обрело реальные очертания, Игорь уже лежал, отдыхая и жадно курия.

Он лежал, весь размякший, в истоме. И думал, думал... Думал о том, что вот, наконец-то, ему довелось испытать все то, о чем мечтал он долгие годы на севере, — на жестких барачных нарах.

О чем обычно мечтают заключенные в лагерях? О хлебе и о любви. Первого — мало, второго — почти и вовсе нет. Тоска о том и другом естественна, закономерна. Порою она становится нестерпимой — опустошает душу, мешает жить. Игорь знал немало таких случаев, когда люди, охваченные свирепой этой тоской, теряли равновесие, впадали в безумие, шли на любые кощунства. Да он и сам не раз бывал близок к этому. Игорь отчетливо помнил минуты помрачения, посещавшие его когда-то — это были жуткие минуты! Слава Богу, он как-то справлялся с ними. Выходил из виража. И здесь его нередко выручали женщины.

Женщины... Они все-таки были, попадались ему в лагерях; в этом отношении Игорю везло! Везло, несмотря на все жестокости режима, на бесчеловечную систему, на бдительный чекистский надзор.

Перед мысленным его взором возникла вдруг одна из таких женщин — медсестра из сасуманской приисковой лечебницы. Она работала по вольному найму, жила за зоной, и на территории лагеря проводила половину дня. Бабенка эта была крупная, пухлощекая, с могучей грудью и непомерными бедрами. Глядя на нее, эки говорили: «Такую — если развести пожиже — на весь наш прииск хватит!» Ее и действительно хватало... За время работы она ухитрилась развлечься со многими. Встречалась она и с Игорем, и не однажды — в самых разных местах — то на бельевом складе, то в пустующей бане.

Помимо «вольняшек», были у него и лагерные подруги. Мужчины и женщины содержались в лагерях отдельно — но все же они общались между собой, переписывались и даже виделись порою. Виделись, в основном, за зоной, на рабочих объектах.

Чем крупнее были такие объекты — тем больше бригад выводилось туда из окрестных лагерей. На короткий срок режимные правила иссякали, рушились; мужские и женские бригады перемешивались, трудились бок о бок. И вот тогда-то и происходили памятные встречи; завязывались лагерные романы, вершилась недолгая отчаянная арестантская любовь.

Игорь отлично знал, как все это происходило. В глубоком плотном колымском снегу вырывалась яма — продолговатая и не широкая — на манер могилы. Дно ее устилалось

всевозможным тряпьем. Туда ложилась счастливая парочка — укрывалась бушлатами и полушубками, одолженными у друзей. Сверху все это присыпалось еловой хвоей и снежком — забеливалось для маскировки. И так любовники блаженствовали; проводили время на сорокаградусном лютном морозе, погребенные в снеговой целине.

Блаженство это Игорь испытывал не однажды. Ему попадались славные девочки. Некоторые из них, правда, были странны... Однажды (он невольно усмехнулся при этом воспоминании) произошел у него забавный случай.

Все началось, как водится, с переписки.

Как-то раз — зимой, в декабре — ему передали записку из соседнего женского лагеря. Писала некая Валька по кличке Матрос. Валька сообщала, что давно уже знает его — Интеллигента — по рассказам; много наслышана о нем и заранее, загодя, любит его, как чистопородного и доблестного жигана. Записка была вложена в пестрый кисет. На кисете, затейливой вязью, было вышито: «Закури и вспомни!»

Ответное послание Игорь составил, в основном, из есенинских строчек. Прочитировал отрывок из «Москвы Кабацкой», из «Письма к женщине» и еще что-то... Валька отозвалась немедленно. «Твои слова я сберегу навечно, в глубинах сердца пылкого мово», — писала она и было похоже на то, что строки эти также заимствованы откуда-то, скорее всего, из арестантского фольклора.

Переписка завязалась долгая и обильная. Каждое валькино письмецо обычно сопровождалось какой-нибудь посылкой — расшитыми платочками, очередным табачным кисетом. Кисетов, с течением времени, у него накопилось штук пять, и он впоследствии раздарил их друзьям. По этому поводу было много шуточек. Но всеобщее и бурное оживление вызвал новогодний валькин подарок, — небольшая подушка, думка, в нарядной наволочке, с торжественной надписью: «Спи спокойно!»

— Как на кладбище, — смеялись ребята, — на гробовых плитах... «Спи спокойно!» Ну, доигрался, старик, достукался!

Кончилось все это тем, что Игорь решил, наконец, повидаться с Валькой Матросом. Сделать это было, однако, не просто. Женские бригады выходили на дальний объект — на строительство арматурного завода. Из лагеря, в котором находился Игорь, туда пускали немногих, в основном — строителей, каменщиков, слесарей. Игорю пришлось затратить немало усилий, прежде чем его включили в слесарную бригаду... Как бы то ни было, он вышел, прорвался за зону и встретился с новой своей подружкой. Она оказалась смуглой, сухой, черно-волосой, с крупным ртом и хриплым голосом. Красавицей ее назвать было нельзя — но все же, она чем-то понравилась

Игорю... Он быстро организовал все необходимое; насобирав у бригадников тряпье, позаботился о том, чтобы укрытие было сделано получше, понадежнее. Потом галантным жестом пригласил свою даму вниз — в снеговую траншею... И тут случилась заминка.

Выяснилось, что дама эта — лесбиянка; что она мужчинами вовсе не интересуется, и потому укладываться в яму никак не хочет. И только тут Игорь сообразил, что не даром, очевидно, дана ей кличка Матрос... Поначалу он как-то не обратил на это внимания — а зря! Такую деталь не следовало бы упускать из виду.

Тогда он спросил ее — обиженно и возмущенно:

— Зачем же, в таком случае, был тебе нужен весь этот спектакль: письма, посылки, нежные слова?

И та ответила высокомерно:

— Из воровской солидарности! Я ведь тоже — в законе. И уважаю своих, люблю. Только как люблю? Идеино! Без баловства, без этих ваших штучек...

Развалясь на соломе, Игорь покуривал — расслабленно и блаженно. И припоминал всевозможные свои любовные истории. Память выволакивала из тьмы картины сумрачного северного быта, и на зыбком этом фоне возникали перед ним лица женщин — проходили, чередуясь, сменяли друг друга... Они мелькали стремительно, словно кадры в кино. Потом пленка кончилась. Папироса догорела. Прошлое вспыхнуло — и ушло, угасло. «Да и что о нем вспоминать? — подумал Игорь. — Стоит ли? Все это было не то... Не главное, не настоящее. Настоящее — здесь. Рядом. В моих руках. Теперь уже — в моих!»

И, загасив папиросу, Игорь повернулся к Наташе.

Она лежала на боку — спиной к нему. Давно уже так лежала. И не двигалась — думала о чем-то... Светлые рыжеватые ее волосы растрепались, рассыпались, перепутались с соломой и слились с ней цветом. Игорь посмотрел на ее затылок, на нежную шею, белеющую в полутьме. И осторожно, бережно погладил шею шершавой своей ладонью.

— Не трогай меня, — слабым, сонным каким-то голосом сказала Наташа. — Отстань.

— Что? — изумился Игорь. — Почему? Что с тобой, Наташа?

— Ничего. — Она повела плечом. — Так...

— Нет, в самом деле. — Игорь рывком повернул ее к себе. — Что случилось? Все ведь было так хорошо...

— Хорошо? — сказала она. — Ты так думаешь?

— А ты — нет? — нахмурился Игорь.

Теперь он сидел, склонясь над Наташей. Пристально вгля-

дывался в ее глаза и никак не мог уловить их, увидеть; она упорно отводила взгляд, — ускользала, прикрывалась ресницами.

— Послушай, Наташка, ты что же, — сказал он с раздражением, — уже и смотреть не хочешь?

— Да...

— Да?

— Да. Не хочу — на себя...

— Но почему, почему? — не унимался он. — Господи, ты же прекрасна!

— Прекрасна?

Она наморщилась. И так — с гримаской — медленно села, поправляя прическу.

— Ах, Игорек. Ну, посуди сам — как я теперь выгляжу? Валяюсь в грязи, в какой-то трущобе — как последняя шлюха. Вот ты во что меня превратил!

— Но... Погоди.

Игорь запнулся в растерянности. Поднял плечи. Затем сказал, покусывая нижнюю губу:

— Если уж ты хочешь меня упрекать...

— Упрекать я должна — прежде всего — сама себя!

— Это неважно, — отмахнулся он досадливо. — Если уж так получается — что ж, кончим на этом. Замнем. Забудем. Останемся, как и прежде, друзьями. Просто, друзьями. — И он снова заглянул в ее глаза — и снова их не увидел. — Ладно?

— Ты думаешь, это теперь возможно?

— А почему бы и нет?

— После всего...

— Я же сказал: давай забудем.

— Но я думала — ты меня хоть немножко любишь...

— Конечно — люблю, — пробормотал Игорь. — О черт...

Как тебя понять? Да, люблю. Очень.

— Правда? — внезапно улыбнулась она.

— Правда, — сказал он. И увидел, как дрогнули ее ресницы. И сквозь тень их проглянули — распахнулись перед ним — голубые глубокие озера. И глядя туда, утопая в них, он повторил, задыхаясь:

— Правда.

Когда Наташа собралась уходить, время уже было позднее — второй час в начале. Выбравшись из развалин, она огляделась, поеживаясь. Сказала — зябким голосом:

— Какая ночь... Жутко.

— Не бойся, — проговорил Интеллигент. — Я же с тобой! Идем — провоза.

«Ох, не надо бы, — мелькнула у него мгновенная мысль, — не надо бы провожать. Слишком уж рискованно... Но что ж поделаешь? Все-таки — надо. Экая чертова темень!»

Ночь и действительно была темна, тревожна, ветренна. Туч, вроде бы, не было — но не было и звезд. Все вокруг окутывала сплошная, непроницаемая, угольно-черная мгла. И она дышала уже по-осеннему; овевала сыростью, заползала липкими мурашками за воротник.

Наташа нащупала игореву руку, вложила в его ладонь — свою. И так они шли какое-то время — помалкивали, шуршали щепнем. Игорь погода сказал, склоняясь к ней:

— Послушай, а как ты объяснишь дома свое отсутствие?

— Придумаю что-нибудь, — беспечно ответила она.

— Что — например?

— Ох, не знаю. Да Сергея, наверное, еще и нет. Он, если уходит, застревает надолго... Ну, а в крайнем случае — скажу, что была у подруги. Стало скучно — ушла, мол, заболталась...

— Стандартный ответ, — покривил губу Игорь.

— Что ж, зато — надежный.

— А если он решит проверить — позвонить?

— У этой подруги нет телефона. И живет она на другом краю. Что ж ты думаешь — я уж такая дура, — не соображу, что сказать?

Игорь не видел ее во тьме, но по тону, по голосу, чувствовал, что она улыбается.

— Слава Богу — не в первый раз.

— А... признайся-ка, — сказал он вдруг, — ты ему вообще изменяешь? Часто, а?

— Что? — протянула она. Помедлила, помолчала немного. И потом: — Почему ты спрашиваешь? Какая тебе разница?

— Да так... просто... Ну, скажи: есть у тебя кто-нибудь — на стороне?

— Зачем тебе это, Игорек? — укоризненно проговорила Наташа. — Уж не собираешься ли ты меня ревновать?

— Да нет, — пожал он плечами. — Чего ж тут ревновать... Было бы глупо.

— Ну, вот. И не надо об этом. — Она еще помолчала. — А впрочем — если уж ты настаиваешь...

— Да, — живо отозвался он, — так что?... С кем?

— Изменяю. Конечно.

— С кем же?

— С тобой.

— Ах, так. — Он рассмеялся. — Ну, это еще ничего. Это ладно...

— Все вы, мужчины, одинаковы, — с коротким вздохом сказала она. — Эгоисты, собственники.

— А вы, женщины, — общественницы, — возразил он, — трудитесь для общего блага... Не так ли?

— Ну, ну, — сказала она. — Не будем ссориться по пустякам!

И крепко сжала его пальцы. И добавила, погодя:

— Гляди-ка: фонарь... Кажется, там мост! За мостом дорога освещена. Да и вообще, теперь уже недалеко. Я и сама дойду. Возвращайся.

— Нет, нет, — сказал он, пристально высматривая что-то впереди, — не торопись. Там, по-моему, какие-то люди.

— Где? — Она дернулась испуганно.

— У фонаря — видишь? Слева.

— Верно, — спустя мгновение, подтвердила она, — кто это? — И вздрогнула, прижимаясь к Игорю. — Ой, я боюсь. Это ж ведь самый хулиганский район. Здесь каждую ночь что-нибудь случается, раздевают, насилуют.

— Ничего, не волнуйся, — успокоительно похлопал ее по плечу Интеллигент, — все будет хорошо.

— Но их там, кажется, много, — шепнула Наташа. Она замедлила шаг. Игорь сейчас же сказал:

— Только, ради Бога, не останавливайся! Идем — как ни в чем не бывало.

И осторожно высвободив руку — опустил ее в карман.

Свет фонаря стал ясней и просторней. Маячившие возле него силуэты обрели отчетливость. Парней было четверо; они стояли, сгрудившись, на границе света и тени, — о чем-то шумно толковали меж собою. Слов было не разобрать, слышались только голоса — невнятные и хриплые. Потом голоса затихли.

От группы парней отделилась приземистая фигура — в распахнутом ватнике, в сапожках, в плоской кепочке, низко и косо посаженной на лоб. Фигура приблизилась к идущим и окликнула их:

— Эй, граждане, стойте! Прикурить не найдется?

Вопрос был традиционный, почти — ритуальный, обычно предшествовавший насилию; именно так у российского хулиганья и всякой уличной шпаны принято обращаться к назначенной жертве... Как и каждый квалифицированный вор, профессионал, Игорь относился к повадкам хулиганья с нескрываемым и высокомерным презрением. И сейчас он — шагнув навстречу парню и — глядя на него в упор — проговорил негромко:

— Чего тебе, голубок?

— Прикурить. Ты что — глухой? Спички есть?

— Так ведь твои ребята курят, — Игорь мотнул головой, указывая на темные силуэты, застывшие в отдалении. Там было тихо. Ребята прислушивались к диалогу. И в руках у одного из них багровел, посверкивая, огонек папироски.

— Ну-к что ж, — ухмыльнулся парень. — А я хочу — у тебя!

— У меня, значит, — задумчиво проговорил Интелли-

гент. — Ладно, дам тебе прикурить... А может, заодно, и табачку?

— Давай, — подбоченился парень.

Тогда Игорь — лениво, медленно — вынул из кармана руку; в ней был зажат финский нож. Лезвие блеснуло остро и холодно, и струистый этот блеск заставил хулигана отшатнуться.

— Ах, пардон, — сказал Игорь. — Это я ошибся. — Сунул нож обратно в карман и другой рукой — левой — извлек из пиджака пачку «Беломор-Канала».

Встряхнул ее; выскочила папироска. Протягивая пачку, Игорь сказал — твердо глядя на парня, ломая глазами его взгляд:

— Бери! Если уж ты так хочешь... Ничего больше не надо?

— Нет, спасибо, — пробормотал растерянно хулиган. Неловкими пальцами взял из пачки папироску и подался назад, попятился к фонарю.

— погоди, — сказал Игорь. — А прикурить?

— Ничего, — донеслось в ответ, — обойдусь.

— Ну, привет! — небрежно бросил ему Интеллигент. И обхватив Наташу за плечи — повлек ее в темноту.

Они простились в черте города и там условились, что в дальнейшем Наташа будет приходить к нему пораньше, днем...

На обратном пути Игорь с беспокойством ожидал встречи со шпаною; ему не хотелось попадаться на глаза сторонним людям, тем более — таким... Это было нехорошо, неосторожно. Но нет, все обошлось; возле фонаря было пусто и тихо. Шпана исчезла куда-то, и он вздохнул с облегчением.

На мгновение — минуя черную громаду моста — он настоужился, ощутив дуновение тревоги. Ему почудился — там, во тьме — неясный шорох, скрип гравия, чей-то приглушенный шепоток. Но потом, погода, он усомнился, подумал: это все нервы. Померещилось, наверное, показалось. И тут же он вспомнил старинную поговорку: «если кажется — надо креститься!»

Креститься он, впрочем, не стал. Но как-то вдруг успокоился, отвлекся — стал размышлять о другом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С этой поры погода явственно переломилась. Лето вдруг угасло, выдохлось, сменилось ранними и затяжными дождями.

Потянулись мглистые ночи и сырые, серые, осенние дни.

В один из таких дней по улицам Полтавы брел Зубавин. Он брел, ссутулясь, вобрав голову в воротник. Однако в движениях его уже не было прежней собранности, и походка его была не тверда.

Старый этот сыщик на сей раз не работал; он ни за кем уже не следил! Он просто шел сейчас в пивную.

Уйдя от дел и обретя заслуженный покой, Зубавин как-то сразу ослаб, начал попивать, опускаться... Теперь его часто можно было видеть обретающимся в злачных местах, — в шумных пивных и различных закусовых.

Там, в чаду, в толчее, среди горлающих алкашей, старик проводил свой досуг. Поднимая дрожащей рукою кружку, тянул пивко, расплескивал пену и — озирая дымный замусоренный зал — предавался воспоминаниям.

Вспомнить ему было чего! В цепкой его памяти хранилось множество тайн, подробностей и событий... Обычно он помалкивал. Но иногда, разгорячась от выпитого, активно ввязывался в разговоры и ошеломлял собутыльников.

Случалось это, в основном, в тех случаях, когда люди затрагивали излюбленную его тему — криминалистику.

Старик тогда оживал, преображался; в нем просыпалась профессиональная гордость. И наставляя своих собеседников, удивляя их и уча, он снова чувствовал себя прежним — значительным, необычным, не таким, как все. Он опять был держателем людских судеб!.. Ну, если и не держателем, так все равно — роковой фигурой, неким тайным жрецом.

Вот так однажды возник при нем в пивной разговор о событиях, происшедших на окраине города — в запущенном старом саду...

— Там какой-то блатарь перестрелял своих друзей, — повествовал за соседним столиком немолодой седеющий мужчина с отечным лицом и обвислыми, мокрыми, вывороченными губами. — Говорят, это жуткий тип... Зовут его вроде бы Игорь, а кличка — Фантомас. Его давно уже ловят, но безрезультатно. Поди, поймай такого! Он как змей — хитер и всех ненавидит. И кромсает без разбору — своих и чужих, кто подвернется... Теперь ночами хоть и не ходи по улицам — опасно!

Зубавин тотчас же вмешался — перебил говорившего — и небрежно разъяснил, как все было в действительности.

— Совсе он не убивал своих, — заявил ворчливо старик, — там до него дрались двое, и один из них, Брюнет, был предателем, а другой — его разоблачил... Вернее, хотел разоблачить, но — не сумел, погиб. И вот тогда как раз и появился этот Фантомас. Убил предателя — и скрылся. Так что все, как видите, вышло по-другому. Наоборот!

Посыпались вопросы. Зубавин отвечал на них охотно и об-

стоятельно. Он был уже основательно пьян и не чувствовал удержу — его несло. Он наслаждался вниманием зала! И хоть он и не оборачивался — сидел, ссутулясь, наваясь локтями на стол — все же он замечал, улавливал боковым зрением, что на него глядят отовсюду, к нему прислушиваются со всех сторон.

Ну, а что же сам этот Фантомас — главный наш герой? Как сложилась его жизнь, как она протекала после той памятной ночи?

Игорь жил теперь странной, почти нереальной, какой-то призрачной жизнью. Ночами подолгу спал — заставлял себя спать — оглушая сознание водкой, а затем целыми днями маялся, томясь. Бродил бесцельно по развалинам фабрики или валялся в полузабытьи на соломе — курил до тошноты, припоминал и обдумывал последние ночные кошмары.

Сны ему виделись одни и те же, одинаковые; пустые мертвые города, безжизненные равнины. Однажды приснилась ему тайга — дальневосточная, северная, знакомая издавна. Но и ее он тоже не узнал; она странна была — без хвои и без листьев. Он будто бы брел по ней и изнывал от жажды. Хотел напиться — и никак не мог. Никак не мог! Все вокруг было обезвожено, мертво. И снег — когда он брал его в руки — был сух и колюч на ощупь, и сеялся меж пальцев тяжело, как песок, или шлак... И он кричал, призывая друзей (он чуял: они где-то рядом!), но голоса не было — рот его спекся от жажды — и друзья молчали, не отзывались, и только сухо и жестко, как жестяная, шелестела иссохшая тайга.

И потом, пробудясь, Игорь думал о том, что все эти сны, по существу, говорят об одном... Они являют ему один лишь образ — грозный, погибельный образ одиночества.

Одиночество! Только сейчас по-настоящему начал он понимать доподлинный смысл этого слова. Только сейчас осознал — что это значит. Раньше он как-то не задумывался над тем, сколь это страшно! Он попросту не чувствовал страха.

А ведь ему и раньше доводилось пребывать в одиночестве, например — в различных карцерах, в изоляторах, в тесных боксах тюремных подвалов. Испытывать это было нелегко — но все же, все же... Такой панической, безысходной тоски он никогда не переживал. И это понятно; по сути дела, он ведь не был там — в одиночках — один! Он просто был отъединен от друзей, лишен их общества, причем — не на век, а лишь на время, до известного срока.

Теперь же сроки не имели значения; время уже не несло ему избавления, пожалуй — наоборот... Друзей у него больше не имелось, и звать их было бесцельно. Бесцельно — да и опасно. Только враги окружали его отныне. Одни только

враги! Он находился как бы в центре обласы, в кольце. И роковое это кольцо медленно стягивалось, сужалось.

То, что время не приносит избавления, что оно, само по себе, действует губительно и рассчитывать на него нельзя — это Игорь знал, как знает каждый профессиональный блатной. Уйти от погони и скрыться — еще не значит окончательно спастись, вовсе нет! Только глупцы и дилетанты уповают на время; бывалые же, опытные люди, понимают: каждый новый день открывает для преследователей новые шансы. И самое бездарное в таких обстоятельствах — сидеть и ждать. Ждать — чего? Того момента, когда однажды распахнется дверь?.. В том, что это случится, Игорь был уверен. Был полностью убежден. И он не мог примириться с такой участью; он не хотел больше ждать и бездействовать, но в то же время — не знал: что же предпринять ему, как поступить? На что, конкретно, решиться?

Все эти мысли он как-то раз откровенно высказал Наташе. (Она приходила к Игорю регулярно, дважды в неделю, и эти недолгие посещения были, в сущности, единственной реальностью в его бредовом, сумрачном бытии.)

— Наверное, пора уезжать отсюда, — предположил он, жуя мундштук папиросы, — отсиделся, хватит. Да теперь уж и не так это опасно. Вряд ли они будут караулить меня на вокзале так долго! Они ведь люди деловые; у них и помимо меня хлопот полно...

— Кто — они? — тихо спросила Наташа.

— Ну, кто... — Он поморщился. — Все! И милиция, и блатные. Я же тебе объяснял.

— Ах, это страшно, — шепнула Наташа. И поежилась зябко. — Что же ты можешь — один? Один в поле не воин.

— В том-то и суть, — протяжно проговорил Игорь. — Потому мне и пора уезжать...

— Куда?

— Куда-нибудь подальше.

— Но что это тебе даст? Блатные же есть везде. И милиция — тоже.

— Конечно, — сказал он, — но что-то надо же делать! Что-то, черт возьми, надо!

— По-моему, главное для тебя сейчас — не суетиться, не спешить.

— Ты хочешь...

— Да. Чтобы ты остался!

Они лежали рядом, вплотную, — все на той же жесткой соломенной подстилке. Одеядо сбулось, руки их переплелись, и дыхание смешалось. И касаясь его губ своими, Наташа повторила — почти беззвучно, одним дуновением, но все-таки явственно:

— Останься, слышишь! Не уезжай пока...

— А чего мне тут ждать? — возразил он хмуро. — Топора, или пули? Или — нового срока?

— Ну, зачем же так мрачно, — пробормотала она, — просто — поживи здесь еще немного. Не спеши. Пока тебе ничего ведь не грозит.

— Ты уверена? — усмехнулся Игорь. — Я же тут — как в западне, как в мышеловке! — И он шевельнулся при этих словах — оперся на локоть и обвел взглядом комнату. — Да и вообще, скука...

— А разве тебе плохо — со мной?

— С тобой? — Он обнял ее. — Ах, если б ты была моя...

— Но я же твоя.

— Да, но — как? В какой мере? До каких пределов?

— А ты не думай об этом, — сказала она быстро. И прикрыла его рот мягкой, влажной, тепло пахнущей своей ладошкой. — При чем здесь — мера, и зачем — пределы? Не подменяй поэзию алгеброй.

И улыбнулась, чуть сузив глаза. И добавила, прикивая к нему.

— Насколько я помню — еще по школьным годам — ты никогда не был в алгебре силен.

— Послушай, Игорек, — после продолжительного молчания сказала она. — Вот ты насчет врагов толковал... Дескать, все вокруг против тебя. Ты уверен в том, что — все?

— А как же иначе? — ответил он резко. — Ну, посуди сама: для блатных я враг, для милиции — добычка... Мусора же ведь ловят меня с самого приезда! С того момента, когда я нашел этот чемодан.

Он хрустнул зубами. Умолк. И потом:

— В общем-то, с чемодана все и началось. О, черт возьми! Подумать только — из-за чего... Из-за чего!

— Но ты, надеюсь, не жалеешь? — Наташа пристально, испытывающе посмотрела на него.

— Да нет, — сказал Игорь хрипло. — Чего ж тут жалеть! Одно только обидно — из-за такой мелочи...

— Так пусть тебя эта мелочь не беспокоит, — сказала вдруг Наташа. — Никто уже больше не будет обвинять тебя в похищении чемодана. Это дело прекращено.

— Откуда ты знаешь? — встрепенулся Игорь.

— Знаю.

— Но — откуда? Кто тебе это сообщил?

— Следователь угрозыска — Савицкий. Он недавно меня вызывал...

— Что-о? — Игорь поднялся стремительно — подался к ней. Лицо его напряглось и затвердело. — Вызывал? Почему же ты мне сразу не сказала?

— Да хотела, — потупилась она, — не знала только, как начать...

— Но раз уж начала — говори! Говори все, подробно! — Игорь твердо взял ее пальцами за подбородок. — Ну?... Когда он — точно — тебя вызывал?

— Позавчера. Перед вечером.

— Тебе что — повестку прислали?

— Нет, позвонили. Ну, я пришла... Он оказался очень милый; вежливый такой, деликатный. Совсем непохожий на этих наших монстров. И — молодой. Говорят, он москвич — и это сразу видно.

— Словом, понравился тебе, — усмехнулся Игорь.

— Да... Но не в том смысле, как ты, наверное, подумал, а вообще. — Она коротко взглянула на Игоря из-под густых, подрагивающих ресниц. — Знаешь, он, по-моему, настроен к тебе вовсе не враждебно.

— Ладно, — поморщился Игорь, — давай-ка — без эмоций... Чего он, конкретно, хотел? О чем спрашивал?

— Вот как раз об этом деле... О чемодане.

— Ну, и ты?..

— Ну, и я заявила, что ты меня выручил тогда — принес чемодан, а вовсе не крал его, как это сказано в постановлении об аресте.

— Ты это постановление видела?

— Он показал мне... И тут же предложил написать заявление, в котором я отказываюсь от иска. Ведь чемодан-то, в конце концов, мой. Я его хозяйка. Так что все здесь от меня зависит!

— А кто, собственно, этот иск затеял, — каким-то странным, чужим голосом спросил ее Игорь.

— Сергей...

Она сказала это и почувствовала, как все в нем помягчело, ослабло — словно бы сразу оттаяло.

— Надеюсь, — спросил он затем, — ты это заявление уже написала?

— Конечно, Игорек. Сразу же. Прямо там — в кабинете. Так что видишь, дорогой. — Она потянулась к нему улыбочиво — растрепала спутанный его чуб и потом пригладила легонько. — Все понемногу налаживается.

— Эх, если б дело заключалось только в этом... Только в одной этой детали, — пробормотал, с трудно сдерживаемым вздохом, Игорь. — Все ведь гораздо хуже, сложнее! Но слава Богу, хотя бы тут начало проясняться...

И сейчас же он помрачнел, затуманился, охваченный новой мыслью.

— Непонятно только — почему этот следователь такой... такой добренький, а? С какой стати? Чего-то он добивается. Только вот — чего?

- Но может, он просто — хороший человек?
- Мусор? — насмешливо покосился на нее Игорь. — Милиционер?
- Ты этого не допускаешь?
- Нет.
- Но почему, Игорек? В жизни все ведь случается.
- Случается... Только редко... В принципе, хороший чекист — явление противоестественное, нелепое, как ты не понимаешь! Зачем нужны карательным органам — добрые? Зачем попу — гармонь?
- Но нельзя же, все-таки, быть таким пессимистом...
- Ладно, оставим это, — сказал Игорь, — во всяком случае, ты у меня молодец. И я рад! А по поводу пессимизма... Знаешь, чем отличается пессимист от оптимиста?
- Что-то слышала, — сказала она, помедлив, — не помню только...
- Пессимист считает, что все женщины — бляды, а оптимист только на это и рассчитывает.
- Остроумно, — рассмеялась она.
- И вдруг спросила с сомнением:
- Интересно: кто же, в данном случае — ты?
- Ну, во мне всего понемножку намешано, — ответил Игорь. — Все зависит от обстоятельств...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Игнатий Савицкий — тот самый молодой следователь, москвич, что временно был назначен на место Наума Сергеевича, — уже второй месяц вел новое следственное дело. И чем больше он углублялся в подробности этого дела, тем больше возникало перед ним неясностей и загадок.

Странное это было дело — путанное, мутное. Начать с того, что имя Игоря Беляевского связывалось здесь с преступлениями, содеянными минувшей зимой. Беляевский разыскивался по подозрению в квартирных кражах и убийстве. Однако материалов, подтверждающих это, почти не имелось (если не считать замысловатых, но, по сути, пустых, утверждений начальника опергруппы, да полуграмотного заявления, поступившего от одного из тайных его агентов — местного уголовного, афериста по кличке Брюнет).

Брюнет, вроде бы, хорошо знал Беляевского и его друзей... Намакал на то, что располагает уликами... И хотя конкретных фактов не приводил, — все же он мог бы, конечно, пригодиться в дальнейшем. Показания его могли сыграть весьма важную роль — но теперь это отпадало. Брюнет был убит. Убит совсем недавно и при довольно загадочных обстоятельствах. И тоненькая эта ниточка, таким образом, начисто оборвалась.

Листая страницы досье, Савицкий все время испытывал чувство, будто оно состряпано наспех, на скорую руку. Например, все детали биографии Игоря Беляевского, все сведения о его прошлом даны были здесь на основании телефонограммы, поступившей в июле месяце из Хабаровска; об этом прямо говорилось в соответствующей справке. Но самой этой телефонограммы — текста ее — в досье не оказалось. Текст куда-то исчез...

Какая связь могла быть у Беляевского с Дальним Востоком? До недавнего времени о нем здесь не было слышно; имя его стало мелькать лишь с середины лета. Что ж, весьма возможно, он как раз и прибыл тогда с востока! Но если это так, ни о каком участии в прошлогодних кражах не могло быть и речи...

И было еще одно обстоятельство, сбивавшее с толку молодого криминалиста.

Над Игорем Беляевским тяготели не только грозные подозрения; он также обвинялся в недавней дорожной краже — в похищении чемодана. Обвинение считалось доказанным. В досье содержалось постановление об аресте преступника. Причем постановление это было выписано на основании показаний некоего Грачева — мужа потерпевшей. «Почему — мужа? — искренне недоумевал Савицкий. — С какой стати он здесь оказался? И где же сама потерпевшая? Зачем, вообще, опираться на свидетельства косвенные, окольные, в то время как можно использовать — прямые?.. Нет, это дело надо пересмотреть. Надо разыскать потерпевшую и выяснить — в чем суть...»

Вот так и была, в результате, вызвана в управление милиции Наташа.

Беседа ее с Савицким продолжалась, в общем, не долго. Нам уже известно — о чем шла речь. И хотя следователю хотелось расспросить Наташу о многом другом — он все же сдержался, не стал ее заранее настораживать и тревожить... А то, что женщина эта могла бы его просветить и поделиться с ним любопытными деталями — Савицкий не сомневался ни на минуту! Он постигал это, угадывал — тем особым, хищным, неизъяснимым чутьем, которое ведет охотничьего пса по верному следу... След, в данном случае, еще не проявился, не обозначился, но Савицкий уже знал, что рано или поздно он выйдет на него. Выйдет непременно! Самое главное сейчас — не выпускать из поля зрения женщину.

Высокий, узкоплечий, с длинным лицом, с густой копной льяных нечесаных волос, он сидел в своем кабинете (нет, не в своем, а в кабинете бывшего начальника опергруппы), покуривал и размышлял обо всех обстоятельствах путанного этого следствия.

Китель его был небрежно брошен на плечи, узел галстука ослаблен и оттянут вниз. Белесые всклокоченные волосы торчали в беспорядке — лезли на лоб, на глаза и прикрывали сзади воротник (по поводу столичной этой причесочки много шутили в управлении). На столе перед Савицким лежала пухлая папка с надписью «Дело», виднелся стакан остывшего чая. Здесь же помещался миниатюрный транзистор, блистающий никелем и лаком; он был включен и выволакивал из своих глубин тягучую, надрывную песенку.

Не верьте погоде, когда затяжные дожди она льет,
Не верьте пехоте, когда она бравые песни поет.
Не верьте, не верьте,
Когда по садам закричат соловьи.
У жизни со смертью
Еще не окончены счета свои.

Посидев малое время в неподвижности, Савицкий решительно поднялся и выключил транзистор, напевая про себя — бормоча вполголоса последние строки песни: «У жизни со смертью еще не окончены счета свои»...

Он аккуратно прибрал на столе. Смахнул окурки в корзину. Спрятал под замок «Дело» — предварительно вынув из него несколько бумаг и переложив их в портфель — и пошел к дверям.

Уже там, — на пороге, — он вдруг остановился, заколебался, исполненный смутных сомнений. Наморщил лоб, обхватил пятерней подбородок... «Да, да, все правильно, — прошептал он затем, — только так надо, только так. Другого выхода просто нету!»

Час спустя Савицкий уже находился в городской прокуратуре.

Принявший его человек (один из работников отдела по надзору за следственными органами) был лысоват, приземист, — в квадратных очках без оправы, с седенькой остроугольной бородкой. Он выслушал Савицкого внимательно, не перебивая. Потом сказал, поскребывая в бородке желтым от никотина ногтем:

— Н-да, любопытно... Но простите, что вас больше всего тут беспокоит: общая практика ведения дел в управлении, или же — частная судьба этого самого Беляевского?

— И то и другое, — пожал плечами Савицкий, — все ведь связано неразрывно!

— Н-да, пожалуй, — кивнул работник прокуратуры.

— Данный случай, по-моему, весьма типичен...

— Кстати — об этом случае. Вы что же, полностью теперь убеждены в невинности вашего подследственного?

— Ну, не то чтобы полностью, — медленно проговорил Савицкий. — Но все же... Настоящих улик-то ведь нет!

— Но подозрения...

— Подозрения — еще не аргумент для ареста! Да и кроме того, сама потерпевшая отказалась от иска, решительно отказалась.

Савицкий щелкнул замком портфеля и извлек оттуда листок с заявлением Наташи.

— Вот, пожалуйста, прочтите сами!

Собеседник Савицкого принял бумагу. Снял очки. (У него оказались крошечные, блеклые, близко сошедшие к носу глаза.) И, помаргивая и щурясь, низко склонился над заявлением.

— Что ж, — сказал он, погодя. — Вы правы. Отказывается она от иска весьма решительно... — И добавил, кладя заявление в ящик стола: — Хотя это, конечно, тоже еще не аргумент.

— Почему? — удивился Савицкий.

— Ну, конечно, голубчик, — улыбнулся работник прокуратуры. — Личное свидетельство далеко не во всех случаях бывает бесспорным.

Округляя губы, он подышал на стеклышки — протер их тщательно. И вновь прикрыл глаза очками.

— Согласитесь: бывают всякие сложности... Человек иногда попадает под чье-нибудь влияние, испытывает давление со стороны. Да мало ли существует причин, по которым пострадавший может сознательно исказить правду! Вам, как криминалисту, это полагалось бы знать.

— Знаю, — махнул рукой Савицкий, — учил...

— Вы, кстати — из какого университета?

— Из Московского.

— Что ж, МГУ — это марка, — сказал, почесывая усы, работник прокуратуры. — Учителя там почтенные. А практику где проходили? Тоже в Москве?

— Да, в МУРе.

— Стрельников там еще работает? Знаете такого?

— Знаю, — сказал Савицкий. — Работает. Держится старик.

— Вот со Стрельниковым, с Михаилом Савельичем, мы когда-то в Харьковском губрозыске трудились. Давненько... Да, давненько... Вас тогда и в помине еще не было! — Человек за столом вздохнул легонько — блеснул на Савицкого очками. — Вы только начинаете, а я уж пожил, голубчик. И всякого повидал на веку. Какие мне только дела не попадались! И, помнится, поначалу я тоже вот так: горячился, пенился, все хотел решить с маху, с налету. А с налету нельзя. С маху только дров наломаешь, а дело-то, глядишь — и проморгал...

— Но позвольте, — нетерпеливо шевельнулся на стуле Савицкий. — Я что-то не пойму. Значит, данное заявление...

— Данное заявление мы здесь еще рассмотрим, — быстро сказал его собеседник, — обсудим все, взвесим. И тогда уже будем решать. Вот так. — Он помолчал с минуту. — Ну-с, а по поводу остального... Спасибо за сведения. Это все мы учтем — и тоже обсудим.

Когда Савицкий вышел — он плотно притворил за ним дверь. Задумчиво — поскребывая бородку — прошелся по кабинету. Затем шагнул к телефону. Набрал номер городского управления милиции. И сказал, дохнув в мембрану:

— Попросите, пожалуйста, парторга Проценко.

В ту же ночь — на квартире Наума Сергеевича — грянул телефонный звонок. Хозяин еще не спал. Позевывая и кутаясь в халат, прошел он в кабинет — уселся, закурил, вялым жестом снял трубку.

— Слушаю, — сказал он сонным, липким голосом. И сейчас же подобрался весь, посерьезнел лицом — услышал голос парторга.

— Привет, — пророкотал Проценко. — Я тебя не разбудил?

— Да нет... А в чем дело?

— Есть к тебе разговор. Серьезный.

— Серьезный?

— Да, и очень. — Парторг помолчал, сопя. — В общем, хорошо, что ты — здесь... Я уж, признаться, думал, — ты укатил куда-нибудь.

— Как видите, здесь, — сказал, с тонкой усмешкой, Наум Сергеевич. — Я не спешил. Знал, что понадобится — рано или поздно.

И он шевельнулся, устраиваясь поудобнее. Закинул ногу на ногу. Прикусил зубами папироску.

— Итак, слушаю вас! Что ж все-таки случилось?

— Разговор не телефонный. Но — если вкратце — то вот... Понимаешь, этот твой преемник, москвич, начал вдруг проявлять чрезмерную активность. Чрезмерную! И, должен заметить, опасную.

— Ого! — удивился Наум Сергеевич. — Это как же понять?

— Он, видишь ли, обнаружил в том деле, которое ты вел, кое-какие неувязки, оплошности... И поспешил, подлец, не ко мне, а — прямо в прокуратуру.

— Не может быть! — процедил, отделяя слова, Наум Сергеевич. — Ну, сукин сын, ну, пройдоха!

Он сильно затынул папиросой — и захлебнулся дымом, закашлялся. И какое-то время сидел, весь сотрясаясь, с трудом умеряя дыхание.

— Вот то-то — не может быть, — проворчал в трубку парторг. — Хорошо еще, что товарищ, у которого этот хлыщ побывал, — мой давнишний приятель. Но вообще-то, знаешь: на Бога надейся, а сам не плошай.

— Да, конечно, — отдышавшись, проговорил в трубку Нам Сергеевич. — Давайте-ка встретимся, потолкуем поподробнее... Вот что. Приходите завтра утром в кафе, возле парка. Туда, где мы с вами похмелялись — помните?

А в это самое время, на воровской малине (не на той, разгромленной, что помещалась возле базара, а — на новой, находящейся в привокзальном трущобном районе) коротала досуг — пила и шумела — полтавская шпана.

Притон был новым, но люди в нем — все те же... Та же царила здесь хозяйка (дебелая, пухлая, с лицом обрамленным желтыми патлами, с лиловой наколочкой на руке), и тот же выводок проституток окружал ее, и та же самая гитара надрывалась и пела и плакала, трепеща в руках сухощавого, смуглого, цыганского типа парня. Гитарист сидел на обычном своем месте — за столом, в самом центре, развалился на стуле. И песня, которую он пел, была старая, известная каждому.

А ты не стой на льду, лед провалится.

А не люби вора — вор завалится.

Вор завалится, будет чалиться.

Передачу носить не понравится...

Гитарист пел, полузакрыв глаза, уронив почти к самым струнам косую черную свою челочку. Потом, тряхнув ею, он распрямился и оборвал песню. Гитара замолкла, гудя.

— Выпить надоть, — сказал он с хрипотцой. — В глотке — сушь... Эй, хозяйшшка. — Он повернулся, отыскивая взглядом Розу — махнул ей ладошкой. — Поднеси-ка, родненькая, пивка!

Гитариста, как и всегда, окружали любители музыки. Компания тоже была своя, привычная, — за исключением одного лишь нового лица. Пришлый этот человек был худ и темен лицом, и коротко — по-арестантски — острижен. И сейчас, когда все вокруг вспомнили о выпивке и закуске, он с жадностью потянулся к стоявшей на столе бутылке. Плеснул в стакан — и залпом выпил из него. Придвинул миску с квашеной капустой. Ухватил оттуда полную щепоть, и, кинув капусту в рот, начал хрустко жевать, сопя и капая рассолом на брюки.

— Давай, давай, — похлопал его по костлявой спине Гитарист. — Кидай в кишку! Кормись! Набирайся витаминов!

Парень только что освободился из местной тюрьмы —

с ходу явился к друзьям и теперь наслаждался их обществом и питьем, и закусками.

— Ах, хорошо, — пробормотал он. Звучно икнул и наморщился блаженно. — Хорошо... — И потом, слизнув с губы белесую капустную водоросль: — В камере со мной сидел один шустрячок, по кличке Копыто. Забавный малый. — Рассказчик покрутил головой. — Его на старой нашей малине взяли — во время облавы... Так он об одном только убивался: пожрать, мол, гады не дали, оторвали прямо от харчей. И все перечислял — что тогда было на столе: и капуста с брусникой, и маринованные грибки, и ветчинка, и баклажаны, и огурчики малосольные...

— Копыто? — прищурился Гитарист. — Что-то, вроде бы, помню... Это — который с востока приехал?

— Ну, да, — кивнул парень, — он... И, кажется — не один приехал. С ним раньше какой-то Интеллигент партнировал. Об этом своем старом партнере он частенько вспоминал... Часте-е-енько! — Парень усмехнулся, морща сухие запавшие щеки. — Ох, и ненавидит он его, братцы! Прямо трясется весь. Увижу, говорит, Интеллигента, встречу когда-нибудь — с ходу зарезу.

Подошла Роза — принесла Гитаристу свежего пива. Услышала имя Интеллигента и сразу зажглась, заинтересовалась беседой. Подсела к ребятам. Облокотилась круглым локтем о край стола.

— Зарежешь такого, как же! — проворчал Гитарист, сдувая со стакана желтую пену. — Он, небось, не фрайер. Старая рысь. Всегда при оружии.

— У него, говорят, и револьвер и нож, — и еще черт-те что, — добавил кто-то, — с ножом он вообще никогда не расстаётся — ни днем, ни ночью.

— Пойдите, мальчики, — встрепенулась Роза. — А ведь я что-то слышала... Что-то такое — похожее...

На лоб ее набежала складочка. Тоненькие — ниточками — брови полезли вверх. Мясистые губы поджалась.

— Ну, да. Ну, да, — проговорила она затем, — все точно. Это позавчера было. В понедельник.

— Что — было? — стремительно спросил Гитарист. Реплика Розы явно заинтересовала его; он даже пить перестал. Он держал стакан в приподнятой руке — чуть касаясь им рта — и смотрел на бандершу не мигая.

— Ну, разговор мой, — пояснила Роза. — Я в понедельник с зареченской шпаной виделась. С теми парнями, что возле моста ошиваются — вы их, наверное, знаете. Они мне иногда кое-какой товар сбывают...

— Ладно, — нетерпеливо прервал ее Гитарист. — Не отвлекайся! И что же — они?

— Ну, они о своих делах толковали... И, между прочим,

припомнили один случай. Дело ночью было. Им возле моста встретился какой-то тип. У него спросили спички, а он — представляешь? — сразу же вынул финяк.

— Подумаешь — история, — усмешливо покривился Гитарист. — Нашла о чем рассказывать! — Он залпом допил пиво, утерся медленно. — Этот твой парень, я вижу, пошляк — простого финского ножа испугался.

— Да нет, ты не понял, — возразила Роза. — Вовсе он не испугался, а — решил, что это свой, что это урка, понимаешь? Урка — но не местный, а залетный.

— Почему ж он так решил?

— Ну, по всему — по виду, по манерам... Настоящего уркагана сразу видать.

— Я — не о том, — отмахнулся Гитарист. — Почему он решил, что это — залетный.

— Так ведь здешних-то он всех в лицо знает!

— Знает всех, — проговорил, сцепляя зубы, Гитарист. — Та-а-ак... Это интересно!

Зрачки его сузились, превратились в колючие точки. Он умолк на мгновение. Взял гитару с колен. Вяло брякнул струной.

— Скажи-ка, Розанчик, — вдруг спросил он, после короткого раздумья. — Тот зареченский тип, ну, тот, что рассказывал тебе об этой встрече — он где сейчас?

— Не представляю, — повела плечиком Роза. — Но можно выяснить.

— Выясни, — мигнул ей Гитарист.

— Пойду, спрошу у девочек. — Роза поднялась, двинув стул. — Они — в курсе...

И затем — уже торопясь, уходя, глядя на Гитариста вполборота — спросила:

— Если он сыщется — куда его?

— Сюда, — сказал Гитарист, — ко мне... И торопись, роденькая, учти: он мне позарез нужен!

Малина, как и обычно, шумела и пила всю ночь напролет. Было уже утро, — чистое и прохладное, — когда Роза прикрыла заведение, и шпана начала разбредаться.

Последним покинул притон Гитарист; он был не один. Рядом с ним шагал коренастый, приземистый юноша в распахнутом ватнике, в плоской кепочке, низко и косо посаженной на лоб.

— Значит, пиджак был в полоску? — настойчиво допытывался Гитарист, — это точно — в полоску? Ты не ошибся? Ведь ночь же была...

— Ну-к что ж, что ночь, — отвечал, ухмыляясь, парень в кепочке. — Я его как раз у самого фонаря прихватил.

Толкуя, они дошли до площади, миновали ее, попали на

шумную, многолюдную улицу — и вскоре очутились возле городского парка.

Неподалеку от входа в парк находилось кафе; оно уже открылось, и Гитарист — глянув на стеклянную вертящуюся дверь — сказал, хлопнув спутника по плечу:

— Зайдем... Не возражаешь?

— Ну-к что ж.

— Кафешка, вообще-то, тухлая — для пижонов — водяры нет, пива нет, один коньяк, да и то не вволю. Но ничего, как-нибудь. У меня там баба есть знакомая, она расстареется! Хлопнем по стакану — прополощем мозги...

Гитарист, произнося это, толкнул дверь; ступил за порог — и тотчас же отпрынул, съезжился, подался в сторону от дверей.

— Ты чего? — удивился парень.

— Мусора, — сказал, сворачивая за угол, Гитарист. — Начальнички из угрозыска. Вот, проклятые, чего они тут ошиваются — в эдакую пору? Люди на работу спешат, а они пьянствуют. Ах, расстроили они меня, огорчили. — Он скорбно заломил брови, потрянул челочкой. — Ах, огорчили!

И потащил приятеля в переулок.

— Не-ет, айда в другое место! Мне с этими типами встречаться не с руки.

«Типы», огорчившие и расстроившие Гитариста, располагались неподалеку от входа, за угловым столиком. Один из них — бритоголовый и грузный, — неторопливо потягивал коньячок. Другой — сухощавый, вислоносый, с подбритыми усиками, — мелкими глотками прихлебывал кофе.

— Непостыжимо, — сказал он, отодвигая пустую чашку. — Что стряслось с нашей молодежью? Она словно бы вся марафету нанюхалась — суетной стала, непонятной. Вечно дерзит, во всем сомневается, шумит — не спросясь... Взять хоть этого — нашего — ну, чего ему, в сущности, надо? Окончил университет, вступил на служебное поприще — так служи! Учись у старших, расти, живи себе не спеша! Сам живи и другим не мешай.

— Новая генерация, — натужно выдохнул бритоголовый. — Ты это, Наум Сергеевич, и сам небось знаешь... Твои-то собственные дети, они — как?

— Да как, — наморщился Наум Сергеевич. — Дерьмо, конечно. Впрочем, как и ваши... Помните? — Он прищурился, поигрывая чашкой, вертя ее в пальцах. — Вы мне жаловались — после Двадцатого съезда, помните? — прибежал ваш сын, стал подробности спрашивать. Что-то такое, хамское сказал... Упрекнул вас в том, что вы — парторг... Еще сечь его потом пришлось.

— Было, — пробормотал парторг. Залпом выпил и крикнул, потряс обвисшими щеками. — Ох, было.

— А все из-за чего? — сказал Наум Сергеевич. И крепко сжав кулаки — положил их перед собою на скатерть. — Все из-за этих разоблачений! Не будь их — ничего такого и в помине бы не было. Если б там — наверху...

— Ну, брат, — сейчас же сказал парторг, — это все не нашего ума дело. Им там, наверху, видней. — Он поднял широкую, пухлую свою ладонь. — Вот так... И — хватит! Давай-ка вернемся к делам.

— Дела, в общем, тухлые, — насупился Наум Сергеевич. — Савицкий, судя по всему, специально копает яму...

— Да. Тебе!

— Ну, ну, зачем же хитрить, — проговорил, усмехаясь, Наум Сергеевич. — Под угрозой — не один только я! Боюсь, как бы эта яма не стала нашей братской могилой.

— Ты, собственно, на что намекаешь?

— А вы, будто, не понимаете? — уже резко, напористо, не скрывая раздражения, заговорил Наум Сергеевич. — Все ведь предельно ясно! Если доберутся до меня, ниточка потянется и к вам, и еще кое к кому... Наверху — вы знаете — лишних скандалов не любят. Назначат комиссию, перетряхнут все старые дела. А там много чего имеется... И отвечать придется всем! Мне — за мои промашки, вам — за ваши. Так что, лучше уж играть в открытую и действовать сообща.

— Что ж, давай, — хрипло, медленно сказал парторг. — Давай — в открытую... — Он засопел, нагнул бугристый свой череп. Глянул исподлобья на собеседника. — Только ты успокойся, не кипятись, остынь.

И потом — помедлив, пожевав губами:

— У тебя есть какая-нибудь конкретная идея?

— Идей много. — Наум Сергеевич слегка развел руками. — Как и всегда! Но ведь вы же меня постоянно укоряете, вините...

— Ладно. Забудем. — Парторг разлил остатки коньяка по рюмкам; одну придвинул Науму Сергеевичу, другую поднял над столом. — Давай-ка — за нас! За дружбу! И вот что, брат. Будем-ка на ты. Без чинов, по-свойски.

И он коротким движением выплеснул коньяк в разверстый свой рот — в самую глотку.

Наум Сергеевич, погодя, сказал, опустошив рюмку, и легонько — кончиками пальцев — тронув подбритые рыжеватые усики:

— В общем-то, ты сам, надеюсь, понимаешь всю напряженность ситуации? Надо избавляться от этого интригана — убирать его с дороги.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Игорек, — сказала Наташа, — объясни мне, пожалуйста: как ты стал вором?

Они опять лежали в полутьме, на жесткой соломенной подстилке. Игорь — навзничь, развалясь на соломе, Наташа — прильнув к нему, положив голову на жесткую его руку. Он жадно курил, отдыхая, поглаживая ее волосы. Говорить ему сейчас не хотелось — хотелось молчать. Вопрос застал его врасплох; шевельнувшись, он сказал — неохотно и медленно:

— Очень просто — как! Как все прочие.

— Но — почему, почему? Не все же ведь воруют.

— Это, милая, — от судьбы... У одних она гладко складывается, у других наоборот.

— Но даже и те, кто с трудной судьбой, очень трудной — я знаю таких — не все ведь стали преступниками! Многие трудятся, живут правильно, тихо.

— Ясное дело, — отозвался он, грызя мундштук и попыливая. — На риск не каждый способен.

— А может, дело не в этом...

— В чем же, по-твоему?

— Н-ну, в чем, — затруднилась она. — В психологии, вероятно, в каких-то особых наклонностях...

— Ты что же, — он покосился на нее, — хочешь сказать, что у меня с самого начала были особые порочные наклонности?

— Ах, не обижайся, — шепнула Наташа и теснее прижалась к нему, прильнула, щекоча волосами его губы и ноздри. — Не сердись. Просто, мне жаль, что у тебя все так складывается. Вернее — не так... Ты мог бы жить, как другие, — свободно, легко, никого не боясь и не прячась... А то ведь это — кошмар!

— Э, брось, — пробормотал он досадливо. И заворочался, выпрастывая руку. — Кто это в наше время живет свободно, никого не боясь? При таком режиме...

— Я вовсе — не о режиме, — шепнула она, — я вообще... Ну, скажи, а при другом режиме, в иной какой-нибудь стране, — ты кем бы был?

— Откуда я знаю, — дернул он углом рта. — Может, стал бы президентом... Почему бы и нет? — И резким движением отшвырнул окурки. — Во всяком случае, там бы я на таком пустыке не погорел, — делал бы дела покрупней, посolidнее.

— Все-таки ты действительно неисправимый, — сказала Наташа с коротким вздохом.

— Какой есть, — возразил Игорь. И отодвинулся раздраженно. — Какой есть. А если тебе это, черт возьми, не нравится — что ж, дело твое. Я не напрашиваюсь, не набиваюсь... Ну, да, я — вор! Рецидивист! Это все бесспорно!

Он еще хотел что-то сказать — но не смог, не успел. Наташа упрямо потянулась к нему, приблизила свое лицо и закрыла ему рот поцелуем.

Посвистывая и стуча каблуками, шел по коридору Савицкий — он направлялся в буфет (был обеденный перерыв). В конце коридора, на повороте, ему повстречался парторг. Выглядел Проценко неважно — то ли устал, то ли был нездоров — под глазами его набрякли отечные мешки, кожа на скулах воспалилась, обвисшие лоснящиеся щеки лежали теперь почти на самых плечах. И рука его — когда он здоровался с Савицким — была неприятно влажна.

— Ну, как идет дело? — осведомился Проценко.

— Ничего, — тряхнул льяной своей гривой следователь, — помаленьку. — И незаметным жестом обтер ладонь о пиджак. — Раскапываю, да... раскапываю...

— Только слишком не зарывайся, — шутиливо щурясь, предупредил парторг. — А то ты, я гляжу, закопался вконец; даже глаз не кажешь. Неужели у тебя нет никаких вопросов, или, скажем, неясностей?

— В общем, да, — задумчиво поджал губы следователь, — кое-какие неясности имеются... Вот, например, — в связи с телефонограммой.

— Это ты — о какой же телефонограмме?

— Ну, о той, что из Хабаровска пришла — давно, еще в начале лета. Может, помните?

— Н-нет... А в чем проблема?

— Да видите ли, — начал объяснять Савицкий, — дело в том, что телефонограмма эта странным образом исчезла. В деле указано время ее получения — точная дата, число — а самого текста нет! Испарился!

— Вот как, — пробормотал Проценко. — Н-да... А что же там было, в этом тексте?

— Это-то, как раз, я и хотел бы узнать.

— Ну, вот что, — сказал парторг. Он вскинул руку к глазам — глянул мельком на часы. — Зайди-ка ко мне, но не теперь, а попозже — к вечеру. Сейчас я занят, у меня важные посетители... А вечером — в самый раз будет!

Парторг и действительно был занят; в кабинете его, уже более часа, сидел, дожидаясь хозяина, важный посетитель — Наум Сергеевич.

— Прости, задержался, — сказал, входя, парторг. — Еле прочухался после вчерашнего. Думал уж и до работы не допозду... Башка трещит, во рту какая-то дрянь... Тьфу! — Он прошел, посапывая, к столу, уселся грузно, положил ладони на хрустнувшую пачку бумаг. И потом, покрутив бритым черепом, сказал: — Нет, все-таки, так напиваться — это пошло... Сколько мы с тобой вчера приняли?

— Немало, — повел бровью Наум Сергеевич, — весь день, считай, гудели...

— Ну, вот. Ну, вот. А ведь мы уже — не юнцы, не в гимназическом возрасте. Нам вдвоем — на круг — сколько будет годов? Поболее сотни, думаю.

— Да вроде того, — сдержанно улыбнулся Наум Сергеевич (он-то сам выглядел, как обычно — подтянутым, собранным, щеголеватым). — Вообще-то я, признаться, о возрасте как-то мало думаю... Но конечно, за молодыми где уж нам — не угнаться!

И сразу же — заговорив о молодых — оба они вспомнили Савицкого.

— Я его, кстати, только что встретил по пути сюда, — сообщил, раскуривая папироску, парторг. — Поговорили.

— Ты только, пожалуйста, поаккуратней будь, — сказал Наум Сергеевич. — Не настораживай его зря, не отпугивай.

— Да нет, — отмахнулся Проценко. — Я с ним — так, вообще... Как дело идет, мол, что нового...

— Ну, и что же — нового?

— Пока, вроде бы, ничего особого нету, — сказал, тряхнув щеками, Проценко. — Все копается, роется... Теперь вот телефонограммой заинтересовался — той, что пришла из Хабаровска. Куда она могла пропасть? — спрашивает. Хочу, говорит, разыскать, выяснить. — И он, усмехнувшись, пожал покатыми своими плечами. — Что ж, пускай выясняет... Пускай...

— Что ты, что ты, — быстрым рвущимся шепотом проговорил Наум Сергеевич. — Как — пускай?.. Не дай Бог.

Он поднялся, перегнувшись через стол, вытянул губы. Глаза его округлились. Рыжеватые усики встали торчком.

— Ты представляешь себе, что будет, если он доберется до текста? Там же ведь указаны все данные об этом Беляевском — когда он выехал, когда миновал Хабаровск, когда должен был прибыть к нам в Полтаву... Понимаешь? Все дано точно!

— Ах, так, — заливаясь темным багрянцем, прохрипел парторг. — Да, да, да. Это я, брат, запомнил. Но черт возьми, значит...

С минуту они молча смотрели друг на друга. Парторг — вертя в пальцах папиросу, сминая ее, комкая медленно. Наум Сергеевич — напряженно подавшись к Проценко, опершись пальцами о край стола.

Потом он — меняя позу и тон — проговорил, негромко, отделив слова:

— Значит, надо действовать! И как можно быстрее. Но — без суеты... Сначала выслушай его хорошенько, расспроси подробно обо всем.

— Итак, тебя интересует телефонограмма, — сказал, поглядывая на Савицкого, парторг. — Что ж, это дело нетрудное. Я им сам займусь... Не найдется текст — свяжемся с Хабаровском. Все выясним — не беспокойся! Непонятно только, зачем это тебе понадобилось?

— Ну, как же, — сказал Савицкий. — Как же! Меня интересует все, что связано с именем Беляевского.

— Но не отвлекаешься ли ты? — прищурился Проценко. — Не разбрасываешься ли? Вместо того, чтобы этого Беляевского искать, выходить на прямой след, — занимаешься пустяками...

— Во-первых, — обиженно проговорил Савицкий, — я вовсе не считаю это пустяками... Пустяков в деле нет! А во-вторых, на след Беляевского я уже вышел.

— Вышел? — изумился Проценко.

— Да, — сказал Савицкий.

— Но каким образом?

— Знаете французскую поговорку? — сказал, посмеиваясь, Савицкий. — Шерше ля фам... Ищите женщину... Ну, вот.

— Кто же она?

— Та самая — потерпевшая, — у которой был похищен чемодан...

— И которая потом отказалась от иска? — тут же припомнил парторг.

— Вот именно, — сказал Савицкий, — именно, отказалась! При мне, в моем кабинете. И тогда же я ей заинтересовался...

— Понимаю, — медленно проговорил Проценко, — понимаю. Значит, ты решил проследить...

— Да. И все получилось точно.

— И где ж он скрывается?

— В трущобах, — сказал Савицкий, — в развалинах старого консервного завода.

«Надо действовать», — сказал давеча Наум Сергеевич. И ту же самую фразу — слово в слово — произнес теперь Гитарист.

— Надо действовать, братцы... Тянуть дальше резину нет смысла! — Он опять сидел у стола, окруженный ребятами. Ребят было много. Они теснились густо и плотно. И все они с вниманием слушали Гитариста.

— Мы знаем, где он прячется. Знаем, в сущности, все! Сомнений нет... Не должно быть... Или, может быть, я ошибаюсь?

Тут он усмехнулся, морща щеки. И обвел прищуренным глазом общество.

— Может, у кого-нибудь, все же, есть особое мнение?

— Да нет, ладно, чего там, — пробормотал один из блат-

ных, — какие тут могут быть «особые мнения»? Дело простое. Дважды два. И ты давай — договаривай...

— Так чего ж договаривать, — развел руками Гитарист. — Ты прав: дело простое. И надо не болтать, а — действовать. И вот, что я думаю, братцы...

Он опустил брови, усмехнулся, поигрывая желваками. Сказал:

— Идти к нему надо втроем, или — вчетвером. Вчетвером еще лучше.

— Почему? — удивился кто-то.

— А потому, что он — не ты, — резко повернулся к говорившему Гитарист. — Интеллигент — уркаган колымской закваски. Мужик питанный, битый, к крови приученный. В руки он легко не дастся, нет, не дастся! С ним, я чувствую, придется повозиться.

— Ну, для того, чтобы его успокоить...

— Для того, чтобы успокоить, хватит одного выстрела, — хмуро покивал Гитарист, — это ясно... Но ведь мы же хотим потолковать. Не так ли? Ну, вот. Значит, пойдем вчетвером. Двое сразу войдут со мной, а четвертый пусть у окна подежурит. Пусть подождет, посмотрит — просто так, на всякий случай, для страховочки.

Третий час уже у начальника управления шло совещание. Обсуждались текущие дела и, среди них, — отчет молодого следователя Игнатия Савицкого.

Подробно доложив собравшимся о ходе расследования, Савицкий пошуршал бумагами и затем — укладывая их в папку с надписью «Дело» — добавил, подытоживая сказанное:

— В общем-то, мы, пока что, не можем предъявить Беляевскому ничего! Никаких серьезных обвинений! Все подозрения, клубившиеся вокруг него, оказались на поверку ошибочны, вздорны... Таковы факты. Такова объективная истина.

Он говорил, стоя у края узкого длинного стола. Стол этот упирался торцом в другой, расположенный перпендикулярно и накрытый зеленым сукном.

Там, за зеленым полем, восседало начальство. Рядом с комиссаром — начальником управления — возвышалась громоздкая туша Проценко, поодаль сидел начальник секретной части, а еще дальше — какие-то чины в серых узких форменных мундирах.

Последние слова Савицкого вызвали там — за начальственным столом — оживление. Чины зашептались невнятно. Проценко нагнул бугристый свой череп, крепко потер темя ладонью. Комиссар сказал, поблескивая очками:

— Допустим, вы правы. Дело с чемоданом отпадает. И старые убийства — за нехваткой улики — тоже. Но вот, как быть с новым, последним убийством?

— С каким же?

— Ну, которое в саду произошло, — нетерпеливо прогудел парторг. — В саду... — Он потряс рукой. — Или ты запомнил?

— Ах, в саду, — улыбнулся Савицкий. — Так ведь что ж — в саду... Там тоже серьезного криминала нету.

— То есть, как — нет криминала? — грозно, медленно спросил комиссар. — Что за бред? Объяснитесь, Савицкий!

— Пожалуйста, — пробормотал следователь. Вздохнул легонько и начал: — В саду ведь что произошло...

— Произошло то, — сейчас же сказал, опережая его, парторг, — что этот самый Беляевский из кольта — в упор — застрелил человека.

— Да. Застрелил. Но застрелил не предумышленно, а — защищаясь. Находясь в самообороне... В законной самообороне!

— Вы это можете доказать? — спросил кто-то из чинов в мундирах.

— Конечно, — с готовностью ответил Савицкий. — Вот здесь, — он ударил ногтями по картонному переплету «Дела», — имеется донесение Зубавина. Он был очевидцем событий. И он прямо заявляет...

— Ну, хорошо, — проговорил комиссар. — Допустим. Стрельба была произведена в самообороне. Но само оружие-то...

— Оружие принадлежало не ему, — быстро сказал Савицкий. — Владельцем кольта был Константин Чередеев, по кличке Хмырь. Он погиб, так и не успев воспользоваться своим кольтом. Когда в игру вступил Беляевский, Хмырь был уже мертв. Револьвер валялся рядом, в траве. И там-то его Беляевский и нашел...

— И это все вы тоже можете доказать? — осведомился мундир.

— Разумеется, — любезно склонился в его сторону Савицкий. — Помимо зубавинского рапорта, я располагаю также и другими показаниями, из которых явствует — с предельной точностью — у кого и за сколько был Чередеевым-Хмырем приобретен этот самый кольт.

— Что же получается, — сказал вдруг начальник секретной части. — Этот жулик, стало быть, перед законом — чист?

— Ну, не совсем, — густо засопел парторг. — Не совсем... Оружие-то все же у него! Он его прячет, хранит, а это одно уже — дело подсудное.

— Но мы же не знаем — где и как он его хранит, — возразил Савицкий.

— Зато знаем — в чьих руках оружие находится, — сказал, тряхнув щеками, Проценко. — В руках профессионального вора, рецидивиста! В любой момент он может воспользоваться им снова...

— Но может и не воспользоваться, — пожал плечами Савицкий. — Это все наши домыслы. А нужны — факты!

— Так что же будем делать? — недоуменно завертелся начальник секретной части. — Ждать фактов? Или брать заранее — сейчас?

— Брать! — пробасил Проценко. И покосился на комиссара. Тот сидел, наморщась, теребя пальцами губу. Очки его холодно поблескивали, и глаз за ними не было видно.

Потом он придвинул к себе коробку «Казбека». Достал оттуда папиросу — постучал о крышку мундштуком. И, закурив, сказал:

— Спешить пока не будем. Товарищ Савицкий, в общем, прав: нужны факты... Что ж, их, я думаю, долго ждать не придется!

Он усмехнулся сухо. Перекатил папиросу в угол рта. И разогнав дым рукой — зорко посмотрел на следователя.

— За Беляевским установлено постоянное наблюдение?

— Так точно, — подтвердил Савицкий.

— Уйти от слежки он не может?

— Н-нет, — качнул головой следователь, — вряд ли... Там все — надежно. Но я еще сам, непосредственно, займусь этим делом. Специально займусь!

— Вот, вот, — кивнул комиссар. — Займитесь! Наблюдайте тщательно, неослабно! И обо всем докладывайте мне.

— Значит, что же, — сказал Наум Сергеевич. — Значит, комиссар предпочел — ждать... И велел обо всем докладывать лично ему. Худо получается!

— Да, — натужно выдохнул Проценко, — так...

Оба напустились, помолчали несколько. Затем Наум Сергеевич сказал:

— Послушай, у этого Фантомаса ведь были партнеры. Два человека. Их тогда задержали — во время облавы... И что же: они до сих пор сидят?

— Сидят, — сказал, посапывая, парторг.

— На основании все того же материала?

— В том-то и дело, — сказал парторг, — в том-то и дело! Материал, если вдуматься, жиденький. Ничего достоверного; одни подозрения, косвенные данные. Все это раньше укладывалось в определенную схему. Однако теперь, сам видишь, схема распалась, рассыпалась... Не знаю, как с ними быть? Прокуратура может не дать новой санкции — придется выпускать. А — не хочется!

— А все-таки придется, — сказал Наум Сергеевич. — И это даже — к лучшему...

Парторг шевельнулся — поднял глаза к собеседнику. Взгляды их встретились, пересеклись.

— Да, да, — к лучшему, — поигрывая бровью и щурясь,

подтвердил Наум Сергеевич. — Они за кем сейчас числятся?

— Да за нами — по-прежнему.

— Ну, вот что. Давай оформлять материал на освобождение. Чего зря томить ребят? Отпустим. Хотя бы одного. Для начала.

— Одного?

— Да, пока — одного... Того самого, чья кличка Копыто. Учти, это враг Беляевского. Смертельный враг. Понимаешь? Смертельный!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Послюнив пальцы, Игорь снял нагар со свечи. Огонек мигнул и разросся, и тотчас же комната стала светлей и просторней. Коротко глянув на часы, Игорь наморщился, подавляя вздох: Наташа снова запаздывала. Прошли уже все сроки, день иссякал, клонился к вечеру — и было ясно, что ждать ее теперь нет смысла. А он все-таки ждал!

Ждал и думал о том, как прочно, как неотвратимо и болезненно вошла эта женщина в его жизнь, и мысленно клял ее за это. И все время, невольно, прислушивался к тишине, ловя сторонние звуки, мечтая слышать легкие, торопливые, летящие к нему шаги...

И он услышал их.

Шаги возникли в отдалении — тихо приблизились к двери. Они были легки, едва уловимы; они терялись среди мелких шорохов и скрипов, всегда живущих в недрах безлюдного здания. Они едва достигали слуха, и он угадал их, различил, в основном, подсознательно, инстинктивно — нервами, кожей, всем своим существом.

Рука его машинально потянулась к револьверу. Но тут же он спохватился, отдернул руку, и подумал, усмехнувшись: «Постоянно пугать свою крошку кольцом — это уже становится смешным!»

Затем он крикнул нетерпеливо:

— Где ты там, эй? Чего ждешь? Входи!

Дверь растворилась. И сразу же Игорь почувствовал, как все в нем похолодело...

На пороге стоял Гитарист.

— Ну, здравствуй! — сказал Гитарист. И крупно шагнул в комнату, к Игорю. И вслед за ним появилось еще несколько фигур. Вошедшие разделились — окружая Игоря, обходя его, беря в кольцо. И озираясь, Игорь подумал, испытывая томительную слабость и дурноту: «Теперь — конец».

Он попятился к постели (туда, где лежал кольт), но Гитарист остановил его окриком:

— Не шевелись! Стой смирно!

Обе его руки были погружены в карманы, и он говорил, не вынимая их — настороженно, зорко следя за Интеллигентом:

— Учти: одно лишнее движение — и кранты. Стреляю сразу! Ясно?

— Ясно, — пробормотал Игорь.

— Ну, вот. Так и дыши.

Кто-то из спутников Гитариста подошел к ящику, на котором слезилась оплывшая свеча; под свечей, в желтом световом кругу, лежал финский нож, консервы, хлеб. Парень сгрел финяк и отступил, небрежно им поигрывая. В то же время другой — зайдя незаметно за спину Игоря — быстро и ловко обыскал его, ощупал одежду. Интеллигент стоял неподвижно и молча, он понимал: сопротивляться в данном положении — глупо. Надо повиноваться, хитрить и ждать. Ждать разворота событий. Ловить спасительный шанс...

— Что ж, ребята, — сказал он затем, — ваша взяла... Добрались-таки, выследили! Интересно, как это вам удалось?

— Ну, милый, — отозвался Гитарист, — ты же ведь не вчера родился — сам, небось, знаешь, что такое кодла! Если уж она что решит — так все и будет. От нее и на морском дне не скроешься. Она везде достанет!

Неторопливо, вразвалочку, приблизился он к соломенной игоревой постели. Пошевелил ложе носком сапога. И уселся в изголовьи — как раз там, где хранился под одеялом револьвер.

— Садись! — пригласил он Игоря широким жестом. — Садись, потолкуем.

— О чем? — спросил Игорь.

— Да садись ты, — дернул его Гитарист за рукав. И потом, когда Игорь нехотя, упираясь, уселся рядом, сказал:

— Знаешь, зачем мы пришли?

— Догадываюсь...

— Ну-ка! — прищурился Гитарист.

— Эх, ребята, — устало махнул рукой Игорь, — чего зря волынить? Дело понятное: пришли по мою душу... Что ж, получите... Я — вот он! Я — ваш!

И затем — проведя ладонью по напрягшемуся осунувшемуся лицу — добавил, умеряя дыхание, стараясь не выдать, не показать отчаянной, горестной тоски, подступившей к самому его горлу:

— Скажу напоследок одно: моей вины ни в чем нигде нету. Но это — что ж... Этого ведь не докажешь. Я знаю свое, вы — свое.

— Вот тут ты ошибаешься, — сказал Гитарист. — Мы все, брат, знаем. Все! Усекаешь?

— Что значит — все?

— Ну, все, как есть! И о тебе, и о Косте Хмыре, и о Брюнете. — Гитарист весело посмотрел на Игоря, тряхнул челкой. Угол прямого его рта пополз вкось. — Знаем теперь, кто кодлу закладывал, кто кого и как в саду укоцал...

— Но — откуда? — изумился Игорь.

— Нашелся один человек, — протяжно сказал Гитарист, — да, нашелся.

— Так чего ж вы — в таком случае — хотите от меня?

— погоди, узнаешь, — мигнул Гитарист.

Он обернулся к ребятам (они стояли, сгрудясь, возле постели), шелкнул пальцами. Сейчас же один из них достал бутылку водки; извлек ее откуда-то из-под пиджака и передал Гитаристу.

— Посуда есть какая-нибудь? — спросил тот, раскупоривая бутылку.

— Есть, — сказал Игорь, — но на всех не хватит. Только две кружки. Да ведь можно и так — из горлышка.

— Ну нет, зачем же, это некультурно, — возразил Гитарист. — Будем по очереди... А пока — держи!

И наполнив кружку Игоря — возгласил:

— За тебя, старик. За твой фарт!

— За мой фарт? — переспросил Игорь, запинаясь. И весь осветился радостью. Но тут же погасил улыбку — еще не веря сказанному, еще сомневаясь, колеблясь, томясь. — За мой?..

— Ну, да. Ну, да, — сказал Гитарист. — Пойми, чудак: все, в чем тебя обвиняли — теперь отпало, кончилось. Ты сказал давеча: «Я — ваш». Вот за это и выпьем. За то, что ты снова наш. Усекаешь? Ты — наш!

И крепко ударив о кружку Игоря — своей, он вытянул водку. Подышал, округляя губы. Утерся медленно.

Выпив свою порцию, Игорь сказал:

— Мне одно неясно. Если все это правда — чего ж вы так явились сюда. Так как-то... — Он дернул плечом. — Странно... Не как к своему, не как к другу, а как к чужому — к врагу.

— Так ведь с тобой иначе нельзя, — хрипло рассмеялся Гитарист. — Пока мы объяснялись бы, толковали — ты бы нас всех тут перешмолял. — Он крепко хлопнул Игоря по колену. — Верно я говорю?

— Ну, не знаю, — замылся Игорь.

— Не зря же ведь у тебя вторая кличка — Фантомас, — сказал кто-то из спутников Гитариста.

— Фантомас? — поднял к нему лицо Игорь. — Это еще откуда? Впервые слышу.

— Все точно, брат, — сказал, мигая, Гитарист. — Есть у тебя такое прозвище, есть.

- Кто ж мне его присвоил?
— Милиция, — сказал Гитарист, — мусора.
— А вам-то откуда это известно?
— От одного из них... Зубавин его фамилия. Может, знаешь такого?
— Нет, — сказал Игорь.
— Ну, вот. А он тебя знает. Хорошо знает!
— Каким же образом?
— Так ведь он, чудак, следил за всеми вами. За Брюнетом и за Хмырем. И тебя видел в саду. Словом — в курсе всех твоих дел!
— И что же, — спросил с сомнением Игорь, — он, работник милиции, все вам откровенно выложил, рассказал?
— Сейчас он уже не работает. На пенсию вышел. Спивается, старичок. Мы его как раз и надыбали в одной из пивных...
— Так, — проговорил Игорь, — значит, все сведения обо мне, все факты в мою пользу — это все получено из милицеских рук...
— Да какая тебе разница, — воскликнул Гитарист. — Главное то, что кодла тебе верит. Усекаешь? И зовет обратно. И за этим-то мы и пришли.

Они долго еще так говорили — прикончили бутылку и почали новую. Общая напряженность и скованность постепенно ослабли. Игорь видел: ребята с ним искренни, откровенны. Они пришли с добром — и тревожиться больше не о чем. И все же с лица его не сходило выражение сумрачного раздумья.

Среди многих, одолевавших его мыслей, была одна — беспоконная, темная, гасящая всякую радость. Внезапно возникнув, она уже не исчезала... И отравленный ею, Игорь сказал погоду:

- Вы говорите, ребята, я — ваш...
— Ну, да, — отозвался Гитарист, — я ж тебе все объяснил. И кончай — об этом!
— Нет, постой, поговорим, — возразил Игорь. — Значит, кодла мне верит. Хорошо. Я рад. Но вера-то эта на чем основана? На свидетельстве чекиста. А такому свидетельству — какая цена?
— Но, чудак, если все это — правда...
— Ну и что с того? — угрюмо отмахнулся Игорь. — Одной правды для всех не бывает. Она у каждого — своя. У мусоров своя, у блатных своя... Что для одних хорошо, для других — плохо. Так уж мир устроен. И не нам его менять.
— К чему ты клонишь? — тихо, медленно спросил Гитарист, — куда гнешь? Что-то я в толк не возьму.
— Я к тому клоню, что судьба моя все равно те-

перь — гиблая, — сказал Игорь, — все в ней зыбко, ненадежно. — Он трудно сказал это; ему не хватало воздуха. — Вот вы меня зовете обратно, снова считаете своим... Это — сейчас. А завтра все может повернуться по-иному! Представь себе, что кто-нибудь — ну, хотя бы, даже ты сам, — вдруг схлестнется со мной, посорится, начнет сводить счеты. Так ведь случается?

— Конечно, — сказал, поднимая плечи, Гитарист.

— Так вот, любой блатной — если захочет — может теперь обвинить меня в чем угодно... И что я смогу возразить? Как мне, вообще, оправдываться? Ссылаться на свидетельство милиционера — мне, чистопородному вору! — прибегать к его защите? Но ведь это же нелепо.

Он умолк. Глотнул воздух. И сильно — с яростью — ударил кулаком по стоявшему рядом ящику... Зазвенели, сталкиваясь, бутылки, качнулась свеча, и по комнате, по лицам людей, заметались неровные тусклые тени.

— Эх, был бы еще один, хоть какой-нибудь, живой свидетель...

— А разве — нет? — нахмурился Гитарист. — Совсем нет? Никого?

— В том-то и суть! — сказал Игорь. — Все те, кто могли бы что-нибудь сказать — давно уже похоронены, сгнили...

— Ну и что же ты будешь делать? — растерянно спросил его Гитарист. — В кодлу, значит, больше уже не вернешься?

— Нет смысла, — проговорил, закуривая, Игорь. — Все равно — сам понимаешь — я уже отрезанный ломоть... Придется, видно, завязывать, начинать другую жизнь.

— Но ты подумай, — сказал тогда Гитарист, — подумай: что за жизнь тебя ждет! — И от этих его слов Игорь вздрогнул, как от удара.

Отчетливо, с поразительной яркостью, припомнилось ему минувшее: Сибирская трасса, поезд, дорожные беседы... Он говорил тогда точно так же! И вот, внезапно, прямой его путь исказился; события сменили знак. И сейчас он вынужден выслушивать все то, что недавно еще он сам проповедывал, увещевая слабых, урезонивая колеблющихся.

— Завязать — значит сгубить себя, стать фрайером, — бубнил между тем Гитарист, — фрайерская жизнь известна. Завидовать там нечему. Участь у них скорбная: паши — за баланду. Вкалывай. Горб наживай...

— Ладно, хватит, — перебил его Интеллигент и поднял нетерпеливым жестом руку. — Это все я и сам знаю.

Слушать Гитариста было ему невмоготу, человек этот повторял его речи с удручающей точностью, почти слово в слово... И уходя от темы — меняя разговор — Игорь сказал, рывком поднявшись с постели:

— В общем, так. Слово мое твердо. Я все равно завязываю, выхожу из игры. И это, старик, бесповоротно.

— Бесповоротно? — уточнил Гитарист.

— Да.

— Н-ну, лады.

Он тоже встал. Отряхнул со штанов солому. Поплевав в пятерню, огладил черную свою челочку. Он явно был в замешательстве и какое-то время молчал, не зная, что ответить. Потом, постепенно, лицо его стало твердеть. Улыбочка слиняла, сошла. Прищур стал жестким.

— Значит, так я коdle и передам...

— Так и передай.

— Жалко тебя, конечно. Но в конце концов, дело твое. Была бы честь предложена... А уговаривать — зачем? Тебе, брат, видней.

— Вот именно, — сказал Интеллигент. — Мне видней.

— Что ж, прощай, — сказал, протягивая руку, Гитарист. — Живи, как знаешь. А мы пойдем! Больше нам здесь делать нечего.

Они обменялись коротким крепким рукопожатием. И тотчас же — отвернувшись от Игоря — Гитарист возгласил, обращаясь к своим спутникам:

— Айда, ребята! Отчаливаем!

И первый пошагал к дверям.

Стоя в колеблющемся свете свечи, Игорь смотрел, как уходили блатные. Они уходили неспешно и молча. По очереди выскальзывали в дверь и беззвучно исчезали там. Последний вдруг встал на пороге, повернулся к Игорю и достал из рукава финский нож.

— Чуть было не забыл, — сказал он, ослабься, — чуть не унес. А нам чужого не надо... Держи свое перышко!

И неуловимым движением метнул нож.

Просвистав, финяк впился в дощатую крышку ящика — возле свечи. Доска раскололась. Дымя и потрескивая, свеча опрокинулась, покатилась — и все вокруг, сразу, погрузилось во мрак.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Все вокруг погрузилось во мрак. И долго потом Игорь сидел, — не зажигая света, не шевелясь, опустив лицо в подставленные ладони.

То, что случилось только что — было, в какой-то мере, неожиданностью для него; решение порвать с блатными и выйти из кодлы, возникло у него внезапно, вдруг, под влиянием нахлынувших сомнений... И хотя решение это было здра-

вым, единственно верным, все же освоиться с новой ситуацией, привыкнуть к ней, было Игорю нелегко. Ох, как нелегко!

Вот он и снова оказался один. Снова — один! Недавние страхи кончились, чувство близкой опасности ушло — а одиночество осталось, разрослось. И на этот раз он сам — сам лично — обрек себя на него!

«Ну, что же, — подумал он, распрямляясь, — ну, что же. Ничего не попишешь — придется и в самом деле начинать новую, фрайерскую жизнь...»

Он нашарил в темноте упавшую свечу. Свободной рукой похлопал по карманам, отыскивая спички. И только приносившись было зажечь огонь — как услышал испуганный голос Наташи:

— Ой, что это? Почему — темно? Игорек, ты где, отзовись! Это я...

Наташа была необычно взволнована, чем-то удручена. Едва войдя и дождавшись света, она торопливо начала объяснять причину запоздания.

— Понимаешь, — нет больше сил, — проходя к постели и опускаясь на нее, произнесла она расслабленной скороговоркой, — не могу я с ним больше жить. Не могу! Не могу! Скандал за скандалом — это что-то чудовищное...

Она поднесла ко рту руку, стиснутую в кулак, — укусила пальцы и так молчала какое-то время.

— Сегодня опять проскандалили чуть ли не весь день. Сколько было шума, воплей, угроз... О, Господи! Потом, уже вечером, он ушел — хлопнул дверь. Сказал, что — к друзьям, до утра... К друзьям! — Она нахмурилась, мотнула головой, отбрасывая упавшую на глаза соломенную прядку. — Знаю я этих друзей! Они там не только преферансом занимаются... У него какая-то женщина есть — я давно уже догадывалась.

— Женщина? — усмехнулся Игорь.

— Да. Наверняка.

— А тебя — что, — проговорил он медленно, — тебя это сильно задевает?

— Н-ну, не так уж сильно... Просто противно, когда обманывают, хитрят.

— Но постой, — начал Игорь, — ведь мы... если говорить откровенно... — И не окончил — полез пятерней в затылок. Поскреб там и хмыкнул смущенно.

Они закурили. Подымив, помедлив, Интеллигент сказал:

— Ладно, не будем об этом... Плюнь, не расстраивайся. Все — зола.

— Это верно. — Наташа улыбнулась с усилием. — Все зола, я и сама понимаю. И ты, пожалуйста, не обращай внимания... Устала я, вот в чем дело. Ах, как устала! И хорошо, что у меня есть ты.

И затем — озираясь, пристально оглядывая комнату:

— Ну, а как ты? Что у тебя? Все в порядке?

— Да вроде бы, — пожал он плечами. — Хотя, конечно, как посмотреть...

— А почему ты сидел в темноте?

— Так, — пробормотал он, — просто — случайность.

— Случайность? — с сомнением протянула Наташа.

Она посмотрела на расколотую доску ящика, на рукоятку ножа (финяк еще торчал там — сидел в доске глубоко и косо). Подобрала с пола один из валявшихся во множестве окурков. Повертела его в пальцах. Сказала задумчиво:

— Марка не твоя — другая... Ты такие не куришь. — Отшвырнула окурки и вытерла пальцы платком. И сейчас же с тревогой поворотилась к Игорю. — Послушай, у тебя кто-то был? Какие-то люди? Только — не утаивай!

— Ну, были, — сказал, нехотя, Игорь, — были люди... — И вяло махнул рукой. — Это все мои дела — тебе неинтересные...

— Нет, почему же, — возразила она, — мне это важно... Так кто же, все-таки, был?

Она придвинулась к Игорю — заглянула ему в глаза.

— Это были — твои?..

— Да, — кивнул Игорь, — мои.

— Чего же они хотели?

— Потолковать.

— Ну — и?..

— Ну, и потолковали. Как видишь! — Интеллигент потянулся к ящику — с натугой вырвал из доски нож. Попробовал ногтем лезвие. И затем спрятал финяк за голенище. — Хорошо потолковали. Обо всем. До конца.

— Слава Богу, что они ничего с тобой не сделали...

— Тут мне, действительно, повезло, — скупно улыбнулся Игорь. — Поначалу я, признаться, перетрухнул. Приготовился к самому худшему... Ну, а потом — ничего, обошлось.

— Значит — поладили?

— Не совсем, — наморщился Игорь. — Но это уже — другой разговор. В общем, с этой стороны мне теперь опасаться нечего.

— Но как же они тебя нашли?

— А-а-а, — отмахнулся он, — пустяки... Удивляюсь, как они раньше до меня не добрались! Я тебе объяснял уже: я здесь — как в западне, как в ловушке. Столько времени сидеть и ждать... Глупее ничего нельзя было придумать! Но теперь мне, так или иначе, придется убираться отсюда. Пора менять этот адрес...

— Зачем? — перебила она его. — Почему? Тебе ведь ничего уже не грозит.

— Я сказал: не грозит с одной стороны — с этой... Но есть же еще и другая!

— Какая же?

— Милиция, — ответил он резко. — Милиция! Ты что, не соображаешь? — И глухо ругнулся сквозь зубы. — Забыла про того опера, который тебя вызывал?

— Но ты сам забыл, — сказала она звенящим голосом. — Ты забыл: твое дело прекращено! И отменил иск тот самый опер! Это во-первых... — Она передохнула, коротким движением поправила волосы. Лицо ее исказила гримаска. Глаза потемнели, налились соленой влагой. — А во-вторых: почему ты грубишь — разговариваешь со мной таким тоном?

— Прости, милая, — сказал он, помедлив. И легонько погладил ее по круглому, мягкому, податливому плечу. — Не обижайся. Я сегодня — не в себе. Взвинчен весь, накален... Ну, сорвался — бывает... Да ведь и то сказать: так все неожиданно повернулось!

— Но в чем дело? — спросила Наташа. — Почему ты такой? Тебе ведь радоваться надо, а ты... Что тут, все же, произошло?

— Да как тебе сказать, — замялся Игорь. — В двух словах всего не объяснишь... И сейчас не время. Давай встретимся завтра. Я как раз успокоюсь, соберусь с мыслями... Все обдумаю... А обдумать надо будет много!

— Но завтра я вряд ли смогу сюда выбраться, — поджимая губы, сказала Наташа. — Много дел, беготни.

— А мы не здесь, — сказал Игорь. — Мы в городе встретимся.

— В городе?

— Точно. На старом месте — у почтамта. И в тот же час — идет?

— Значит, ты...

— Да. Решил выползть на волю. — Игорь обнял ее, улыбаясь. — Заточение кончилось!

В эту ночь Игорь так и не смог уснуть; курил, расхаживал по комнате — по пустой, захламленной, опостылевшей своей одиночке. И думал, думал... Думал о том, как примет его фрайерская жизнь — да и примет ли вообще? Насколько он знал и помнил, почти ни у кого из тех, кто отходил от кодлы и переметывался к фрайерам — почти ни у кого дальнейшая судьба не складывалась, не задавалась, не оканчивалась добром. Нет, не оканчивалась; в ней постоянно возникали непредвиденные сложности и помехи. Этому было много причин... Главная же заключалась в том, что «завязавший» вор никак не мог найти себе применения в новом суетном мире; чувствовал себя здесь лишним, чужим... Бросив старое дело и не ведая иного, он поневоле оказывался в положении жалком, зависимом, почти нищенском. Приходилось все начинать сначала; обретать другие навыки, учиться какому-нибудь

ремеслу... Накопленные ранее деньги — если бы даже они и были — все равно ничего изменить не могли; пользоваться ими было трудно и опасно. Став скромным тружеником, блатной уже не мог вести прежний, широкий образ жизни, а если бы и решился на это — тотчас же погорел бы, попал под надзор милиции.

Размышляя об участии российских уроков, Игорь с завистью подумал о блатных на Западе. Там все обстояло иначе. Там деньги открывали широчайшие возможности. Там, на Западе, завязавшему не надо было отказываться от удобств и уходить на дно, в самый низ общественной жизни. Наоборот, он поднимался из темных глубин на поверхность и затем, с поразительной легкостью, перевоплощался в рантье, в бизнесмена, в почтенного налогоплательщика. Для этого надо было только перебраться из окраины города в центр и, взамен каскетки и джинсов, облачиться в смокинг. Полиция не трогала его — без особых причин... Здесь же, в России, любой бывший блатной по-прежнему оставался для властей фигурой чуждой, подозрительной и, в общем, совершенно бесправной.

По первому подозрению его могли взять снова; для его ареста не требовалось ни веских доказательств, ни специальных санкций! Все происходило механически, особенно — во время так называемых «изоляций», то есть периодических массовых чисток.

Таких изоляций в истории страны насчитывалось немало. Первая — началась в 1927 году. А еще в 1923 году возникло крупное, всесоюзного значения, лагерное управление — Управление Соловецких Лагерея. На острова Соловецкого архипелага (некогда принадлежавшие знаменитому старинному монастырю) ссылались, преимущественно, политические: эсеры, троцкисты, всякого рода классовые враги... Но попадали туда и блатные. И попадали во множестве. Их подбирали походя, вкупе с другими слоями. Причем в уголовном кодексе республики имелась специальная статья, допускающая повторное наказание за былые грехи — давно забытые и замоленные... В арестантском фольклоре существовало на этот счет немало песен. «Завезли нас в края отдаленные, — говорится в одной из них, — где болота, да водная ширь. За вину, уж давно искупленную, заключили в былой монастырь.»

Соловки были — как запев, как прелюдия... С каждой новой изоляцией (а в тридцатые годы они участились, обрели небывалый размах) возникали все более крупные управления, рождались гигантские княжества чекистов — Соликамские таежные лагеря, полярные Норильские рудники, знаменитый «Дальстрой», охватывающий всю северную оконечность азиатского материка.

И всюду в изобилии томилась люди, взятые ни за что, без дела, за вину уж давно искупленную...

Игорю вспомнился один из таких вот — завязавших, ушедших из кодлы и затем безвинно взятых вновь. Молчаливый, сумрачный этот парень провел на свободе — в мирной жизни — три года; женился, устроился в сапожную артель, оброс хозяйством и какое-то время был счастлив... Нежданный и несправедливый арест подкосил его, вверг в отчаяние; прибыв на Колыму, на прииск, он в первую же ночь попытался покончить с собой; перерезал вены, но не погиб — был спасен. Попал, в результате, в приисковую больницу. И там-то Игорь с ним и познакомился.

Такой безысходной, надрывной тоски он еще не встречал, не видел; целыми днями парень лежал, уткнувшись лицом в подушку, укутавшись с головой. Почти не ел ничего, ни с кем не общался, на вопросы отвечал односложно и нехотя. Он все время думал о чем-то — думал упорно, тяжело, неотвязно... Несколько раз — по ночам — Игорь видел его, курящим, что-то беззвучно бормочущим сквозь зубы. Парень разглядывал свежий шрам на своей руке, на запястьи. И лицо его при этом подергивалось, странно кривилось, а глаза были недвижны, безжизненны, подернуты тусклой холодной пленкой — как у раненой птицы.

И было понятно, о чем он думал. Было ясно: он протянет теперь недолго и повторит свою попытку. Повторит непременно. Он еще движется и дышит; он еще жив покуда, но все равно, он уже не жилец. Его нет, он кончен — это только призрак!

Однако вскоре случилось чудо. Призрак ожил, преобразился; стал говорлив и улыбчив. Перемена произошла разительная — и поводом к ней послужило письмо, пришедшее с воли.

Он читал его неотрывно — перечитывал по много раз, не расставался с ним, таскал с собою; истер и замусолил. И когда он разворачивал истершиеся на сгибах листки (он делал это бережно, осторожно, трепетными пальцами) и погружался в текст письма — морщины его разглаживались, черты как-то вдруг смягчались, теряли прежнюю неживую жесткость, и на лицо ложился мягкий ласковый свет.

Теперь он охотно вступал в разговоры. И однажды, толкуя с Игорем, сказал:

— Понимаешь, пишет, что — любит. И ждет. И будет ждать, несмотря ни на что. И никого ей не нужно, кроме... Нас только двое на этом свете — вот ее точные слова! — только двое... Ты понимаешь, что это значит?

— Да-а, — протянул Игорь, — понятно... Но — ты ей, вообще-то, веришь?

— Конечно, — рассмеялся парень, — а почему бы — нет?

— Но ведь женщины...

— Женщины всякие бывают, — отмахнулся тот, — а это

моя — единственная... И то, что она любит — я знаю. Давно знаю. Точно знаю. И верю, а как же иначе? Да и во что же еще верить, как не в это? Что еще есть на свете настоящего?

И он умолк, и словно бы задохнулся; проглотил комок, подступивший к горлу, и затем добавил — глухо, медленно, как-то даже свирепо:

— Нет, я буду жить. Теперь — буду! Не выйду из игры, не поддамся, дождусь свободы. Доживу до нее, доживу... Все перетерплю... Ради этого — стоит!

Игорь тогда не придавал его словам должного значения, не воспринял их всерьез. Теперь же он вдруг подумал о том, что парень-то был прав; в самом деле, что еще есть на свете более ценное и настоящее, чем любовь? Во что еще можно верить? Ради чего еще стоит жить?

«Все так, — усмехнулся он мысленно, — все так. Ради этого, действительно — стоит жить... В нелепой этой жизни — безумной и бедственной — только она, любовь, может быть мне единственной опорой. И утехой. И спасением. И если Наташка и в самом деле любит меня, если она — моя, я буду жить, не поддамся, все перетерплю! О, я еще не вышел из игры. Я еще способен сделать несколько мелких чудес — выбраться из кучи на вершину и утвердиться там... Я много смогу — только бы можно было верить!»

Утром, по первому свету, Игорь вышел на волю. Он именно так и почувствовал себя — вышедшим на волю, освободившимся... Он как бы пережил еще одно заключение и сейчас — второй раз за недолгий срок — испытывал хмельную радость раскрепощения; наслаждался волей, дышал ею, вбирал в себя, впитывал всеми порами сияние утра и говор толпы, и сухую, знобящую прохладу осени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Было начало ноября, и городские скверы и палисадники засекала облетевшая, рыжая, пожухлая листва. Листопад уже отшумел, отбушевал над Полтавой; к белесому небу вздымались голые, зябкие ветви осокорей и каштанов. Обметанные молочно-серым инеем, они искрились в лучах. И обочины тротуаров, и ограды, и садовые скамейки, все было тронуту первой ранней изморозью — опушено, окрашено ею...

Игорь запахнул поплотней пиджак. Обтер рукавом сидение скамейки. И усевшись — закурил, затянулся со всхлипом.

Он уже немало пошатался по улицам — утомился и продрог, и теперь отдыхал, размышляя: куда бы податься? Свобода была прекрасна — но как-то очень уж неприятно и холодно было ему сейчас!

«Может, вернуться назад, в старую свою трущобу, в свое логово, — подумал он, — там все же теплей... но, с другой стороны, — возвращаться глупо. Свидание-то ведь назначено в городе.»

Скверик, в котором он находился, был тих и пустынен. Лишь в дальнем конце сидела безмолвная, застывшая в неподвижности парочка: девушка в пестром платочке и молодой солдатик, в новенькой, необмятой шинели и блистающих сапогах. Да еще у входа — возле решетчатой ограды — маячил высокий мужчина в кожаном пальто, с лицом худым и угловатым, и с густой копной льяных растрепанных волос. Поставив ногу на витую заиндевелую решетку, он зашнуровывал ботинок. Лицо его было опущено. Ветер ворошил его белые волосы, швырял их на глаза, и незнакомец поминутно отбрасывал их коротким, резким движением головы.

«Куда же, черт возьми, податься? — думал Игорь, грызя папиросу и ежась в легком потертом своем пиджачке. — Эх, были бы хоть какие-нибудь гроши, можно было б запросто отсидеться в кабаке... А так — что ж... Все пути заказаны. Идти некуда. Есть только один путь — испытанный — на вокзал!»

И сейчас же он поднялся. Затаптал окурок. И пошагал, минуя человека в кожанке (тот по-прежнему стоял пригнувшись — возился с ботинком — что-то там у него не ладилось, не завязывалось). Игорь прошел близко от него, почти вплотную. Скользнул по нему невидящим взором и отвернулся...

О слежке он сейчас не думал. Привычная волчья настороженность покинула его. После посещения блатных и разговора с Наташей он успокоился и никого уже, в сущности, не опасался. Он вышел без оружия и жаждал мира и тишины.

Кольцо беды разомкнулось. Отчуждение кончилось. Робинзон возвращался к людям!

Полтавский вокзал — как и все отечественные вокзалы — был набит битком, охвачен гоном и суетою.

Россия всегда была беспокойной, метушейся, кочевой; она жила в пути, на биваках — и поныне продолжает жить так же.

Тревожная неустроенность быта — основная, самая характерная ее черта! Несметные людские скопища текут по ее дорогам и бурлят на перекрестках. На перекрестках, имя которым — железнодорожные станции. Над ними веет древний бродяжий дух. И для бездомных, тоскующих и ищущих — для всех, кто преступил черту оседлости — российский вокзал вечно будет последним прибежищем и укрытием. Игорь давно уже подметил это, понял во время скитаний по стране. И он знал: вокзал обогреет его, примет и укроет и — если надо — бесследно растворит в себе...

Он вошел в кассовый зал — и сразу же ощутил себя в при-

вычной, родной обстановке. Повсюду сновали люди с чемоданами и узлами. Тусклыми насморочными голосами бормотали со стен репродукторы, объявляя часы прибытия и отправки... Какая-то женщина, шумно дыша, остановилась возле Игоря. Со стуком поставила на пол тяжелые чемоданы. Отдышалась, утерла платочком лицо. Огляделась, очумело помаргивая. И затем, подойдя к стене, принялась изучать вывешенное там расписание поездов.

Багровое лицо ее было наморщено, выпяченные губы шевелились. Углубясь в расписание, она забыла о чемоданах. Они стояли за ее спиной — громоздкие, перевитые ремнями — и унести их, украсть, было проще простого...

Игорь легко шагнул к ним, вынул из карманов руки. Он сделал так машинально, помимо воли. Его словно бы шатнуло в эту сторону — и он не устоял, поддался толчку... Но тут же он опомнился, напрягся. И отступил, хрустнув зубами. «Нет, — подумал он, — нет. Если уж начинать таким образом новую жизнь, — к чему тогда было отказываться от старой?»

Искушение все же было сильным. Пугающе сильным... «Почему бы, в конце концов, и не рискнуть — в последний раз? — мелькнула юркая мыслишка, — деньги мне все равно нужны, без них не обойтись, и это надежный шанс. Последний! Как раз — для новой жизни!»

Мыслишка эта вспыхнула, прошла по краю сознания — и погасла. Борясь с соблазном, преодолевая себя, Игорь постоял секунду в неподвижности. И потом, поворотившись резко, пошел в глубь зала — подальше от чемоданов, в сторону от греха.

Ему вдруг захотелось пить. Он пошарил в карманах — выреб горсть мелочи и пересчитал ее, стоя возле буфета. Набралось как раз на одну большую кружку пива. «Живем», — обрадовался Интеллигент. И уверенно работая локтями, протискался к прилавку. И вскоре уже наслаждался — отдувался и жмурился, и слизывал с губ пивную янтарную пену.

Слева от Игоря, тесня его, помещалось двое мужчин. Один — сухопарый, с кавказскими, влажными, навывкате, глазами — что-то хрустко жевал. Другой — краснорожий, грузный, поросший курчавым рыжим волосом — курил, цедя сквозь усы синеватый дымок. Оба были заметно пьяны. Рыжеволосый — упившись и разгорячась — скинул плащ, и перебросил его через плечо.

Он стоял вполоборота к Интеллигенту. И обшарив мясистую его фигуру наметанным глазом, Игорь сразу же заметил бумажник, упрятанный в задний карман брюк.

На воровском жаргоне бумажник называется «поросенком». Есть у него и другие названия, но это — самое меткое. Дело в том, что бумажники в России вырабатываются, преимущест-

венно, из свиной кожи... Ну и кроме того, немалую роль играет их внешний облик; они нередко бывают по-пороссячи увесисты и пухлы. И столь же колоритны! Глядя на толстяка — на задний оттопыренный карман его брюк — Игорь видел выглядывающий оттуда краешек бумажника; лоснящийся, острый, коричневатый, он напоминал пороссячье ухо. И это ухо приманивало, дразнило...

Пьяные разговаривали. Как это часто случается, они говорили преувеличенно громко, в повышенном тоне. Игорь отчетливо слышал каждое их слово. Речь шла о буфетчице — разбитной, круглощекой, с мелкими кудряшками на лбу и обильной, тяжелой колышавшейся грудью.

— Выпуклая бабенка.

— Н-да, товарищ — ничего не скажешь!

— Все без подделки... На чистом сливочном масле...

— Интересно, сколько она за ночь берет?

— Почему именно — берет? Не опошляй идею. Может, она так — из любви к искусству, а?

— Что ж, бывает, конечно. Только — вряд ли...

— А ты спроси!

— Да надо бы. Неудобно только — народу полно.

— Ну, так подождем! Нам же ведь не к спеху. Поезд завтра идет, — эта ночь все равно наша.

— Стало быть, еще — по одной?

— Конечно.

— А чем переложим? Пивком?

— Милое дело.

Рыжебородый ослабилась удовлетворенно и махнул рукой, подзывая буфетчицу. Он навалился на стойку. Зад его выпятился, округлился. Момент был самый подходящий! Игорь отставил кружку... И внезапно — с яростью — хлестнул ладонью по оттопыренному, наглому этому заду.

— Эй, — грозно спросил, поворачиваясь к нему толстяк, — ты чего?

— Ничего, — сказал Игорь вздрагивающим голосом.

— Нет, ты чего толкаешься?

— Ты сам толкаешься...

— Это я-то?

— Да вот ты-то!

Какое-то мгновение они смотрели в глаза друг другу. Смотрели пристально. Игорь стоял, выпрямившись, весь подобранный. Он улыбался — нагло и холодно — и лицо у него было нехорошее; что-то в нем угадывалось особенное, такое, что не предвещало добра... И рыжебородый уловил это, учуял. И сразу завял и съезился, отводя взгляд. И пробормотал примирительно:

— Ну, если я...

— Ладно, — махнул рукой Игорь. — Хватит об этом. Не отвлекайся — пей!

Жаркий душастый гнев оставил его, схлынул. Вспышка была мгновенной и безотчетной, и теперь, когда она прошла, Игорь испытывал усталость, смущение, и досаду. Досаду на себя, на судьбу свою — на проклятую свою судьбу — и на всю эту жизнь!..

И забыв о недопитой кружке, он направился в зал ожидания. Ему немогло; хотелось усесться, уединиться где-нибудь, расслабиться и побыть, хоть недолго, в покое...

Покоя однако не было и здесь.

Зал ожидания был переполнен пассажирами, причем большую часть их составляла молодежь. Густая, горластая толпа эта производила впечатление странное и диковатое. Ребята и девушки мало чем отличались друг от друга; все они были одинаково длинноволосы, растрепаны, обряжены в спортивные куртки и ватники, кеды и сапоги, а некоторые — завернуты в одеяла и какие-то пестрые, цветные лохмотья.

Гулко брэнчали гитары. Здесь их имелось несколько. Вокруг каждой группировалась своя отдельная компания. И каждая компания пела — на свой особый лад и мотив. И песни эти были подчеркнута разухабистые, залихватские, блатные.

В одной группе слышалось:

«Когда я был мальчишкой,
носил я брюки клеш,
соломенную шляпу,
в кармане финский нож.
Я мать свою зарезал,
отца свою убил,
а младшую сестренку
в сортире утопил».

В другой — по соседству — нестройный хор выводил:

«На Молдаванке музыка играет,
а Сонька в доску пьяная лежит...»

А из противоположного угла — перекрывая общий шум — доносилось явственно:

«Нашел тебя я босую,
худую, безволосую,
три года я в порядок приводил.
А ты мне изменила,
другого полюбила,
зачем же ты мне шарики крутила?»

Пробираясь в толпе, вдоль скамеек, — отыскивая свобод-

ное место, — Игорь с недоумением оглядывал пассажиров. «Кто они? — размышлял он, — откуда они — и куда?.. Песни у них блатные, но сами они непонятны. Может, это какие-нибудь целинники, энтузиасты строек?»

Он правильно угадал. Из разговоров, из отдельных реплик, ему вскоре стало ясно, что шумная эта орда направляется на восток страны — на строительство таежной гидростанции... Еще в лагерях, в заточении, Игорь слышал о новом веянии, возникшем среди нынешних юнцов и охватившем всю страну. Послесталинское поколение жило не так, как все прежние; оно было бурным и беспокойным. Оно, это поколение, активно участвовало в событиях, интересовалось всем происходящим и — легко снимаясь с насиженных мест — безудержно растекалось по просторам родины. Игоря и его лагерных друзей больше всего изумляло то обстоятельство, что на целину и на новые стройки молодежь устремлялась не по велению власти, не по приказу — а просто, по собственному почину... Теперь, приглядываясь к бурлящей вокруг него юности, Игорь вдруг подумал о том, что за последние годы в этом мире многое изменилось, сдвинулось, преобразилось. И изменения эти прошли мимо него; он как-то не заметил их, проглядел.

Он с трудом отыскал себе место — на угловой скамейке, среди корзин и узлов. Хозяйка багажа — молодая женщина — сидела, держа на коленях девочку лет восьми-десяти. Девочка хныкала и вертелась, что-то лопотала невнятно, и мать успокаивала ее строгим шепотом.

Игорь сел, со вздохом вытянув ноги. Оперся о корзину — полуприкрыл глаза. «Шум, — подумал он, — толкотня, как на пересылке... Как в Таганке — перед этапом...» И в этот момент, словно бы в лад его мыслям, гитарист, стоявший поблизости, запел:

«Цыганка с картами... Дорога дальняя...
Дорога дальняя — казенный дом...
Быть может, старая тюрьма Таганская
меня несчастного по-новой ждет».

Гитарист был невысок, круглолиц и бородат. Он бил по струнам полусогнутой ладонью и хрипло вопил, запрокидывая голову. И черная, кудлатая борода, покрывавшая гладкие его щеки, казалась ненатуральной, приклеенной. Его окружали весьма живописные фигуры. Один из парней стоял в рваном клетчатом одеяле; оно было надето на манер мексиканского пончо. Голова другого была по-пиратски повязана красным платком. Третий — чумазый и нечесаный — подпевал гитаристу, кривлялся и в такт прищелкивал пальцами, и при каждом движении на груди его подрагивали, блестя, густо навешанные монеты.

Из-за его спины выдвинулся еще один — высокий, в кожаном пальто и с такой же, как у всех прочих, нечесаной гривой льняных волос.

Он появился — мелькнул — и исчез. Но Игорь все же успел заметить желтую его кожанку и белую голову. И где-то в подсознании, в самых глубинах, сейчас же возникло у него ощущение, что человек этот — знаком ему, что где-то они уже сталкивались, встречались... Однако смутную эту, едва рождающуюся мысль, он так и не успел воспринять и додумать.

Его отвлекла соседка.

— Послушайте, — сказала она, склонившись к Игорю и робко трогая его за рукав, — извините, пожалуйста... Вы никуда не торопитесь, не собираетесь уходить?

— Нет, — ответил Игорь. — А в чем дело?

— Да понимаете ли, моей девочке нужно — извините — в туалет...

— Ага, — сказал Игорь, — Так... — И удивленно, растерянно поднял плечи. — Ну и что ж? Раз нужно — пусть идет.

— Но одна она не может, боится. А если я пойду ее провожать — останутся без присмотра вещи... А как их оставлять?

Женщина при этих словах улыбнулась испуганно. И быстро оглянулась на гитариста. Тот по-прежнему бил по струнам и хрипло пел, задирая бороду: «Таганка, все ночи полные огня. Таганка, зачем сгубила ты меня!»

— Как оставлять? — повторила женщина. — Ведь разворуют... — И просительно заглянула Игорю в глаза. — Вы не могли бы побыть тут, присмотреть за вещами? Ну, пожалуйста. Я — ненадолго... а?

— Присмотреть? — нахмурился Игорь. «О, черт, — подумал он, — что за день такой подлый?! Сплошные провокации...»

И помолчал немного, а потом — с надсадой — сказал:

— Ладно... Только чтоб — быстро!

— Вот спасибо вам, — зачестила, обрадовалась женщина, — вот спасибо!

И быстро скрылась, таща за руку дочку. И, глядя ей вслед, Интеллигент усмехнулся: тоже, дура, — нашла кому доверять!

Едва дождавшись ее возвращения, Игорь поднялся и поспешил прочь... Прочь отсюда — на улицу, на свежий воздух! Он чувствовал: еще один такой случай — и он, пожалуй, не удержится, не вытерпит, рискнет... Судьба как бы баловалась с ним, искушала его. И он уже с некоторым испугом думал: что еще она приготовила ему, какой новый подвох его ждет впереди?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Выйдя из дверей вокзала, Игорь глянул на часы — и насутился, поджимая губы. Время двигалось медленно; был всего лишь четвертый час пополудни... До встречи оставалось еще два часа — и где-то их надо было перебыть, переждать!

— Господи Боже мой, — пробормотал он, спускаясь по истертым, склизким ступеням, — какой же все-таки подлый нынче день! И как он тянется бесконечно! Хорошо хоть — погода переменялась.

Погода переменялась. Стало теплей. Мутное месиво облаков поредело, расточилось; проглянуло солнце сквозь пелену, и под зыбкими струями света постепенно стаяла, сошла искристая изморозь, с утра осыпавшая город.

Шлепя по лужам, Игорь пересек вокзальную площадь. Постоял в раздумьи. И потом — подняв воротник и сунув руки в карманы — побрел, ссутулясь, вдоль тихой, безлюдной, обсаженной акациями улицы. Он брел бесцельно, наугад — жевал отсыревший окурок, рассеянно поглядывал по сторонам...

На повороте — за углом — взору его предстала вывеска: «Шашлычная». Игорь выплюнул окурок, глотнул набежавшую слюну. У него схватило кишки от голода. Не сводя взгляда с яркой, пышно размалеванной этой вывески, он двинулся к дверям шашлычной — сделал несколько неверных шагов — и замер вдруг, вспомнив, что он пустой, что денег у него нет ни копейки.

«А ведь деньги были, — с тоскою подумал он. И выругался яростно. — Были! Сами шли в руки! Какие шансы я упустил сегодня, от чего оттрекся — ах, я дурак! ах, дурак!»

В этот момент — за спиной его — чей-то голос произнес усмешливо:

— Ну, чего задумался — как витязь на распутьи?..

Игорь оглянулся. Рядом с ним стоял давешний тип в рыжем кожаном пальто. Сухое лицо его морщилось в улыбке. Раздуваемые ветром льняные, белесые патлы, лезли на лоб, на глаза.

— Хочешь войти, что ли? — спросил незнакомец.

— Да хотел было, — ответил Игорь, поеживаясь.

— Ну, так в чем же дело? Давай! Пошли!

— Нет... Не могу. Оставил, понимаешь ли, деньги дома. Забыл — ну, и вот...

— Оставил дома? — сощурился человек в кожанке. И хлопал его по плечу. — Что ж, бывает. Только ты плюнь на это, не огорчайся. Идем со мной, я угощаю!

— Это — почему?

— Да просто, по-приятельски... Мы же ведь все же — старые знакомые.

— Знакомые? — повторил Игорь. — Старые? — И нахму-

рять, — одним внимательным цепким взглядом — осмотрел собеседника с головы до ног. И затем качнул в сомнении головой:

— Не припоминаю что-то... Где же это мы встречались? Вообще-то, вроде бы, — да... Но — где? И когда? Нет, не знаю, не знаю!

— Ты-то меня, может, и не знаешь. Зато я хорошо с тобой знаком. Давно за тобой наблюдаю.

— Это как же так? — начал Игорь. — Постой, значит, ты...

И умолк, осененный внезапной догадкой.

— Да, — сказал незнакомец.

— Значит, ты — оттуда?

— Да, оттуда. Но ты не бойся...

— Чего же ты от меня хочешь?

— Да ничего особенного, чудак, — рассмеялся тот. И снова положил руку на игорево плечо. — Просто, хочу угостить — и только... Посидим, погреемся. Шашлычок поедим; здесь добрые шашлыки готовят.

— Но кто ты? — спросил Игорь, медленным движением освобождаясь от его руки. — Как тебя хоть зовут?

— Что ж, разрешите представиться. — Человек в кожанке наклонил голову, ловко шелкнул каблуками. — Игнатий Савицкий.

— Савицкий, — тихо ахнул Игорь. — Ну, да. Ну, конечно... Наташа ведь рассказывала... Так вот ты какой!

— Ну, наконец-то, — сказал Савицкий. — Наконец — сообразил.

— Вот ты какой, — негромко, запинаясь, проговорил Игорь. И еще раз осмотрел его с вниманием. — Значит, это ты ведешь мое дело.

— Вел, — уточнил Савицкий. — До сегодняшнего дня.

— А сегодня?..

— Сегодня — конец. Дело твое погашено полностью. Вот потому я и приглашаю: зайдем! Я же с утра хожу за тобой — все видел. Знаю, какие деньги ты «оставил», какие мог бы взять...

— Следил, значит, — покривил губы Интеллигент.

— Следил. Ну и что? На то и щука в омуте, чтобы карась не дремал. Зато теперь мне все ясно. И тебе тоже беспокоиться больше не о чем!

— Н-ну, раз так, — смягчаясь, как бы сразу оттаивая, сказал Игорь, — раз такое дело — ладно.

Они разговаривали, стоя метрах в пяти от шашлычной.

— Ладно, — сказал Игорь, — зайдем! — и повернулся лицом к двери. И вздрогнул — увидев старого своего партнера, Копыто. Увидел тщедушную его фигуру, низкий скошенный лоб, мерно двигающиеся, жующие челюсти.

Копыто возник из-за угла дома и стоял теперь, чуть пригнувшись, сжимая в руке револьвер.

Взгляды их встретились, перекрестились. Копыто усмехнулся; темная судорога прошла по его лицу. Он поднял револьвер. Вороненая синяя сталь ствола сверкнула, отражая солнце... И сейчас же — с коротким хриплым воплем — Интеллигент отпрянул, сунув руку под пиджак, за пояс.

Он искал там свой кольт! Он совсем забыл про то, что решил начать новую жизнь. Жест его был привычным, безотчетным, стремительным — но оружия на месте не оказалось. Пальцы нащупали пустоту. Это длилось всего лишь миг... А в следующий — раздался выстрел.

Игорь ощутил режущий, жаркий толчок в грудь, сразу ослаб и медленно, тяжело осел на талую землю.

От острой боли сознание его затуманилось, багровая муть заволокла взор. И сквозь эту муть он разглядел Савицкого, вскинувшего руку для ответного выстрела. Левая рука следователя была прижата к боку и пальцы — окрашены в красное...

Затем Савицкий покачнулся и как бы ушел за кадр — растворился в дыму. Откуда-то издалека донеслись до Игоря многие голоса, топот ног. Потом на него пролилась и плотно объяла темнота.

Очнулся он в больнице. Оказалось, что у него прострелена грудь и слегка задета верхушка правого легкого; ранение, в общем, не смертельное, — объяснил ему врач, — но все же достаточно тяжелое, скверное...

Ему, тем не менее, повезло! Как выяснилось из дальнейшего разговора с врачом, в завязавшейся перестрелке уцелел один лишь Игорь; Савицкий умер на следующее утро от внутреннего кровоизлияния, а Копыто — там же, на месте, скошенный пулей следователя, пробившей ему горло.

Размышляя о случившемся (а времени для этого у него теперь было достаточно!), Игорь недоумевал: каким это образом Копыто узнал о его маршруте? Как этот ублюдок сумел догадаться, что он очутится вместе с Савицким возле шашлычной — да еще в тот именно день?

«Может быть, Копыто следил за мной? — предположил Игорь. Но тут же отверг эту мысль. Нет, вряд ли... Я проглядел Савицкого — но это понятно. Я же не знал его раньше! А такую морду я сразу бы засек, заметил... Нет, если он и следил — то не за мной, а за чекистом... И это тоже очень странно, Копыто ведь чужой здесь, приезжий; он не знаком, в сущности, ни с кем.

И вообще, зачем ему было стрелять? За что мстить? Воровская кодла давно уже выяснила все — и простила меня, звала обратно. Об этом ему должно было быть известно...

Стало быть, с кодлой он не встречался! Но если это так, откуда же у него, — только что вышедшего из тюрьмы — появился наган?

Ах, непонятно все это, — думал Интеллигент, лежа в бинтах, на узкой больничной койке, — непостижимо, туманно... Но, с другой стороны, что Бог ни делает, — все к лучшему. Весьма возможно, тут — простое совпадение, роковой случай... Что ж, этот случай его как раз и покарал, и сгубил! Все ведь началось с его слов. Копыто первый обвинил меня перед урками, опорочил, и вот, получил теперь пулю. И не куда-нибудь — в самую глотку!»

На третий день его навестила Наташа.

— Больно? — спросила она, усаживаясь рядом и легонько, — кончиками пальцев — касаясь тугих, оплетающих его грудь, бинтов.

— Да как тебе сказать? — Игорь приподнялся, кряхтя. — Вообще-то, побаливает... Но рана не страшная. Мне врач сказал: недели через две-три я уже смогу ходить.

— Ну, слава Богу, — сказала, с легким вздохом, Наташа. — Слава Богу. Я так за тебя беспокоилась!

— Ничего, — ответил Игорь, — не волнуйся. Все будет в порядке. — Ему было трудно говорить, и он поминутно запинаясь, умолкал, цедя сквозь стиснутые зубы воздух. — Скоро я встану, оклемаюсь — и мы с тобой уедем отсюда, проживем по-иному...

— По-иному? — спросила она, опуская глаза. — Это как же?

— Ну, как! Хорошо...

— И что ты будешь делать?

— Уж во всяком случае — не воровать... С этим теперь покончено. Навсегда. Бесповоротно.

— Как ты, кстати, на это решился? — поинтересовалась она. — Ты ведь был такой убежденный...

— Был, верно, — трудно, медленно, сказал Игорь. — Но потом все изменилось. Раньше я подчинялся воровскому закону — теперь вышел из него. Оказался в пустоте... И дальше так продолжать невозможно. Если уж я отбилась от одного берега — надо приставать к другому... Нельзя жить без правил, понимаешь? Нельзя! Я, во всяком случае, — не могу.

Он перевел дыхание и затем — помедлив несколько:

— Ты какая-то странная. У меня такое ощущение, будто ты — не рада... Вспомни: ты же сама меня упрекала в том, что я — уголовник. Ну, вот, теперь я — другой! И давай попробуем вместе начать новую жизнь. Уедем, я буду работать...

— Но что ты вообще умеешь? — Она быстро глянула на Игоря — взмахнула ресницами — и снова погасила взгляд. — Что ты можешь?

— Я, милая, много могу, — высокомерно ответил Игорь. — Конечно, мирных, так сказать, специальностей, у меня пока что нет — но это пустяки. Дай срок. Научусь!

— Ах, Игорек, — мягко проговорила Наташа. — Ты, право же, как ребенок — видишь то, что хочется, а не то, что есть. Вот ты говоришь: научусь... Думаешь, это легко? И пока ты научишься — как мы с тобой жить-то будем? Рай в шалаше — это хорошо лишь в поэзии... Да и не гожусь я для этого. И ты тоже — вряд ли.

— Так ты что же, не согласна? — спросил, мрачней, Игорь, — не хочешь?

— Не то, что — не хочу, — сказала она, — дело не в этом... Просто боюсь...

— Чего, например?

— Всего... Трудностей, нищеты... А это ведь будет, будет непременно! И поверь мне: трудности не улучшают отношений, не укрепляют их — наоборот! Рано или поздно, начнутся ссоры, придет охлаждение; этого-то я как раз и боюсь. — Витая, рыжеватая прядка упала ей на глаза. И она отвела ее медленным, усталым движением. — Боюсь того, что обстоятельства погубят нашу любовь... А губить ее мне не хочется.

— Но она хоть есть — любовь-то? — Тяжело шевельнулся Игорь. — Что-то мне уже и не верится...

Он усмехнулся при этих словах. Он был внешне спокоен и ровен — но таким он только казался! В душе его что-то дрогнуло, словно бы там натянулась струна, звучащая тихо, горестно и надрывно.

— Да, не верится, — повторил он. — Вот, когда я был блатным...

— Ах, Игорек, — перебила она его, — ну, как ты не улавливаешь? То, что ты — уголовник, рецидивист — это мне, естественно, не нравилось. И никогда не могло бы понравиться. Но, с другой стороны, во всем этом была — как бы тебе лучше объяснить? — некая необычность, своеобразная романтика, что ли... Ты тогда попал в беду, нуждался в помощи, в защите...

— А теперь?

— Теперь — тоже. Но я сейчас думаю о дальнейшем, гляжу вперед.

— Ну и что же там, впереди?

— А там уже все иначе. Романтики, во всяком случае, я не вижу.

— И потому ты, стало быть, — уже не моя?

— Да нет же, нет, — сказала она, склонившись к Игорю и ласково, ладонью, проведя по взлохмаченной его голове. — Я твоя. Это правда, Игорек! Я же тебя действительно люблю. И в этом ты не должен сомневаться.

— Но все же, уходить от своего Сергея ты, куда, не собираешься? — с угрюмой настойчивостью допытывался Игорь. — Так ведь получается, — если начистоту, а?

— Н-ну, не совсем так, — проговорила она в замешательстве, — не совсем... Все гораздо сложнее... Ах, ты меня плохо понимаешь!

— А ты — себя? — спросил он. — Сама себя ты хоть понимаешь?

— Да тоже не очень, — слабо отмахнулась Наташа. — Но понимать — это что! Это не главное. Главное — чувствовать... Ты, очевидно, не знаешь женщин.

— Знаю, — сказал Игорь. — Знаю. Все вы, бабы, кошки!

— Ну, что ж, — повела она плечом, — ну, пожалуй... Кошки — это верно.

— И наши с тобой отношения — они такие же, как у кошки с собакой... Я хочу определенности, а ты постоянно увиливаешь. Я стремлюсь к ясности, к простоте, — а ты вся в тумане.

Игорь говорил это — и одновременно прислушивался к тревожной ноте, звучащей из глубины души, из нутра... Натянутая там струна звенела все напряженнее, все томительней — и внезапно оборвалась.

Наступила тишина. И в этой тишине упали медленные игровые слова:

— Ладно. Хватит об этом. Чего зря болтать? Но... Как же мы теперь с тобой будем?

— Да как всегда, — беспечно сказала она, — ничего же ведь не изменилось! Лечись, поправляйся — а я тебя буду навещать.

Она поцеловала Игоря, скользнула губами по запавшей его, небритой щеке. И легко поднявшись — шагнула к дверям палаты.

Игорь глядел на ее ноги — стройные и сильные, облитые серыми чулками, — на ее короткую юбку и пушистый свитер, и соломенное облако волос; глядел и думал о том, что наверное, он никогда уже не сможет разлюбить эту женщину... Но и любить ее по-настоящему — любить самозабвенно и преданно — так, как раньше, как в самом начале, — он тоже уже не сможет! «Да она и не стоит того, — подумал он, — это же стерва, предательница! Хотя, почему? — тут же спросил он себя. — Почему предательница? Она ведь никогда ничего не обещала, ни на чем особенно не настаивала; это я сам, идиот, сам что-то выдумал, сочинил... Сочинитель! — усмехнулся он мысленно. — Лорд Байрон! Шекспир! Встал в восторженную позу, закатил глаза... А надо было смотреть в корень. Надо было приглядываться к сути. В чем ее суть? Это — кошка. Самая простая и самая настоящая. И она, по-своему, искренна, откровенна. Она всегда — такая, как есть. И ничего уж с этим не

поделаешь, ничего не изменишь. И именно такой ее надо принимать!

Но именно такую я, как раз, и не хочу, — сказал он себе, — мне не надо такой. Я ищу иную женщину! Всю жизнь ищу. Всю жизнь. И может быть, когда-нибудь...»

Наташа на миг задержалась в дверях и обернулась к Игорю (волосы ее при этом разлетелись, развеялись).

— До свидания, милый.

— До свидания, — сказал он, слегка приподняв руку.

Он сказал «до свидания», но услышал за этим другое — совсем другое — «прощай»...

И она ушла. Дверь захлопнулась гулко. Не в силах справиться с нахлынувшим отчаянием, Игорь зажмурился, прикрыл лицо пятерней. Затем повернулся к окошку.

Там, за стеклом, мотались голые ветви каштанов, клубилось мутное небо, сеялся снежок. Надвигался вечер. Но было еще не поздно — свет еще не иссяк — еще продолжалось, длилось светлое время суток.

тайны

сибирских

алмазов



ОТ АВТОРА

Якутская республика¹ расположена в центре Северной Азии. Это — одно из самых диких, пустынных и трудных для обитания мест на всем земном шаре!

Вот любопытная деталь. В годы сталинского режима, когда всю Сибирь покрывала густая сеть концентрационных лагерей, в Якутии, особенно — в Западной, их почти не было! Места эти оказались слишком тяжелыми, неудобными, даже для системы ГУЛАГа.²

Западно-якутская тайга — негустая, заболоченная, чрезвычайно мрачная. Сибиряки зовут ее «черной». Там произрастает преимущественно даурская лиственница — редчайшее дерево, приспособленное для жизни среди топей и льдов.

Льды и топи! Они образуют странный, какой-то неземной пейзаж. Передвигаться по якутской равнине нелегко; она лишена нормальных путей сообщения. В зыбком, обманчивом болотном этом мире не существует настоящих, больших дорог... Не только ландшафт там странен и труден — таков же и климат.

Если для европейской части России погода, как говорится, «делается в Арктике», то Якутия, наоборот, связана с Югом, с Центральной Азией. Но это вовсе не значит, что местный климат теплый... Именно в Якутии находится знамени-

¹ Общая ее площадь составляет более трех миллионов квадратн. км. (Прим. автора).

² Лагеря — в небольшом сравнительно количестве — располагались только в верхнем течении реки Лены и вдоль некоторых ее притоков. (Прим. автора).

тый «полюс холода», где температура порою опускается до 70° ниже нуля по Цельсию.

Суть в том, что зимою в этой части материка властвует необычайной мощности антициклон. Он зарождается где-то в Северном Тибете — и простирается до Ледовитого океана. Якутия оказывается накрытой антициклоном, словно чудовищным куполом.

Тут находится область самого высокого в мире атмосферного давления. И никакие теплые ветры не могут проникнуть под этот плотный, тяжелый купол холодного воздуха.

Зимой — в течение шестимесячной полярной ночи — в Якутии не бывает ни вьюг, ни метелей. Вплоть до поздней весны стоит мертвый штиль. Повсюду царит ледяное спокойствие. Небо, прозрачное, ничем не замутненное, тоже выглядит ледяным. А луна и звезды кажутся необыкновенно большими, яркими. И чем крепче мороз — тем ярче их блеск.

При якутском морозе трудно дышать. Пар вырывается изо рта с сухим жестким шорохом и мгновенно застывает, превращаясь в мерцающий иней... Туземные племена издавна называют этот шорох «шепотом звезд».

Название красивое, поэтичное. Однако шепот звезд нередко служит предвестником беды.

В местной тайге время от времени возникают жуткие ледяные скульптуры. Одна из них, например, долго стояла на холме в верховьях полярной реки Оленек, где как раз и будут развиваться основные события нашего романа. А произошло вот что.

Однажды ночью, при ярком блеске звезд, молодой изыскатель-геолог вышел из своей палатки с ведром, чтобы выплеснуть помои. Он вышел налегке, без теплой одежды, в тонких брезентовых рукавицах. Молодой и неопытный, он еще не знал, что такое здешняя зима! Руки у него сразу же заоченели и дрогнули. Жидкие помои пролились на сапоги. Мгновенно влага замерзла. И парень оказался прикованным к земле. Тогда он нагнулся, пытаясь разрушить корку льда... Но разогнуться уже не смог.

Так он и остался — в классической позе бегуна, приготовившегося к старту.

Обладающие богатым поэтическим воображением и весьма склонные к мистике якуты быстро причислили эту «статую» к разряду священных объектов. И холм, где все это произошло, стали с тех пор называть «Холмом Пляшущего». Ибо поза, в которой застыл геолог, была схожа с фигурой шаманского ритуального танца.

В течение многих месяцев охотники и оленеводы поклонялись «Пляшущему», украшали его разноцветными тряпицами... Это продолжалось до тех пор, пока лед не растопило весеннее солнце.

Весна в Якутии наступает медленно, тихо, едва приметно. На болотах редко встречаются бурные ручьи, не бывает больших вешних паводков. Снег, в сущности, не тает, а испаряется прямо в воздух. И потому здешняя весна — это пора туманов.

Опасная пора. Особенно — для самолетов!

И особенно опасно в такую пору совершать полеты у границ Западной Якутии.

Ведь эта область является как бы гигантской впадиной, окаймленной горами и накрытой куполом антициклона. Одна из границ «купола» соприкасается с горной страной Путорана. И не дай Бог эту черту пересечь!

За ней уже ощущается свирепое дыхание Арктики. По весне над путоранскими ущельями ревет ветра, встают, шатаясь, снежные смерчи...

И вот, восьмого марта 197... года небольшой почтовый биплан ПО-2, совершавший перелет между Якутском и селом Оленек, заблудился в тумане, пересек роковую черту. И закрутился, подхваченный гибельным бураном...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖЕСТОКИЙ, ОБМАНЧИВЫЙ МИР БОЛОТ

1

Гибель самолета. Рябой якут и Заячья Губа. «Строго секретно. Перед прочтением уничтожить».

Самолет закрутился, подхваченный гибельным бураном. Сшиб верхушки двух лиственниц, рухнул на заснеженную поляну и там застыл, перекареженный, превратившийся в бесформенную грудку металла.

А сутки спустя на поляну из хвойных зарослей выскользнула тощая дымчатая рысь.

Осторожно — припадая на лапы — она обошла мертвый самолет. И остановилась, принюхиваясь и колеблясь. Запах металла отпугивал, будил тревогу. Но сквозь него просачивался запах человеческой крови; легкий, дразнящий аромат вкусной плоти. Он волновал и притягивал голодного зверя.

Некоторое время рысь стояла, не двигаясь и словно закаменев. А затем внезапно шерсть на ее загривке поднялась дыбом. Зарывав, она отпрыгнула в сторону. И бесшумно канула в кусты.

Таежную эту кошку спугнули звуки шагов и шумное людское дыхание.

Из кустов, отряхиваясь от снега, вышли двое.

Одеты они была одинаково — как близнецы — в длинные мохнатые меховые рубахи с капюшоном, в меховые мягкие сапоги. У каждого из них за плечом висел, стволом книзу охотничий карабин.

Все казалось у них одинаковым... Однако лица в мохнатых капюшонах никак не были схожи. Один из таежников был скуласт, узкоглаз, с темным плоским лицом, изрытым оспой и испещренным жесткими морщинами. Второй же являл собою тип чистокровного русака. На брови его из-под капюшона спадала светлая вьющаяся прядка. Глаза были серые, губы толстые. Верхнюю губу рассекал косой красноватый шрам.

Приблизившись к обломкам самолета, первый сказал гортанным сиплым голосом:

— Гляди, как гробанулся! В лепешку... Ай-яй. — Он поцокал языком. — И рысь, гляди, ходила вокруг, поживиться хотела... Это мы ее спугнули! Что ж, теперь все равно ничему уже не поможешь. Дело мертвое. Надо идти заявлять.

— Постой, Степан, не спеши, — быстро проговорил человек со шрамом, — самолет этот почтовый, ты понимаешь? Почтовый! Что-то ведь он вез...

И он поспешно стал разгребать руками снег, покрывавший кабину пилота.

Самолет ПО-2 — маленький, двухместный. Обычно на втором, заднем сидении, помещается пассажир. Но зачастую туда укладываются тюки с корреспонденцией и прочие «спешные» грузы... Теперь там царил хаос. Тюки от удара распались, рассыпались. И письма завалили тело пилота — расплющенного о рычаги управления.

Некоторые конверты были покрыты корочкой льда, розового от крови... И среди них находился большой, из плотной бумаги, пакет с пятью сургучными печатями, который сразу же заинтересовал человека со шрамом.

Достав пакет из общей кучи, он очистил бумагу ото льда и прочел адрес: «Прииск Радужный, старшему инспектору капитану Самсонову. В собственные руки».

— Радужный, — пробормотал человек со шрамом, — это же недалеко отсюда... А ну-ка, ну-ка. Интересненько!

Он взломал печати и принялся, нахмурясь, изучать содержимое пакета.

Там имелаась бумага, в верхнем правом углу которой стоял четкий штамп: «Строго секретно. После прочтения уничтожить». А следующий за этим текст гласил:

«Якутское управление по борьбе с хищениями социалистической собственности (УБХСС) занимается сейчас вопросом утечки добываемых алмазов. Имеется одно «узкое место», на которое почему-то администрация некоторых приисков обращает мало внимания... В частности, на прииске Радужный это обстоятельство особенно бросается в глаза. По имеющимся у нас сведениям, путь от карьера до обогачительной фабрики самосвалы проходят беспорядочно и, что самое главное, — бесконтрольно! Мы понимаем ваши трудности. Вы имеете полное право ссылаться на то, что прииск ваш новый, строящийся, еще не обеспеченный электроэнергией. Но все же мириться с подобными недостатками нельзя. Предлагаем вам позаботиться — во-первых, об освещении дорог, во-вторых, о строгом порядке следования машин, и в-третьих, об учреждении специальных контрольных постов».

Прочтя все это, человек со шрамом посвистел задумчиво. И, судя по пробежке глаз, перечитал бумагу еще раз... Затем он достал папиросу. Прикурил. И поднес огонек спички к письму.

Рябой якут сейчас же сказал с беспокойством:

— Эй, Заячья Губа! Ты это зачем? Нельзя!

— Наоборот, надо, — возразил, посмеиваясь, Заячья Губа, у которого, впрочем, имелось и другое имя: Николай. — Видишь, тут ясно написано: «После прочтения — уничтожить!»

И потом, когда бумага и пакет догорели до тла, Николай добавил, втапывая пепел в снег:

— Им, идиотам, следовало бы написать по-другому: «Перед прочтением уничтожить».. И я бы, конечно, послушался. Супротив закона я — никогда!.. Я же ведь человек аккуратный, смиренный, всегда делаю, что велят.

* * *

Зимой в Якутии солнце показывается в одиннадцать — и прячется в четыре часа пополудни. С приходом весны оно начинает ползти все выше и выше. И затем — с июня по сентябрь — уже вовсе не заходит... Но сейчас еще свет и тьма боролись между собою, и еще сильна была власть тьмы.

Наступила ночь. Сразу и резко подморозило. И со стороны Путорана донесся волчий вой — многоголосый и нарастающий.

— Март — время волчьих и рысьих свадеб, — сказал рябой, — слышишь, как шумят?

— Это еще и самое голодное время, — гнусаво проговорил Николай. — И, по-моему, стая бежит по нашим следам...

Ну-ка, прислушайся!

— Да, вроде бы, — пробормотал Рябой, — да, да, да... Однако, парень, пора уходить. Бегут-то они не за нами и поют не об охоте, а о любви — но все равно! Лучше с ними сейчас не встречаться.

Якут сдернул с плеча карабин. Клацнул затвором, загоня пулю в ствол. И первым пошел прочь от этой поляны — углубляясь в тайгу.

Постепенно мгла посветлела. Небо очистилось от тумана. Над тайгой разлилось голубоватое звездное сияние. И Рябой сказал, поднеся к губам рукавицу:

— А нынче опять мороз завернет. Звезды-то шепчутся... Чуешь?

— Черт возьми, — отозвался Николай, — да, действительно... А сколько нам вообще-то еще шагать?

— Да часа три, не меньше. Это — смотря как шагать!

— Так давай поднажмем, — сказал Николай.

Таежные эти путники — случайно встретившиеся в соседнем туземном стойбище — направлялись в село Оленек. Якут был старым браконьером, русский же занимался тайной перекупкой мехов. Таким образом, жизненные их пути всегда шли как бы параллельно. Рано или поздно они непременно должны были сойтись, перекреститься... И вот это случилось — под ледяными, яркими звездами Путорана.

Они долго шагали, продираясь сквозь хвойные заросли. Дышать было трудно — и оба помалкивали в пути... Но когда вдали засветились редкие огоньки села, Рябой вдруг спросил, искоса глянув на Николая:

— А что там было — в той бумаге-то?

— Да так, пустышки, — небрежно отмахнулся Николай, — ничего существенного... Но ты, когда будешь заявлять, никому не говори о том, что я сжег ее — ладно? И вообще обо мне — ни слова. Скажешь, что ты был один...

— Это почему?

— Да просто я хочу, чтобы весь почет тебе одному достался. За такую находку тебя ведь наградить могут... Премию дадут... Чуешь?

— Ага, — кивнул Степан, — ладно. И он крепко хлопнул ладонью Николая по плечу. — Я тебя раньше не знал, но слышал кое-что... Слышал, что тебя почему-то многие не любят. Знаешь, как о тебе говорят?

— Как? — лениво поинтересовался Николай.

— Губа, говорят, у тебя заячья, а душа — волчья.

— Кто ж это так говорит?

— Ну, кто... Люди говорят. Однако я теперь вижу: они ошибаются... Ты, оказывается, вон какой, — добрый парень! Хороший друг!

Старые обиды. Другая планета. Риск — благородное дело.

Игорь Беляевский, шофер многотонного самосвала «МАЗ», возвращался вечером из последнего рейса.

Дорога шла среди болот. Под колесами машины поскрипывал и шатался широкий бревенчатый настил, так называемая «гать». Гать эта была сработана добротнo — бревна лежали в несколько рядов. Но все же водить здесь машины, особенно с грузом, было делом сложным и малоприятным... Игорь постоянно ощущал под собою какую-то тревожную, зыбкую пустоту.

Бревенчатая дорога начиналась у скалистой возвышенности, где рвали динамитом базальты и известняки, и вела за край болота, к новому строящемуся аэродрому.

Строить его начали потому, что старый аэродром — расположенный у берега Оленека — был неудобен и мог функционировать только в зимнюю пору и, отчасти, весной... Якутская весна, как известно, тиха, неприметна. Но зато лето здесь как бы берет реванш: летнее время — самое бурное и беспокойное в этой удивительной стране! Частые грозы и обильные дожди обрушиваются тогда на Якутию и переполняют влагой почву.

А ведь почва тут оттаивает за лето всего лишь на полметра. Ниже лежит ископаемый лед, вечная мерзлота, оставшаяся от последнего ледникового периода — от той поры, когда восходило над землей суровое снежное утро человечества...

Мерзлота повсюду — за исключением бездонных болот и некоторых озер — задерживает дождевую влагу. В результате вода скапливается на поверхности, стекает в русла рек и поднимается там ревущими, пенистыми валами. И затопляет все вокруг.

Год назад, когда стали закладывать рудник, место для аэродрома выбрали наспех, неудачно. Внезапное летнее наводнение чуть было не снесло поселковые постройки. А береговую косу, предназначенную для взлетного поля, затопило вязкой, непролазной грязью... Теперь же работы развернулись на участке гораздо более надежном. Однако и там тоже требовалось затратить немало усилий, — надо было вырубить тайгу, раскорчевать и расчистить поле. Затем снять полуметровый тающий слой почвы. И густо засыпать все это пространство каменным щебнем.

Игорь устал и намаялся за день. Он успел сгонять машину — туда и обратно — девять раз. И сейчас, с последним грузом щебенки, ехал не шибко. Посасывал папиросу, журился от дыма, мутно поглядывал по сторонам.

Был уже поздний час. День догорел и померк. Над за-

снежными кочками, над заиндевелым кустарником висели белесые волокна тумана. Впереди, на северо-западе, мерцало красноватое зарево... Но то был не пламень заката — а отблеск многих костров.

Костры пылали на небольшом островке, встающем из болотных туманов. Там находился алмазный рудник. И костры кольцом опоясывали чашу кимберлитового карьера.

От этого карьера, перпендикулярно к строительной трассе, шла такая же бревенчатая гать. Она тянулась на семь километров — до твердой земли. На самом краю суши две эти дороги пересекались. «Строительная» — шла дальше на запад, а «алмазная» вела к югу, к реке.

У перекрестка Игорю пришлось задержаться. Он пропустил два самосвала, доверху груженных кимберлитом. Огромные эти машины прогремели над откосом и скрылись в туманной тьме. Тогда Игорь дал газ — одолел подъем — и вырвался на простор.

И, как всегда, ощущение твердой почвы под колесами словно бы расковало, расслабило его...

Он выплюнул окурочок. Вздохнул. И тотчас же вновь напрягся, притормаживая... Прямо перед ним, в желтоватом свете фар, вырисовалась вдруг черная человеческая фигура.

Человек остановился посреди дороги и предупреждающе махнул рукой.

* * *

— Я тебя, старик, подждал, — сказал человек, устраиваясь на сидении рядом с Игорем, — дельце есть одно... Потолковать бы надо.

— Дельце? — с сомнением проговорил Игорь, поглядывая на неожиданного своего пассажира. — Какое? Я к спекуляции не причастен, учти... Не люблю этого. Сроду этим не занимался.

— Знаю, знаю, как же, — бойко произнес пассажир. Верхняя губа его была изуродована шрамом, и оттого говорил он гнусаво, каким-то насморочным голосом. — Ты другим занимался... Был крупный скокарь...¹. Этим и славился когда-то.

— Когда-то, — сказал Игорь, — вот именно... С тех пор много воды утекло! И ты, конечно, знаешь: я ведь завязал.

— Но душа-то, — сказал Заячьи Губа, — душа-то блатная осталась! Она же не могла переродиться! Если уж ты рожден был летать, то ползать не станешь, не захочешь...

¹ Скокарь — на жаргоне — квартирный вор. (Прим. автора).

Да и что значит — завязал?.. Насколько я знаю, у тебя там, в Полтаве, все получилось по-глупому, по недоразумению.

— Как бы то ни было, кодла¹ обвинила меня тогда в предательстве...

— Так это ж — по ошибке! И потом тебя блатные простили.

— А на кой черт мне ихнее прощение? — покривился Игорь. — Я ни в чем не был виноват, понимаешь? Ни в чем!

— Ну и ладно. И забудь теперь.

— Нет, брат, такое не забывается. Я все помню, и другие — тоже. Прощенный, это еще не очищенный. На прощennom всегда остается пятно. А впрочем, что говорить! Это дело прошлое... И плевать я на все хотел.

— Как так — плевать?

— Обыкновенно, — усмехнулся Игорь, — слюной...

Игорь говорил небрежно, насмешливо. Как-то даже весело. Но в действительности ему было вовсе не смешно.

Опять поднялась в нем былая обида; казалось, она давно уже должна была бы забыться, сгладиться — но нет. Она все время тлела где-то в глубине... Забывается в нашей жизни все: и промахи, и удачи. И даже давняя любовь. Но обиды, нам нанесенные, — никогда! Никогда! Они таятся, прячутся, как огонь под пеплом... И стоит только этот пепел разворошить, как сразу же вздымается фейерверк искр, вырывается пламя — и вновь обжигает душу.

И вот ему снова припомнились давние события... С чего все тогда началось? С того, что он — профессиональный урка, «вор в законе», человек известный и уважаемый в блатной среде — решил однажды поступиться правилами и позволил себе «добрый» жест.

Он отчетливо помнил все детали давнего этого дела... В поезде, пересекающем Украину, был похищен чемодан с драгоценностями. Блатные доверили его Игорю, а он вдруг вернул украденное потерпевшему... Вернее, то была «потерпевшая». Звали ее Наташа. Игорь давно ее знал и, как выяснилось, любил. Но все равно в глазах блатных он допустил тягчайший проступок. Его друзья не захотели принять никаких оправданий. Ведь они имели все права на похищенную добычу! И когда Игорь на полтавской малине заговорил с одним из них — с огромным, чудовищной силы парнем, по кличке Малыш, — и спросил в отчаянии: «Так я, значит, не могу быть добрым?» — тот ответил твердо: «Не можешь!»

Все тогда запуталось чрезвычайно. Поступок Игоря нико-

¹ Кодла — блатное окружение, воровское общество... (Прим. автора).

му не принес добра — ни ему самому, ни Наташе... Муж ее, угрюмый ревнивец, сообщил о случившемся в милицию. Возник скандал. К этому примешались всевозможные интриги... И в результате Игорь оказался в положении одинокого затравленного волка.

За ним стали охотиться, его обложили со всех сторон. Причем с одной стороны оказались блатные, а с другой — «мусора», органы власти... И он долго потом скрывался от людей, прятался на окраине Полтавы. В сущности, его тогда предали все — и даже та, которую он любил...

Ну, а затем ситуация изменилась. В конце концов закон его оправдал, а блатные — простили... Однако он сам не простил ничего и никого.

Он порвал с прошлым, отошел от дел. Решил начать жить по-новому. И уехал за шесть тысяч километров от Полтавы, в полярную страну — суровую и странную, резко отличавшуюся от того, что он видел раньше. А ведь он в свое время поездил и повидал немало!

Якутию, ее климат и пейзажи, и весь ее жизненный уклад трудно было с чем-нибудь сравнить. Слишком много тут имелось специфических особенностей. И порою казалось Игорю, что он попал куда-то на другую планету...

Здесь было трудно — что говорить! Но все же спокойней и проще, чем, например, в Полтаве. Жизнь его наконец-то вошла в берега, обрела хоть какое-то равновесие. Встреча с былым, казалось, никогда уже больше не повторится. Но вот она состоялась — и сразу же равновесие рухнуло...

— Откуда ты, Никола, узнал все подробности? — помолчав, спросил Игорь. — Насчет Полтавы и прочего? Мы с тобой, кажется, до сих пор еще не откровенничали.

— Ну, брат, слухом земля полнится, — уклончиво ответил Николай. — Обгаженный хвост не спрячешь... Ты ведь тоже знаешь, чем я промышляю.

— Так ты — промышляешь! А я давно уже сменил ремесло. Да, кстати. О чем ты хотел потолковать со мной? Об этом самом, что ли, о прошлом?

— Нет, о настоящем. И разговор, предупреждаю, будет серьезный.

— Ого! Тогда давай-ка отложим его пока. Я что-то устал. Вот приедем, поужинаем...

— Нет, нет, здесь лучше, — возразил Николай, — здесь нам никто не будет мешать.

— Ну, тогда говори!

— Вот что... Скажи-ка, друг: ты не хотел бы разбогатеть?

— То есть как это — разбогатеть? — насторожился Игорь. — За счет чего?

— За счет алмазов...

— Ал-ма-зов, — повторил протяжно Игорь. — Вон ты о чем!

И он невольно оглянулся — посмотрел туда, где маячило багровое зарево костров... И затем, повернувшись к собеседнику:

— Не знаю, что ты задумал... Но имей в виду: алмазный карьер охраняется крепко. Да у меня туда и допуска нет. Я же на стройке работаю — камень вожу. Так что не вижу — чем бы я мог...

— Ты многого не видишь, — перебил его Николай, — а дело-то пустяковое... Но сначала ответь: согласен?

— В общем, да, — пожал плечами Игорь, — разбогачь — кто ж не хочет? Но ты, надеюсь, не забыл, что алмазы на блатной фене — это «слезы»?!

— Помню, помню, как же! — отмахнулся Николай. — Без некоторого риска, конечно, тут не обойтись... Но ведь риск — благородное дело! И, кроме того, здесь он будет минимальный. За это я ручаюсь!

— Ага, — сказал Игорь. — Ну, что ж. И какова же должна быть моя роль?

— Да такая же, в сущности, как и сейчас. Будешь ездить... Но пока — останови-ка машину.

— Это еще зачем?

— Мы почти уже прибыли — а разговор еще не окончен.

Они и действительно почти уже прибыли. Строящийся аэродром находился теперь рядом — за пологим холмом. Холм этот весь был усеян огнями. В темноте угадывались смутные очертания зданий... Как и всё в Якутии, дома здесь тоже выглядели необычно. Их строили на сваях. И некоторые из них — на самой верхушке холма — казались как бы парящими в воздухе. Звездное небо окружало их со всех сторон. И даже в просвете между сваями видны были яркие точки звезд. А в стороне, сбоку от холма, восходила луна — и не одна...

«Ложные луны» на Севере — явление типичное. Оно возникает при сильных холодах. Сейчас стояли как раз последние вешние морозы. И низко над тайгой висели три крупных желтых лунных диска... Все это создавало впечатление диковинное, какое-то неземное, напоминающее сцену из фантастического фильма.

Николай Заячья Губа сказал, разглядывая огни поселка:

— Ишь, сколько понастроено... Целый город! Нет, там нам показываться нельзя. Не надо, чтобы нас видели вместе... Я вообще боюсь лишних глаз и ушей.

— А меня ты не боишься? — внезапно для самого себя спросил Игорь. — Ведь я же бывший, завязавший... Почти что — ссученный... Так, во всяком случае, можно обо мне подумать.

Он сказал это и застыл в ожидании. Он сидел, выпрямившись, поджав губы, опустив тяжелые жилистые свои руки на руль.

— Нет, — ответил Заячья Губа, — не боюсь. Во-первых, я о тебе много слышал. Ты не такой... Не дешевый... А вторых, ты, наверное, догадываешься: я же не один.

— Догадываюсь, — прищурился Игорь, — такие дела в одиночку не делаются... Но на кого же ты работаешь?

— Да есть люди, — уклончиво проговорил Николай, — а что тебя, собственно, интересует?

— Прежде всего — кто они? Любители, дилетанты? Или же профессионалы?

— Ну, тут ты можешь не беспокоиться, — сказал Николай, — существует мощная организация, охватывающая всю страну... И возникла она не вчера. И люди, к ней принадлежащие, — это люди серьезные, юмора не признающие, ты меня понял? Шуток шутить не любящие, — ты понял?

— Ну еще бы, — ответил Игорь, — речь идет о черном рынке! И, значит, твои хозяева...

— Интересуются камушками. Только ими! Причем платят они хорошо.

— А где ж они обитают — в Якутске, что ли?

— И там, и в других местах... Да какая тебе разница? Здесь ты будешь иметь дело только со мной. И поверь — не прогадаешь.

При этих словах Николай порылся в карманах, достал блокнот. Раскрыл его и положил на колено. И начертил карандашом неровный овал.

— А теперь, — строго сказал он, — смотри внимательно!

3

Найти роскошную жизнь... Черный рынок. Коробейники и фарцовщики.

— Смотри внимательно, — сказал Николай, — вот это — кимберлитовый карьер. От него идет дорога и здесь пересекается... Причем на самом перекрестке и вокруг нет никакого освещения. Никакого! И значит, в этом месте ночью, особенно в тумане, легко можно будет подменить машины.

— Как то есть, подменить? — удивился Игорь. — Что за бред?

— Да все предельно просто, — сказал Николай, — один самосвал свернет здесь направо, а другой — налево... Понимаешь? И к фабрике, к приемным бункерам, пойдет уже машина не с кимберлитом, а с простой щебенкой.

— Но там-то, у бункеров, все отлично освещено, — возразил Игорь. — И горят не только костры, но и электрические лампочки. У них же есть своя динамомашинка... И, кроме того, там всегда полно народу. Стоят контролеры, бродят патрули... Неужто ты думаешь, что никто ничего не заметит?

— Ручаюсь, — ухмыльнулся Николай. — Самосвалы-то ведь все одинаковые! А кстати, сколько их всего в нашем районе?

— Восемь штук. Шесть — в карьере, и два — на стройке. Их в прошлом году сюда забросили на вертолетах — в разобранном виде... И в общем, ты прав. — Игорь на миг умолк, задумался. — Да, да... Все машины — с одного завода! Одна модель, один выпуск. И даже серия у всех одинаковая — за исключением, конечно, номеров...

— Ну, номера, — сам понимаешь. Это не проблема!

— Ясно... И меня другое беспокоит — мой груз! Все-таки, согласишься: отличить алмазную породу сумеет любой дурак.

— Эх, старик, — Николай исподлобья глянул на собеседника, — сразу видно, что ты не в курсе. А я этот вопрос специально изучал. Всю последнюю неделю. И ручаюсь...

— Погоди, — проговорил Игорь, — как же так? Кимберлит — порода особая, редкая, голубого цвета. Это каждый знает. А базальты или, скажем, известняки...

— Ну да, цвет у них другой. Но учти: голубой кимберлит встречается только в самом центре карьера... Вот, смотри.

Николай склонился над блокнотом и торопливо зачиркал карандашом.

— Здесь чистый, или «массивный» кимберлит. Голубой! А ближе к краям кратера — он уже измененный... Так он и по-научному называется «измененный». А вдоль стенок карьера располагаются «вмещающие породы» — и это, в основном, известняки!

— Вон оно что, — протянул Игорь, с любопытством разглядывая схему. — Похоже на слоеный пирог. Или, вернее, на рулет... Ну, а сама кромка карьера?

— Базальтовая, дружище, базальтовая! В том-то и суть. И когда производят взрывные работы, то все эти слои нередко перемешиваются. И, в принципе, каждая четвертая машина вывозит оттуда мусор, похожий на твой.

— Так. Ясно. Моя машина пойдет к фабрике, ну а — «алмазная»?..

— Ею-то ты и займешься. Но сперва давай договоримся. — Тебе необходимо во что бы то ни стало перевестись в ночную смену... Сможешь?

— Запросто.

— Когда?

— Да хоть завтра.

— А это не вызовет подозрений? Надо найти подходящий предлог...

— Да пустяки, ничего не надо, — небрежно отмахнулся Игорь. — Меня как раз об этом просили недавно. Я отказался. Ну, а теперь...

— Значит, условимся на послезавтра! Ночью, ровно в три,

ты тихо подъедешь к перекрестку, погасишь огни — и жди, покуда остановится «алмазный» самосвал. Оттуда вылезет шофер... Ты его должен знать; это Федька Соков, по кличке Козел.

— Ах, Козел, — сказал Игорь. — Ну а дальше?

— Вы с ним поменяетесь машинами. И ты сразу свернешь на эту трассу. — Николай топнул ногой. — Где мы сейчас стоим.

— И куда же?...

— Понятное дело — не до конца... Тут есть один трюк... В пяти километрах от перекрестка, имей в виду, дорога опять разветвляется.

— Ага, знаю, — кивнул Игорь, — там отходит к северу какой-то старый проселок. Весьма скверный, надо сказать. Бревна гнилые, настил покоробился. По нему, видать, лет десять уже никто не ездил.

— Вот ты теперь и поедешь! Проселок этот ведет к заброшенной шахте, в которой когда-то золотишко добывали... Места там глухие, безлюдные, самые подходящие.

— Это там, что ли, находится пресловутый Холм Пляшущего?

— В общем, да. Неподалеку от шахты...

— А сколько отсюда верст до нее?

— Что-то около двадцати... И на всё про всё тебе дается полтора часа! За это время ты спокойненько сможешь разгрузиться и вернуться к месту встречи с Козлом... У того-то путь подлиннее — 32 километра в один конец. Так что ехать тебе надо будет не шибко... Да ведь по такому проселку иначе и нельзя.

— А дорога-то годится? Не хватает еще застрять, завязнуть...

— Не тушуйся — все уже проверено! Но, конечно, править там надо осторожненько.

— Ну, ты шустряк, — покрутил головой Игорь, — быстро везде успеваешь...

— Так ведь, милай, волка ноги кормят!

— Н-да, — усмехнулся Игорь, — волк с заячьей губой...

Они долго еще так толковали — обсуждали всевозможные детали. И под конец, собираясь прощаться, Игорь сказал:

— Что ж, все действительно выглядит просто. Но раз уж мы готовим это варево — меня навар интересует.

— Навар будет жирный! Ты, наверное, еще не представляешь... Вот, считай.

И перевернув страницу блокнота, Николай стал набрасывать колонки цифр.

— В самосвале — десять тонн, верно?

— Точно.

— Ну, так с каждой тонны кимберлита мы должны взять

от восьми до десяти камушков...

— Ого!

— Это — по самому скромному подсчету... На обогатительной фабрике, в лабораториях, добывают по пятнадцать-двадцать камней. А то и больше. Но у нас-то техника кустарная, примитивная, — дай Бог взять хотя бы половину.

— И сколько же машин должны мы угнать?

— По одной в неделю — это будет самое лучшее... Не много — чтобы не искушать судьбу. Но и не мало — чтобы не быть фрайерами. Итого, четыре самосвала в месяц. Стало быть, сорок тонн. А это, в среднем, — четыреста камушков!

— Солидно, — пробормотал Игорь, — н-да... И долго эта наша затея может продолжаться?

— Ну, не знаю... Во всяком случае — до лета, до светлых дней. Сейчас у нас 15 марта, а полный полярный день наступает где-то в середине июня...

— Стало быть, мы имеем в запасе около трех месяцев.

— Почти что... Причем в деле участвует пять человек. Так что каждому из нас достанется приблизительно по две сотни алмазов.

Николай передохнул. Облизал верхнюю, заячью свою губу. И добавил, помедлив:

— Правда, пятую часть всей добычи придется отдать...

— Кому? — нахмурился Игорь.

— Моим хозяевам. Но все равно, нам и без того хватит!..

Через три месяца ты спокойно сможешь покинуть проклятое Заполярье и отвалить на юг, куда-нибудь в Крым. Вот тогда-то и «завяжешь» по-настоящему! Купишь дачку, легковую машину. Заведешь себе красивую девочку, а? Разве плохо? А то и за рубеж махнешь — почему бы и нет?! С таким богатым кушем ты всюду сможешь найти роскошную жизнь.

* * *

В эту ночь, воротясь в свой барак на сваях, Игорь долго не мог уснуть. Он расхаживал по комнате, курил, пил чифир, размышлял о хозяевах Заячьей Губы — и вспоминал все, что знал об отечественном черном рынке.

Рынок этот возник на Руси давно — еще в пору средневековья. Первыми его представителями были коробейники, мелкие бродячие торговцы, иначе называемые «офенями».

Офени занимались беспощинной торговлей и перекупкой краденого... Ремесло это было весьма выгодным, так как кражи и грабежи в России процветали всегда. Существовали старинные поговорки о городах: «Орел да Кромы — первые воры», «Город Елец — всем вора́м отец». Во время царствования Анны Иоанновны, например, правительство — опасаясь грабителей — вынуждено было вырубать леса по обе стороны

дороги из Петербурга в Москву...

Впрочем, полицейские меры помогали слабо. Преступный мир России ширился из века в век. Этому, бесспорно, способствовали гигантские масштабы страны (одна шестая часть света!) и обилие глухих провинциальных путей, перекрыть и проверить которые было не под силу никакому режиму... По этим путям как раз и передвигались офени. Жили они в самом тесном контакте с блатными. И именно офени впервые создали единый тайный универсальный язык, превратившийся затем в воровской жаргон, который с тех пор так и стали называть «феней».

В конце прошлого века и в начале нашего — вплоть до двадцатых годов — своеобразным центром преступного мира был знаменитый московский Хитров рынок. На языке фени его называли «вольным городом Хива». Он, в какой-то мере, был столицей в столице.

Огромный этот рынок жил двойной жизнью. Днем он был завален фруктами и овощами и имел, так сказать, зеленый цвет. Ночью же он перекрашивался — в черный... И основными его посетителями после захода солнца становились люди дна — одетые в отрепья, опухшие от водки бродяги; эlegantные воры; томные, длиннокудрые половые извращенцы; неряшливые морфинисты; бледные, как мел, курители опиума; потребители гашиша и марихуаны, с остановившимися зрачками, с вечно пересохшей глоткой... И, кроме того, аферисты, фармазоны, всякого рода «деловые» люди.

Сюда сходились нити многих краж и убийств, здесь обитали скупщики краденых вещей. Но это были уже не простые коробейники, как встарь, а крупные коммерсанты, ворочающие миллионными суммами... И здесь же, кстати, ютились фальшивомонетчики, а также гранильщики и ювелиры — искусные изготовители «стразов» (поддельных драгоценных камней). На Хитровом рынке вообще неплохо разбирались в камнях — поддельных и настоящих...

Одним из самых крупных уголовных дел, происшедших сразу после революции, в январе 18-го года, было поразительное по дерзости ограбление знаменитой Патриаршей ризницы. Помещалась ризница в Кремле, на верхнем этаже колокольни Ивана Великого. Там хранились церковные исторические ценности — Евангелие 1648 года, украшенное золотом и крупными бриллиантами, золотой наперстный крест Ивана Грозного, цейлонские сапфиры, уральские изумруды — каждый величиною с голубиное яйцо — большое количество жемчуга и т.д. Обо всем этом знали на Хитровом рынке. И именно там созрела идея дерзкой кражи.

Об обстоятельствах данного дела в свое время писали немало. Игорь кое-что читал, а кое-что слышал, скитаясь в молодые годы по лагерям и тюрьмам.

Тюремный фольклор хранит много преданий и легенд; в них как бы запечатлена вся история «подземного» мира. Как и в каждом эпосе, тут имеются свои «героические» образы... В этот перечень входят весьма колоритные типы, — например, «атаман города Хива» Разумовский, знаменитый одесский мошенник Рабинович, таинственный убийца Комаров, «благородный» налетчик Пантелеев, международные взломщики сейфов Вагновский и Ридловский, некий неуловимый «Жокей смерти»... А также ловкие воры, братья Полежаевы, которые как раз и совершили кражу в Кремле.

Происходили братья из старой спекулянтской семьи. Отец их, Прокофий Иванович, занимал в иерархии Хитрова рынка видное положение и принадлежал к тамошней «аристократии». Он умело воспитал своих сыновей — но не в духе торговли, а в духе воровства. И воры из них получили виртуозные!

Чтобы добраться до ризницы, братьям пришлось подняться по наружной стене колокольни и перепилить крепкую оконную решетку. Затем они уложили ценности в мешки и еще какое-то время прятали их в самом же Кремле, вблизи от правительственной ставки.

Правительство немедленно опубликовало обращение к гражданам республики, с призывом оказать содействие в розыске национальных сокровищ... Было обещано вознаграждение в размере до одного миллиона рублей! Этому делу придавалось исключительное политическое значение. На поимку воров были брошены все силы уголовного розыска страны. В конце концов братьев взяли, и они оба погибли... Константин — в самом начале следствия, при весьма таинственных обстоятельствах. А Дмитрий — чуть позже.

Невольно увлекшись воспоминаниями, Игорь припомнил также и другое удивительное происшествие, случившееся с Яковом Кошельковым, московским налетчиком, которого называли иногда «Ночным Царем». Настоящая его фамилия была Кузнецов, и он тоже принадлежал к «аристократическому» семейству. Отец Якова, известный бандит, был казнен незадолго до революции. А мать занималась спекуляцией и была в ту пору еще жива.

Ночной этот царь поддерживал с Хитровым рынком постоянную связь; там его снабжали необходимой информацией, оружием и транспортом... Но однажды с транспортом случилась заминка. Машину не подали вовремя. И тогда Яков решил прихватить по дороге первый попавшийся автомобиль.

Зимней ночью на окраине Москвы банда его задержала машину, в которой сидело двое мужчин, не считая шофера, и какая-то пожилая женщина. Взмахнув маузером, Яков приказал им всем вылезти, однако стрелять не стал — как и все настоящие профессионалы, он привык применять оружие

только в случае крайней необходимости. Эти же люди сопротивляться не стали. Они покинули машину, безропотно дали себя обыскать — и побрели через пустынную площадь, по сугробам, в лунном дыму...

И только потом, спустя час, просматривая документы, отобранные у пассажиров, Яков с изумлением понял, что в его руках побывал вождь молодой советской республики — Владимир Ильич Ленин, который ехал в Сокольники вместе с сестрой своей Марией Ильиничной и личным телохранителем Чебановым.

Стоило Якову открыть тогда стрельбу — а стрелял он без промаха! — и, возможно, советская история могла бы пойти по-другому...

Происшествие это взбудоражило всю страну. В газете «Известия» появился приказ московского военного комиссара, заканчивающийся такими словами: «Военным властям и учреждениям милиции приказывается расстреливать всех, виновных в производстве грабежа и насилия».

Начался террор, в результате которого были ликвидированы многие банды и тайные притоны. Постепенно пришел конец и «вольному городу Хива». К концу двадцатых годов он был стерт с лица земли. «Деловые люди» поняли, что сосредотачивать черный рынок в одном каком-нибудь месте — весьма рискованно.

И еще они поняли, что времена изменились и надо, в связи с этим, менять стиль — уходить глубоко под землю... Старые тесные контакты с уголовниками стали опасны для них. И с тех пор блатных начали попросту нанимать, покупать за деньги — по западным образцам.

Так два этих мира разделились. Один из них когда-то дал другому свой язык, свой жаргон. Но затем у спекулянтов появился новый жаргон. И сами они стали именовать себя «фарцовщиками».

Среди фарцовщиков нового послесталинского времени выделилось несколько любопытных личностей — таких, как Файбышенко и Рокотов.

Начинали оба они с мелочей, — подстерегали у дверей гостиниц иностранных туристов, выменивали различные вещишки, затем ловко эти вещишки перепродавали. Но с течением времени тот и другой окрепли, вошли во вкус. И стали делать большие дела. Начали широкую торговлю иностранной валютой, золотишком и прочими ценностями. В тот момент, когда Рокотовым и Файбышенко заинтересовались соответствующие органы (ОБХСС), они уже были известными миллионерами.

Их разоблачили, судили и приговорили к расстрелу — ибо отечественный уголовный кодекс относит такого рода дельцов к разряду опасных вредителей, подрывающих экономическую

мощь державы... Произошло это в начале шестидесятых годов. Процессы над подпольными миллионерами были суровыми, шумными. Вместе с этими двумя знаменитостями было осуждено немало и других фарцовщиков.

Но расстреляли все же не всех, далеко не всех! По существу, погибли лишь те, кто забыл о железных правилах конспирации.

В основе своей, черный рынок остался, сохранился... Да его ведь и невозможно было истребить до конца! Советская система изменила в стране социальные условия, но человеческую природу, самую сущность людей изменить, конечно, не смогла.

Итак, черный рынок остался — и он незаметно проник почти во все поры российской жизни. А теперь вот люди его добрались и до Якутии, до полярной, сумрачной «алмазной страны».

У хозяев Заячьей Губы хорошая школа, старая выучка, — думал Игорь, расхаживая по комнате, — зря рисковать они не захотят! И эта афера с алмазами, бесспорно, проста, хорошо продумана, легка...

И внезапно ему, на какой-то миг, стало страшно. А вдруг все это — на ниточке? И в любую минуту — распадется, кончится бедой? Уж слишком все выглядит просто, чересчур легко! Как правило, так не бывает, не должно быть... Где-то тут таится подвох, какая-то подлость судьбы. Но — какая! И может быть, самое лучшее — отказаться, отойти в сторонку? Выйти из игры, пока еще не поздно?..

Но уже знал он, чувствовал, что — поздно. Знал, что не откажется, не сможет отойти... Ведь он же завязавший человек с подмоченной репутацией — любая его попытка выйти из игры будет воспринята с подозрением... Тем более, что он уже приобщился к тайне, узнал все детали! И теперь, естественно, организация не выпустит его из рук живым.

4

У старой шахты. «Золотые ребята». Болотные духи.

И вот наступил момент, когда Игорь повел в условленное место первую машину с драгоценным грузом.

Ночь кстати выдалась темная, без звезд. И в этой темени подмен машин произошел без хлопот. И старый заброшенный проселок оказался — как это ни странно — вполне пригодным для езды. Спешить здесь, правда, было рискованно... Но ведь Игорь вовсе и не должен был спешить!

Так он и ехал, осторожно, медленно, щупая дорогу светом фар, — пока этот свет не смешался с высоким, пляшущим впереди пламенем костра.

И там, в шатких отблесках пламени, увидел Игорь очертания полуразрушенной шахтной постройки. А рядом — высокий конус отвала — кучу пустой, выработанной породы. И около черной этой кучи — три человеческих силуэта.

Затем к машине приблизился Николай Заячья Губа.

— Стой, разворачивайся! — гнусаво крикнул он и махнул рукой, указывая на отвал. — Разгружаться здесь будешь!

И когда Игорь, закончив разгрузку, вылез, разминаясь, из кабины, Николай добавил, закуривая:

— Этот отвал — отличная маскировка! Тут хоть еще подсыпь сто тонн — никто со стороны не догадается. Не разберет: где старое, где новое...

— Да, придумано вообще неплохо, — одобрил Игорь. — Это чья же затея?

— Моя, милоч, — дымя папиросой, проговорил Николай, — моя... Я тут один за всех соображаю! А от тебя и от остальных требуется только одно: слушать команду и шевелить рогами.

В этот момент подошли остальные — и тоже закурили.

Судя по всему, они появились в здешних краях впервые; Игорь никогда их раньше не встречал... И он сказал, внимательно их разглядывая:

— Привет, ребята!

— Приветик, — отозвался один из них — тощий, длиннолицый, с нечистой прыщеватой кожей. Другой — скуластый, крепкий, с короткими подстриженными усиками, — обнажил в улыбке крупные желтые лошадиные зубы.

Положив ему руку на плечо, Николай сказал, обращаясь к Игорю.

— Знакомься! Это Иван. А того, другого, — он мотнул головой, — зовут Сергеем... Золотые ребята. Только пробы негде ставить... Ну, а клички их и, тем более, фамилии, я, право, не знаю. У них и сроду-то паспортов не бывало. Да тебе, надеюсь, это ни к чему?

— Да нет, — пожал плечами Игорь, — зачем мне? Плевать...

Он понимал, что Заячья Губа фальшивит, недоговаривает. Наверняка и имена эти тоже фальшивые... Но не все ли равно, — подумал он, — какая мне, в сущности, разница?

— Плевать, — повторил он, — все мы тут люди без прошлого.

— Зато — с богатым будущим, — осклабился Николай. — Верно, старик? Ну и лады... Теперь ты, значит, знаешь всю нашу кодлу.

— Н-да, — протянул Игорь, — всю кодлу... Но я, брат, вот о чем думаю...

— О чем же? — прищурился Николай.

— Да вот, смотрю — а не мала ли кодла, а? Переворо-

шить десять тонн — это все-таки работа. Управитесь ли вы втроем?

— Так куда же деваться, — развел руками Николай, — придется постараться. Надежных ребят — где ж возьмешь?

Он умолк, катая в зубах окуроч. Потом швырнул его в снег и сказал негромко:

— Я тебе рассказывал, как все началось? Рассказывал про упавший самолет? Так вот, когда я его нашел, со мной был еще один тип. Охотник. Якут. По кличке Рябой. Этого Рябого вообще-то можно было бы взять в дело... Но я, понимаешь ли, остерегся.

— Почему?

— Ну, почему! Во-первых, я его почти не знаю. И он вообще какой-то темный, скрытный... Да и кроме того, он же ведь известный браконьер! Его уже два раза задерживали, штрафовали. Последний раз большой был скандал. И наверняка он сейчас — под контролем милиции.

— Постой-ка, — сказал удивленно Игорь. — Мне, признаться, не совсем ясно: о каком браконьерстве может идти речь в этой глуши? Мы ведь тут — как на Луне... Или на Марсе.

— Ну, не скажи, — живо возразил Николай. — Здесь, учти, много пушного зверя! И есть очень ценные породы — соболь, например, бобр, ондатра, лиса... А на их отстрел необходимо особое разрешение. Бобра сейчас вообще запрещено трогать. И закон насчет этого суров. Даже и тут!

— Н-да, закон, — усмехнулся длиннолицый парень, — от него, черт возьми, нигде спасения нету...

— Что ж, если так обстоят дела — конечно, — сказал Игорь, — хрен с ним, с браконьером! Тем более, что ты, Никола, говоришь: вы и втроем управитесь. Дай Бог! В общем-то жалко, что я не могу вам помочь...

— А почему? — сейчас же спросил другой парень — тот, что с усиками. — Почему не можешь-то?

— Да нельзя ему, нельзя, — досадливо поморщился Николай. — Он же ведь в поселке живет. В общем бараке. Среди фрайеров живет! Начнет отлучаться, исчезать в нерабочее время, — кто-нибудь непременно приметит, заинтересуется... У фрайеров. знаешь, глаза, как телескопы, уши, как радары.

Стоя у гудящего, брызжущего искрами костра, они толковали некоторое время. Потом Заячья Губа взглянул на ручные часы. И озабоченно сдвинул брови.

— Заболтались мы, ребяташечки, — прогнусил он, — а время ведь не ждет...

— А как вы, кстати, будете работать? — поинтересовался Игорь, — есть какие-нибудь инструменты, приспособления? Как вообще их добывают, эти блядские алмазы?

— Ну, тут существует много способов, — подмигнул За-

ячья Губа, — у нас, понятно, — самый примитивный, ручной. Знаешь, что такое роккер и джигга? Нет? Вот приедешь в следующий раз, покажу... А теперь, брат, отваливай! Уже без четверти четыре. Если не успеешь вернуться вовремя — все может рухнуть, поломаться... Учти, мы сейчас, как космонавты — должны быть предельно точными. Должны все делать секунда в секунду!

* * *

Игорь успел воротиться точно в срок. Когда он подрулил к перекрестку, там уже стояла темная, с потушенными фарами, машина. Его машина! А возле нее топтался Соков — кутаясь в полушубок, хороня в горсти огонек папиросы.

Глянув на толстое, губастое, самодовольное лицо партнера, Игорь понял, что все получилось, как надо, как было задумано: у приемных бункеров никто подмены не заметил. Шоферы молча поменялись машинами и быстро разъехались.

* * *

Прошла неделя. Все было тихо. И в следующий раз Игорь поехал к старой шахте уже более спокойно, уверенно.

Зима за эту неделю переломилась. Мороз заметно ослаб. И хотя снег лежал еще — он был уже водянист, непрочен. И болотные заросли словно бы ожили вдруг, задышали.

Пока Игорь ехал, в приспущенное боковое окошко кабины просачивались теперь неясные шорохи, шелест... При полном безветрии, в тишине, эти звуки производили неприятное, пугающее впечатление.

И все гуще и сумрачней, и страшнее становился туман.

За годы, проведенные на Севере, Игорь успел познакомиться с тайными языческими верованиями. Разумеется, знакомство это было поверхностным; он никогда особенно в них не вникал. Но все же, главное ему удалось усвоить...

Главное заключалось в том, что у самых крупных, наиболее распространенных, северных народов, — у якутов и эвенков, — имелся обширный, весьма схожий, пантеон духов. Важную роль в этом пантеоне играли так называемые «Иччи». Хозяева гор, перевалов, а также — ущелий и всяких глубоких впадин.

Как и большинство азиатских божеств, Иччи были существами коварными, завистливыми, злобными. И потому их полагалось постоянно задабривать. Причем сущность подарков для Иччей не имела большого значения. Важен был — жест. Надобно было оказать им внимание, дать хоть что-нибудь: ружейный патрон, спички, какую-нибудь пеструю тряпочку...

Но имелись и другого сорта духи — гораздо более жесто-

кие, — которые назывались «Абаасы». Вот с этими было куда сложнее... Простыми мелкими подарками от них уже нельзя было откупиться!

Абаасы — трехглазые бесформенные чудовища — жили под землей и в болотной тине. Они преследовали больных, заблудившихся, ослабших от страха. И славились как пожиратели детских душ. Впрочем, Абаасы при случае не брезговали и душами взрослых...

Зимую активность их была несколько ослабленной; они полностью оживали лишь с приходом весны... И вот тогда-то становились особенно опасными!

Вообще-то Игорь Беляевский был человеком в какой-то мере образованным. Он успел в свое время закончить полную школу-десятилетку. И, кроме того, жадно и много читал... Недаром старая его блатная кличка была «Интеллигент»! И он знал — из литературы — что любые религии представляют собою некое отражение конкретных земных условий... Таковы были и жестокие языческие культы. В них, в мистической форме, наглядно отражалась вся сложность сурового таежного быта.

Это все Игорь знал... Но он был также и авантюристом, бродягой, уголовником — «человеком риска». И как и все такого рода люди, он не мог не быть суеверным.

Неосознанно, но вполне искренне веровал он в различные приметы, в предсказания, боялся дурных чисел, смутно ощущал присутствие каких-то темных потусторонних сил... И чтобы с этими силами не сталкиваться попусту, — чтобы зря не испытывать судьбу — он всегда старался придерживаться правил. Попадая в русскую церковь, он обычно крестился, а в азиатской тайге — пытался задобрить духов... И если бы его, к примеру, спросили: зачем он это делает? — он, пожалуй, не смог бы найти толкового ответа. «Просто так, — смущенно ответил бы он, — на всякий случай! Умом-то я не верю. Знаю, все это предрассудки. А вот душа — трепещет».

И теперь, гоня самосвал по шаткому настилу, — во тьме, в густой болотной мути, — он время от времени бросал за окошко кабины то коробок спичек, то сломанную папиросу, то жестяной, завалившийся в кармане, колпачок от пивной бутылки, то медный пятак.

— Вам, грозные Иччи! Вам, болотные духи, пожиратели душ! — шептал он. — Вам, демоны бездны! Не трогайте меня, не стройте против меня козней, не отнимайте у меня удачи!

5

Роккер и джига. Первые алмазы. Подпольный бизнесмен.

Наконец-то Игорь увидел воочию, как промывают алмазы, как добывают их ручным, простым, примитивным способом.

Способ этот, впрочем, оказался не так-то уж прост...

Необходимыми приспособлениями являлись тут роккер и джиг — о которых поминал в прошлый раз Заячья Губа.

Роккер представлял собою систему из четырех разборных сит, вставленных одно в другое. У самого верхнего отверстия были почти сантиметрового диаметра. Ниже следовали сита с более мелкими ячейками — в шесть миллиметров, в четыре и в два.

На роккер подавалась размельченная порода и вода. По счастью, в воде тут недостатка не было, ведь шахта помещалась на самом краю болота! И, кроме того, неподалеку кипел и позванивал чистый, всю зиму не замерзающий ключ. От ключа тянулся в сторону шахты «вашгерд» — деревянный желоб, служащий для отвода воды. Он был стар, сделан давно, но сработан из лиственницы — дерева, почти не гниющего, обладающего железной крепостью — и потому вполне годился еще для дела.

Один из парней — Сергей — дробил сухой, рассыпчатый кимберлит и бросал его лопатой на роккер. А двое других — Иван и Николай — ритмично раскачивали установку и промывали породу.

Самую крупную фракцию (сантиметровую) они просматривали весьма торопливо, бегло. Тут мог оказаться разве только алмаз-великан... А таковых, как известно, в Сибири почти не встречается. Якутия все-таки — не Голконда! Но зато нижние сита привлекали самое пристальное внимание добытчиков.

На этих ситах постепенно скоплялся так называемый «концентрат». То есть — смесь, состоящая из зерен различных минералов...

Смесь эта, однако, еще не была достаточно очищенной. На роккере смывались, как правило, самые легкие породы. И потому для дальнейших операций употреблялась джиг.

В сущности, джиг являлась тоже ситом. Но — особенно мелким, с ячейками в один миллиметр и с двумя вертикальными стойками, соединенными перекладиной. При помощи рычага джиге придавались в воде колебательные движения. И в такой пульсирующей среде происходила окончательная обработка концентрата.

То, что в результате оставалось (на первый взгляд — груды мокрых, грязных камешков) — ссыпалось затем на брезент. И вот там-то, в грязной этой грудке, как раз и таились искомые сокровища!

* * *

Присев на корточки у края брезента, Игорь пошевелил пальцем мокрые камешки. И извлек один — треугольный, мутно-

желтого цвета, размером с ноготь мизинца. Осмотрел, прищурясь. И сказал с сомнением:

— Разве здесь можно найти что-нибудь стоящее? Не знаю, не знаю... Чепуха какая-то. Где же алмазы?

— А ты приглядишься, — сказал, оглаживая усики, Иван, — смотри лучше!

— Так куда же смотреть-то? На что?

— Да вот на то самое, — усмехнулся Иван, — на то, что в руке держишь! Или ты, друг, ослеп?

— Неужто ж это алмаз? — удивился Игорь, — никогда б не подумал... Чего ж он такой невзрачный?

— Он же необработанный, «дикий», — пояснил подошедший Николай. — Да и вообще это, скорее всего, камень не ювелирный, а промышленный...

И он повернулся к Ивану:

— Ведь так, старик?

— Так, — кивнул Иван.

— Ну, и где ж его можно продать? — спросил Игорь. — Какая вообще ему цена, такому-то? — и бросил желтоватый минерал на брезент.

— Будь спок, — сказал Иван, — цена подходящая. Один килограмм такой вот «чепухи» тянет, в среднем, на полмиллиончика.

— Рублей?

— Долларов.

— Вот, значит, как, — пробормотал изумленно Игорь, — здорово... А ты не врешь? — Он недоверчиво покосился на Ивана. — Откуда ты это все знаешь?

— Кому же еще и знать-то, как не нам? — вмешался в разговор Сергей. — Мы же ведь с Ванькой больше трех лет проработали в разных экспедициях! Облазили пол-Якутии! В Нюрбе были, в Мирном...¹

— Ну, ты, — резко оборвал его Николай, — заглохни! Иди-ка лучше, займись по хозяйству, — приготовь чаёк... Нынче твоя ведь очередь!

Возникла неловкая пауза. Длинное прыщеватое лицо Сергея словно бы еще сильнее вытянулось. Он отвернулся, угрюмо побрел к шахте — и скрылся в дверях бревенчатого полуразвалившегося барака.

Вскоре там, в одном из окошек, затеплился неяркий огонек. С минуту все трое смотрели в ту сторону. Затем Николай сказал:

— Парень вообще-то хороший. Свой. Только вот беда — глуповат. Любит трещать попусту... Ну, ладно. — Он махнул

¹ Нюрба — большое село на Вилюе, считавшееся столицей Якутской алмазной промышленности до тех пор, пока не возник, в бассейне той же реки, знаменитый новый алмазный центр, город Мирный. (Прим. автора).

рукой. — Так о чем мы толковали? Ах, да, — и о ценах... Таких цен, Игорек, нигде в мире не найти! Да вот тебе простой пример: мы еще не просмотрели весь этот концентрат, не проверили, как следует, а уже заработали 80 тысяч. Это я точно могу сказать. Восемьдесят — а то и все сто...

— Сто тысяч? — дивясь, переспросил Игорь.

— Да вроде того, — подтвердил Иван, — нам позавчера четыре таких отличных камушка попало — ого! Каждый весом, приблизительно, по семь-восемь карат. И, главное, все — ювелирные! В Якутии это — редкость. Но в заполярных районах, видишь, попадаются...

— И ведь это — только начало, — подхватил Николай, — ты понимаешь, какой куш нам в руки валится?

— А ну, покажи-ка! — потребовал Игорь.

И Николай, чуть помедлив, вытащил из внутреннего кармана полшубка небольшой продолговатый кожаный мешочек.

Мешочек был туго стянут шнурком. Развязав его, Николай вытряс на ладонь прозрачный многогранный, чуть зеленоватый кристалл. Протянул руку к костру. И сейчас же холодные грани кристалла засветились, затеплились, порозовели. Они как бы впитали в себя цвет огня.

Николай легонько пошевелил рукою — и от кристалла брызнул сноп ярких радужных искр. Можно было бы часами глядеть на эту волшебную игру света... Но Заячья Губа внезапно сомкнул пальцы в кулак.

— Хватит, — сказал он гнусавым своим голосом, — хорошего понемножку. Да и ехать пора. Кстати, Игорь, я нынче — с тобою... Мне надо срочно в поселок.

* * *

Чуть позже, когда оба они уже сидели в кабине самосвала, а за окнами проплывала, клубясь, болотная мгла, Игорь спросил:

— А зачем тебе — в поселок? По каким делам? Или, может, это тоже секрет? Ты, я вижу, любишь разводить секреты.

— Какие такие секреты? — недовольно шевельнулся Николай. — На что ты намекаешь-то?

— Ну как же, — сказал Игорь, — вспомни этого — прыщеватого... Не успел он разговориться, как ты его сразу пресек.

— И правильно пресек, — возразил Николай. — К чему болтать лишнее?

— Но ведь мы же вместе работаем, — сказал раздраженно Игорь, — мы не чужие. И мне не мешало бы знать...

— А зачем? — спросил Николай. — Зачем тебе знать-то?

Ты же не сыщик. Ты все-таки старый блатарь.

— Вот именно, — мрачно усмехнулся Игорь. — Как блатарь, я привык к тому, что между партнерами все должно быть начистоту... Но ты-то, я вижу, не блатной и никогда им не был.

— Нет, — сказал с вызовом Заячья Губа, — не был! И хотя я в жизни все перепробовал, — и воровал, случалось, и сидел, — в вашу воровскую кодлу никогда не входил.

— Значит, ты убежденный фарцовщик?

— Да, если хочешь... Я подпольный бизнесмен. Причем, учти, — современный! И эта ваша блатная романтика нам, бизнесменам, кажется попросту смешной, наивной.

— Ах, даже так...

— Ну сам посуди: кому они сейчас нужны, все эти ваши бесчисленные воровские правила, законы? Дела-то у вас, по сути, пустяшные... Выдернуть бумажник, отвернуть угол¹ у какого-нибудь дурака — вот и вся забота... Дел на копейку, а разговоров — на сто рублей.

— Но и у вас тоже должны быть какие-то правила. Ведь нельзя же без них!

— Кое-какие есть, конечно... И главное — это конспирация. Ты понял? Не просто секреты, а именно — конспирация.

— М-да, — неопределенно промычал Игорь.

Некоторое время они оба помалкивали. Потом Заячья Губа проговорил негромко:

— В общем, могу тебе объяснить — чтоб ты не нервничал. Очень уж ты, брат, нервный, обидчивый... Я почему в поселок спешу? Хочу зайти к одному человечку, передать ему камушки. Он, понимаешь ли, завтра выезжает в Якутск. Пусть там посмотрят нашу находку, оценят по-настоящему. Иван, конечно, парень опытный, знающий, но все же он — не ювелир.

Машину в этот момент крепко трянуло. Проселок кончился. Впереди открылась главная дорога. И сразу же слева, на северо-востоке, обозначилось зарево алмазного карьера, а справа, на западе, замерцали далекие огни поселка.

— Ты как — сойдешь здесь? — спросил, притормаживая, Игорь. — Или еще покатаешься? В поселок-то я сейчас не могу, сам понимаешь! Мне надо сначала с Козлом встретиться. Он уже ждет, небось.

— Ну так и гони туда! Не задерживайся! — торопливо сказал Николай. — Обо мне не беспокойся...

¹ «Отвернуть» — на воровском жаргоне — украсть; «угол» — чемодан. (Прим. автора).

*Раздумья коменданта. Надо как-то выкручиваться...
Странный свет в ночи.*

На прииске Радужном, — как, впрочем, и на всех других алмазных и золотых приисках страны, — представляли власть и следили за порядком два ведомства: милиция и комендатура.

Местный милицейский участок возглавлял капитан Михаил Самсонов. Комендантом же, руководившим работой вооруженных охранников, был двадцатидевятилетний лейтенант, татарин Рашид Керимов, недавно только окончивший спецшколу внутренних войск.

Оба эти ведомства (несмотря на их различия) принадлежали к Министерству Внутренних Дел. Основа у них, таким образом, была общая. И потому Керимов, как младший по чину и по возрасту, находился у Самсонова в некотором подчинении, — считался его заместителем.

Они и помещались в одном бараке, только в разных его концах. Барак этот стоял по соседству с лабораторией. Из окна керимовского кабинета можно было наблюдать, как разгружаются у приемных бункеров самосвалы, как действуют контрольные посты.

В эту ночь комендант допоздна засиделся на службе. Было тихо. Только за окнами время от времени погромыхивали машины. И сквозь полуоткрытую форточку ошутимо тянуло весенней ростепелью. Запах был острый, будоражащий, чуть пьянящий...

Закончив возню с бумагами, Рашид Керимов отодвинул их в сторону. Облокотился о стол и задумался, поглядывая в окошко. По молодости лет и весеннему времени ему не спалось... К тому же, он был холост. Дома, в жилом бараке, никто его покуда не ждал. Он мог всецело отдаться профессиональным делам и заботам. А их имелось немало. Думать было о чем!

Главной, самой первой заботой коменданта была — что вполне естественно — организация охраны. В общем-то здесь, у лаборатории, все было налажено толково. И вокруг алмазного карьера — тоже... Но вот дорога, соединяющая два эти пункта, вызывала явное его беспокойство.

Проклятая эта дорога — протяженностью более тридцати километров — была, по сути, никак не защищена. И комендант ничего не мог тут поделать: слишком мало имелось у него людей.

Те двадцать пять человек, которые находились в его подчинении, все были заняты, расставлены в наиболее важных местах... А таковыми, помимо карьера и лаборатории, яв-

лялись еще и пути, ведущие к аэродрому, и сам аэродром, откуда ежемесячно отправлялись на Вилую добытые алмазы.

С аэродромом хлопот было особенно много. Он постоянно подвергался то наводнениям, то снежным заносам, так что его приходилось оберегать не только от людей, но и от самой природы.

С недавнего времени, правда, началось строительство нового лётного поля. Однако работы велись там, по мнению лейтенанта, очень медленно, вяло. На прииске явно не хватало техники.

Вообще он оказался каким-то очень уж неудобным, разбросанным, этот новый прииск! Он располагался на отдельных скалистых островках, поднимающихся из топких болот и, в сущности, напоминая некий странный архипелаг, затерянный в таинственном туманном море... Он выглядел необычно и никак не соответствовал стандартным общепринятым схемам.

Обо всем этом Керимов когда-то беседовал с капитаном Самсоновым — просил у него людей. Капитан ведь имел свой особый, милицейский штат. И, конечно же, мог бы помочь при желании...

Но такого желания капитан не выказал.

— У меня, дружок, своих хлопот — по горло, — заявил он. — Мне же необходимо обеспечить порядок в обоих поселках — старом и новом! А народ здесь таежный, лихой... И, кроме того, на меня недавно еще одно дело навесили — борьбу с браконьерством. Я и сам с величайшей охотой попросил бы пополнения... Но знаю, начальство сейчас людей не даст. В Якутии прииски растут, как грибы, а квалифицированных кадров — маловато! Стало быть, надо самим как-то выкручиваться; рассчитывать на свои собственные силы...

— Но как выкручиваться-то? — недоумевал татарин. — Как? Скажи!...

— Так что ж тебе сказать, — отвечал, пожимая плечами, Самсонов, — я ведь не охранник. У меня другие задачи. Но на всякий случай имей в виду: в моем распоряжении имеется мотоцикл с коляской. Забросили его сюда давно — и непонятно зачем. Ездить-то на нем здесь негде... Разве только — по этой твоей дороге... В общем, он до сих пор стоит без дела! И ты в любое время можешь им воспользоваться.

Этот разговор Керимов помнил отчетливо; происходил он минувшей осенью... Поняв, что помощи от капитана не будет, комендант тайком послал тогда письмо в Якутск, в столицу республики. Он понимал, что этим подводит своего шефа — однако рука его не дрогнула... Впрочем, руководили им не только карьеристские мотивы, но и служебное рвение, молодой азарт.

К немалому его удивлению, Центр так и не ответил, не

отозвался. В недавно найденном погибшем самолете содержалась — как выяснилось — вся последняя почта, но искомого письма там не оказалось! И лейтенант теперь маялся, не зная, как же это расценить. Может быть, в Якутске у капитана — друзья, покровители? И это молчание — явственный знак того, что им, Керимовым, там недовольны? А может, Самсонов был все-таки прав, советуя выкручиваться самому, рассчитывать на собственные силы? Помнится, разговор тогда зашел о мотоцикле...

— Мотоцикл! — Комендант загасил папиросу и поднялся. — Он же стоит без дела! А мне все равно теперь не уснуть.

И сейчас же комендант заторопился. Надел полушубок, туго перепоясал его ремнем с кобурой. Затем привычным движением достал револьвер — новенький вороненый кольт — и с треском прокрутил барабан, проверяя заряды.¹

Шагнув к дверям, он мельком взглянул на стенные часы.

Время было позднее, глухое. Стрелки ходиков приближались уже к четырем утра...

* * *

— Гони, гони! — бубнил Николай. — Жми, старик! Ох, боюсь, запоздаем.

И слыша беспокойный этот, гнусавый голос, Игорь гнал машину, жал на педаль... И вот, в тот самый момент, когда он подъехал к перекрестку, на юге, вспыхнули два огня, — два желтых, круглых, немигающих глаза.

Наконец, стал виден громоздкий силуэт самосвала. Машина надвинулась, загораживая край неба — и затихла. И сразу же как бы ослепла. Фары ее погасли.

Из кабины вылез Федор Соков. Мясистое, окаймленное курчавой бородкой, лицо его было пасмурно.

— Мне, ребята, как-то беспокойно нынче, — сказал он, — муторно...

— Это отчего же? — насторожился Заячья Губа. — Стряслось что-нибудь?

— Да вроде — ничего. — Соков поморщился, поскреб ногтями бороду. — И все-таки... Понимаешь, когда я разгружался, возле бункеров появился вдруг комендант. В полной форме, при оружии. С чего бы это он, а? В такую-то пору? А? Раньше он спал...

¹ В северных войсках автоматические пистолеты нередко заменяют классическими наганами и кольтами, ибо при сильном морозе смазка густеет, и пистолет из-за этого может отказать. Кроме того, он боится сырости. Револьвер же в любых обстоятельствах действует безотказно. (Прим. автора).

— Но что он там конкретно делал? — спросил Игорь. — Чем интересовался? Может — тобой, твоей машиной?

— Нет, ко мне он даже и не подходил...

— Ну, так что ж ты вибрируешь? — небрежно проговорил Заячья Губа. — Мало ли какие у коменданта дела! На то он и начальник. И хватит трепаться. Не тушуйся. Давайте-ка займемся своим делом...

И вдруг все увидели забрезживший в ночи бледно-оранжевый свет. Он приближался удивительно быстро, становился все крупнее, все ярче... И было в нем что-то непривычное, странное. Игорь не сразу сообразил, в чем суть. И только спустя секунду подумал: самосвал идет с одной фарой! Да нет, — спохватился он тут же, — это вовсе и не самосвал...

— Мотоцикл, — выдохнул у него над ухом Соков, — откуда он здесь, на болотах? Вот чудеса-то! Это не к добру... Не зря мое сердце чуяло...

— Разбегаемся, — крикнул Николай, — а ну, по машинам! Быстро!

— Да теперь уже поздно, — усмехнулся Игорь, — нас все равно уже, наверное, засекли... Лучше остаться на месте. Притворимся, что у меня, к примеру, кончился бензин, и Козел меня выручил. Великое братство шоферов — это тема известная. Придраться тут не к чему.

* * *

А спустя еще пять минут мотоцикл, оглушительно грохоча, подлетел к скрещению дорог.

Здесь комендант затормозил. Слез с седла. Поправил кобурку. И вразвалочку, разминаясь, пошагал к машинам.

Само по себе то обстоятельство, что два самосвала почему-то застряли на полпути, особенного удивления у него не вызвало. Мало ли, какая поломка может случиться в дороге! Но его слегка озадачило расположение самосвалов. Они стояли как-то нелепо, криво, вполоборота... Словно бы одна из машин только что свернула со стороны на «алмазную трассу», а другая — должна была уйти с этой трассы на сторону.

Возле машин маячили какие-то люди... И, приблизившись к ним, Керимов резко спросил:

— Что здесь происходит?

— Да пустяки, — быстро, скороговорочкой, произнес один из парней — плечистый, плотный, в кудрявой бородке. — У товарища бензин кончился, ну я ему помог, выручил, значит... Шоферская солидарность — сами понимаете!

— А почему же вы так машины поставили?

— То есть как? — удивился шофер.

— Да так — как-то странно... Сам, что ли, не видишь?

— А это, понимаете ли, для общего удобства, — сейчас

же сказал, придвигаясь, другой шофер — невысокий, с узким, нервным лицом. — Это мы специально... Чтобы другим машинам проезд не загораживать.

— Ага, — проговорил Керимов. — Н-ну что ж...

Объяснения шоферов его успокоили. — В самом деле, — подумал он, — все логично, все просто. Что это мне в голову взбрело? На трассе, судя по всему, порядок.

И только он так подумал, — за спиной его возникло какое-то движение... Он хотел было обернуться. Но не успел. И дрогнул, и как бы надломился от страшного удара, нанесенного сзади в голову.

Били, очевидно, чем-то железным, — может быть, ломиком? Не спасла даже пушистая меховая шапка. Он упал на рыхлый ноздреватый снег. Последний раз вдохнул запах весны. И последнее, что уловил его гаснущий взор, было склонившееся над ним лицо человека с безобразной, раздвоенной, заячьей губою.

7

Придорожный валун. Цена крови. Тень, крадущаяся во мгле.

— Ну все, успокоился! — сказал Заячья Губа. — Отгулял, татарская морда...

Он стоял, пригнувшись, упираясь о колено левой рукой, а в правой держа тяжелый длинный гаечный ключ, какими обычно пользуются шоферы больших грузовиков.

— Да-а, хорошо ты его приласкал, — хихикнул Соков, — крепенько.

— А зачем? — спросил, кривя губу, Игорь. — Зачем ты это сделал-то? К чему вообще разводить лишнюю сырость, ненужную мокроту?¹

— А ты что же, — поднял голову Николай, — хотел бы, чтобы он нас всех засек, повязал?

— Да он, по-моему, ничего и не заподозрил, — пожал плечами Игорь. — Я ведь видел: он собирался уже отваливать...

— Все равно, — упрямо сказал Николай, — он подметил, что машины стоят как-то необычно. И потом бы доложил капитану... Ну, а тот опытный, гад, бывалый. Знающий, что к чему.

— Но мог бы и не доложить...

— Ладно, — перебил Игоря Федор Соков, — что сделано, то сделано. Теперь вопрос: как дальше быть?

И он пнул носком сапога лежащее тело.

— Надо ж его куда-то спрятать?

¹ «Мокрота», «сырость» — кровь. «Мокрое дело» — убийство. (Прим. автора).

— Наоборот, — сказал Николай, — пусть остается. Вы понимаете, ребята: ночь темная, а света здесь нет! Значит, комендант свободно мог попасть в аварию — налететь на что-нибудь...

Он медленно осмотрелся. И радостно улыбнулся вдруг, увидев сбоку от дороги — на твердой почве — крупный гладкий гранитный валун.

Таких валунов в округе имелось немало. Их в незапамятные времена натащили сюда ледники — отшлифовали, отработали. И бросили, отступая. С тех пор эти камни (некоторые из них — по 5-8 метров в диаметре) остались, засеяв сибирскую равнину и навсегда поразив воображение туземцев. Среди якутов, например, и других полярных племен, издавна существовал священный Культ Камней. Северяне верили в особую тайную жизнь валунов... И возле самых крупных и диковинных ледниковых камней они устраивали жертвоприношения, творили ритуальные мистические действия. К числу таких «священных» объектов когда-то, еще до прихода строителей прииска, как раз и принадлежал тот самый валун, на который обратил внимание Заячья Губа. Гранитная эта глыбища имела весьма причудливую форму; чем-то она напоминала сидящую нахохлившуюся птицу. Не требовалось большой фантазии для того, чтобы угадать там очертания головы, вобранной в плечи, и массивного, конусообразного, чуть наклоненного клюва.

На этот клюв и указал сейчас Николай.

— Смотрите, братцы, — воскликнул он, — вот, обо что расшибся наш лейтенантик, — понимаете? — Он махнул рукой. — Эй, кто-нибудь... Хотя бы ты, Козел! Возьми-ка мотоцикл, разгони его и хряпни об эту глыбищу.

Затем он с улыбочкой протянул Игорю гаечный ключ.

— А это я, кстати, у тебя позаимствовал. Хороший инструмент. Держи!

* * *

Спустя минуту, все было кончено.

У придорожного валуна лежал покареженный, с разбитой фарой, мотоцикл. А рядом с ним — тело коменданта. Человек был уже мертв, не дышал, но мотоцикл еще жил какое-то время: что-то потрескивало в железном его нутре, пощелкивало, слабо жужжало...

Собираясь уходить, Николай окинул критическим взглядом эту картину — точно так, как оглядывает художник очередное свое произведение. Затем нечто новое пришло ему в голову. Он озабоченно поджал губы. Поспешно вытащил из внутреннего кармана алюминиевую плоскую флягу. Отвинтил крышку. И обрызгал спиртом лицо и одежду убитого.

— А это еще что за фокус? — недовольно поморщился Ко-

зел. — Зря только добро переводишь. Дал бы лучше нам...

— Не мельтеши, — небрежно сказал Николай, — достанется всем...

Он отхлебнул из фляжки. Крякнул. И пустил ее по кругу.

Утирая рот рукавом, Игорь сказал:

— Послушай, а ты уверен, что комендант вообще был пьющий?

— А кто здесь, в Заполярье, не пьет? — вопросом на вопрос ответил Заячья Губа. — Все правильно, старик, все точно. Так будет надежнее. И хватит об этом!

* * *

Вскоре самосвалы разъехались. Один — на север, к алмазному карьеру, другой — на восток, к каменоломне.

Они вовремя успели покинуть злополучный этот перекресток... Когда Игорь сворачивал на бревенчатую гать, вдали, сквозь болотные заросли, замигали фары идущей с прииска машины.

— Наше счастье, — пробормотал Игорь, — что машин на трассе пока мало, и ходят они редко... И особенно редко — в такую вот пору, под самое утро, когда все уже устали, и никто никуда не спешит.

— А кто выбрал этот час, а? — высокомерно спросил Николай. — Кто все продумал?

— Ты, ты, — усмехнулся Игорь, — все ты, подпольный гений! Одно только скверно: больно уж ты кровь любишь...

— А ты что же, хотел бы все время оставаться чистеньким? — возбужденно, брызгая слюной, сказал Николай. — Чистеньким, стерильным?

— Ну, при чем здесь — стерильным? — возразил Игорь. — Я о другом... А в принципе, я, конечно, тоже не ангел.

— Да уж знаю, — мигнул Николай, — слыхивал. Были когда-то и у тебя мокрые дела, ведь так? Я не ошибся?

— Что ж, были, конечно, — кивнул Игорь, — куда денешься? Но если уж мне и приходилось кого кончать, то в честной драке, в поножовщине... И когда можно было обойтись без лишней сырости, я обходился! Все-таки ведь я был не налетчиком, не бандитом, а вором. Классным вором — к слову сказать... И у нас, у урок, особым шиком всегда считалось — сделать дело чисто, без шороха.

— У вас! — фыркнул Николай. — Что от вас теперь осталось-то? Одни только сказки, легенды. Старый блатной мир кончился! Пришли новые люди. Деловые.

— Такие, как ты?..

— Хотя бы и такие. А что? Чем я тебе плох? Ведь это ж я предоставил тебе шанс раскрутиться, вылезти из дерьма... Ну, а кровь — что ж... Если посмотреть трезво,

так это ж вода! Ученые так и утверждают, что она по составу схожа с морской водой. И, стало быть, цена ей три копейки.

— Н-ну, как знаешь, — сказал Игорь. — В конце концов, не мне тебя учить.

— Вот это верно.

— Но на всякий случай, запомни: есть вещи, которые судьба не прощает, за которые она наказывает...

— Да брось ты, — возмущенно проговорил Николай. И даже отодвинулся слегка. — Что ты мне тут проповеди читаешь? Судьба, судьба! — передразнил он, гнусава. — Какая такая Судьба? Ты что, имеешь в виду Господа Бога? Или этих дурацких духов? Так я плевать хотел на это на все!.. Плевать, плевать!

Он закурил, ломая спички, окутался в дым. Игорь проговорил негромко:

— Я тебе, дурак, никаких проповедей читать не намерен. Просто хотел напомнить старое блатное правило: чем меньше сырости, тем легче путь! Вот ты сказал, что капитан Самсонов — опытный, бывалый. И он мог бы заинтересоваться происшествием... Что ж, теперь-то он наверняка заинтересуется! И если он в конце концов докопается до чего-нибудь — это и будет Рука Судьбы. Я уже объяснял: судьба иногда карает, наказывает. И сильнее всего она карает за подлость и за глупость! Ну, а насчет того, что тебе на все плевать — поостерегись маленько, побереги слюну.

Некоторое время они ехали молча. Игорь — угрюмо глядя вперед, на дорогу, Николай — забившись в темный угол кабины.

Когда в туманной мгле, впереди, засияли огни каменоломни, Николай сказал:

— Ну, хорошо, пофилософствовали — и хватит! Теперь — о деле... Я из кабины не выйду, притырюсь здесь. А ты постарайся-ка все проверить без задержки. Погрузишься — и гони во весь дух! Меня уже, черт возьми, заждались.

— Где же тебя потом ссадить? — спросил Игорь.

— Да где угодно, — уклончиво проговорил Заячья Губа. — Хоть на краю поселка, хоть в самом центре. Главное — побыстрее! Ведь я пообещал, что буду на месте — в пять... А сейчас уже четверть шестого... И когда же я теперь попаду в поселок? Еще через час? О, проклятое время, всегда его не хватает, всегда его — в обрез!

— Теперь все будет зависеть от экскаваторщика, — отозвался Игорь, — если он не затянет, не подведет...

* * *

И экскаваторщик не затянул, не подвел! Тяжело нагружен-

ная машина вскоре пошла обратно. И когда она затем приблизилась к месту скрещения дорог, Игорь невольно напрягся, как-то поджался весь, полагая, что там уже толпятся люди; ожидая, что вот сейчас его непременно встретит суровый милицейский патруль.

Те же чувства, вероятно, испытывал и Николай: он вцепился ногтями в плечо Игоря и шумно задыхался...

Но нет, на перекрестке все было тихо. Стало быть, труп коменданта пока еще никто не заметил. Да это, в какой-то мере, было понятно, ведь роковой валун находился за краем дороги — метрах в шести от нее. А темнота, к тому же, еще не кончилась. Наоборот, в ранний этот, предутренний час, она стала особенно мрачной, густой.

Звезды уже выцвели, слиняли. Небо опустело; его заливал теперь беспросветный мрак. И с окрестных болот приполз и окутал землю клочковатый, белесый, пахнущий гнилью, туман.

Когда машина пролетала мимо валуна, Николай сказал удовлетворенно:

— Порядок! Все шито-крыто... Тревога поднимется, когда рассветет. А к тому времени ты уже будешь спокойно дрыхнуть у себя в бараке!

— Н-да, — пробормотал Игорь, — пожалуй...

— И этот твой Самсонов, будь он хоть сам Шерлок Холмс, ни в чем не посмеет тебя упрекнуть, ни к чему не сможет придраться.

* * *

Прошло еще полчаса. Самосвал въехал на вершину холма — на главную улицу нового свайного поселка. Здесь, в эту пору, было на редкость пусто. Ни одно окно не светило сквозь зыбкую пленку тьмы. Ни один сторонний звук не тревожил сонный покой. Спали даже собаки.

— Стой! — приказал Заячья Губа.

Он легко спрыгнул наземь, махнул Игорю рукой. Подождал, пока машина отойдет и скроется, и повернул, посвистывая, в ближайший переулок.

Он шагал, вполне удовлетворенный, уверенный в себе. И не слышал, не замечал, что вслед за ним — беззвучно скользя меж домов и ловко прячась за сваями — крадется какая-то смутная тень, какая-то трудно различимая фигура.

*Капитан Самсонов. Клятва мести. Коран и Карл Маркс.
Кто же убил коменданта?*

Капитан Михаил Самсонов — как правильно охарактеризовал его Заячья Губа — был человеком бывалым, знающим что к чему... Коренной сибиряк, он вырос в забайкальской тайге и немало пошатался по Северу. И приблизительно половину своей жизни — сейчас ему уже перевалило за пятьдесят — проработал на различных рудниках и приисках. Поначалу — на золотых, а потом — на алмазных. На первых порах — простым участковым инспектором, а потом уже — старшим...

Причем начинал он когда-то как охотник-промысловик. Охотником был удачливым, и это свое ремесло нипочем не променял бы ни на какое другое! В милицию его привела беда, роковая случайность.

Старший, любимый брат его Алексей, работавший старателем на одном из Ленских рудников, однажды найден был убитым. Преступление это, по слухам, было делом рук местной банды, охотившейся за золотишком. И Михаил поклялся тогда отомстить.

Он ушел в тайгу, пропадал там неделю — и действительно обнаружил преступников! Великолепный стрелок, он, в завязавшейся пальбе, ухитрился прикончить двоих. А третьего, главаря, лишь подранил... И затем приволок его — полуживого — в рудничный поселок. С тех пор и началась его слава, и определилась основная линия жизни.

Из него, со временем, выработался особый тип криминалиста — некая смесь таежного следопыта и милицейского следователя. Смесь, вообще говоря, редкая. И при желании, Самсонов мог бы сделать большую карьеру. Но для этого требовалось окончить специальный московский институт, получить диплом... А тратить на учебу пять долгих лет он не хотел! Да и жалко было расставаться с любимой тайгой, с дикой волей.

И получив под старость чин капитана и звание старшего инспектора, он отлично сознавал, что это — предел, что дальнейшего продвижения по службе не будет. И ему уже никогда не дорасти до комиссара! Однако данное обстоятельство в гораздо большей степени огорчало жену его Варвару, чем его самого.

Сам-то он твердо понимал свое призвание и свое место в жизни. Большие дела и большая политика были явно не для него! В сущности, он являлся типичным таежным «шерифом»... Высокий, грузный, неторопливый, с тяжелым квадратным лицом, с острым цепким взглядом крошечных медвежьих гла-

зок, он превосходно вписывался в окрестный пейзаж. И он искренне любил тот маленький, провинциальный, приисковский мирок, в котором царил!

Но хотя вид он имел простецкий, какой-то очень уж свойский, и считался человеком не шибко образованным, в действительности он знал немало. Он успел прочитать необходимую литературу по дактилоскопии, баллистике, трассологии; сумел познакомиться с новейшей криминалистической техникой и с тактическими методами дознания. А также — отчасти — и с судебной психологией...

Все это, в сочетании с богатой охотничьей практикой, весьма помогало ему вершить то дело, которое он начал без малого двадцать лет назад!

Он поклялся тогда отомстить блатным за кровь брата, и вообще — вывести под корень в этом краю всю их породу, всех такого рода «хищников»! И клятва эта с годами не забылась, не пресеклась.

* * *

Известие о гибели коменданта дошло до Самсонова в начале десятого утра — когда как раз наступил скупой, неяркий апрельский рассвет.

Прибыв на место происшествия, капитан осмотрелся. Помолчал, посопел задумчиво. И затем обратился к медику — молодому приисковому врачу, иногда, по совместительству, выполнявшему роль милицейского эксперта.

— Как ты думаешь, — спросил он, — Керимов действительно мог налететь на этот камень? Что здесь — случайная катастрофа, или?..

— Да ведь как сказать? — ответил тот, разведя руками. — Катастрофа, вообще-то, не исключена. Судя по всему, смерть наступила часов пять назад. А тогда ведь было совсем темно.

— Да и туман стоял, — негромко добавил кто-то.

— Вот, вот, туман... Значит, сбиться с пути лейтенант мог запросто. И к тому же он был пьян.

— Пьян? — нахмурился Самсонов. — Не может быть...

— Ну, как — не может! — усмехнулся врач. — От него же явственно пахнет.

— Странно, — пробормотал Самсонов, — очень странно.

— Конечно, количество выпитого я сейчас определить точно не могу, — продолжал врач, — это выяснится потом, при вскрытии. Но как бы то ни было, картина вырисовывается ясная... Выпил, погнал мотоцикл. Ведь на этой машине тихо не ездят! А тут еще — полная потеря видимости... Ну, он и врезался с разгона. Случай банальный.

— Та-ак... А характер травмы — каков?

— Разбит череп. Вся теменная область. При таких трав-

мах обычно не выживают.

— И как ты думаешь, это возможно, чтобы он, сидя на мотоцикле, разбил себе именно темя? Скорее уж должно было бы пострадать лицо...

— Вот на мотоцикле-то как раз и возможно, — пояснил один из оперативников, старший лейтенант Кравцов. — Это в автомашине — другое дело. Там шофер сидит прямо. А у мотоциклистов посадка — как у всадников. Как на коне. Они почти всегда ездят, чуть пригнувшись...

— Н-да... Ну, ладно, — неопределенно проговорил капитан. — Будем считать осмотр места происшествия оконченым... Кравцов, составьте-ка протокол!

Затем он отдал еще несколько деловых распоряжений. После чего отвернулся от толпы и сунул руку в карман меховой тужурки. Там, как у старого курильщика, лежали у него трубка и табак. И он быстро, привычно, одним движением большого пальца, набил себе трубочку.

Зажал ее в зубах — прикурил неспешно. И, попыхивая сладким душистым дымом, пошагал, насупившись, к приску.

Он шел в одиночестве — тяжело ступая по бревенчатому скользкому настилу.

И все, звавшие его, понимали: капитана сейчас нельзя отвлекать разговорами! Ему необходима тишина. Он крепко занят. Он думает.

* * *

И он думал. В первую очередь — об этом самом бревенчатом настиле... Думал о том, что данный настил представляет собою знаменитую «алмазную трассу», о которой постоянно заботился комендант. И поехал он ночью именно по ней!

Но в таком случае зачем же, за каким же чертом ему понадобилось вдруг сворачивать на другую, поперечную дорогу? Что его там — на твердой земле — могло заинтересовать?

Заинтересовать столь сильно, что он как бы забыл всю свою выучку, всю привычную свою осторожность?..

А комендант Керимов был достаточно хитер и осторожен — капитан давно в этом убедился! И был комендант первоклассным водителем. Ведь умение управлять любыми машинами входило в обязательную программу спецшколы, которую он, кстати, окончил с отличием. И конечно же, он никогда, собираясь в дорогу, не стал бы напиваться!

Тем более, что он и вообще был человеком не пьющим, как и большинство татар...

У капитана когда-то состоялся на эту тему любопытный диалог с Керимовым... «Ты не пьешь-то — почему? — допы-

тывался Самсонов. — Может, потому, что этого не велит Коран? Так ведь ты же коммунист! И должен читать не священные книги, а Историю Партии...» — «А я ее, между прочим, и читаю! — отвечал, посмеиваясь, татарин. — И дело вообще не в Коране... Просто я всегда уважал обычаи своих предков. Татары ведь сроду водку не пили. И к вашему русскому свинству я как-то еще не привык». — «Ничего, — пообещал ему Самсонов, — привыкнешь. Север всему научит!»

Так они потолковали. Однако за истекшие полтора года, проведенные Керимовым на Севере, он все же не научился пьянствовать... И вот теперь — такой неожиданный, непонятный, странный поворот!

Капитан шагал, посасывая трубочку, по обледенелым бревнам трассы. И мысль его все время, невольно, возвращалась к проклятому валуну.

* * *

Как и каждый опытный таежник, Самсонов, разумеется, был знаком с различными языческими культурами. Знал он также и о том, что сибирское шаманство — внешне якобы искорененное, — в действительности продолжает существовать. Причем, за истекшие годы оно как бы даже усилилось, возросло. И вся суть заключалась в современной антирелигиозной политике.

Когда в XVII веке началась колонизация Сибири, то вслед за казаками — полярными конквистадорами — двинулись на Восток представители православного духовенства. Церковь тогда повела активную борьбу с дикими туземными верованиями. И спустя столетие многие народности Севера были уже крещены. У азиатов отняли древних их идолов и дали им взамен — Единого Христианского Бога.

Но потом пришла пролетарская революция, наступила советская власть. И власть эта решительно отменила всех и всяческих богов.

А людей нельзя ни на миг оставлять без веры!

И жители тайги постепенно почувствовали себя как бы осиротевшими, незащищенными... С одной стороны их окружала беспощадная природа Севера, с другой — строгая местная администрация. И к кому же им было теперь обратиться с тайными молитвами, которые не выскажешь, не откроешь простому, обыкновенному человеку? Тут непременно нужен священник или шаман...

И вот так в северных стойбищах стали опять, как и встарь, появляться шаманы, начали твориться традиционные мистические действия.

Только теперь они творились в сугубой тайне...

И, конечно же, вновь возродился древний, полузабытый

культ камней! А одним из известных объектов этого культа как раз и являлся здесь придорожный, похожий на спящую птицу, гранитный валун! Тот самый, возле которого разыгралась ночная трагедия.

— Так, может быть, внимание коменданта привлекли именно шаманские пляски? — напряженно размышлял капитан. — Может, он увидел у этого камня нечто необычное? И потому своротил туда с полпути?

Но если он сумел увидеть — значит, туман был не слишком уж густ! Значит, он ехал не вслепую! И обязательно должен был бы притормозить.

— Нет, тут что-то не так, — думал Самсонов. — Судя по всему, там, у валуна, не плясали, не священнодействовали.

И еще одно обстоятельство немало смущало Самсонова.

Он знал, что высшей ценностью для северян — якутов, эвенков и прочих, — всегда являлось оружие. Любое оружие: карабины, револьверы, ножи. Убив лейтенанта, туземцы непременно бы заинтересовались его новеньким кольцом.

А между тем, этот кольт остался нетронутым; он лежал в кобуре. И кобура была плотно закрыта. Ее никто даже и не пытался открыть — ни покойный ее хозяин, ни предполагаемые его убийцы.

* * *

В общем-то, в том, что Рашида Керимова убили, капитан теперь уже не сомневался. Чувство это было интуитивное, еще не вполне осознанное, но, тем не менее, отчетливое!

И совершили это преступление, вероятнее всего, не якуты, а русские. Но — почему, зачем? И, главное, кто они были? Свои, приисковые? Или же пришлые, какие-нибудь бродяги?..

К сожалению, ни на один из этих вопросов следы не давали точного ответа.

Посеревший, пропитанный влагой, снег уже не держал следа, — как раньше, зимой. Все отпечатки в нем мгновенно становились бесформенными, как бы оплывали... Весна неудержимо вступала в свои права!

9

Старый Грач. Двойная жизнь. Подпольная ювелирная мастерская. Ведь любят же иногда и таких!

В глухом переулке, на окраине города Якутска, находился — ничем не выделяясь из общего ряда — бревенчатый, одноэтажный, старинной постройки дом.

Дом этот принадлежал известному в городе граверу Максиму Салову... Впрочем, немало людей называло его просто «Грачом». Он и впрямь соответствовал данной кличке: был приземист, черноволос, с крупной головой, с острым, длинным, хрящеватым носом.

Грач занимался вырезыванием всяческих печатей, штампов, факсимиле. На дверях у многих городских интеллигентов и чиновников висели желтые латунные таблички с указанием имен и должностей хозяев — все они были делом рук Максима Салова.

Популярность его, в данном смысле, была велика! Однако внешняя эта, официальная слава не шла ни в какое сравнение с другой — потаенной...

В подземном мире, в недрах черного рынка, имя Грача пользовалось огромным авторитетом — и не случайно! Он считался одним из крупнейших знатоков драгоценных камней. И едва ли не лучшим гранильщиком алмазов в северной Азии, — от Урала до Якутии.

Вырезыванием по металлу Салов занимался в граверной мастерской, а тайной обработкой алмазов — у себя на дому. И для такого двойного образа жизни условия у него сложились вполне подходящие...

Грач был вдовец, к тому же — бездетный, близких родственников не имел. И потому жил один, свободно и бесконтрольно. Был сам себе хозяин.

В доме его, в дальнем конце коридора, имелась особая, небольшая комната, — нечто вроде чулана. Там-то он и оборудовал себе гранильную мастерскую.

Мастерская эта была точно такая же, как и у знаменитых гранильщиков Урала, где Салов провел в молодости семь лет. Такая же, как и у всех ювелиров, в любых частях света!

Гранильное дело имеет давние традиции и глубокие корни... И несмотря на современный, поразительный, технический прогресс, общий вид и характер мелких ювелирных мастерских мало в чем изменился со времен средневековья.

В любой такой мастерской, как и пять столетий назад, прежде всего бросается в глаза рабочий стол с необычным, причудливым, волнообразным краем. Во впадине такой «волны» всегда стоит кресло мастера, а все ручные инструменты лежат справа, на самом, так сказать, «гребне».

И прочие неперменные принадлежности профессии также унаследованы от прошлого! Тут и шлифовальные круги, и всякие миниатюрные станочки, и набор увеличительных стекол. И конечно же — источник света и энергии...

То обстоятельство, что современный электромотор заменил собой древний ручной привод, — лишь облегчило труд, но отнюдь не изменило ни общих условий, ни индивидуаль-

ного характера ремесла.

Максим Салов в свое время сумел установить на заднем дворе, в старой баньке, небольшой электродвижок... Покойной жене своей, Марфе, он объяснил, что это нужно, мол, для граверных дел, для срочных домашних заказов.

И хотя Марфа тогда согласилась, поверила, — работать ему все же приходилось с опаской. Слишком уж была она бабой вздорной и въедливой: постоянно вмешивалась в дела Грача и частенько заглядывала к нему в мастерскую. Заглядывала неожиданно, без спросу... И когда она, наконец, отошла в лучший мир, старый Грач даже вздохнул с облегчением.

Теперь-то он мог творить свои дела, не опасаясь сторонних глаз и домашних сплетен! Да, в общем-то, он и не любил ее по-настоящему. Его связывала с Марфой давняя привычка и, кроме того, то, что дом, в котором он жил и коим теперь владел, являлся собственностью покойницы...

* * *

Мы сказали уже, что Максим Салов жил один... Эта фраза нуждается в уточнении.

Разумеется, в доме он, отныне, царил безраздельно. Ему никто уже больше не мешал! Но все же он занимался делом прибыльным и рискованным, входил в состав мощной подпольной организации. И организация эта не могла (да и не должна была) оставлять Грача без присмотра...

И потому на задах его дома, в той самой, старой баньке, где помещался движок, регулярно дежурили люди. В основном это были молодые, могучего сложения, угрюмые и неразговорчивые парни.

Никого из них, в общем-то, Салов близко не знал; они сменялись довольно часто и заглядывали к нему только затем, чтобы попросить горячего чайку или какой-нибудь закусочки... Но старый Грач сознавал, чувствовал, что они не только его охраняют — но еще и следят за ним. Следят крепко, бдительно.

Здесь прозвучали слова «Старый Грач». Их также следует уточнить...

* * *

Был наш герой, конечно, уже не молод. Но все же и не так уж стар. Ему недавно только стукнуло пятьдесят восемь, потребность в женщине еще не вовсе угасла в нем, и потому — для утех и баловства — он держал постоянную любовницу Надю.

Тридцатishестилетняя, еще достаточно свежая, Надя была

стройна, пышногруда, с могучими бедрами и толстой, шелковистой, пшеничного цвета косой, уложенной вокруг головы «коронай». И помимо всех этих прелестей, она обладала еще одним качеством — весьма ценным для Салова... Дело в том, что была она на редкость проста, добродушна, покладиста. С ней было легко сговориться! В принципе, она принадлежала к категории любовниц, которых обычно называют «приходящие, на своих харчах»... И приходила она всегда по субботам. Причем — регулярно, честно, без обмана.

Иногда Старый Грач задавался вопросом: а что же, собственно, нашла в нем эта вкусная, белотелая бабенка? Особенной красотой он не блистал (и никогда не заблуждался на этот счет), да и сексуальной силою — тоже...

Может, она все же искала здесь какую-нибудь практическую выгоду? Что ж, в данном смысле, Грач был не плох. Постоянно подкидывал ей деньжонки, делал дорогие подарки. Но подарки эти Надя принимала без жадности, с равнодушной и ласковой ленцой.

И порою, лаская ее, заглядывая в чистые, светло-голубые ее глаза — такие же чистые, как ключевая вода, такие же голубые, как полуденное небо в ясную погоду — Салов думал: «А, может, и вправду любит? Почему бы и нет? Ведь можно же полюбить меня — такого! Ведь любят же иногда и таких»...

10

Длинные стройные женские ноги... Таинственный мир кристаллов. Дверь с латунной табличкой.

Однажды вечером в субботу — это была последняя суббота апреля — Надя, как обычно, явилась в гости к Грачу.

Одега она была в беличью шубку, пушистый платок и короткие щегольские ботики, сплошь утопавшие в густой снежной слякоти.

И едва войдя в дом, раскрасневшаяся, пахнущая снежной свежестью, Надя сразу же сказала:

— Ноженьки у меня совсем промокли... зазябли... Такая слякоть, грязь кругом! Согрей-ка меня, папочка, поскорей!

— Идем в мастерскую, — сказал Грач. — Там тепло, я только что протопил...

Она торопливо прошла по коридору, на ходу разматывая платок, расстегивая шубку. В мастерской и впрямь, было тепло, даже жарко. И быстро раздевшись, она села в кресло. Сбросила ботики. Протянула ноги к печке...

Печка помещалась сбоку от стола. Надя уселась, стало быть, вполоборота к нему, положила локоть на изгиб «волны»... И вдруг — краем глаза — уловила какой-то зыбкий

зеленоватый блеск, какую-то странную вспышку света.

Она медленно повернула голову, и тотчас же зрачки ее расширились — как от толчка. Она словно бы вся напряглась, разглядев лежащий на столе, возле шлифовального станка, прозрачный многогранный светлозеленый кристалл.

Лицо Нади на мгновение изменилось, обрело новое — странное, хищное выражение. Но Старый Грач ничего не заметил. Он смотрел не в лицо этой женщины — а на ее ноги.

Ноги у Нади были хороши! Длинные, стройные, с круглыми коленями, облигтые черными тугими чулками — они могли бы взволновать любого... И она сама прекрасно это сознавала!

Легонько вздохнув, она отвернулась от стола. Провела кончиками пальцев по своим ногам — от бедра к коленям — огладила их... И вдруг прошептала, округляя губы:

— Ой, чулки-то совсем сырые! Еще, не дай Бог, простужусь...

— Ну, так сними их, — сказал вздрагивающим голосом Салов.

— Верно, — согласилась она. — Так будет лучше... — и высоко, до самых бедер завернув юбку, принялась возиться с резинками, стала стягивать чулки.

Потом она спросила, приподняв в улыбочке уголки пухлых, пунцовых, крепко покрашенных губ:

— Ну? Где будем — прямо здесь? Или в спальне? Там-то, пожалуй, зябко, неудобно...

— Так ведь здесь как-то неудобно, — пробормотал в растерянности, Салов, — нет ни постели, ничего...

— А что нам надо-то? — весело отозвалась она. — Чем-нибудь подтереться, да что-нибудь под себя подстелить... Вот, хотя бы! — И указала на медвежью шкуру, лежащую в углу, на полу. — Чем тебе не постель? Больно уж ты, папочка, привередливый... Или это, может, — от старости?

— Брось болтать, — сказал, криво усмехаясь, Старый Грач. — Какой я старик? Я еще могу... И ты перестань называть меня папочкой. Не люблю этого. Ложись, дура, скидай с себя все!

* * *

Малое время спустя, оба они — разгоряченные, распаренные, — уселись рядышком на повлажневшей шкуре. Закурили. Помолчали, думая каждый о своем...

Надя покусала прилипший к губе кусочек папиросной бумаги. И затем — небрежным тоном:

— А что это у тебя за камушек на столе, а? — спросила она. — Я его только что заметила... Красивенький камушек, изящный. Это что же такое? Алмаз?

— Алмаз, — сказал, отдуваясь, Салов, — Король минералов!

Он еще не остыл, не успокоился. И дышал трудно, прерывисто, — словно только что взобрался на крутую гору.

— Ты точно подметила: камень удивительно красив и изящен... Причем, красота его — естественная, природная. Классический октаэдр! Тут ничего и делать-то не надо, — слегка только подправить кое-что, подшлифовать...

— Октаэдр? — протянула Надя.

Она поднялась — нагая, широкобедрая, — и низко склонилась над столом, разглядывая кристалл.

— Ну да. Это значит — кристалл с восьмью треугольными гранями, — наставительно сказал Салов. — Вообще-то в природе имеется только пять натуральных, так называемых «правильных» многогранников! Самый простой из них — это куб. То есть, шесть квадратов. А один из наиболее сложных — додекаэдр, состоящий из двенадцати пятиугольных плоскостей... Но у нас-то, в Якутии, самыми распространенными являются именно октаэдры! Ну и, конечно, встречаются еще примитивные плоские треугольники. Но те — не в счет...

— Вот как? — спросила задумчиво Надя, — почему же у нас — только такие?

— Кто знает? Такова здешняя специфика... Мир натуральных кристаллов — один из самых таинственных и еще не разгаданных до конца... Ведь даже сам процесс зарождения алмазов до сих пор вызывает споры! Ты знаешь, что еще сравнительно недавно существовала теория растительного происхождения их... Считалось, что алмазы растут семьями. Как грибы, или травы. И делятся на мужские и женские. И этого, кстати, никто до сих пор не может по-настоящему опровергнуть...

— Ну, это уж совсем чепуха! — усмехнулась Надя. — Даже я, на что уж дура необразованная, и то знаю, что алмаз — это кристаллизованный графит. И возникает только в кимберлитовых трубках.

— Но вот вопрос: как возникает? — прищурился Салов. — Каким образом? Почему? Единого мнения на сей счет до сих пор ведь нету... Но, между прочим: алмаз действительно может там, в кимберлите, «расти»! Может увеличиваться в размерах, изменяться, наращивать грани... Это-то, кстати, известно! И тоже — малопонятно.

Как обычно, начав рассуждать о загадочном мире кристаллов, Старый Грач воодушевлялся, и его уже трудно было остановить. Да Надя и не стремилась к этому — наоборот! Сейчас она сама его подстрекала...

Она знала, что в эту минуту Грач — размякший от любви и взбудораженный разговором — ничего утаить не сумеет, откроет ей все...

— Ты сказал: октаэдры распространены в Якутии, — по-медлив, проговорила она. И быстро, искоса, глянула на Грача. — Однако, Якутия наша большая... И такие камешки, все же, не везде встречаются... Вот этот, зеленоватый, к примеру, он откуда — из каких же мест?

* * *

А спустя еще час — близко к одиннадцати — Надя оделась, попрощалась с ним нежно. И поспешила домой.

Но выйдя из переулка на просторный проспект, она оглянулась. Запахнула поплотнее шубку. И повернула не к дому — а совсем в другую сторону...

И вскоре она уже поднималась по лестнице пятиэтажного нового многоквартирного здания, расположенного в центре города.

Дойдя до площадки четвертого этажа, Надя остановилась. Передохнула. Тщательно поправила прическу. И нажала кнопку звонка на угловой двери, которую украшала желтая латунная табличка с надписью: «Инженер-строитель Н. Самарский».

* * *

А затем в старой баньке возле дома Салова произошла между двумя угрюмыми парнями весьма любопытная беседа:

— Значит, эта сука прямо туда поканала? — сказал первый.

— Прямо туда, — сказал второй. — Я ведь и раньше подозревал.

— Но ты как-то быстро успел воротиться... Смотри, старик, не ошибись! Ты — ручаешься?

— Об чем разговор! Я проводил ее точно — до того самого дома. Даже в подъезд вошел. И слышал, как она поднималась и как звонила и как потом хлопнула дверь...

— Н-ну, ладно. Нашим шефам в Хабаровске будет интересно узнать обо всем этом.

— Послушай, а Грач-то, как ты думаешь, может, он в курсе, а? Может, он... а?... Тебе не кажется?

— Да нет, вряд ли. Просто доверяет, любит. И это понятно... Вспомни, какая у них разница в возрасте! Ну, а теперь, к тому же еще, — весна!

— Весна, — пробормотал второй, — это конечно. Весной, как говорится, «щепка на щепку лезет»...

— Вот, вот. И, как поется в одной старой песне, — «звезда с звездой говорит»...

*Весна. Тоска по женщинам... «Куропаточки»
старика Угатаева.*

Весна неудержимо вступала в свои права! И хотя затяжная полярная «ночь» еще не окончилась, солнце, встающее из сырых болотных зарослей, становилось с каждой неделей все веселей и все ярче...

В течение дня (а дни удлинились уже раза в полтора) температура стала теперь подниматься порой до нуля. И это, по здешним местам, означало уже явную теплынь!

И от такой теплыни, от веселого весеннего солнца, ребята, собравшиеся у заброшенной шахты, начали томиться и тосковать... Они ведь жили сейчас в полной изоляции — напроочь лишенные общества женщин.

* * *

Первым заговорил о женщинах Сергей — сутуловатый, медлительный, с нечистой прыщеватой кожей.

Вообще-то о них он думал беспрестанно, любил эту тему и пробовал затрагивать ее и раньше... Но полтора месяца назад, когда началась вся эта история, друзья его не поддержали. Иван попросту отмолчался. А Заячья Губа резко его оборвал, да еще и высмеял при этом.

— Мы собрались здесь не для гульбы, а для работы, — заявил тогда Заячья Губа, — для дела! Такой шанс — один из тысячи. Да что там, — один из ста тысяч! И думать надо сейчас об этом, а не о бабах... А у тебя, у психа, только они одни на уме... А ты забыл, между прочим, как тебя из-за них лупили в Нюрбе и в Жиганске?!

— Ну и что ж, что лупили, — ухмыльнулся в ответ Сергей, — зато и бабенка мне в Жиганске подвернулась — ого! Чистый мед... До сих пор, как вспомню, — слюна брызжет.

— У тебя всегда, между прочим, — брызжет. И думаешь ты не головою, а противоположным местом... Но если б ты, все-таки, пошевелил мозгами, — ты бы понял... Нам же, болван, нельзя себя рассекречивать! Это во-первых. И во-вторых, где они, эти бабы? Откуда им здесь взяться?

— Ну, этот товар всюду можно сыскать. Например — у якутов. Ихне стойбище находится недалеко, ты сам знаешь, верстах в трех. Я же туда ходил несколько раз за мясом, за самогонкой. И там есть...

— Неважно, что там есть, — живо перебил его Николай, — никаких борделей разводить здесь нельзя! Я запрещаю! И это не только мой личный приказ... Понятно?

Вот такой разговор случился возле старой шахты в середине марта.

С той поры прошло немало времени. Но весенние перемены в тайге день ото дня становились все заметнее, ощутимее... И наконец Сергею стало невтерпеж.

* * *

Он дождался того момента, когда Заячья Губа опять — по каким-то тайным своим делам — покинул шахту... И оставшись вдвоем с Иваном, развеселился, воспрянул духом. И вновь вернулся к излюбленной своей теме.

— Послушай, — сказал он, — что происходит? Почему мы должны сидеть, как в монастыре, или как в лагере? Заячья Губа, в общем-то, парень свой... Старый кореш и все такое... Но сейчас он что-то начал портиться. Обнаглел. Начальничка стал из себя строить, — ты не находишь? Завел здесь строгий режим...

— Да, пожалуй, — вяло согласился Иван, — но с другой стороны, его тоже можно понять. Он прежде всего заботится о конспирации.

— Конспирация! — поморщился Сергей, — при чем тут она? Я же не собираюсь бежать на прииск. Связываться с приисковыми лахудрами опасно — это каждый знает. Но ведь речь — не о них...

— Стало быть, — о якуточках?

— Да.

— С ближайшего стойбища?

— Ну, конечно! Там есть один старик — Угатаев. Он изготовляет самогонку и продает из-под полы. И с ним живут две девочки. То ли внучки его, то ли какие-то племянницы. Я толком не понял — да это и не важно... Так вот, ими он тоже подторговывает...

— Угатаев? — спросил Иван. — Постой-ка. Я его, кажется, встречал когда-то.

— Верно. Это было два года назад, на Вилюе. Ну, а теперь старик сюда перекочевал.

— Когда ж он тут объявился?

— Да совсем недавно... В последний раз, когда я ходил в стойбище, я ведь именно у него и купил самогонку.

— Самогоночка у этого каина¹ отличная, — сказал, поглаживая усики, Иван, — и на Вилюе, помнится, мы неплохо попьанствовали. Но вот племянниц его, — убей меня Бог, — никак припомнить не могу... Я их, наверное, и не видел.

— Ты на них просто не обратил внимания. В ту пору они никуда еще не годились.

— А сейчас, — скептически усмехнулся Иван, — думаешь,

¹ Каин — спекулянт, ростовщик. (Прим. автора).

годятся? Все равно, наверное, еще малы...

— Да нет, что ты, — засуетился Сергей, — они уже дозрели... И ты не сомневайся, дело это верное! Да и старик берет за них совсем недорого.

— Откуда ты все это знаешь? — с сомнением посмотрел на друга Иван.

— Так он мне сам сказал! Он меня сразу вспомнил, узнал. И, видать, обрадовался... И между прочим, — звал к себе в гости.

— Ну, в гости к нему я, конечно, не пойду, — сказал Иван решительно, — мы все-таки при деле. И покидать свое место не должны! Здесь у нас под боком учти, миллионные ценности.

— И не надо идти, — замахал руками Сергей, — не надо! О чем речь! Ты оставайся здесь, а я туда сам сбегаю... Сам сбегаю!

— Но погоди. А мать их согласится? Кто она, вообще? Ведь есть же у них родители?

— Вот в том-то и дело, что нету! Мать умерла...

— Ну, а отец?

— Отец сидит. Получил срок за драку. Перышком, по пьяному делу, одного мужичка зацепил...

— И что же — тот мужичок?

— Помер как-то невзначай.

— Значит, отец сидит, в сущности, за убийство?

— В общем, да. И вернется он теперь не скоро. Да ведь речь не о нем! Главное, старик остался с двумя прелестными крошками — и уже обучил их кое-чему... И я могу сегодня же организовать роскошный ужин! Предоставлю отличную самогонку, а на закусочку — двух маленьких, аппетитных, хорошо приготовленных куропаточек...

Чем больше Сергей говорил, тем сильнее возбуждался. Обычно вялый, медлительный, он сейчас дрожал мелкой дрожью. Он весь был охвачен каким-то болезненным нетерпением.

— Двух куропаточек!.. Чем плохо, скажи?

— Так что ж тебе сказать, — пробормотал, свертывая папиросу, Иван, — если все получится тихо, аккуратно, — можно рискнуть. Валяй, тащи их сюда! Я, в общем, тоже люблю свежатинку...

Николай Заячья Губа воротился под утро. И еще издали, подходя к шахте, обратил внимание на ярко освещенные, жел-

теющие во мраке, окна барака.

— Ну, подлецы, — подумал он возмущенно, — ну, сволочи! Все-таки не выдержали, сорвались! И это, конечно, затеял Серега...

Резко, яростно рванул он дверь. И остановился на пороге — жуя папиросу, оглядывая помещение.

Помещение носило отчетливые следы ночного пьяного дебоша. Стол был сплошь уставлен бутылками и консервными банками. Несколько бутылок валялось на полу. Скамейка была перевернута... И повсюду во множестве горели свечи и масляные светильники.

Они уже догорали, трещали, дымясь. Но никто не пытался их обновить и подправить. В бараке все спали. Спали беспробудно! Причем Заячья Губа, кроме знакомых фигур Ивана и Сергея, увидел две обнаженные женские фигуры...

* * *

Женские! — это только сначала так ему показалось. Чуть приглядевшись, он понял, что у стола, на полу, на козьих шкурах, спят туземные девочки.

Одной, судя по всему, было лет пятнадцать-шестнадцать. Другая же выглядела совсем маленькой...

Худошавая и смуглокожая, она лежала — эта маленькая — возле Сергея. Она свернулась клубочком и подтянула голые острые свои коленки к подбородку. Черные растрепанные кудри ее смешались с рыжей шерстью, росшей у Сергея на груди.

С минуту Николай стоял у входа. Затем, широко и твердо ступая, подошел к лежащим ребятам. И начал поднимать их пинками.

Особенно много пинков досталось на долю Сергея.

— Что? Кто? Что такое? Ой! — забормотал тот, корчась от ударов и ошалело моргая. Он был крепко пьян и приходил в себя с трудом.

Но, наконец, он очнулся. Сел — и потянулся к одежде.

— Ты что же это, сука, — склонясь над ним, зашипел Николай, — забыл уговор, а? Ты что натворил?

— Да ничего особенного, — хриплым с перепоею голосом ответил Сергей. — Ну, порезвились малость, отвели душу... Дело житейское.

Он успел уже надеть рубашку и штаны, и теперь, морщась от усилий, натягивал высокие сапоги.

— Ничего же страшного не случилось, — бормотал он. — Чего ты тянешь-то? Чего дерешься?

— Как, ничего не случилось? Да ведь ты же, в сущности, завалил нашу хазу! Привел каких-то девок. Устроил целую иллюминацию. И даже окна завесить не потрудился...

— Ну, подумай, окна! — отмахнулся Сергей. — Кто их может увидеть? Кругом же — пустыня, глушь.

Он поднялся. И стал застегивать пояс... Пояс был широкий, кожаный, с привешенным к нему патронташем и тяжелым охотничьим ножом.

— Кругом — пустыня, — повторил он угрюмо, — мы тут сами себе хозяева. И ты не ори. И драться не смей. Мне это надоело!

И правая его рука, огладив ремень, остановилась, словно бы невзначай, на ребристой костяной рукоятке ножа.

В этот момент послышался голос Ивана:

— Ладно, Серега, брось! И ты, Николай, тоже не горячись. В самом-то деле, — беда небольшая! Иллюминацию мы сейчас устраним...

— А девок? — гневно поворачиваясь к нему, спросил Николай. — Девки ты куда теперь денешь? Ведь они же свидетели!

— Да какие они свидетели, — возразил Иван, — ты приглядись: что они понимают? Дети!

— В блядстве они, во всяком случае, понимают, — усмехнулся Николай, — а раз дают — значит, уже не дети, нет! Уже бабы взрослые!

— Ну и что же ты хочешь с ними сделать?

— Так что ж теперь делать? Один только выход — кончать...

— Т-ты что говоришь? — тихо, с запинкой, произнес Иван. — Да ты... да ты в своем ли уме?

И сейчас же, заглушая его слова, прозвенел тоненький, тревожный девичий голосок:

— Не надо, дядя Сережа! Не на...

Николай обернулся стремительно. И увидел за спиной своей Серега, заносящего для удара изогнутый, тускло поблескивающий нож.

* * *

Все-таки он был слишком медлительным — Серега! А может, у него просто не хватило духу? Как бы то ни было, занеся свой нож, он не сумел его быстро опустить...

Заячья Губа мгновенно обезоружил парня, вышиб у него нож. И тут же сам нанес ему удар — кулаком, с размаху, в живот.

Сергей задохнулся, скорчился. Прижал к животу руки. И так застыл. Но не надолго.

В следующую минуту он распрямился и, рыча, атаковал Николая... И опять получил хлесткий, ослепляющий удар — сначала в левую скулу. Затем — в подбородок.

Короткая эта серия ударов отбросила Сергея к бревенчатой стенке барака. Он медленно сполз, опираясь о стену спиной — и опустился на корточки.

— Ах ты, падло, — проговорил, тяжело дыша, Николай,—

на товарища руку поднял! Замахнулся, да еще — ножом... Да еще — сзади... Это как же?... А ну, вставай! Потолкуем!

Но Сергей не встал. И ничего ему не ответил.

Воцарилась тишина, прерываемая робкими всхлипываниями девочек. Они обе — голенькие и растерянные — сидели на полу и прижимались друг к другу.

В сущности, драка их не очень-то пугала! Пугало другое... Несмотря на то, что русский язык они знали, как свой родной, многое из того, что тут говорилось, было им непонятно. И так же непонятна была ярость Заячьей Губы. Чего он хотел? Чего добивался? Девочки уже привыкли к тому, что мужчины иногда дрались из-за них... (С тех пор, как они, осиротев, остались под опекой старого алкоголика и спекулянта, они ко многому успели привыкнуть!) Но сейчас происходило нечто совсем иное, необычное...

— Какие у них злые лица! — плаксиво произнесла маленькая. — Я думала — будет весело... Я так не хочу!

— Тише, — прошептала старшая. И крепче обняла ее за худенькие плечи. — Помолчи пока... Пусть они себе дерутся! Нас это не касается.

И в этот момент драка вспыхнула вновь.

* * *

Сергей внезапно вскочил, словно подброшенный пружиной, — метнулся к противнику и сшиб его с ног.

Николай упал — выставил руку, для защиты... Но, одолев его, Сергей не стал задерживаться. Не стал добивать. Он перепрыгнул через упавшего и бросился к выходу.

Стукнула распахнутая дверь. На мгновение в барак ворвалось дыхание снежных болот. Стала видна черная чаша и просвечивающая сквозь ветви зеленая, тоненькая полоска нарождающейся зари... Послышался топот удаляющихся шагов. Затем дверь с хрястом захлопнулась.

13

Раздумья Заячьей Губы. Поиски сбежавшего. Болота.

Все стихло в бараке. И туземные девочки — испуганные и зябшие — сразу повеселели.

Ложась и натягивая на себя одеяло, старшая проговорила жеманно:

— Ну, пошумели и хватит. Теперь, поспим...

— Нет, — сказал Иван.

Он оделся уже и стоял, шурша папиросами, прикуривая, кутаясь в дым.

— Нет, — сказал он хмуро, — какой тут сон? Да и ночь почти уже кончилась... Давайте-ка, крошки мои, одевайтесь —

и чешите домой.

— Но на дворе ведь еще темно, — капризно протянула младшая, — и кругом болота. Я боюсь.

— Ничего, — ответил Иван, — не бойся! Я вас провожу. Все будет в порядке.

И потом, шагнув к Николаю, он спросил негромко:

— Послушай, ты это всерьез говорил — насчет девочек?

— Что говорил? — поднимаясь и отряхиваясь, спросил Николай. — О чем?

— Ну, о том, что их, якобы, надо кончать... Ведь это что же ты хочешь, — резать?

— Да чепуха! — раздраженно махнул рукой Николай, — мало ли что можно сбредить со зла! Но вообще-то, боюсь, дела наши — скверные... И не знаю, чем все кончится. Ох, не знаю!

* * *

Наконец Иван ушел — в сопровождении девочек. Оставшись один, Заячья Губа постоял, посвистал задумчиво. И, подняв перевернутую скамейку, уселся на нее, кряхтя.

Только сейчас он понял, как он устал. Ведь за всю эту ночь он даже глаз не сомкнул...

Затем он повернулся к столу и внимательно осмотрел теснившиеся там бутылки. Нашел одну — еще не вовсе опустошенную. Потряс ее, проверяя содержимое. И, запрокинув голову, вытянул из горлышка остаток самогонки.

Крепкая, обжигающая эта влага как бы встряхнула его, вернула ему на время былую бодрость.

— Черт, как все плохо получилось, — подумал он, — и этот бордель, и драка... Что же теперь делать? Конечно, девочонок придется на всякий случай ликвидировать... Чуть погода, не сразу, но все равно — придется! Слишком уж много они тут увидели и услышали... И еще неизвестно, о чем ребята трепались перед ними до моего прихода. Особенно — Серега. Тот-то способен по пьянке черт знает что наболтать...

— И да, кстати. — Николай беспокойно шевельнулся, нахмурился. — Где же он сейчас? Что с ним? Почему он не возвращается?

С тех пор, как Сергей сбежал, прошло уже что-то около часу. И его отсутствие все сильнее и сильнее начинало беспокоить Заячью Губу.

— Куда он, этот чертов псих, подевался? — тревожно размышлял Николай. — Сидит, наверное, где-нибудь поблизости, характер показывает! Или, может, давно уже свалился и спит? Он же, все-таки, был сильно поддавши...

Минуло еще полчаса. Беглец все не возвращался. И тогда

Николай Заячья Губа решил сам пойти в тайгу — на его поиски.

* * *

В тайге царил рассветный полумрак. Полоска зари разрослась, расширилась. И небо над верхушками деревьев уже начало бледнеть... Однако внизу еще гнездилась тьма. Снега покрывали лиловые тени. И к тому же с болот нахлынули низкие, стелющиеся волны тумана. И Николай, выйдя из барака, сразу же окунулся в этот туман по колени, — как в мутную воду...

Он окунулся — и замер, озираясь, прислушиваясь. Потом громко позвал:

— Эй, Серега! Ты где? Брось дурить, возвращайся — помиримся!

Но ответом ему было молчание... Хотя нет, тайга не молчала. Николай отчетливо различал в полутьме какие-то шорохи, вздохи, вроде бы — чьи-то крадущиеся шаги. И даже голоса ему почудились на миг. Но то были голоса нечеловеческие, непонятные...

— Серега, — снова крикнул он, — да где ж ты, черт возьми? Отзовись!

И еще постоял немного. И насупился, соображая: что же делать? Куда теперь идти? Где искать окаянного этого психа?

Может, Серега потопал на прииск? — мелькнула мысль, — в какой-нибудь из двух местных поселков? Но тогда бы он должен был пройти по болотам, по старой гати. А во тьме, в тумане, такой путь — опасен. Да к тому же, Серега почти и не знает этого пути. Он же тут человек новый! И не так уж сильно он был пьян, чтобы всего этого не понять... Нет, нет, он хоть и дурак, но — хитрый. И в трясику, на погибель свою — не сунется. А ведь тут трясику — с трех сторон... Так что у него оставалась одна только дорога — на север. В ту сторону, где расположено стойбище якутов. И где находится Холм Пляшущего.

И, больше уже не колеблясь и не раздумывая, Николай направился к северу.

Он шел, раздвигая коленями мутные клубы тумана. Шел точно так же, как ходят в воде, — осторожно, медленно, ступая почти вслепую...

Однако он двигался все же не наугад — а по старой, утоптанной тропе. И оттого, что снег по сторонам был рыхлый и влажный, нащупать твердую эту тропу можно было даже и не глядя.

Так он шел. И все время со стороны болота доносились какие-то шорохи, вздохи. Там взвивались и таяли смутные тени. И мелькали зыбкие голубоватые огоньки.

*Жестокий, обманчивый мир болот. «Живые» струи тумана.
Страшная находка на Холме Пляшущего.*

Каждая планета имеет свой цвет. Марс, например, красный. Венера — желтоватая. Нашу землю принято считать голубой. Такой цвет придает ей обилие воды... Однако помимо четырех мировых океанов — известных каждому — есть еще на земле и пятый. И он вовсе не голубой, а грязно-зеленый. Ведь именно так на географических картах окрашены топи и болота.

Болота занимают немалое место: ими оккупировано около четырехсот миллионов гектаров. Они разбросаны повсюду. Но если говорить о северном полушарии, то особенно много их за Уралом, в Сибири и, конечно, в Якутии.

«Пятый» этот океан — явление особое, ни с чем не сравнимое. И до сих пор еще мало изученное.

Существует мнение, что болота — это некие язвы на теле земли. Вроде рака, или проказы. Они разрушают почву, губят ее, мешают плодородию. Иногда в них скопляется «мертвая» вода — лишенная кислорода и насыщенная кислотами, и потому отравляющая все живое.

А когда начинается лесной пожар!.. Каждый знает, какое это бедствие. Но особенно страшным бывает он в том случае, если вдруг соприкоснется с районом торфяных болот. Огонь тогда уходит вглубь, под землю, причем пути его становятся неисповедимыми.

В любой момент — и неизвестно где — земля может разверзнуться, как при Апокалипсисе. И вниз, в огненную пропасть, начинают рушиться дома, огороды, люди...

Не мешает здесь также вспомнить и о малярийных комарах, и о гнусе. Вот этот гнус — особенно опасен! Его нередко называют «полярным вампиром». В болотах Оби и Якутии количество гнуса необычайно велико. (Масса его равняется, по средним подсчетам, пяти килограммам на гектар.) И если попытаться представить себе это зрительно, то мы увидим клубящийся, серый, звенящий дым — застилающий тундру и тайгу, и чем-то тоже напоминающий дым пожара.

С приходом лета гнус поднимается над болотами и идет сплошной колышашейся стеною. И яростно преследует оленей и людей. Особенно людей. От него нет спасения. Он набивается в глаза, уши, ноздри, запутывается в волосах, проникает сквозь мельчайшие щели в одежде... Зуд от его укусов нестерпим. Кожа опухает, лицо превращается как бы в кусок сырого мяса. Людьями тогда овладевает неистовство, а животные безумеют.

И не случайно великий путешественник Александр Гумбольдт говорил, что он предпочитает сибирским болотам самые страшные джунгли Ориноко.

Но существует и другое мнение. Суть его в том, что болота не так уж вредны, как кажется. Ибо они являются своеобразными регуляторами климата. Наподобие губок, болота впитывают в себя воду, когда она в избытке и отдают — когда ее мало... И вообще, все явления, происходящие там, наверняка должны быть полезными. И мы попросту не можем их пока разгадать.

А неразгаданных явлений действительно еще много... Взять хотя бы знаменитые болотные огни! Считается, что они связаны с газом метаном. Но как все-таки связаны? Отчего этот газ самовозгорается? И почему он затем дробится на отдельные, голубоватые, тускло мерцающие искры?

Во тьме, по ночам, эти искры затевают с заблудившимся путником опасные игры...

Они как бы манят к себе, поджидают. Однако стоит приблизиться к ним, как начинается странная их пляска. Огни не даются в руки и увлекают все дальше и дальше. И тот, кто за ними погонится — рискует сбиться с тропы и никогда уже не вернуться.

Мир болот, вообще говоря, это мир притворства, мир жестокого лукавства.

Самые красивые места там — изумрудные лужайки, пышные ковры цветов — одновременно и самые губительные. Под каждым такого рода ковром, таится западня. И сходную роль зимою играют чистые, ровные, непорочно-белые поляны.

В таинственном этом мире все не так, как в мире обычном, простом; деревья, к примеру, растут там вверх корнями.

Вода-то ведь в болотах зачастую бывает «мертвая»! А корням необходим кислород. И потому древесные корни устремлены не в глубину — а по горизонтали и ввысь. Они загибаются, корчатся, тянутся к свету.

А кстати, — солнечный свет! Над трясины и топяи он совсем не таков, как в иных местах. Солнце светит сквозь пелену испарений, и оттого кажется расплывчатым, неярким, словно бы гаснущим... Сверкать и лучиться, как обычно, солнце не может; болота даже его принуждают к притворству.

И луна тоже меняет там свою окраску. Пепельный и мрачный цвет ее уже не умиляет, не радует. Наоборот, вгоняет в тоску.

Особенно тоскливым становится лунное сияние на исходе ночи. Когда над болотами заваривается, закипает туман. В мутных клубах его возникают странные видения, маячат какие-то бледные призраки... И, конечно, недаром, лесные жители — славяне — всегда верили в то, что болота населены «нечистой силой». Всевозможными лешими, оборотнями, кикиморами.

И все азиатские племена также были издавна в этом убеждены. По их представлениям, силы зла сосредоточены в

горных ущельях, в лесах и болотах. Днем они, как правило, прячутся, спят. И оживают ночью. И особенно активными становятся — перед зарею... Такая вот предрассветная пора у монголов именуется «Часом Быка». В роковой этот час над миром безраздельно властвуют демоны смерти.

И якуты — родственники монголов — когда-то пришедшие на Север из Центральной Азии, — до сих пор сохранили некоторые верования далекой своей прародинны.

Эти верования были, в общем-то, знакомы Николаю Заячьей Губе. Он же ведь все-таки родился и вырос в Сибири! И пошталался по ней изрядно. И за жизнь свою — за свои тридцать лет — он немало наслушался всяческих жутких таежных сказок... Но все же всерьез ничего этого он не принимал. Религиозно-мистические проблемы его никогда не трогали, не волновали.

Он привык всегда, во всем полагаться только на свою смекалку, на свою хитрость и злость. И твердо верил, что в жизни выигрывает лишь тот, кто способен сильнее ударить и быстрее нажать курок. А это он, кстати, умел! (За поясом его, под фуфайкой, постоянно хранился, грелся крупнокалиберный револьвер). И веря в себя, в свое оружие, Николай привык не бояться ни черта, ни дьявола.

Так он привык. Однако теперь, бредя в полутьме, в клубах тумана, он почему-то чувствовал себя неуверенно, неутожно.

Туман струился вокруг него, свивался в кольца. И постепенно рос, вспухал, доходил уже до груди. Николаю вдруг вспомнилось древнее поверье, будто струи эти — живые. Будто бы туман мохнатыми своими щупальцами может оплести, опутать человека — и внезапно увлечь его в бездну, в гиблую топь.

* * *

Пройдя километра три, Заячья Губа снова остановился. И еще раз крикнул — позвал Сергея. И не дождался ответа.

Впереди, над зубчатой кромкой леса, возвышался зловещий Холм Пляшущего. Черные его очертания явственно проступали на фоне светлеющего неба. Он был уже рядом, и где-то здесь — Николай знал это — тропа раздваивалась.

Один путь вел теперь к вершине холма, а другой — сворачивал к северу, широко огибая возвышенность и выводил, петляя, к стойбищу якутов.

— Вот туда-то, к якутам, Серега и должен был бы побежать, — усмехнулся Николай, — прежде всего, туда! Но он же, гад, хитрый. И наверняка сообразил, что искать мы его будем именно там, в стойбище. А после всего, что случилось, ему, конечно же, не особенно приятно встречаться со мной и с Иваном... Значит, что же? Значит, идти надо — к холму.

Николай закурил. Несколько раз затянулся жадно. И пошагал, отыскивая ошупью то место, где начинается развилка...

И как только он поднялся по пологому склону холма, то сразу же почувствовал облегчение. Туман остался внизу. Наконец-то удалось вырваться из густых, косматых его щупалец! И дорога теперь видна была ясно, отчетливо.

Склон холма был густо покрыт кустарником и усыпан камнями. Среди них попадались весьма крупные валуны. Идти тут надо было осторожно, с опаской. И вот, обогнув один из валунов, Николай увидел невдалеке тусклый, мигающий огонек.

* * *

Спустя минуту, перед ним открылась небольшая полянка, окаймленная зарослями ивняка. Посредине ее горел костер. Вернее — догорал... Пламя совсем уже почти угасло. Ярко светились только угли. И возле этих углей, на куче хвороста, сидел неподвижно Сергей.

Он сидел, ссутулясь, обхватив колени руками и низко опустив голову. Казалось, он спит. Или крепко о чем-то задумался.

— Эй, старик! — окликнул его Николай. — Вот ты где, оказывается. Хорошо устроился! А я тебя ищу, ищу, с ног сбился...

Но Сергей продолжал сидеть все так же неподвижно, оцепенело. Он никак не среагировал на слова Николая. И поза его была исполнена глубокого покоя.

«Дрыхнет, бродяга», — решил Николай. И подойдя вплотную, тронул его за плечо.

Тронул легонько, кончиками пальцев... Внезапно Сергей шатнулся и молча, медленно, начал валиться на бок. Причем, падал он в той же самой позе, в которой сидел до сих пор.

И упав, он так и остался лежать — скорчившись, обхватив колени руками.

И тогда Николай с содроганием понял, что товарищ его мертв.

* * *

Склонившись над трупом, Заячья Губа тщательно осмотрел его и не нашел ни единой раны — ни огнестрельной, ни ножевой.

«Что за чертовщина? — удивился он. — Ведь не мог же Серега тут, у костра, замерзнуть! Или до него и впрямь добрались злые духи? Но нет, это вздор, чепуха...»

Он подбросил в костер охапку хвороста. И при свете вспыхнувшего пламени разглядел, наконец, тоненькую, темную полосу, пересекающую горло Сергея. Теперь все стало ясно. Парня кто-то задушил, — накинул ему на шею веревку или реме-

шок. Очевидно, убийца подкрался сзади, незаметно и сделал дело ловко и быстро — ибо нигде на поляне не было видно никаких следов борьбы... Да, конечно, здесь поработал специалист!

При этой мысли Николай встревожился. Поспешно достал револьвер. Щелкнул курком, огляделся. Но ничего подозрительного не обнаружил.

А огонь, между тем, разгорался все сильнее. И вдруг Николай заметил жестяную помятую кружку, валявшуюся неподалеку от костра — в грязном, талом снегу.

Он подобрал кружку, повертел ее в пальцах, понюхал. И ощутил слабый, едва уловимый, запах чая...

«Ага! — подумал Николай. — Костер этот, стало быть, разводил не Серега. Кружки-то у него с собой не было, — он сбежал налегке! И сюда, вероятно, забрел он случайно. И кого-то встретил невзначай. Возможно даже, и чаек с ним успел попить — поначалу... Но кто же это мог быть? Кто вообще бродит ночами в дьявольском этом месте? Проклятый Холм Пляшущего! Здесь вечно происходит что-то странное, дикое...»

И невольно Николай опять оглянулся. На мгновение почудилось, что кто-то подкрадывается к нему, стоит уже за спиной.

Однако, за спиной его было пусто. Кругом царил нерушимая тишина. И все выше поднималась над тайгой заря, и все бледней и прозрачнее становились тени. Но все же безотчетное чувство тревоги, охватившее Заячью Губу, не проходило, не ослабевало.

Впервые ему стало по-настоящему страшно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПТИЦЫ ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ К СТАРЫМ ГНЕЗДОВЬЯМ

15

*Шумная вечеринка. «Выпьем за роскошную жизнь!» Западный порядок и русский бардак. «Серые Ангелы».
Самый легкий вариант.*

В комнате было душно, накурено. На большом обеденном столе теснились пивные и водочные бутылки, стояли тарелки с закусками. С маринованными грибами и солеными огурчиками. С копченой и вяленой рыбой. С кетовой красной икрой и

осетровой черной. А также — с различными консервированными фруктами.

А вокруг стола размещалась мужская компания из пяти человек.

Гости уже успели крепко нагрузиться и теперь сидели — кто развальясь, закинув ногу на ногу и покуривая, кто облокотясь о стол и лениво потягивая чаек.

Сам хозяин дома, Наум Самарский (полный, рыжеволосый, с мягкими, обвисшими щеками), возился возле радиолы, менял пластинку.

Наконец, в радиоле что-то щелкнуло, и затем полилась визгливая, нервная, надрывная музыка.

— Последняя английская новинка, — объявил Наум. — Биг-Бит! Самый западный шик!

И добавил, потирая пухлые белые ладошки:

— Давайте-ка, братцы, выпьем еще раз — за роскошную жизнь!

Сейчас же один из гостей, коренастый, грузный, с бритым наголо черепом, спросил:

— За роскошную жизнь — где? Там, на Западе, или у нас?

— Да какая тебе, Станислав, разница? — усмехнулся Наум. — В мире все ведь одинаково. Везде! Одни люди хлеблют дерьмо — и таких большинство. А некоторые, удачливые, предпочитают икорку... Так выпьем за удачливых!

— Это можно, — потянулся Станислав к бутылке. — Но все же, ты не равняй... На Западе даже и дерьмо поприличней.

Он выпил и крепко сморщился.

— Ох, надоело мне наше убожество; этот наш русский бардак!

— А чем же тебе тут плохо? — спросил его другой гость, костлявый, худой, в больших квадратных очках. — Устроен ты — лучше не надо. Вот сидишь, жрешь икру столовыми ложками.

— Ах, да причем здесь икра, — возразил Станислав и бросил ложку на скатерть. — Я не о ней, я — вообще...

— Да и вообще... Служишь ты главным бухгалтером треста, зарплату получаешь огромную. И квартира тебе предоставлена со всеми удобствами. А кроме того, есть еще и дача — почти бесплатно. Это все — за счет государства! Ну и мы тоже кое-что подкидываем... Кстати, ты сколько лет уже с нами? Пять?

— Четыре с половиной года.

— Ага! Значит, у тебя, по самому скромному расчету, должно быть уже накоплено что-то около миллиончика — а то и поболее... Ведь так?

— Ну, допустим, — нахмурился Станислав, — и что? Все равно я живу, как заяц. Всех боюсь. Проклятая страна!

Все время жду, когда ночью вдруг придут — позвонят в дверь.

— Так и на Западе — в любой стране — тоже могут прийти, позвонить, — воскликнул Наум. — Черный рынок везде под запретом. И за такие дела, как наши, — особенно, за такие, — по головке нигде не гладят.

— Но там хотя бы судят не очень строго. Там всегда есть возможность выкрутиться... А у нас разговор короткий. Сразу — к стенке... Помнишь дело Файбыщенко и Рокотова? Вот то-то.

— Да, конечно, — медленно проговорил человек в очках, — у нас больше риска. И все гораздо сложнее... Но если уж ты так веришь в Запад — давай, отваливай! Уезжай!

— Я бы не отказался... Но — как?

— Ну, по-моему, тут все просто... Сейчас выпускают многих.

— Многих, да не всех!

— Но все-таки, уехать, при желании, можно. Надо только похлопотать, пошустрить маленько... И уж, конечно, денег жалеть нельзя. Да ведь у тебя, в этом смысле, нет никаких проблем.

— Проблема — в другом, — сказал Станислав. — Стоит мне только подать заявление о выезде, как сразу же я попаду под особый контроль КГБ. А это — не обычная наша милиция! Там, брат, мастера! И еще неизвестно, дадут ли мне визу, нет ли, но за одно я могу поручиться: в КГБ мгновенно перетряхнут всю мою биографию, просветят меня насквозь — как на рентгене. И на этот снимок, возможно, попадете вы все.

— Групповой рентгеновский снимок, — протяжно проговорил Наум, — какой кошмар! — И он опять усмехнулся. — Какое противоестественное явление!

— Ну, ладно, — перебил его человек в очках. — Можно, в крайнем случае, обойтись и без рентгена... За кордон ведут разные пути.

— Это — как в шпионских фильмах, что ли?

— А почему бы и нет? — сказал небрежно человек в очках. — Потолкуй-ка вот с Ованесом... Ованес, хоть и не шпион, но знает, как все это делается.

И он, поворотившись, похлопал по плечу своего соседа — жирного, смуглолицего, со сросшимися бровями, с узенькой полоской усов над пухлыми, восточными, вывороченными губами.

— Мой друг с Кавказа. А там, учти, — границы с Турцией, с Ираном... Самые легкие, в сущности, границы!

— Не такие уж они и легкие, — разлепил Ованес толстые, лиловые свои губы. — Не преувеличивай, Григорий... Но конечно, если надо — какой разговор! Провести всегда можно. Наши люди там ходят.

— Но такой путь меня как раз и пугает, — сказал Станислав. — Я уйду — а как же семья? У меня ведь две дочери, сын. Большая жена. И к тому же — дед, еще вполне бодрый... Что же с ними со всеми будет? И, главное, что потом будет со мной?

Кожа на обритом черепе зашевелилась, покрылась потом. Лицо помрачнело.

— Оказаться на чужбине одному, — тоскливо проговорил он, — без семьи, без надежных друзей. И не зная ни языка, ни обычаев... Ох, нет. Это страшно. Это — все равно что умереть и потом заново воскреснуть — неизвестно где, когда и зачем?

И опять наполнив свой стакан, Станислав опрокинул его в горло — одним рывком, почти не глотая.

В этот момент в разговор вмешался четвертый гость — рослый, спортивного типа, со светлыми, почти белыми глазами.

— Был бы ты, Стасик, помоложе, — сказал белоглазый, — ты бы рассуждал совсем по-другому... А еще лучше, если бы ты оказался евреем, вот как наш Наум!

— Ну, тогда, — вздохнул Станислав. — Тогда конечно... Выправляй себе израильский паспорт — и кати! А кстати. — Он пристально посмотрел в глаза Науму. — Почему же ты этой возможностью до сих пор не воспользовался? Мне вот тут дают всякие советы... А ты и без них можешь обойтись. Можешь уехать запросто, законно.

— Почему? — переспросил хозяин дома. — Да по многим причинам...

Он поднял налитый стакан. Повертел его задумчиво. И не выпив, поставил на стол.

— В частности, по тем же самым причинам, о которых ты говорил.

— Но ты же в Израиле будешь среди своих! Почти что у себя дома... И кроме того, ты мог бы взять с собою всю семью.

— При чем тут семья, — досадливо отмахнулся Наум. — У меня ее, между прочим и нету. Да это и не важно. Мы бизнесмены! Причем, подпольные! И, хочу заметить, русские! Именно, русские — несмотря на все национальные различия.

— Ну и что?

— А то, что наш, российский подпольный бизнес никак не совпадает с западным, понимаешь? И мы сами, по характеру, — тоже... Там, на Западе — ты это правильно подметил — все для нас чужое. И от этого мы не выигрываем, наоборот... Ну-ка скажи, можешь ли ты мне назвать хоть одного Ротшильда, вышедшего из среды нашей, отечественной эмиграции?

— Да вроде бы, нет. Что-то не припомню.

— И не старайся припоминать — бесполезно. Все наши

дельцы... Ну, почти все... они кончали за границей плохо. Разорялись, спивались, впадали в ничтожество.

— И почему же, как ты думаешь? — любопытно спросил белоглазый.

— Потому что мы все, в принципе, годимся не для того, чтобы там зарабатывать деньги, а для того, чтобы их тратить!

— Что ж, — сказал Станислав, — у тебя с деньгами тоже ведь нет никаких проблем... Поезжай — и трать.

— Нет, — сухо сказал Наум, — тратить еще рано. Еще не время. Пока что я хочу подзаработать побольше... А сделать это я могу только здесь, в нашем российском бардаке.

* * *

Минула полночь. Вечеринка кончилась. Станислав ушел. И с ним вместе — белоглазый... Наум тотчас же выключил музыку и, в наступившей тишине, он и его друзья некоторое время сидели молча.

Все они сразу посерьезнели, как бы вдруг постарели лицами. Затем Григорий сказал, обращаясь к хозяину:

— Это точно — насчет камушка с Радужного?

— Мне Надя сказала. А ей я верю! Как-никак, мы с ней уже третий год работаем вместе. И она еще ни разу меня не подводила.

— У вас что же, любовь? — с любопытством спросил Ованес.

— Да вроде бы, — пробормотал Наум. — Но прежде всего, мы — деловые партнеры.

— То, что ты ей веришь — хорошо, — помолчав, проговорил Григорий. — Но все-таки, она ведь могла как-то ошибиться, спутаться, а? Ты не находишь? Могла что-нибудь понять не так...

— Да нет, вряд ли. Она умеет не только давать — но еще и слушать... Причем она, при всей своей сексуальности, никогда не теряет головы! А Старый Грач в нее влюблен и ничего от нее не таит. И это, в общем, понятно. Разве перед такой бабой устоишь?

— Н-да, пожалуй, — сказал человек в очках. — Красивая баба в нашем деле — неоценимый клад... Но я почему так допытываюсь? Больно уж серьезное дело тут наклеивается. Нешуточное дело. Сейчас на международном рынке, учти, особую ценность приобрели окрашенные камни. Цветные! На первом месте, естественно, стоят — красноватые. Затем идут голубые и зеленые. А вот желтоватые, «чайные», напротив, проигрывают, уступают в цене бесцветным. В чем тут дело — трудно понять. Может быть, просто — каприз моды? Но нам, в конце концов, это все до лампочки. Главное вот что: хорошие цветные алмазы, в том числе и такие, как камушек с Ра-

дужного, стоят раза в три дороже обычных...

— Особенно, если они умело огранены, — добавил Ованес, — если они, скажем, сделаны в форме «сердца» или «принцессы», или же «розы»!

— Эх, да что — огранка, — нетерпеливо проговорил Григорий. — Клиенты нам платят за сырье, за камни... А гранильщики пускай они сами находят. Это вообще дело второстепенное.

— Не знаю, не знаю, — медленно сказал Наум. — От настоящих, талантливых гранильщиков зависит многое... Они могут творить чудеса.

— Ну, а этот Грач, — спросил Ованес, — он на кого же работает?

— На хабаровскую организацию, — пояснил Наум. — И, по-моему, связан с ней крепко.

— Но послушай, неужели же нельзя ему объяснить, объяснить просто, прямо, без обиняков, что самые богатые покупатели — это люди из Армении, Азербайджана, Грузии. У нас он может сорвать крупный куш...

— Объяснить можно, да что толку? — вяло проговорил Наум. — Даже если бы Грач и захотел переметнуться — вряд ли бы у него это вышло... Когда я говорю о хабаровской организации, то имею в виду не какую-нибудь шпану, а «Серых Ангелов».

— «Серые Ангелы», — всплеснул Ованес руками, — ай-ай-ай... Да, это серьезно!

— «Серые Ангелы», — как эхо повторил человек в очках. — Вот, черт возьми... Когда ж он с ними успел? Н-да... Раз уж появились «Серые», нам надо отходить в сторону.

* * *

Заговорили о пресловутых «Серых Ангелах», — и разговор этот был долгим. Но мы здесь постараемся изложить лишь самую суть. Дело в том, что эта организация возникла в результате великой кровопролитной «Сучьей войны», охватившей российский преступный мир в середине сороковых годов и продолжавшейся вплоть до конца шестидесятых...

Одна часть уголовников начала тогда активно сотрудничать с властями, с тюремной и лагерной администрацией. Другая же (таких называли «законниками») объявила отступникам войну и прозвала их «суками»... Но как раз в ту пору образовалась еще и третья группа, о которой мало кто знает.

Люди этой группы устранились от обеих враждующих сторон. И именно потому им и присвоили прозвище «Серых Ангелов».

Вообще говоря, название это родилось на основе религиозной легенды о грандиозном сражении между Богом и Сатаной.

На стороне Бога бились белые ангелы, на стороне Сатаны — черные... Весь мир был, таким образом, расколот надвое. Однако, нашлись все же и другие ангелы — не белые и не черные — которые не захотели подчиняться никому и выбрали среднюю позицию... Вот какова легенда. Ну, а поскольку блатные любят всякие мистические ассоциации, и религиозная символика у них в большой моде¹, то название «Серые Ангелы» привилось к этой третьей гребне легко. И осталось поныне.

«Серые» явились, в сущности, первой в России организацией, по-настоящему, всерьез, совпадающей с традиционной западной мафией; отчетливо похожей на американские «синдикаты преступников».

Отлично законспирированные, спаянные жесткой, почти военной дисциплиной, они обосновались у восточных границ государства — рядом с Китаем и Японией, и неподалеку от Америки. Там они успешно обслуживали спекулянтов и контрабандистов. И занимались другими темными делами. У них имелась своя собственная разведка, своя секретная служба, нагоящая на сведущих людей побольше страху, чем даже КГБ.

* * *

— Надо отходить в сторону, — повторил с беспокойством человек в очках, — связываться с этой публикой опасно...

— Постойте-ка, братцы, — сказал вдруг Наум и щелкнул пальцами. — У меня возникла одна идея... К чему нам, в общем-то, Грач? Дело ведь не в нем. От нас что требуется? Обеспечить клиентов камнями, раздобыть сырье... И мы теперь знаем, где это сырье находится. Знаем, в чьи руки оно попадает — к какой банде принадлежит...

— Но во главе этой банды — Заячья Губа, — поднял палец Ованес, — опасный тип, тоже связанный с «Серыми». Не забывай!

— А-а-а, плевать, — отмахнулся Наум, — перед «Серыми» у нас имеется преимущество... Мы уже добрались до ихней тайны, а они пока еще о нас не знают.

— Ты так думаешь? — кривя губы, сказал с сомнением Григорий.

Он снял очки и долго протирал их... И затем:

— Ну, ладно. И что же ты, конкретно, хочешь предложить?

— Надо натравить на эту банду — другую, — сказал Наум. — Вот самый легкий вариант! Пусть они там режут друг

¹ Вот, к примеру, несколько воровских кличек, в свое время прогремевших по России: Жокей Смерти, Архангел с Овчинными Крыльями, Царь Ночи-Яков... А также — названия крупных банд: «Черная Кошка», «Ангелы Мести», «Белые Саваны». (Прим. автора).

друга... А мы, что бы ни случилось, останемся в тени, за кулисами. Ты понимаешь? К нам никто потом не сможет предъявить никаких претензий.

— Что ж, идея неплоха, — медленно проговорил Ованес. — Но для этого нужны подходящие люди... У тебя они есть сейчас?

— Есть! — Наум обвел друзей заблестевшим взглядом. — В том-то и дело! На следующей неделе должны освободиться из местного лагеря два моих знакомых парня. Так вот, я могу им передать записку...

— Ты с ними давно знаком?

— Да уж лет восемь... Когда-то я работал на Украине, а они оба родом — оттуда. Ну и мы, так сказать, общались. Я иногда скупал у них ценные вещишки, золотишко, то да се...

— Чем же они промышляли?

— Один, по кличке «Малыш», был, по-моему, майданником, железнодорожным вором, а другой, «Портвейн», — налетчиком. Грабил на улицах, по ночам. В общем, это — типичные урки. Свирепые, безжалостные, не знающие колебаний. И за приличное вознаграждение они, естественно, пойдут на все.

— И как же ты здесь с ними снюхался?

— Так ведь они, повторяю, попали в местный лагерь! Это недалеко отсюда — под Покровском. А там строится большой деревообделочный комбинат. Ну, и я как-то раз совершал там инспекторскую поездку — и случайно с ними встретился... Увидел эти морды — сразу узнал. Да разве их забудешь! От одного их вида, честное слово, страшно становится...

— Так-так-так, — оглаживая жирное лицо, проговорил Ованес. — Идея неплоха! — Он быстро, коротко, глянул на Наума из-под тяжелых, полуопущенных век. — И ты, стало быть, уверен...

— Абсолютно, — сказал Наум. — Ребятам, во-первых, нужна будет добыча. А во-вторых, Малыш пойдет на дело не только из корыстных соображений, но также и из-за мести.

— Кому ж он там собирается мстить?

— У него, если я не ошибаюсь, имеются какие-то личные счета с Игорем Беляевским — помощником Заячьей Губы.

16

*Малыш и Портвейн. Незнакомая родственница. Пьянка.
Насилие. Смерть — не беда, а благо...*

В покровском лагере утро начиналось, как обычно. Зевая и пожевываясь, выходили из бараков заключенные. Их гнал наружу гулкой прерывистый звон, — это дежурный бил в чугунную доску... Некоторые из эков застревали по пути возле

помоек, копошились там, вяло переругиваясь. Другие скапливались у дверей медпункта. Но основная их масса медленно — серыми ручьями — стекалась к вахте. И там, на площадке, перед огромными лагерными воротами, бурлила густая, многотенная толпа.

Готовясь к выходу на работу, строились бригады. Суетились надзиратели. Сквозь неразборчивый гомон и гул прорезалась сочная матерщина, и слышались резкие командные выкрики... Словом, все было, как обычно. Однако этот заведенный издавна «порядок», не касался нынче двух человек — Мальша и Портвейна.

Вызванные к начальнику лагерной канцелярии, они стояли в большой, светлой комнате возле окошка. За оконными стеклами мотались верхушки листьев, обагренные рассветом. Начинаясь день — и это был день Свободы! И потому разноголосый лагерный шум, долетавший сюда, уже не интересовал, не трогал урок; они думали о другом...

Вплотную к окну был придвинут канцелярский стол, заваленный всякими бумагами. И за ним, расставив локти, сидел пожилой, толстолицый человек в лейтенантских погонах — выписывал временные удостоверения личности (какие выдаются всем, выходящим из заключения). Лейтенант неторопливо поскрипывал перышком и изредка поглядывал на стоящие перед ним фигуры.

Мальш, несмотря на свою кличку, был на редкость высок и массивен, с мощной грудью, с низким заросшим лбом и тяжелым подбородком. По сравнению с ним, Портвейн выглядел щуплым и невзрачным, и хотя они были одного, приблизительно, возраста, он казался значительно старше.

Старила его широкая лысина и почти полное отсутствие зубов — частью выбитых в драке, частью выпавших от цынги... Костлявое, испещренное морщинами лицо его было живым и подвижным, как у обезьяны. Одна гримаса постоянно сменялась другой. И сейчас, нетерпеливо наморщась, он сказал:

— Эх, товарищ начальник! Да не тяните вы, за ради Бога! Пишите побыстрей!

— Нет, пока еще я тебе не товарищ, — отвечал, взмахнув пером, лейтенант. — И ты меня не подгоняй — стой смирно. Вот выйдешь на свободу — другое дело... Тогда сможешь называть меня, как хочешь. Хотя и тогда тоже неизвестно, как получится...

— А как же может получиться? — с веселым удивлением спросил Портвейн. — Это на что же вы намекаете?

— На то, что ты честно работать-то ведь не любишь... Ты же вор! Значит, и на свободе у нас тоже дружбы не получится.

— Вы меня, гражданин начальник, обижаете. — Портвейн притворно вздохнул и потупился. — Я, конечно, человек грешный... Но почему вы решили, что я не люблю работать?

— Ну, если бы ты любил — ты и здесь бы старался... И, между прочим, мог бы освободиться годика на два раньше.

— Так я же здесь на лесоповале вкалывал, — шепеляво произнес Портвейн. — А это адская работа! Комли-то у деревьев толстые — в два обхвата... Много ли тут напилишь? Вот если бы деревья росли верхушкой книзу — другое дело. Я бы давно стал чемпионом!

— Да ты и так уже чемпион, — усмехнулся лейтенант. — Только в другом плане... У тебя сколько фамилий?

— Как, то есть, сколько? Одна...

— Не ври. Не одна — а десять! Таких, как ты, фокусников можно в цирке показывать. Ведь это ж надо ухитриться! Каждые четыре года — новая фамилия с новой биографией.

Лейтенант оглядел стоявших перед ним блатных и добавил брезгливо:

— В сущности, вы оба — одинаковые фокусники-иллюзионисты...

— Но сейчас-то вы мне какую фамилию ставите? — забеспокоился Портвейн.

— Последнюю, — сказал лейтенант, — ту самую, по какой тебя судили. Помнишь, небось? Аркадий Ярошенко — ведь так?

— Так...

— Ну вот и порядок. А теперь помолчи-ка, гражданин Ярошенко. Не мешай работать.

— И верно, старик, кончай базарить, — сказал Малыш и положил на плечо товарищу тяжелую свою лапу. — Не отвлекай начальничка. Чем скорее он окончит эту возню — тем нам же лучше.

Но начальник окончил возню с бумагами не скоро... И когда друзья вышли, наконец, из ворот лагеря, солнце стояло уже высоко.

Охранник, выпускавший их на волю, сказал, подмигивая:

— Тебя, Малыш, какая-то родственница дожидается.

— Какая? — удивился Малыш.

— А уж это тебе лучше знать.

— Да как она хоть выглядит?

— В клетчатом платке, в фасонных сапожках... Вообще, бабечка — первый сорт. У нее что спереди, что сзади, все на месте! Даже как-то завидно... Ты бы хоть дал адресок, указал, где такие «родственницы» водятся.

* * *

Урки вышли из ворот, оглядываясь, ища женщину в клетчатом платке... И почти сразу же увидели ее. Она стояла метрах в пятнадцати от лагерной зоны — курила и нетерпеливо постукивала каблучком.

— Она что же, действительно твоя родственница? — за-

вистливо спросил Портвейн.

— Да откуда? — ответил гигант. И вдруг, покривившись, всхлипнул по-детски. — Я же детдомовец. Круглый сирота.

Но тотчас же он улыбнулся, заметив, что незнакомка решительно направляется к ним.

— Но если это все же моя сестричка, — сказал он, — я от нее не откажусь. Не-ет, не откажусь... Ты только глянь, как она идет! Ах, как идет, падлюка! Не идет — плывет.

— Не идет — танцует, — поправил Портвейн.

Женщина приближалась, слегка покачивая бедрами, — легкой, танцующей походкой. И друзья наблюдали за ней с восхищением.

Подойдя к ним вплотную, она произнесла торопливой скороговорочкой:

— Здрасьте, мальчики. Меня зовут Надя. Я — от Наума Самарского... Давайте-ка быстренько смоемся отсюда, а то на нас глазуют со всех сторон.

— А куда пойдём-то? — игриво спросил Малыш. — А, сестричка? Куда?

— В Покровск, — ответила она. — Там для вас уже квартирка приготовлена. Уютненькая. Со всеми удобствами.

И не оглядываясь, Надя пошагала в сторону села, крыши которого виднелись неподалеку...

Она знала, что два этих диких парня будут теперь идти за нею покорно, куда бы она их не повела; будут идти, как два кобеля за весеннею сукой.

Она не оглядывалась — но как бы видела выражение их лиц. И знала, о чем они думают. И чувствовала спиной их жадные, нетерпеливые, шарящие взгляды... И это не было ей неприятно.

* * *

Покровск — село старое, большое. Расцвет его был связан с золотой лихорадкой, которая началась в середине прошлого века. Затем, спустя сто лет, вспыхнула новая лихорадка — алмазная. И село еще больше расширилось, изменилось. По окраинам его выросли стройки и лагеря. И кое-где, над бревенчатыми избами, поднялись бетонные коробки современных стандартных зданий... Вот в одной из таких коробок как раз и помещалась та уютная однокомнатная квартирка, которая была приготовлена для Малыша и Портвейна.

Когда они вошли в квартиру, Надя аккуратно, на все запоры, затворила наружную дверь. Сказала: «Раздевайтесь, будьте как дома». И упорхнула на кухню.

Друзья повесили на крючок грязные, рваные, лагерные бушлаты. Потом, осторожно ступая, прошли в комнату. И расположились за круглым столом. Стол был покрыт чистой клетча-

той скатертью — и вообще, все вокруг блистало здесь непривычной, смущающей чистотой.

Мальш посидел, поерзал на скрипучем стуле. И погода, позвал:

— Эй, сестричка, ты где?

— Иду, иду, — певуче отозвалась Надя, — все уже готово.

И вскоре она появилась, держа в одной руке тарелку с солеными огурцами, а в другой — большую глубокую сковороду, где пузырилась и шипела яичница с колбасой.

— Ага! — потирая ладони, сказал Малыш. — Это дело. Это ты правильно...

И друг его добавил, наморщив губы в улыбке:

— Теперь одного только не хватает...

— Есть! — сказала Надя, — все это для вас есть! Открой-ка вон тот шкафчик.

Минуту спустя, на скатерти уже стояли, поблескивая, бутылки с водкой и пивом. Начался пир. Разлив водку по стаканам, Надя произнесла торжественно:

— Ну, со свободой вас! С праздничком! И с большими делами!

Она подняла свой стакан, отхлебнула чуть-чуть и отставила. Но Малыш сейчас же сказал, придерживая ее за руку:

— Э, нет, это не пойдет. Пей все. Сразу!

— Но я так не привыкла, — возразила Надя, — не умею...

— Ничего. С нами научишься. Учти, водку в стакане оставлять нельзя — плохая примета.

Она осушила стакан. Раскраснелась, повеселела. Потянулась к закуске... И немного погода, Малыш налил ей снова. И опять заставил выпить все до дна. И только потом, после третьей порции, спросил, придвигаясь:

— О каких это «больших делах» ты говорила? Чего от нас хочет Наум?

— Он велел передать вам инструкцию, — проговорила она слабым шатким пьяным голосом. — Если вы согласны — то остаетесь. Если нет — можете выпить и уходить... Но сначала прочтите-ка вот это!

И достав из-за выреза корсажа небольшой конверт, Надя протянула его Малышу.

Вскрыв конверт, Малыш внимательно прочел инструкцию. Передал ее Портвейну. Затем они оба закурили, задумались...

— Бумагу сжечь, — напомнила Надя.

— Да знаем, знаем, — ворчливо произнес Портвейн, — помолчи пока.

Поворотясь к товарищу, Портвейн пристально посмотрел на него — вопросительно поднял брови. Малыш нахмурился и медленно кивнул. Тогда Портвейн сказал, обращаясь к Наде:

— Что ж, лады. Остаемся... Одно только мне не нравится. — Он щелкнул по бумаге ногтем. — Наум пишет, что дает

нам два дня отдыха, но требует, чтобы мы сидели здесь взаперти, не выходили, нигде не показывались. Это еще почему? Мы же ведь не в бегах...

— Так а чего вам выходить? — сказала Надя, — у вас все здесь есть — и харчи, и выпивка... И имеется, между прочим, новая одежда и оружие — для тайги... Словом, все, все! Это не квартира, а настоящий рай.

Надя говорила вроде бы толково, правильно. Но было заметно, что она с каждой минутой хмелеет все больше и больше.

— А квартирка-то чья же? — поинтересовался, оглядываясь, Малыш. — На притон, вроде бы, не похожа... Слишком уж чистенькая... Уж не твоя ли?

— Да нет, тут живет какой-то приятель Наума, — сказала Надя.

— А ты где же?...

— В Якутске. И мне уже пора возвращаться. Я сделала все, что надо... Прощайте, мальчики.

Она поднялась с трудом. Шагнула к дверям. И покачнулась... И встала, ухватясь за спинку стула.

— Говоришь, сделала все, что надо? — спросил, вытягивая губы, Малыш. — Не-ет, погоди-ка.

— И обняв Надю за талию, он привлек ее к себе и посадил на колени.

— Осталось еще кое-что...

— Что же? — прошептала Надя. — Ой, пусти!

Она дернулась, попыталась вырваться — и затихла... Ей было понятно, чего от нее хотят. И она чувствовала, что сопротивляться уже не в силах. И это чувство наполняло ее бессильным гневом и, одновременно, какой-то странной, сладостной жутью ожидания...

— Ты, главное, не бойся, — бубнил Малыш, расстегивая ей платье. — Ничего страшного не случится. Нас же ведь только двое! И ты таких ребят еще не пробовала, за это я ручаюсь. Может, после нас ты никого другого и не захочешь... Да и куда ты сейчас пойдешь? Ты же пьяненькая. Давай-ка я тебя отнесу на диван.

* * *

Урки продержали Надю весь день... Что ж, она действительно таких ребят еще не пробовала. Несмотря на свой, весьма богатый опыт, она никогда еще не попадала в руки людей, долгие годы проводивших без женщин. Малыш и Портвейн были неутомимы и трудились изо всех своих сил. А сил у них — особенно у Малыша — хватало на десятерых...

И когда она в конце концов освободилась, то над селом голубели, сгушаясь, сумерки, и землю испещряли плотные тени.

Выйдя из подъезда, она достала папироску. Закурила — затянулась глубоко и жадно. И медленно побрела к автобусной станции.

Станция находилась метрах в ста от дома, на другой стороне улицы. И пройдя немного, Надя сошла с тротуара и ступила в уличную липкую грязь.

После крепкой утренней выпивки прошло уже немало времени, но она по-прежнему чувствовала себя слабой и хмельной. И походка ее была сейчас не легкой и танцующей, а какой-то усталой, нетвердой, расхлябанной.

И когда из-за угла вырвалась вдруг мчащаяся на бешеной скорости машина, Надя не заметила ее вовремя и не смогла увернуться от колес.

Так погибла эта женщина. Когда гибнет красота — всегда жалко. Но в данном случае обстоятельства сложились так, что смерть для Нади явилась не бедою, а благом.

Да, да, именно благом! Ибо в этот самый день и в этот вечер Надю по всему Якутску уже разыскивали «Серые ангелы»... И если бы она явилась домой — она была бы сразу же схвачена.

Тайная организация убийц вынесла ей свой приговор... Но уничтожить ее должны были не сразу и не просто, а только после того, как будет выяснено все, что касается подпольных ее связей... Так что она, угодив под колеса, в сущности легко отделалась. Смерть ее не была хотя бы мучительной и наступила мгновенно.

И к тому же Надя, погибнув, спасла жизнь многим людям. Прежде всего — Науму Самарскому. И его друзьям. И спасла также жизнь Малышу и Портвейну. Блатные остались, уцелели, хотя и неизвестно — надолго ли?.. Как бы то ни было, с внезапной ее смертью оборвались различные ниточки из того клубка, который уже начали помаленьку раскручивать «Серые».

17

Разговор у костра. Долгая история. Дым над тайгой.

— Эй, старик, послушай-ка, — сказал, развалившись у костра Портвейн, — я вот чего не пойму... В своей инструкции Наум писал, что с алмазами, дескать, связан каким-то образом Игорь Беляевский, по кличке Интеллигент. И что это, мол, должно сильно заинтересовать Малыша — то есть тебя... Но что же тут для тебя особенно интересного?

— Н-ну, что... У меня с Интеллигентом свои счета, — медленно, с натугой, проговорил Малыш. — Хочу один должок с него получить. Ох, хочу!

— Какой должок?

— Старый...

— А ты знаешь, — помолчав, сказал Портвейн, — ведь я слышал об Интеллигенте. Это классный вор. Он, кажется, родом из Полтавы?

— Точно, оттуда.

— Имя его, помню, гремело...

— Да, гремело. Покуда он, сука, не завязал.

— Так он, значит, завязавший? Вот странно. Зачем же он опять полез под землю? Завязавшие должны ходить по поверхности; осторожно ходить, без шороха...

— А хрен его знает, — пожал Малыш могучими плечами, — разве этого Игоря поймешь? Он всегда был каким-то мутным, с вывертами, с зигзагами. У меня к нему много всяких вопросов... И вот теперь, когда я его прищучу, поставлю под нож, — он мне все расскажет... Как на духу, как в церкви!

— Ну, а что же, все-таки, между вами произошло?

— Это долгая история.

— А ты — в двух словах.

— В двух-то вряд ли получится... Но если не тянуть, не размазывать сопли... Ладно, попробую.

Разговор этот происходил перед вечером, в оленекской «черной» тайге, неподалеку от Холма Пляшущего.

Урки добрались до этих мест сравнительно быстро, легко.

Наум Самарский сумел каким-то образом достать им места в самолете, идущем спецрейсом на Оленек. И они спокойно пролетели надо всей почти Западной Якутией... А от села Оленек до прииска Радужный им оставалось пройти всего лишь сто километров. И этот путь среди болот, в диких зарослях был, конечно, не легок. Но все же друзья и его одолели без особых хлопот, ибо вел их опытный проводник-тунгус, которого где-то сумел раздобыть все тот же неутомимый Наум.

Проводник за пять дней довел их до того места, откуда уже видна была вершина знаменитого холма... И там, торопливо простившись с ними, повернул и сгинул в болотных зарослях. Однако урки были теперь спокойны. У них имелся детальный план этой местности, им все было ясно: куда дальше идти и что потом делать.

Но прежде всего следовало хорошо отдохнуть! Они выбрали место посуше, развели костер. Потом закусили и выпили. И разлеглись беззаботно.

Смолистые, влажные, лиственничные ветви горели жарко, трескуче. От костра веером сыпались искры. И друзья время от времени стряхивали с одежды багряные, жгучие эти брызги огня.

Одежда у обоих была новенькая, и выглядели они теперь неузнаваемо — в пестрых свитерах, в стеганых ватных куртках, в прорезиненных блестящих плащах и высоких болотных

сапогах. Выглядели уже не драными лагерниками, а типичными геологами, изыскателями, — каких много шатается по тайге в наши дни.

* * *

— Ладно, — сказал Малыш, — попробую... Значит, дело так было. В 1965 году я освободился из колымских лагерей вместе со своим корешком Олегом. Кличка у него была Копыто... И тогда же вышел на свободу этот самый Игорь. И еще кое-какие ребята. Словом, компашка подобралась неплохая, веселая. Все, как один, родом с Украины. Ну, а раз так, то мы все вместе и поехали. А Интеллигент, как самый авторитетный, стал у нас заместо атамана... В общем-то, на эту роль никто его не выбирал — он сам себя выбрал. И в дороге, понимаешь ли, он нас всех вот так зажал. — Малыш стиснул огромный свой кулак. — Всю дорогу твердил одно: в поездах, мол, шkodить нельзя! По мелочам нельзя разбазариваться! Надо, мол, до Украины доехать тихо!

— А зачем ему понадобилась такая дисциплина? — спросил Портвейн, подбрасывая сучья в огонь.

— Да он вроде бы хотел сколотить на Украине свою банду, — сказал Малыш. И добавил, поигрывая бровью: — Берег нас для крупных дел.

— Ах, так. Ну и что же потом? Значит, вы ехали...

— Да... И потом нам надоела эта дисциплина! И мы с корешом не утерпели — отвернули один уголок.¹ Уголок с хорошей начинкой, с рыжьем.² Хотя, надо признаться, работенка получилась не очень-то чистой... Начался шухер. Пришлось этот проклятый уголок сбрасывать с майдана³ на ходу. Хорошо еще, что мы уже подъезжали к Полтаве, и майдан шел не быстро... Ну, ты сам знаешь: раз товар сброшен — кто-то должен за ним прыгать... И получилось так, что спрыгнул сам Интеллигент. Но перед этим он дал нам адресок одной городской малины. Там мы должны были встретиться... И туда мы потом и прихилили. И стали ждать. И вот, ждем час и другой, и третий... А его все нет и нет. Тогда мы еще ничего не подозревали — а просто беспокоились. Ведь в таких делах всяко бывает. Парень мог расшибиться, или его могли повязать мусора... Но, наконец, он явился. И, представь себе, — с пустыми руками!

— Сказал, что не нашел? — скорчил насмешливую гримасу Портвейн.

— Нет, сказал, что — отдал... Просто-напросто, взял и отдал чемодан в руки хозяйки. Она, вроде бы, оказалась

¹ Угол — чемодан. (Прим. автора).

² Рыжье — золото. (Прим. автора).

³ Майдан — поезд. (Прим. автора).

его старой знакомой... Ведь он же родом из того самого города! Ну и вот — пожалел.

— По-жа-лел? — возмущенно сказал Портвейн, — да как он мог? Как посмел? Он же должен был знать, что по закону любая покупка¹ принадлежит поровну всем партнерам. И без их согласия...

— Да знал он все это, знал, — махнул рукой Малыш, — на то он и Интеллигент! Но слушай дальше. У нас, конечно, начался спор. Копыто полез было в драку... А затем Игорь ушел. Обиделся, понимаешь ли. И спустя полчаса после его ухода, в малину нагрнули мусора. И всех нас замели подчистую.

— Спустя полчаса? — пробормотал, поджимая губы, Портвейн. — Любопытное совпадение.

— То-то и оно. Мы все, когда сидели за решеткой, призадумались. Это что же получается? В дороге он мешает нам, дисциплину заводит. Потом возвращает украденное... А потом, по горячим его следам, приходит в притон милиция. А, каково? Прямо, по горячим следам!

— Значит, ты хочешь с ним поквитаться за все за это?

— Да как тебе сказать... В этом-то блатные вроде бы разобрались. И впоследствии простили Игоря. Выяснилось, что мусоров навел не он, а один местный фармазонщик...² Хотя история эта все равно какая-то темная. Ведь фармазонщик, я знаю, долгое время работал со старым игоровым дружкой, Костей. Так что тут тоже есть над чем поразмыслить. И с решением полтавской кодлы я не совсем согласен. Но главное — в другом...

Малыш умолк. Глаза его сузились. На скулах заиграли желваки.

— Главное в том, что после этой заварухи погиб Копыто... И вот этого я Интеллигенту сроду не прощу.

— Как же он погиб?

— В перестрелке.

— Его, значит, шлепнул Игорь?

— Нет, не он, а лейтенант милиции, следовательно угрозыска. Тот самый, между прочим, который вел игорево дело... Видишь, как все хитро переплетается!

— Но я что-то не пойму, — сказал Портвейн. И опять подбросил в огонь листовничных сучьев. — Вас же ведь всех, кроме Интеллигента, повязали, за решетку упрятали. И вдруг Копыто — на свободе. И стреляет... Как же так?

— Эх, старик, — протяжно произнес Малыш. — Я же тебе говорил: в двух словах тут не объяснить... Все подробно рассказывать — месяца не хватит! Но, в общем, так. В Полтаве ко всем нашим делам примешались еще милицейские

¹ Покупка — украденная вещь. Классический воровской жаргон. (Прим. автора).

² Фармазонщик — специалист по подделке документов. (Прим. автора).

интриги... У них там, понимаешь ли, осталось несколько старых нераскрытых квартирных краж. Ну, и они решили все эти дела навесить на нас. И стали выбирать: кто лучше подходит. И я, к примеру, подошел сразу. Ведь я же не только майданник,¹ но еще и старый слесарь, домушник.² У меня две специальности — и это в центральном архиве отмечено. А Копыто был майданником чистой воды. Работал только на поездах. Так что его подержали, подержали — и выпустили. Ведь в чем, конкретно, могли его обвинить? В краже чемодана? Но чемодан-то был давно уже возвращен... Словом, он освободился, раздобыл где-то пушку. И начал — по всему городу — искать Интеллигента. Ну, и нашел однажды... И наткнулся на милицейскую пулю.

— Милиционер что же, был вместе с Игорем?

— В том-то и суть. Ты, старик, в корень смотришь. Они вместе прогуливались. И уже это одно — подозрительно.

— Ты так считаешь? — неуверенно проговорил Портвейн. — А кстати, — кто же первым открыл стрельбу?

— Копыто... Но — какая разница?

— Кое-какая разница все же есть. Да и вообще, иногда бывает так, что обстоятельства складываются против человека. Это, как в игре. Раз уже пошла плохая карта — ничего не поделаешь... Одна неудача нагромождается на другую, и все идет прахом. Такие случаи я знаю.

— Ты это — об Игоре?

— А хотя бы и о нем! Ну, подумай сам: если бы он, действительно, был стукачом — как ты считаешь — разве стал бы он, так открыто, разгуливать по улицам с милиционером? Он же не пацан, не новичок. Да даже и новички так не делают.

— Ну, завел шарманку, — сердито сказал Малыш. — Эту песню я уже слышал. Ты прямо слово в слово повторяешь то, что мне говорили в Полтаве.

— Вот видишь — не я один!

— Ну, что ж. Зато у меня другое мнение. И я имею право предъявить ему свой счет... Имею или нет?

— Имеешь, — засмеялся Портвейн, — о чем разговор! Ясное дело, имеешь.

— Ну и лады, — сказал Малыш. — И хватит об этом!

Он нахмурился и отвернулся от собеседника. Извлек из кармана пачку папирос. Встряхнул ее и выдернул одну папиросу зубами. Затем потянулся за угольком... И вдруг заметил, какой большой и дымный костер разгорелся за это время, пока они беседовали. Раньше он не обращал на это внимания — слишком был увлечен своими переживаниями.

Портвейн все время подбрасывал в огонь сыроватые смо-

¹ Майданник — поездной вор. ² Слесарь — специалист по квартирам. Домушник — то же самое. (Прим. автора).

листые сучья... И теперь над костром, над тайгой, поднялся, упираясь в небо, столб густого, черно-желтого дыма.

И Малыш вскричал с тревогой и раздражением:

— Ты что, лысый черт, натворил? Нас же тут сразу могут засечь... А ну, давай-ка поубавим огня. Давай, давай, шевелись!

Они торопливо разворошили костер. Старательно стали втаптывать в грязь горящие головешки. Вскоре пламя опало, и дым расточился.

* * *

Пламя опало, и дым расточился. И произошло это вовремя, в самый раз!.. Километрах в пяти отсюда, из чащи на прогалину, вышел капитан Самсонов. Он вышел, остановился передохнуть и внезапно заметил на севере темное, желтоватое, медленно тающее облачко.

«Что это там, — насторожился он, — костер, что ли? Но кто же может быть в той стороне и в такую пору?...»

В той стороне, капитан знал это, нормальных дорог, в сущности, не было. Там имелись лишь путанные, едва приметные тропы, вьющиеся в кустах, по болотным кочкам. Туда изредка заходили туземные охотники... Но сейчас ведь был май — а эта пора не охотничья!

В апреле и мае начинают телиться самки оленей и лосей. И обзаводятся потомством разные ценные пушные звери. Трогать их в такую пору нельзя! Ну, а на перелетную птицу охота пока еще не начиналась... Он еще не пробил, не наступил — час Великого Птичьего Вторжения.

Хотя, конечно, он должен наступить очень скоро. Возможно — на будущей неделе... Капитан невольно запрокинул голову, озирая безоблачное, бездонное, вечеряющее небо. Скоро там, в вышине, затрубят лебеди, потянутся гусиные косяки! В нем пробудился охотник... Но тут же он вспомнил о браконьерах, о всяких бродягах — и вновь посмотрел на север.

Странное темное облачко растаяло, смешалось с клубами поднимающегося тумана. И капитан подумал с усмешкой: наверное, мне просто померещилось... Старею я, что ли?

И больше уже не раздумывая, не медля, он пошагал в сторону якутского стойбища.

Он направлялся в стойбище для того, чтобы увидеть шамана — и потолковать с ним о культуре Священных Камней.

* * *

А тем временем Малыш — приглушив костер и покончив с воспоминаниями — опять успокоился, повеселел. Он извлек из мешка початую бутылку с водкой, краюху хлеба и колбасу. И сказал, подмигивая Портвейну:

— Давай-ка рванем еще — для сугрева! Солнце садится, и ночь, я чувю, будет холодной...

— Давай, — обрадовался Портвейн. — Дело святое...

Он подождал, покуда Малыш отхлебнет из горлышка. И нетерпеливо перехватил бутылку. Сделал добрый глоток. И еще один... Отдулся, утер ладонью рот. И затем:

— Ночь, это точно, будет скверная... Главное, эта сырость проклятая. Вот, в чем беда! Надо бы, старик, перебраться куда-нибудь в другое место.

— Куда?

Малыш на миг перестал жевать и удивленно уставился на товарища.

— Чем тебе здесь плохо! Ну, правильно, сырость... Да ведь тут кругом, куда ни глянь, сплошная слякоть, грязь. Одно слово — болота! Куда ж денешься? И потом, мы же — ненадолго. Тунгус придет за нами через четыре дня.

— За это время можно плесенью покрыться, — пробормотал, кривясь, Портвейн. — А вон на том холме, наверняка, сухо! И вообще, удобно — к шахте ближе.

— Слишком уж близко.

— Но ведь нам все равно надо будет там побывать. До шахты иначе ж не доберешься... Только — через этот холм!

— Ну, что ж. И побываем... Но ночевать там — нет. Нельзя. Опасно.

— А когда мы вообще-то начнем?..

— Да завтра... Хотя, постой. Завтра у нас какое число?

— Тринадцатое.

— Ох, эту цифру я не люблю, — поежился Малыш.

— Да и я тоже, — тоскливо проговорил Портвейн.

— Ну, вот видишь... Значит, подождем до послезавтра. Но послезавтра — это уж точно!

18

Старый шаман. Встреча с рябым якутом. Неожиданная находка... Странный свет на вершине холма.

Стойбище, куда направлялся Самсонов, было довольно большим. В нем помещалось одиннадцать низких, круглых юрт, четыре «тордоха» — это высокие шалаши, покрытые оленьими шкурами, — и две бревенчатых, свежесрубленных избушки. Здесь обитали якуты-оленоводы.

Минувшей осенью якуты прикочевали сюда вслед за своими стадами и, поначалу, думали, что — ненадолго... Но затем им понравилось тут. Они освоились, привыкли. И даже начали строиться. И временное это поселение, разрастаясь, постепенно стало превращаться в маленькую деревушку.

В этих местах, в низине, на краю огромного мохового болота, оказалось много хорошего корма для оленей. Да и пастухам было тоже не худо — вблизи от приисковых магазинов... В свою очередь и приисковая администрация выигрывала от такого соседства, приобретая по сходным ценам свежее мясо. В общем, все были тут довольны. И только старшему инспектору, капитану Самсонову, хватало волнений и хлопот!..

Теперь он шагал по узкой улочке стойбища и с любопытством поглядывал по сторонам... Через дорогу, вприпрыжку, перебегал мальчуган лет десяти. Самсонов остановил его, подозвал — и спросил, пригнувшись:

— Где тут живет Нюргун, а? Я что-то забыл... Давно уже здесь не был.

— Нюргун? — проговорил мальчуган, поблескивая раскосыми кофейными глазами. — Который?

— А разве их много?

— Есть молодой и старый. Вот я тоже, Нюргун!

— Мне другой нужен, — засмеялся Самсонов. — Старый...

— Тогда иди вон в тот тордох, видишь? У входа собаки грызутся... Шаман там.

— А почему ты его зовешь шаманом? — поинтересовался капитан, — он что, разве камлает?¹

— Не знаю, — отвел взгляд лукавый маленький якут. — Так его многие зовут. Может, просто — дразнят?

* * *

Войдя в тордох, капитан сходу окунулся в дымную, жаркую, душную полутьму.

И в этой полутьме раздался медленный скрипучий голос:

— О! Начальник! Ну, здравствуй.

Посреди шалаша стояла небольшая железная печка. На ней посвистывал закопченный чайник. Сквозь приоткрытую дверцу печки виднелись пылающие, ярко-оранжевые угли... А рядом — на медвежьей шкуре — восседал сухощавый старик. Отсветы огня лежали на скуластом его лице, освещали короткие, росшие по краям рта, усы и редкую седую бородку.

Самсонов тотчас же узнал старого Нюргуна. И заметил он еще одну фигуру — поодаль, в глубине... Глаза его уже привыкли к полутьме. И фигура эта показалась знакомой.

— Садись, начальник, — сказал Нюргун скрипучим своим голосом. — Сейчас чай пить будем.

Старик не спросил, зачем пришел сюда капитан (спраши-

¹ Камлание — ритуальные пляски, заклинания и прочие действия, входящие в традицию шаманства и означающие общение с духами. (Прим. автора).

вать об этом гостя не полагалось!), но он явно ждал объяснений... Однако Самсонов не спешил.

Кряхтя, уселся он на расстеленные шкуры. Скрестил ноги. Поерзал, устраиваясь поудобнее. Потом выгреб из кармана горсть трубочного душистого табаку. И протянул хозяину:

— Угощайся!

— Ай, спасибо, — сказал Нюргун. — Хороший у тебя табачок. Сладкий. Медом пахнет. — И он деликатно взял с ладони Самсонова щепотку.

— А ты что же, Степан? — позвал капитан, вглядываясь в сумрак. — Ползи сюда! Подымим вместе!

И тогда в полосу света из-за печки выдвинулся человек с темным лицом, изрытым оспой и испещренным жесткими морщинами. Это был известный браконьер по кличке Рябой.

В последний раз Самсонов виделся с ним два месяца назад — в связи с находкой пропавшего самолета. Свидание их было весьма необычным; этого браконьера, нарушителя закона, капитан впервые в тот раз не штрафовал, не наказывал, а наоборот — награждал денежной премией...

И сейчас, угощая его табачком, капитан проговорил с добродушной улыбочкой:

— Я думал, ты уже на Вилюй подался — пить, веселиться... Ты же стал знаменитостью! А ты опять здесь... Или может, — решил вступить в колхоз?

— Нет, начальник, — набивая дареным табаком трубку, ответил Рябой. — Колхоз — не для меня. Я ж не пастух, я охотник.

«Хищник ты, браконьер, — подумал Самсонов, — вот ты кто!.. И интересно было бы узнать: что ты сейчас делаешь в стойбище? И что тебя связывает с шаманом?»

* * *

Потом они пили крепкий, густо заваренный, черного цвета чай. Пили неторопливо, отдувались и крякали, утирали взопревшие лбы. И изредка обменивались общими малозначащими фразами о погоде, о здоровье... Говорить за чаем о конкретных делах таежный этикет строжайше запрещал!

Но наконец-то, церемония чаепития окончилась. Рябой ушел. И Самсонов приступил к делу.

— Я интересуюсь древними якутскими обычаями, — придвигаясь к старику, сказал он, — а здесь ты, пожалуй, самый крупный знаток...

— Не знаю, — пробормотал Нюргун. — Спрашивай!

— Ты мне вот что скажи... Священный камень у вас, какется, называется «Эхекеен», не так ли?

— Так, — склонил голову Нюргун.

— Это в переводе означает: «камень-дедушка»?

— Да... Но что ты хочешь, начальник?

— Хочу узнать, сколько таких «дедушек» находится в нашем районе?

— Есть немножко...

— Но все же, сколько? Мне вот известно, что один камень стоит неподалеку от села Оленек. Два — в верховьях реки. И где-то еще один имеется... Где-то рядом... Или я, может, ошибаюсь?

— Нет, начальник, не ошибаешься, — прокрипел Нюргун.

Все это время он сидел ссутулившись, опустив низко голову. Но теперь вдруг распрямился. И остро, пристально посмотрел капитану в глаза.

— Еще один Эхекеен стоит на прииске, на скрещении дорог! И я знаю, о чем ты думал...

— О чем же?

— Ты думал: Нюргун не скажет... А раз не скажет, значит он хитрит. Значит, он там камлает. Но Нюргун давно уже не камлает. Ему скрывать нечего. Он честно работает в колхозе...

— Ну, ладно, ладно, успокойся, — сказал, несколько смутясь, капитан. — Ничего я такого не думал. Просто поинтересовался.

— А зачем поинтересовался-то? — строго спросил старик. — Почему спрашиваешь? Потому что там, на перекрестке, недавно убили коменданта. Я об этом слышал. Мы все слышали... Кто-то убил — а ты виновных здесь ищешь. Ай, нехорошо, начальник! Здесь ты ничего не найдешь.

Вскоре капитан покинул тордох. Беседа не получилась — и терять дальше время было бессмысленно.

«Действительно — шаман, лесной колдун, — подумал, выйдя на улицу, Самсонов. — Все насквозь видит... И ведь он, пожалуй, прав! Здесь я вряд ли что-нибудь найду».

Сомнения такого рода одолевали Самсонова не впервые; ему с самого начала как-то не очень верилось в то, что коменданта прикончили якуты... Но все же версия «шаман» существовала — и требовала тщательной проверки. Капитан знал основное правило криминалистики: пустяков при расследовании не бывает! Любая мелочь, любое нелепое предположение может привести к неожиданной разгадке... А данная версия отнюдь не выглядела нелепой! Наоборот, в ней была своя определенная логика.

По улице стойбища текла и клубилась мгла, перемешанная с туманом. День давно кончился, и с заходом солнца сильно похолодало. Самсонов, поеживаясь, поднял воротник шинели. Потоптался на месте, решая: куда пойти? Может, пора уж — домой?.. И направился к крайней избушке, где помещалась колхозная канцелярия и где жил сам председатель — Аким Тугунаев.

— Нюргун старик умный, толковый, — сказал Аким, — конечно, шаман... Но это, по-моему, не страшно. Он уже почти не практикует... А вообще-то работник он для нас ценный!

— Чем же это он такой ценный?

— Старик изготавливает ременную упряжь для санной езды, для верховых оленей. Причем специалист он редкостный. И работает отлично.

— Но ты вот сказал: он почти уже не практикует... Стало быть, он занимается все же своим колдовством. Хотя немного, хоть чуть-чуть... а?

— Ну и что с того? — небрежно проговорил Аким. — Ты же сам знаешь поговорку: чуть-чуть не считается... Кому он мешает? Нынешняя молодежь религией не интересуется, можешь мне поверить. Ей на все это плевать.

— Ну, а старики?

— Верующих стариков не так-то уж и много осталось...

— И все же они есть! И Нюргун продолжает... Но если да — то где же?.. Где, в каком месте они обычно собираются?

— Наверное, где-нибудь в сторонке, за стойбищем. Здесь у нас шаманских бубнов давно уже не слышно. Да я бы и сам не разрешил!

Аким Тугунаев был коренастым пожилым якутом, одетым в старенькую военную форму. Эту форму он donaшивал после многолетней службы в пехотных войсках — в чине старшины. Полтора года тому назад он демобилизовался из армии, вернулся на родину и сразу возглавил маленький этот кочевой колхоз... И может быть, оттого, что во внешнем облике Акима, в его манере держаться, во всем, угадывался кадровый военный, старый служака, капитан Самсонов испытывал к нему определенного рода симпатию; он верил, что Аким не подведет. И вел сейчас разговор с достаточной прямою.

— Ну, хорошо... А теперь, представь себе, что во время камлания — скажем, возле какого-нибудь священного камня, — появляется чужой человек. Что с ним могут сделать верующие?

— Прогонят, — пожал плечами Аким, — что же еще? А скорее всего, сами разбегутся...

— А напасть, убить, они разве не могут?

— Напасть? — Аким нахмурился. — Убить? С какой стати? Уж не думаешь ли ты, что якуты приносят своим духам человеческие жертвы?

— Да я не о том, — нетерпеливо проговорил капитан. — Я что хочу сказать? Люди же ведь знают, что шаманство — дело запретное, тайное... И потому должны бояться непрощенных свидетелей. Не так ли?

— Бояться, конечно, должны, — кивнул Аким. — Но все же... Я что-то не соображу — куда ты гнешь?..

Он проговорил так. Умолк, насупившись. И внезапно воскликнул, осененный догадкой:

— Ах, так вот ты о чем! Вот о чем. Ты думаешь, что старый Нюргун замешан в недавнем убийстве...

— А почему бы и нет? — прищурился Самсонов.

— Нет, нет, — покачал головой Аким, — никогда не пове-
рю.

— Но почему?

— Да ведь Нюргун, я повторяю, далеко не дурак! И он знает, что религия сейчас уже не преследуется так, как раньше.

— Но и не поощряется.

— Это ясно. Однако больших строгостей уже нет... А вот за убийство закон наказывает беспощадно. И тут уж не отвертишься. Могут даже и к высшей мере приговорить. Ведь могут?

— Вполне.

— Ну, вот... И ты сам посуди: какой же ему смысл?..

* * *

В этот момент дверь избы распахнулась, и в комнату вошел — почти вбежал — рослый парень, одетый в замшевую парку.¹ Его голова была повязана пестрым платком.

Он быстро и взволнованно заговорил о чем-то. И лицо председателя сразу же напряглось и посуровело.

Якутский язык капитан знал, но не блестяще. А когда говорили быстро — совсем почти ничего не понимал. Но все же он сумел разобрать, что речь идет о Холме Пляшущего и о какой-то находке...

Он вопросительно посмотрел на Акима — и тот проговорил, нахмурясь:

— Вот новость — как раз для тебя! На холме найден чей-то труп.

— Кто нашел? — спросил капитан, торопливо вставая из-за стола.

— Вот этот парень. Наш пастух.

— А что он делал на холме? Ваши люди туда, кажется, не ходят...

— Вообще-то не ходят, верно, — сказал Аким, — место там скверное. Но так уж получилось...

— Я оленя искал, — сказал по-русски пастух, обращаясь теперь уже прямо к Самсонову. — Есть у нас один верховой олень — сильный, хорошо обученный, но с придурью... Как только его отпустят, он сразу норовит уйти куда-нибудь.

¹ Парка — легкая куртка из оленьей кожи. (Прим. автора).

Ну, и мне на этот раз показалось, что он забрел на холм. И я тоже — туда... А там, смотрю, человек лежит. Не дышит.

— Когда ты там появился?

— Час тому назад...

— Человек этот — кто? Из ваших? Вообще — якут?

— Да нет, чужой... Русский.

— И ты никогда его не видел раньше? Не встречал где-нибудь на прииске?

Задавая все эти вопросы, капитан поспешно надевал шинель, затягивал ремень, проверял оружие.

И Аким тоже оделся, сорвал с гвоздя охотничий карабин. И потом повернулся к Самсонову:

— Пошли?

— Нет, погоди, — сказал капитан. Голос его изменился, стал резким, командным. — Я пойду вдвоем с парнишкой. А ты давай — на прииск! Знаешь моего помощника Кравцова?

— Так точно, знаю, — привычно, по-военному, вытянулся бывший старшина.

— Передашь ему вот эту записку.

Самсонов набросал карандашом несколько слов в блокноте. Вырвал старничку. Сложил ее аккуратно. И протянул Акиму.

— Передашь — а потом поведешь следственную группу к холму.

* * *

А спустя еще часа полтора, на вершине холма толпились люди, слышался гул голосов, пылали костры.

Следственная группа вела обычную свою работу. Криминалисты осматривали и обмеряли место происшествия, фотографировали в разных ракурсах труп, составляли протокол...

И как всегда, в сторонке прохаживался капитан Самсонов, угрюмо посасывал трубку, думал.

А в нескольких километрах от него, среди сырых кустов и чахлых лиственниц, сидели Малыш и Портвейн и напряженно всматривались во тьму.

Странный красноватый свет, озаривший вершину Холма Пляшущего, вызвал у них недоумение и беспокойство. И Портвейн пробормотал:

— Черт возьми, что там такое? Пожар, что ли?

— Ну какие сейчас, по весне, могут быть пожары? — возразил Малыш. — Нет, там очевидно костры горят... Большие костры! Непонятно только: зачем их развели?

И покосившись на товарища, добавил мрачно:

— Вот видишь, если бы мы, едрена мать, перебрались туда, — если б я тебя послушался, — мы бы тоже теперь там горели!

— Уж конечно, — понурясь, проговорил Портвейн, — горели бы синим пламенем. Вот так вот живешь и не знаешь: где суждено найти, где потерять?.. Все, брат, от судьбы зависит.

— Да-а, — шумно вздохнул Малыш, — судьба нас уберегла — прямо на диво...

Да, судьба их уберегла — прямо на диво! Она и раньше их оберегала, хранила. И вот опять они уцелели. Неизвестно только — надолго ли?

19

Разговор возле старой шахты. Скверный знак. Береженого Бог бережет. Ночные раздумья капитана Самсонова.

Красноватый свет, озаривший вершину холма, видели в эту ночь также и наши старые знакомые — Заячья Губа, Иван, Игорь...

Они стояли — все трое — возле старой шахты, смотрели на дальние отблески костров и переговаривались негромко.

— Нашли, значит, — гнусавым голосом проговорил Николай, — представляю, что там сейчас творится!

— Поздновато все-таки нашли, — отозвался Иван. — Ведь прошла уж почти неделя! И все это время серегин труп валялся на поляне, в сущности, на виду.

— Но это же Холм Пляшущего, — сказал Игорь, — ты забываешь, какая у него репутация! Туда не ходят, бояться...

— И правильно делают, что не ходят, — криво усмехнулся Николай. — Я сам, как попал туда, сразу завибрировал... Почувствовал себя неуютно... А уж меня-то, кажется, испугать трудновато!

— А как ты думаешь, кто же все-таки прикончил Сергея? — спросил, помолчав, Иван. — Ведь не духи же, в самом-то деле...

— Что ж я тебе могу сказать? — поднял плечи Николай. — Не знаю... Дело темное... Кому-то, наверное, понадобилось. Только вот — кому?

— Это-то и интересно, — пробормотал Игорь, — кому? И зачем?

Он покосился на Николая. И вдруг добавил, подмигивая:

— Послушай, а может это ты сам его — своими руками?.. Ведь ты же тогда за ним гнался по тайге, был зол, грозил покатиться... Давай, выкладывай, чего уж там. Не стесняйся! Дело прошлое.

— Что-о-о? — тихо и гневно сказал Николай. — Черт возьми, да ты сдурел? Чего ты тут лопочешь, на что намекаешь? Ну, правда. Я был тогда зол. И если бы догнал Сергея сразу — не знаю, что бы с ним сделал... Но в том-

то и суть, что я опоздал. В том-то и суть! И ты свои подковырки брось.

Заячья Губа заметно разнервничался. Лицо его потемнело. И последние слова он прокричал, задыхаясь, брызгая слюной:

— Слышишь — брось! Кончай! Надоело!

— Да ладно, старик, не психуй, — примирительно сказал тогда Игорь, — ну, чего ты пенишься... Я просто пошутил. Или ты шуток не понимаешь?

— Ничего себе — шулки, — проворчал, закуривая, Николай. — За это, знаешь, голову отвинчивают.

На минуту воцарилось общее молчание. Затем Иван произнес уныло:

— Ох, чувствую я, ребята, что серегина смерть — это только начало. Это скверный знак! Скоро и до нас, до каждого, дойдет своя очередь.

— Ты вот что... Ты панику тут не разводи, — зло сказал Николай. — Что это еще за бред? Какой такой «знак»? Чепуха...

— Да нет, пожалуй — не чепуха, — сказал Игорь. И обвел прищуренным взглядом товарищей. — Панику, конечно, разводить ни к чему... Но все же, давайте-ка, братцы, подумаем о деле. О том, как нам теперь быть? Ездить сюда, я считаю, больше уже нельзя. И вообще, надо на время затаяться... Береженого, как говорится, Бог бережет.

— Н-да, ты, в общем, прав, — медленно произнес Заячья Губа. — Затаяться, так или иначе, придется... Раз уж они, гады, там появились — скоро их и здесь надо будет ждать! Это — как дважды два.

— Стало быть, все имущество, все инструменты придется схоронить в шахте, — сказал Иван задумчиво.

— Ну, ясно. Где же еще?!

— А камешки? — быстро спросил Игорь.

— И камешки тоже, — сказал Заячья Губа. — В старых штольнях, внизу, есть много укромных мест... Так что, не беспокойся. Упрячем надежно.

И тут же он оскалил в усмешке гнилые, мелкие свои зубы.

— Или ты, может, о другом беспокоишься, — хочешь начать дележ уже сейчас?

— Ну, сейчас это рискованно, — отмахнулся Игорь. — Переждем, пока стихнет шумок... Но между прочим, сколько же всего у нас добыто? Я за последнее время как-то отвлекся, не спрашивал, а мне никто ничего не разьяснил.

— Что ж, добыто не мало, — сказал Заячья Губа. — Хотя, конечно, вышло не так, как было задумано. Мы же считывали на три месяца, а проработали всего два...

— Ладно, ладно, — нетерпеливо перебил его Игорь, — это все я знаю. Ты давай ближе к делу. Итак — сколько?

— В общем, сейчас у нас имеется тридцать крупных, пер-

вокласных камней. И приблизительно столько же мелких, промышленных... Да в придачу еще целый мешок — около двадцати килограммов — доброго концентрата. Отмыть и обработать его нетрудно. И алмазов там — половина!

— Насчет половины, это ты, брат, загнул, — сказал Иван, — дай Бог, чтоб была хотя бы четверть...

— А хотя бы и четверть, — воскликнул Николай, — чем плохо? Причем, в концентрате, помимо алмазов, есть еще и гранаты. Они тоже ценятся... Так что куш богатый. Тебе, наверное, такой и не снился!

Николай пожевал потухшую папиросу. И потом:

— К тому же, учти, — сказал небрежно, — Сереги-то ведь нету... А значит, доля каждого из нас возросла.

* * *

А капитан Самсонов, между тем, курил кривую, почерневшую свою трубочку и размышлял...

Он размышлял о том, что версия «шаман» сейчас уже отпала сама собой. Отпала естественно... Давние смутные его догадки получили вдруг наглядное подтверждение. В районе прииска, без сомнения, орудует какая-то пришлая банда. И к ней-то как раз и принадлежал человек, найденный на холме.

Никаких документов при нем не оказалось. И никто — ни работники милиции, ни местные якуты, — никто не смог опознать его, установить его личность. В здешних краях он появился впервые... И прикончили его, это ясно, свои.

Врач, при обследовании, обнаружил на его теле и лице следы побоев... Стало быть, убийству предшествовала драка! Однако, на поляне, вокруг костра, не было замечено ни малейших признаков борьбы... Драка происходила где-то в другом месте... Где? И с кем? И по какой причине?

И была еще одна загадка, которой Самсонов никак не мог найти объяснений.

Если драка произошла где-то в другом месте, то почему же парня прикончили не там, а именно здесь? Он что же, сумел как-то вырваться, убежать? И потом прятался на этом холме? Но когда человек прячется — он не разводит костров. А ведь этот тип, судя по всему, спокойно сидел тут, грелся и с кем-то мирно попивал чаек... И придушили его легко, без лишней суеты.

Слишком уж легко. Подозрительно легко.

Но может быть, его придушили еще раньше — во время драки? И уже потом приволокли сюда, в запретное место, пользующееся среди местных жителей дурной славой... Приволокли специально для того, чтобы все запутать, сбить с толку следствие? Так иногда бывает. Профессиональные уголовники любят устраивать всяческие фокусы и инсценировки.

Самсонов подумал об этом и сейчас же, невольно, вспомнил о покойном коменданте.

Расследуя обстоятельства смерти Керимова, криминалисты сразу же обратили внимание на спиртной запах, исходящий от мертвеца... Выяснилось, что лицо лейтенанта кто-то обрызгал водкой; обрызгал, конечно же, для того, чтобы имитировать опьянение. И это была явная глупость! (Ведь именно она, эта деталь, как раз и навела следствие на мысль об убийстве). Но все же, такая глупость свидетельствовала — в первую очередь — о том, что комендант столкнулся именно с профессионалами. То есть с людьми, приученными работать тихо и скрытно и всегда стремящимися замести следы... Подобные парадоксы — дело известное. Чрезмерный профессионализм нередко приводит к таким же ошибкам, как и дилетантская неумелость...

* * *

Капитан вернулся на прииск поздно, уже под утро. В доме его все давно спали. Войдя — он прокрался на цыпочках на кухню. Затопил печь. И осторожно, стараясь не греметь посудой, стал готовить запоздалый свой ужин. Или, вернее, — ранний завтрак.

Минувшие сутки были хлопотливыми, трудными, и Самсонов устал. (Годы-то его были ведь уже немалые!) Однако спать ему не хотелось. И насытись, он долго потом сидел на кухне, в тиши, курил и потягивал пиво. И думал все о том же — о странных делах, творящихся на прииске, о загадочной серии убийств...

Есть ли между этими убийствами какая-либо связь? Или, может, тот факт, что они произошли в короткое время — одно за другим — всего лишь случайное совпадение?

Ответить на этот вопрос было не так-то легко... Но вообще-то Самсонов — этот старый таежный следопыт — в случайности верил плохо. Многолетняя практика приучила его к тому, что почти всегда за кажущейся нелепостью кроется некий тайный, конкретный смысл...

Безусловно, иногда встречаются преступления действительно нелепые, безмотивные! Но они, как правило, редки. И характерны скорее для больших городов, чем для дикой тайги. И кроме того, они всегда, более или менее, ясны, понятны. Ибо человек, совершивший убийство в бреду, или по пьянке, обычно мало заботится о сокрытии следов. Да он и не имеет для этого достаточного опыта.

Но если здесь появились профессионалы — то с какой целью? Что их могло привлечь в эту глушь? Наверняка только одно — алмазы!

И не случайно лейтенант Керимов погиб как раз на «алмазной трассе» — во время ночной инспекционной поездки.

Несмотря на то, что человек это был дерьмовый, склочный, склонный к интригам, свою службу он знал превосходно. Он постоянно жаловался на отсутствие освещения и должной охраны — и был прав! Охрана на Радужном, в самом деле, налажена слабовато... Это известно всем работникам прииска. И в первую очередь — шоферам самосвалов.

И конечно, чужие, пришлые люди никак не смогли бы обойтись без их помощи... В этом деле, бесспорно, замешан кто-то из шоферов!

Ну, а раз так, — надо срочно заняться их проверкой, надо покопаться в их личных делах... Ведь связаться с профессионалами, вообще говоря, не так-то просто. И легче всего это сделать тому, кто уже знал их, кто был и раньше с ними связан.

Вот таков, в общих чертах, был ход рассуждений капитана Самсонова. Он походил на человека, блуждающего в болотных туманах. Он как бы брел, кружась, увязая, осторожно нащупывая твердую почву. Брел, руководствуясь только опытом и чутьем... Но чутье у него было верное. И помаленьку он все ближе и ближе подступал к тому месту, где начинается искомая тропа.

Размышляя о связи шоферов с бандитами, Самсонов подумал также о том, что пришельцы эти должны скрываться где-то поблизости от Холма Пляшущего, где-то совсем рядом...

Еще там, в тайге, Самсонов подметил одну любопытную деталь. Дело в том, что убитый одет был слишком легко, очень уж для Севера небрежно... Под его полушубком была только нижняя, нательная рубашка. И обут он был в сапоги — но на босу ногу. Однако в Заполярье, весной, никто так не ходит! Так может одеться лишь человек, второпях выскочивший из тепла, из дому.

Второпях выскочивший из тепла! — эта мысль сразу тогда возникла у Самсонова. И теперь, вернувшись к ней, капитан еще раз все взвесил. И вновь утвердился в своей правоте. Да, безусловно, незнакомец обитал где-то совсем рядом с холмом. И ютился он не у костра, не под открытым небом, нет.

Но в окрестностях Холма Пляшущего находилось всего два пункта, по-настоящему пригодных для жилья. Во-первых — якутское стойбище. И во-вторых — старая, заброшенная шахта. А так как стойбище, естественно, исключалось, то оставался лишь второй вариант...

«Причем эту чертову шахту давно уже никто не осматривал, — подумал капитан, — о ней как-то все позабыли. А между тем, она примыкает к территории прииска. И стало быть, должна находиться под контролем.

Такой контроль, по правилам, должен был бы осуществлять комендант... Но его ведь нету. А новый — еще не при-

был. Пока что на прииске единственная власть — это я. И терять даром время я не имею права. Действовать надлежит — без промедления...»

Он залпом допил стакан. Выбил пепел из трубки. Поднялся и потянулся с хрустом. И потом устало, медленно, пошел в спальню.

И уже улегшись, прислонившись к теплому, мягкому боку жены, он подумал сонно:

«На шахту надо сходить завтра же. Хотя, нет. Завтра вряд ли получится. Много всяких дел... Но послезавтра — это уж точно.»

20

*Беспокойный рассвет. Откуда они берутся, эти болота?
Западня. На нашу кровушку теперь найдется много
любителей...*

Капитан задремал с мыслью о старой шахте, о людях, таящихся там... И спал потом крепко. Но на самой-то этой шахте людям было в ту ночь не до сна!

Расставшись с Игорем, который должен был срочно пригнать машину в поселок, Николай и Иван хлопотали еще долго — вплоть до рассвета. На них как-то сразу свалилось множество дел. И самой неотложной и трудной задачей была очистка шахтной территории... Требовалось как можно быстрее уничтожить все видимые следы работ. А за два истекших месяца таких следов накопилось немало.

Когда над болотами растеклась далекая бледная заря, они присели, наконец, отдохнуть. И Иван сказал:

— Ну, так... Кажись, все. Теперь — вот это. — Он потряс лопатой. — Это куда? У нас же ведь уйма всего, — лопаты, ломы, разные сита... Их, значит, — в шахту?

— Нет, я передумал, — лениво проговорил Николай, — спрячем здесь где-нибудь... Утопим в болоте — и все дела!

— Может, и камешки тоже где-нибудь здесь зарыть, — предложил Иван. — Я хочу сказать: наверху...

— Камешки — статья особая! В шахте будет надежней.

— Надежней? — с сомнением повторил Иван. — Хм... Не думаю. Ты же сам видел: в штреках полно воды, рудничные стойки шатаются... Ну, инструменты пропадут — не жалко! Их все равно бросать. А вот если что с алмазами случится...

— Да что может случиться-то? — развел руками Николай. — Эта шахта без нас сколько лет стояла — и ничего. Не обрушилась. И еще продержится... Она пробита не в мерзлоте, не на болотной почве, а в пластах гранита.

— Знаю, — кивнул Иван.

— Ну, еще бы! Ты должен знать это все лучше меня. Не новичок все-таки...

— Вот потому и говорю: старые шахты всегда опасны. А в эту даже и заглянуть-то страшно.

— Так для нас — чем хуже, тем лучше! Никто, стало быть, не захочет там долго шарить.

Николай утер ладонью слюнявую заячью свою губу. И добавил, помедлив:

— Но пойми, чуть только мусора обнаружат в шахте роккер, джигу и другие вещи — они сразу догадываются, что у нас там какой-то тайник... И уж тогда-то все перевернут вверх дном.

— Ты считаешь, что они такие догадливые? — вяло пробормотал Иван.

— За всех не скажу... Но есть у них капитан Самсонов. Вот он — настоящая бестия! На три метра сквозь землю видит.

— Ты с ним знаком?

— Немного... Когда я промышлял здесь мехами, он меня пару раз прихватывал.

— И что же?

— Штрафовал, грозил посадить... В общем, любви между нами не было. Не получилась как-то любовь.

— У него какая же должность?

— В том-то и дело, что — главная... Вся здешняя милиция у него в подчинении.

— Тогда тебе нельзя попадаться ему на глаза!

— Но и уходить отсюда тоже ведь нельзя! Ты — как хочешь, а я лично камешки без присмотра не оставляю.

— Камешки! — Иван дернул плечем. — Если уж подопрет — выбирать не приходится... Своя голова дороже.

— Так ведь, чудак, — тихо, проникновенно, сказал Заячья Губа, — без этих камешков мне все равно — хана. Так или иначе, а отвечать-то придется головой... Я же объяснял тебе с кем мы связаны. «Серые» шутить не любят.

— Да-а-а, — протяжно вздохнул Иван, — это ясно. Это я понимаю. И милиция, конечно, не страшнее «Серых». Скорее, наоборот.

— Вот именно, — сказал Николай. — Да и что милиция может нам предъявить? Мы же тут никому не мешаем. И бумаги у нас чистенькие...

— Та справочка, какую ты мне дал, — она, разумеется, липовая?

— А как же ты думал! Но эта липа — первоклассная. Выглядит в сто раз лучше настоящей.

— Ну, а если Самсонов здесь появится? Ты же сам говоришь: его обмануть нелегко...

— Да, трудновато... Но по поводу справочки ты не волнуйся! Сейчас ты такой же, как и я, охотник-промысловик.

И работаешь по договору с конторой «Заготпушнина».

— Между прочим, отстрел дичи в мае запрещен.

— Да ведь мы и не стреляем. Упаси Бог!

— А что же мы, кстати, здесь делаем? — если спросят...

— Просто, живем временно, почему бы и нет? Шахта же брошенная. Просто, живем, ждем открытия охотничьего сезона. И все дела!

Они отдохнули, поднялись и сразу заторопились. Дел осталось еще немало — а время летело неудержимо, восток становился все светлей.

Край неба пожелтел. Потом он окрасился в багряный цвет. И тайга, казавшаяся раньше черной, густой, как бы вдруг поредела. Отчетливо проступили из мглы дальние листовенничные стволы. Сейчас они казались плоскими — словно бы их вырезали из картона и наклеили на красное полотнище зари.

* * *

— Восьмой час, — сказал Заячья Губа, — ишь, как рано уже светает.

— Да, рано, — с натугой проговорил Иван.

— Скоро солнце совсем перестанет заходить!

— Да, скоро...

Иван брел по болоту и нес на спине громоздкий промышленный станок роккер. И было ему в этот момент не до болтовни.

А Николай, наоборот, как-то странно оживился. Он шагал, чуть поотстав (и тоже тащил тяжелый груз), и говорил, говорил, сыпал словами.

— Откуда они вообще-то берутся, эти болота? Ведь ты подумай: почти весь Север — такой! И мне вот что непонятно. Здесь же почва скована вечной мерзлотой... Вечной! Солнце ее, стало быть, не берет. Так как же получается, а? Ты, Иван, встречался с учеными, может, слышал что-нибудь?

— Это все — из-за летних дождей, — нехотя, не оборачиваясь, ответил Иван. — Вода же теплее льда... Ну, и в низких местах она порою застаивается надолго. И тогда образуются особые полярные озера. Они называются «термокарстовые». На их дне мерзлота разрушается — лед протаивает там на большую глубину...

— А потом?

— А потом озера затягивает мох. И вот так они и рождаются — болота!

— Ну, ты у меня прямо профессор! — восхитился Заячья Губа. — Все знаешь, собака! Но постой... Зима же здесь долгая, свирепая; вода обязательно должна промерзнуть до самого доньшка!

— Это вовсе не обязательно. Все зависит от глубины... В болотах иногда встречаются такие ямы — провалы — где влага держится всю зиму. Представляешь? Сверху снег, корка льда, а внизу — гиблая трясина...

— Ну, а тут, как ты думаешь? — такие провалы имеются?

— Наверняка! И ходить теперь надо с оглядкой. Снег-то уже сошел...

Иван не успел договорить. Внезапно он пошатнулся и охнул растерянно. Зыбкий, мягкий, мокрый мох расступился под ним. Обнажилась трясина — и Иван погрузился в нее по пояс.

Тяжелый роккер медленно сполз с его плеч. Рухнул в грязь. И с липким чмокающим звуком ушел на дно...

— Видишь, старик! Вот мы и напоролись на западню!

Иван сказал это и обернулся с улыбкой. И вздрогнул, увидев чужие, ледяные, жестокие глаза Николая.

* * *

Заячья Губа смотрел на Ивана и думал о том, что все, как будто бы, складывается удачно. Судьба уже второй раз избавляет его от сообщников. И, таким образом, увеличивает личную его долю в добыче!

Причем происходит это случайно, неожиданно, — без малейших усилий с его стороны... И значит, он перед своею совестью чист.

Хотя, конечно, абсолютно чистым он быть не мог, ибо мысль об устранении сообщников возникла у него уже давно и неоднократно...

И в связи с Иваном эта мысль возникла как-то произвольно, в тот самый момент, когда они спустились с откоса и побрели по кочкам, по шаткому моховому ковру... Николаю вдруг подумалось, что под этим слоем, — там, где шагает сейчас Иван, — может таиться гиблая трясина... И разговор о болотах он завел не случайно!

Да, конечно, он не был чист... Но вообще-то понятия о совести Николай имел весьма своеобразные! Любой свой поступок он мог всегда оправдать перед самим собою. И всегда, поразмыслив, он убеждался в том, что он — прав.

И в эту минуту — глядя на тонущего Ивана — Заячья Губа почувствовал, что теперь требуется только одно: спокойно наблюдать и ни во что не вмешиваться.

Зачем, в самом деле, суетиться, вмешиваться в события? Пусть они идут своим ходом...

Однако Николай вовсе не был так уж прямолинеен, как это может показаться. Нет, человек это был непростой. И не забывая ни на миг о личной своей выгоде, он заботился одновременно и о многом другом...

«Если потом кто-нибудь спросит, — мелькнула у него мутная мысль, — куда подевался парень? Что я смогу сказать? То, что он утонул в болоте?.. Это будет звучать неубедительно. Сразу же возникнет вопрос: почему я не помог, не спас? Пожалуй, лучшее объяснение будет такое: Иван попросту сбежал... Испугался мусоров, рванул в тайгу и где-то там сгинул бесследно. Люди в этих местах иногда так и пропадают — таинственно, странно...»

Но сейчас же, оттесняя все эти мысли, всплыла из глубины другая, тревожная, — об Игоре. Об этом проклятом Интеллекте!

Вот, кто всему помеха! Ведь он может появиться здесь в любой момент — хоть завтра, хоть сейчас, — и судьбой Ивана он заинтересуется с ходу. И сразу же все поймет. Уж его-то обмануть не удастся!

* * *

— Эй, старик, — хриплым, сдавленным голосом позвал Иван, — ты чего застрял? Иди же, помоги!

— Что ты сказал? — спросил Николай. Он выглядел так, словно только что очнулся от обморока или от крепкого сна.

— Иди сюда, говорю! Не видишь разве: я увязую.

Иван увязал. С того момента, как он попал в западню, прошло совсем немного, — но он успел уже погрузиться по грудь...

«Эх, если б тут нас было только двое, — подумал Заячья Губа, — скоро, совсем скоро, я остался бы один! И все дела! Но есть еще где-то третий... И ничего не поделаешь; надо выручать этого придурка.»

Помрачение прошло. И Николай понял: ждать больше нельзя. Он подобрался к краю провала, протянул Ивану лопату. И когда тот ухватился за нее — резко, рывком, вытащил парня наружу.

И болото вздохнуло, выпуская Ивана. В том месте, где он только что находился, поднялся и лопнул пузырь грязи, распространяя густое зловоние.

— Я уж было думал — конец, — сказал, погодя, Иван. И шумно перевел дыхание. — Зову тебя, зову, а ты — как глухой... Мне даже показалось... Хотя, ладно. — Иван махнул рукой. — Это неважно.

Он дышал судорожно, часто. И все никак не мог отдышаться.

— Главное, я все-таки выбрался, вылез!

— Но что же тебе показалось?

— Смешно сказать... Но, в самом деле, — показалось, что ты не хочешь меня выручать. Уж больно вид у тебя был странный!

— Это от усталости, — отвел глаза Николай. — Мы же целую ночь не спали. Ну и вот... Ты прости.

— Ладно, хватит об этом. — Иван осмотрел себя, стряхнул с пиджака липкий ком грязи. — Промок я сильно — вот, что худо. Как бы и вовсе не простудиться!

— Ничего. На берегу погреемся. Выпьем водочки...

— Так пойдем скорее, — сказал Иван.

И затем, поспешая к берегу:

— А все-таки правильно говорится: нет худа без добра. Местечко мы отыскали ценное! Там можно утопить все, что хочешь.

— И отыскали вовремя, в самый раз, — сказал Иван, — день-то, гляди, уже начался...

* * *

День начался. Ослепительный, бело-желтый шар поднялся из багряного зарева и повис над зубчатой кромкой леса.

И как только косые солнечные лучи пронизали окрестные заросли, — послышался тоненький, нежный, комариный звон.

Николай с проклятьем шлепнул себя по шее. Посмотрел на раскрытую ладонь. И сказал:

— Первый комар! Ах, сатана. Ах, кровопиец! Ожил, отогрелся — и враз учуял жертву. Ну, Ванька, жди: на нашу кровушку теперь найдется много любителей.

21

*Секретная служба «Серых». Самурай и Семен Сергеевич.
Допрос Грача. В старой шахте.*

В этот рассветный час, в городе Якутске, Старый Грач — знаменитый гранильщик алмазов — тоже не спал и тоже был охвачен деловой суетой. Он готовился к переезду и старательно укладывал в сундуки и ящики разнообразное свое имущество.

Идея переезда возникла не случайно. Она была связана с внезапной и странной гибелью Нади — гибелью, чрезвычайно встревожившей организацию и глубоко потрясшей старика.

Только сейчас, после смерти подруги, Салов почувствовал себя настоящим стариком! В нем словно бы что-то надломилось и рухнуло. Он сознавал, что другой такой женщины и такой любви он уже больше никогда не встретит. Время его прошло — и любовь эта была последней...

И когда «Серые» предложили ему покинуть дом, он согласился легко, без возражений. Он даже не поинтересовался: куда его, собственно, переправляют? Да и какая была ему разница — куда?

Салов давно уже привык жить под опекой мощной этой организации и знал, что его всегда защитят, сэберегут и обеспечат всем необходимым... И раз уж требуется на время скрыться куда-то — что ж. На новом месте хуже не будет! Скорее наоборот. Этот дом начал явно тяготить его. Слишком о многом он напоминал, о многом заставлял думать. Здесь все стены пропахли тоской...

* * *

Если Старый Грач стремился убежать от воспоминаний, то его хозяев пугала загадочность создавшейся ситуации.

Для людей, ведущих подпольный образ жизни, крайне опасными являются всегда такие обстоятельства, при которых теряется ориентировка; такие, когда события выходят из-под контроля...

И вот именно так и обстояло дело с гибелью Нади!

Самым зловещим тут было то, что умерла она как-то очень уж своевременно — в тот самый момент, когда организация заинтересовалась ей вплотную... Создавалось впечатление, что кто-то знал или догадывался о намерениях «Серых». И весьма ловко сумел их опередить.

Кто-то, очевидно, убрал ее, боясь, как бы она не проговорилась. Но кто же это мог бы быть?

«Серые» успели уже подобрать ключи к кое-каким здешним тайнам. Они знали, например, о том, что в Якутске существует группа фарцовщиков, возглавляемая Наумом Самарским и действующая в контакте с кавказскими спекулянтами. И знали, что посланцем кавказцев является тут некий армянин, бывший контрабандист, Ованес.

Но было им также известно и то, что старый этот армянин хитер и очень осторожен. И он никогда не вмешивается в местные интриги. Он выполняет роль наблюдателя и связного — и только. И убивать красотку Надю ему было, вроде бы, ни к чему... Ну, а что касается Наума Самарского, так ведь того связывали с Надей старые и крепкие узы... Стало быть, искать надо было кого-то третьего. И, судя по всему, — не на стороне, а в недрах самой организации.

Впрочем, кое-кто из «Серых» догадывался, что убийства вообще никакого не было; что надина смерть — это простая случайность... Однако людей, разделяющих такое мнение, имелось немного. Ведь профессиональные уголовники (так же, в сущности, как и профессиональные криминалисты) в простые случайности не верят! И понять их, в какой-то мере, нетрудно.

Итак, вопрос о смерти подруги Грача оставался пока нерешенным, невыясненным. И вот, в ту ночь, когда гранильщик алмазов укладывал вещи, на дому у него появились два новых человека, срочно прибывших из Хабаровска.

Грач никогда не встречал их раньше. Но сразу сообразил, что люди они не простые, облеченные какой-то особой властью.

И власть эта и впрямь была велика! Ибо прибывшие принадлежали к секретной службе «Серых», — к той самой службе, которая пугала знающих людей сильнее, чем даже КГБ.

* * *

Здесь самое время представить читателю этих агентов блатного «контршпионажа».

Одного из них звали Семеном Сергеевичем. Он был уже не молод и сед, — но очень строен и очень высок. В его движениях угадывалась сдерживаемая сила. И он отличался вкрадчивой, пугающей вежливостью...

Другой же носил кличку Самурай. И действительно, он внешне походил на японца, или на корейца, или еще на кого-то — из тех же краев. Узкое сухое лицо его туго обтягивала кожа, желтоватая, как старый пергамент. Взгляд раско- сых припухших глаз был темен и неуловим.

Маленький, юркий, жилистый, Самурай в основном, помалкивал — и только усмехался изредка, показывая редкие, длинные, врозь торчащие зубы... Говорил же Семен Сергеевич.

Он говорил:

— Я знаю, мой друг, что потеря любимой женщины — это почти катастрофа. Кажется, что все рушится, что всему конец... Но так только кажется! В конце концов можно пережить любую утрату. Однако случаются, все же, настоящие катастрофы — когда и в самом деле наступает конец. Вы понимаете? Конец всему! Нельзя же ведь забывать о том, что вы состоите в организации, за которой многие охотятся, у которой множество врагов и соперников... И потому мы должны иногда поступать сурово... И, в равной степени, мы, порою, вынуждены касаться вещей деликатных, интимных, — отбрасывая всякую ложную скромность. И на любые наши вопросы полагается отвечать искренне, быстро и четко!

— Да, да, — бормотал, пожевываясь, Грач. — Я понимаю... Но чего же вы, собственно, хотите?

— Хочу порасспросить вас о Наде...

— О Господи, к чему еще это?

— Надо.

— Ее уже нет — и я, право же, не вижу...

— Но зато я вижу! И все, в принципе, просто. Напрягитесь и вспомните: чем она интересовалась в последнее время? Вот, скажем, накануне своей гибели. О чем вы с ней тогда говорили?

— О многом. — Грач пожевал губами. — О разном... Но все это, простите, касается только нас двоих.

— Вы хотите сказать, что вас двоих интересовали тогда дела сугубо постельные, — не правда ли? Но так же не бывает! Всегда возникают какие-то попутные темы, случайные разговоры... А ну-ка подумайте. Возможно, Надя расспрашивала вас о камнях, об их огранке... Такое ведь было?

— Да, действительно, я что-то такое припоминаю, — помолчав, сказал Старый Грач. — Однажды Надя увидела у меня на столе алмаз с прииска Радужный...

— Ага, ага! — оживился Семен Сергеевич. — Интересно!

Слово «Радужный» на него подействовало мгновенно — как удар тока. И Самурай, молча сидевший поодаль и прихлебывавший чай, тоже вдруг насторожился. Он отставил чашку и придвинулся вплотную к Грачу.

— Увидела и заинтересовалась, — продолжал старик, — стала спрашивать: откуда мол такой красивый камень? Ну, и я ей кое-что объяснил.

— Что именно? — подался к Грачу Семен Сергеевич, — пожалуйста, поконкретнее...

— Да я уж и не помню всего. Но в общем, я говорил тогда о кристаллографии, о разных формах камней. О том, кажется, чем отличаются наши якутские алмазы от всех прочих...

— И вы ей сказали откуда, с какого прииска, этот самый алмаз?

— По-моему, да, сказал... Но в чем дело? Что-нибудь не так? Я же в подробности не вдавался, — ничьих имен не называл.

— А вы разве знаете имена? — поднял брови Семен Сергеевич.

— Некоторые знаю.

— Откуда? Каким образом? Вам их кто-нибудь называл?

— Ну, я просто слышал разговоры.

— Разговоры — чьи?

— Да вот этих моих горилл.

— Ага. Так. Но вернемся к Наде. Значит, вы ей обо всем рассказали...

— Отнюдь не обо всем! Наша беседа была весьма отвлеченной, абстрактной. Речь шла только о кристаллах.

Этот допрос, — а ведь это был самый настоящий, формальный допрос! — произвел на Грача гнетущее впечатление. Впервые у него мелькнула мысль о том, что «Серые» могут не только заштитить его и сбересть, но и легко ухлопать в случае надобности... Он встревоженно посмотрел в лицо собеседника. Но ничего не смог там прочесть.

Тогда он перевел взгляд на Самурая — и увидел его зубы, криво и неряшливо торчащие из улыбающегося, оскаленного рта.

И вот тут, неожиданно, Самурай подал голос.

— Кристаллы, — сказал он высоким резким гортанным голосом, — что там с этими кристаллами сейчас происходит? Любопытно было бы узнать!

Он продолжал улыбаться. Но глядеть на него было почему-то не весело.

* * *

А с кристаллами сейчас происходило вот что.

Поручив Ивану нести большой тяжелый мешок с концентратом, Заячья Губа прихватил другой, поменьше, — в котором лежали уже промытые, отобранные, крупные камни, — и первым спустился в шахтную воронку.

И пошел, пригибаясь, по наклонной штольне.

Было душно, темно. Крепко пахло гнилью и сыростью. Повсюду слышался плеск мерно падающих капель. И чем дальше — тем плеск этот становился все чаще, дробней...

На небольшой глубине (метрах в шести от входа) штольня разветвлялась. Николай повел фонарем — и узкий желтый луч скользнул по сырým корявым стенам, испещренным мерцающими прожилками минералов. Затем впереди обозначились два черных пятна — две дыры, сплошь залитые тьмою.

— Ну? — сказал Николай, помигав фонарем. — Куда ж теперь? Направо или налево?

— Решай сам, — пожал плечами Иван, — ты тут командуешь... Вообще, если б от меня зависело, я нипочем не стал бы хоронить алмазы в этой гробнице.

— Но раз уж мы здесь — поспешим... Так куда же?

— Ну, давай налево, — сказал Иван, — левый штрек выглядит, вроде бы, понадежнее...

— Тогда наоборот, — усмехнулся Заячья Губа. — Надо направо... Не забывай, для нас чем хуже — тем лучше!

* * *

А спустя еще часа два, они оба уже лежали наверху, в бараке, на разостланных шкурах. Все дела были окончены, и друзья, наконец-то, могли расслабиться, забыться, уснуть.

22

*Эта ночь будет наша! Блатной фольклор. Легенды о Сталине.
Что им там снится в этот момент?*

Малыш пробудился за полночь. Он лежал на куче хвороста, завернувшись в непромокаемый плащ — и привстав, сразу посмотрел в ту сторону, где находился Холм Пляшущего.

Холм возвышался над клубами тумана — темный, косма-

тый, покрытый гривой тайги. Он походил на горбатую спину какого-то диковинного зверя. В его очертаниях было что-то зловещее... Но Малыш думал не об этом. Его одно только беспокоило: виден ли там огонь?

Огня не было... Странный свет, сутки назад озаривший вершину холма, сгинул, погас и больше уже не возгорался. И Малыш проворчал, вглядываясь в туманную мглу:

— Угомонились, гады! Успокоились. Ну, лады. Эта ночь будет — наша!

— Ты чего, а? — спросил Портвейн, поднимая голову. — Случилось что-нибудь?

— Да нет, все тихо... Я просто смотрю: как там, на холме?

— Ну и как?

— Порядочек. Я, знаешь, все время боялся, что там какие-то работы начались. Думал: перекроют нам дорогу...

— Значит, что же — пойдем?

— А чего тянуть-то?.. Эта ночь — наша!

— Когда пойдем? — Портвейн сел, зевая и поживаясь, — прямо сейчас?

— Можно и сейчас... Но лучше обождать малость. Еще только половина первого. А лучшее время для работы — три часа. Самый крепкий сон!

— Ну, а пока что будем делать? Холодно... Эх, костерчик бы развести!

— Нельзя. Ты сам же ведь понимаешь.

— Да уж конечно, можешь не объяснять...

— Хочешь, ложись опять, — сказал Малыш, — я потом разбужу.

— Нет, какой теперь сон! — Портвейн крепко потер лицо ладонями. — Дай-ка, старик, папиросочку!

Они закурили. Портвейн затянулся, закашлялся. Потом он развязал мешок и достал сухари и консервы.

А Малыш тем временем стал осматривать револьвер.

Он с треском прокрутил барабан, заполнил патронами пустующие гнезда. Почистил рукавом длинный вороненый ствол. И сунул наган за пояс, под телогрейку.

Портвейн сказал, грызя сухарь:

— Ты с этой пушкой будь, все-таки, поосторожней! Пойдем на дело — не хватайся за нее без толку. Зачем нам зря шуметь? Мы их ножами возьмем — без шухера.

— Ну, правильно, — покивал Малыш, — пушку я держу просто так, на всякий случай... А вообще-то я и сам предпочитаю работать втихую.

— Знаю, помню, — проговорил Портвейн. — Тебе, в былые времена даже и нож был не нужен...

— Да я и сейчас еще гожусь, — усмехнулся Малыш.

Они помолчали немного. И затем Малыш сказал, озирая заросли, в которых шевелился туман:

— Какие здесь, все же, дикие, тяжелые места! Гиблые места... Да, ты прав: без револьвера было бы лучше. Хотя в такой глуши нам и шум-то никакой не страшен! Здесь хоть пали из настоящей артиллерии, все равно никто ничего не услышит!

— Вот как раз могут услышать, — возразил Портвейн, — в том-то и дело, что — могут! Где-то поблизости находится якутское стойбище, — ты помнишь, нам проводник объяснял? Поинмей это в виду! Да к тому же и прииск рядом. А там полно легавых. И есть среди них какой-то капитан Самсонов — старый сыщик, классный охотник. Я о нем еще в лагере слышал... Он, говорят, специально охотится на блатных!

— О нем я тоже слышал, — проворчал Малыш. — Но может, это типичный треп, болтовня? Ты же сам знаешь наши тюремные параша.¹ В них всегда рассказывается о гениях... То о великих сыщиках, то о великих урках. О каком-то воре, обыгравшем в карты самого черта, об одесской карманнице Соньке Золотой Ручке.

— Но Золотая Ручка действительно существовала, — воскликнул Портвейн. — Мне когда-то довелось сидеть с одним древним паханом,² который ее видел в молодости. Она на всю Одессу гремела; такие дела обтяпывала, ой-ей...

— Может, тот пахан тоже был какой-нибудь гений? — покосился на друга Малыш.

— Да никакой не гений — а просто старый взломщик, специалист по церковным кражам. И кличка у него подходящая: Пилигрим.

— Пилигрим? Что-то не знаю такого...

— А жаль. Занятный тип. В Белозерской тюряге авторитет у него был огромный! Ему со всех камер пересылали харчи, табачок, иногда даже водочку... Я с Пилигримом помещался рядышком, на одних нарах, так что можешь представить, — жил как на курорте!

— Сколько ж ему лет-то было?

— Не меньше пятидесяти... А пожалуй и побольше. Но старик был еще крепкий! И он, правда, знал много. Он даже знал тех налетчиков, которые до революции вместе со Сталиным работали...

— Со Сталиным? — недоверчиво протянул Малыш. — С Усатым?

— Да, да, — мигнул глазом Портвейн, — с ним! С тем самым Вождем Народов! Или как он там еще назывался? Великий Кормчий, что ли? Когда Сталин пришел к власти, он всех старых своих партнеров за решетку упрятал... Ну и

¹ Параша — большая бочка для нечистот, стоящая в камерах — в старых тюрьмах. Одновременно это — синоним слухов и сплетен. (Прим. автора).

² Пахан — опытный пожилой уголовник, «отец», пользующийся среди молодых непререкаемым авторитетом. (Прим. автора).

Пилигрим — в тридцатых годах — кое-кого еще встречал в разных тюрьмах.

Вот так друзья коротали время в ночи... Ожидание предстоящего дела наполняло их обоих тревогой. Они чувствовали: операция будет нелегкой... Однако говорить об этом прямо и откровенно никому не хотелось. Они знали старинное блатное правило: накануне дела — о деле трепаться нельзя! Судьба не любит этого. И будучи, как и все люди риска, весьма суеверными, они инстинктивно старались избрать какую-нибудь иную, отвлеченную тему... И довольно легко ее нашли.

Это была тема о Сталине — широкораспространенная среди блатного народа.

* * *

Известно, что в предреволюционные годы большевики, наряду с другими подпольными партиями, активно занимались так называемыми «экспроприациями». А попросту говоря — грабежами и вооруженными налетами. Деньги, добываемые этим путем, шли на революцию, на партийные нужды... И, таким образом, обыкновенная уголовщина превращалась как бы в благородный, героический акт! Так вот, Иосиф Сталин — еще молодой, мало кому известный партиец, — поначалу специализировался как раз на экспроприациях!

Едва ступив на революционное поприще, Иосиф тотчас же проявил себя, как любитель всяких темных махинаций... (И впоследствии Ленин не зря, неспроста, назовет его «поваром, любящим острые блюда!»)

В начале века на Кавказе — при содействии Сталина — была организована специальная группа «боевиков», совершившая затем немало крупных дел.

В 1907 году эта группа произвела ограбление тифлисского государственного банка. Ограбление, прошумевшее на всю Российскую империю, — да что там, на весь мир! — и принесшее партии большевиков колоссальную сумму в несколько миллионов золотых рублей.

В этом деле, помимо профессиональных революционеров, участвовали также и простые уголовники, — которых ввел в группу Сталин. (Для совершения крупных грабежей нужны были, все-таки, настоящие специалисты!) И был там один, особенно примечательный специалист, по кличке Камо.

Таких, как Камо, на Кавказе обычно называли абреками. Слово «абрек» означает: благородный разбойник... И Камо, действительно, был таковым. Поверив в революцию, он стал помогать большевикам самоотверженно. И прославился многими подвигами. Причем, ему всегда удавалось уходить из рук царской охранки. О его побегах из тюрем рассказывают чудеса... А погиб он уже в советское время. Когда стал любимцем Ленина и достиг большого почета.

Смерть его произошла при обстоятельствах темных, загадочных: он был ночью задавлен грузовиком.

И вот тут начинается первый цикл легенд — о том, как и почему Сталин регулярно устранял всех тех абреков, с которыми он когда-либо сотрудничал.

Мы знаем, что он так же планомерно устранял затем и партийных своих соратников. Но о партийных — другой разговор...

Сущность первого этого цикла легенд заключается в том, что Иосиф Джугашвили — будущий Сталин — начинал свою зрелую жизнь в качестве тайного агента уголовной полиции. И этим-то собственно и объясняется его изначальное знакомство с преступным миром. А также — все его наклонности, методы и приемы.

Ведь такой феномен давно известен: агент, борющийся с преступниками, постепенно заражается их психологией...

Когда заразился молодой Иосиф — точно неизвестно. Но судя по легендам, сотрудничать с уголовной полицией он начал сразу же после того, как ушел из духовной семинарии. Так что опыт у него был разнообразный, большой.

Между прочим, черты агента уголовной полиции отчетливо проявились в нем и тогда, когда он угодил в сибирскую ссылку...

Царское правительство ссылало обычно всех политических в определенные места, — на побережье реки Енисей, в Забайкалье, в Якутию... (Впоследствии там-то и возникли лагеря знаменитого ГУЛАГа!) И Сталин находился в свое время в низовьях Енисея, неподалеку от полярного городка Туруханск.

Он не один туда прибыл. В предреволюционные годы там обитало довольно много народу — большевики, эсеры, анархисты. И несмотря на то, что идейная борьба затем развела, разъединила этих людей, они все же жили в царской ссылке дружно. По существу, поселение политических представляло собой одну большую коммуну... И только Иосиф Сталин держался в этой коммуне особняком.

Он не участвовал в общих сборищах и спорах. (И вот характерная деталь: он ни с кем не делился посылками, присылаемыми из дому. Ел один, взаперти...) Вообще он почти ни с кем не общался — и данное обстоятельство вызывало у многих недоумение. А между тем, все объяснялось просто. С этими теоретиками, романтиками, пылкими говорунами Сталину было трудно, да и неинтересно. Он же все-таки принадлежал к среде совсем иной!

И тут начинается второй цикл легенд, повествующий о тайнах его сибирской жизни.

В действительности, он вовсе не был анахоретом. И сторонясь политических — охотно контактировал, в то же время, с местными блатными (по-сибирски — с жиганами).

В легендах однако подчеркивается, что интерес Сталина к жиганам, был не профессиональным, а, так сказать, чисто академическим. С полицией он тогда давно уже не сотрудничал! Он понял, что старая империя рушится, что надвигается хаос, — и твердо, решительно, поставил на «красный цвет». Поставил точно так же, как это делают в казино при игре в рулетку.

И в результате — выиграл крупно. Сорвал небывалый куш! Но не будем отвлекаться... В тот же самый сибирский период у Сталина возникла проблема сугубо личная, интимная. Здесь впервые на сцену выступает женщина.

Потом-то будут другие — имена которых войдут в историю. Но эта первая, тайная, таежная жена, — она навсегда останется в тени, в полумраке легенд и апокрифов.

Вот о чем говорит жиганский фольклор:

Сталин сошелся в ссылке с молодой красавицей, сибирячкой, происходившей из семьи туруханских староверов. И в положенный срок она родила ему сына. Имя ее (так же, как и имя сына) покрыто тайной... Одно лишь известно точно, — то, что сын родился незадолго до отъезда Иосифа на волю. И больше они никогда уже не виделись.

Впрочем Сталин — сразу по окончании гражданской войны — вспомнил вдруг о сибирской своей семье. И прислал в туруханский район отряд чекистов — на розыски жены и сына. Однако отыскать их никто не мог.

Старики-староверы упрятали дочь и внука надежно. Они понимали, что незаконная эта семья Сталину теперь ни к чему. И, конечно, они очень хорошо знали, с кем имеют дело!

Словом, кончилось все тем, что стариков арестовали и увезли куда-то... А мать и сын остались в живых и долго потом скрывались в глубинах енисейской тайги.

А когда сын подрос, то стал свирепым жиганом, ночным налетчиком. И его кличка Кобра обрела в Сибири, в тридцатых годах, большую известность...

Змеиное это прозвище вполне соответствовало характеру парня; был Кобра ловок, лукав и абсолютно безжалостен. И в этом он явно походил на Иосифа.

И имелся еще один нюанс: Сталина, в годы подполья, называли Кобой. А ведь два этих слова — Коба и Кобра — легко сочетаются, состоят как бы в родстве. Нетрудно догадаться, почему парень выбрал себе такую кличку! А может, он ее выбрал не сам?

Он наделал на востоке страны немало переполоху. У него было правило: не оставлять в живых ни одного свидетеля... (Не правда ли, весьма схожее с правилами Кобы?) За ним тянулся долгий кровавый след. И он был пойман и расстрелян в сорок первом году — как раз тогда, когда началась война с Германией.

И с этой войною связан третий, пожалуй самый любопытный, цикл легенд!

Если кратко все здесь суммировать, то суть цикла — вот в чем. Как известно, война началась для России неудачно. Немецкие войска поначалу не встретили серьезного сопротивления. И прорвались далеко...

Красная армия оказалась в ту пору абсолютно не подготовленной к боевым действиям. Почти все старые оборонительные сооружения в западных областях страны были почему-то разрушены, а новые — так и не созданы. И войска располагались слишком далеко от центров снабжения. Да и снабжение тоже никуда не годилось. К тому же, летом сорок первого, весь командный состав неожиданно распустили на каникулы — чего раньше никогда не бывало...

И сам командный состав — тоже тогда претерпел изменения. Многим и поныне памятны шумные судебные процессы над полководцами, героями гражданской войны. Процессы эти начались в тридцать седьмом — и за четыре последующих года привели к тому, что армия оказалась, по существу, обезглавленной. Были уничтожены почти все опытные, профессиональные кадры... После войны и, особенно, после смерти «Великого Кормчего» немало людей пытались разобраться во всем этом — и понять, как же могло такое случиться?

Высказывалось предположение, что Сталин не верил в возможность нападения... И вторжение немцев явилось, якобы, полной неожиданностью!

Это неправда. Война не застала Сталина врасплох. Он был хорошо осведомлен обо всем, ведь советская разведка работала тогда превосходно!

Здесь стоит хотя бы вспомнить о Рихарде Зорге. Этот ас шпионажа, немец-коммунист, перед самой войной находился в Токио и был советником и личным другом германского посла в Японии. Сообщения группы Зорге поступали в Москву регулярно. И были среди них такие, где указывалась точная дата вторжения... Однако Сталин решительно все отвергал.

И, мало того, — когда Зорге погорел и был взят, Сталин и пальцем не пошевелил для того, чтобы спасти своего «Джеймса Бонда». А спасти мог! Японцы не спешили казнить разведчика. Они даже обращались к советскому правительству с предложением об обмене шпионами... Но все было бесполезно.

И продержав Зорге в тюрьме несколько лет, японцы его расстреляли — уже в самом конце войны.

О чем это говорит? Прежде всего, о том, что правдивые, точные донесения разведки были «Вождю Народов» не нужны, не выгодны, — они ему только мешали.

Коба знал все — но военное поражение его по-настоящему не пугало. Наоборот, где-то в тайниках, в глубине души, он

наполнялся новыми надеждами... Старик уже начал уставать. Он был болен страхом. Ему вечно мерещились покушения и заговоры. И если бы новый немецкий порядок утвердился в России — он был бы только рад этому! Тогда бы он смог успокоиться...

И вот, если принять эту «еретическую» точку зрения, то сразу же все становится на свои места. Получают объяснение любые мелочи и неясности. И делается понятным, зачем он так старательно разрушал армию...

А старался он изо всех своих сил! И помешало ему только одно: проклятый русский патриотизм.

Во время войны в России были и дезертиры, и изменники — это бесспорно. Но все же истинных патриотов оказалось больше. На борьбу с врагом постепенно поднялся весь народ. На территории, оккупированной немцами, развернулась жесточайшая, грандиозная партизанская война... И тут уж Коба был бессилен.

Можно представить его отчаяние и тоску — особенно тяжкую еще и потому, что он ведь обязан был потом улыбаться, награждать героев, поздравлять их с победой...

Спустя немного, он, конечно, отыгрался — и объявил новый террор. И половина этих героев сгинула в застенках. Но тоска и страх его все росли и крепили. И последние свои годы «Великий Кормчий» провел почти в полной изоляции. Он укрывался в специально оборудованных апартаментах, где двери были блиндированные и с особыми, хитрыми замками, секрет которых знал только он. Он один!

Это было, как добровольное заточение. Выходил он оттуда крайне редко, а снаружи никто не мог к нему проникнуть... И когда Сталина внезапно разбил удар, он долго лежал там, беспомощный и оцепенелый. Отворить двери у него уже не было сил. И вот так он и умер — в полном одиночестве, в крепко запертой камере, как взаправдашний заключенный!

* * *

— Ты думаешь, все это правда? — спросил, прищурясь, Малыш. — Так оно и было в действительности?

— А как же иначе? — ответил Портвейн. — Истинная правда! Я сто раз слышал все эти истории. И ведь они ж давно существуют! А дыма без огня — сам понимаешь...

— Да, наверное, — задумчиво сказал Малыш. — Но с другой стороны... Вот взять, хотя бы, Кобру. Насколько я знаю, он всегда отрицал тот факт, что Усатый — его отец.

— Что значит, отрицал? Мать его жила же с Усатым, — это-то было!

— Жила, говорят, плохо. Обманывала, изменяла...

— Ну, брат, там темная история, — поморщился Портвейн. — И с бабами вообще никогда ничего не поймешь. Если так подходить, то ни один человек на земле не сможет сказать точно, кто его настоящий отец! А все-таки мы стариков наших помним, чтим... Если они того стоят.

— Но тогда — почему же?..

— А вот ты поставь себя на место Кобры. Вообрази, что попадаешь в приличное блатное общество — и вдруг узнаешь, что твой пахан был тайным агентом, служил в полиции, а? Каково тебе будет? Тут ты тоже, небось, отречешься...

Портвейн подмигнул. Чиркнул спичкой, прикуривая. И осветил ручные часы:

— Ого! — сказал он. — Знаешь, сколько сейчас? Уже без четверти три.

— Разве? — удивился Малыш. И посерьезнел, нахмурил ся. — Ну, лады. Время пришло.

Он поднялся во весь свой громадный рост. Поправил револьвер за поясом. Проверил, легко ли вынимается из чехла охотничий нож. И повернулся лицом к холму.

— Время пришло. Потопали! Прихватим их сонными, тепленькими.

— Айда, — сказал, вставая, Портвейн. — Интересно, что им там снится в этот момент. — И он хихикнул, потирая ладони. — Наверное — богатые сны, об алмазах...

23

Ночные хлопоты Игоря. Толстуха Ольга — самая покладистая из приисковых блядей. Новый коммендант. Совецание. Идти на шахту надо немедля!

Ну, а что же делает сейчас Игорь Беляевский? Чем же он-то занимается? Или, может, ничем? Может, просто — спит? Время ведь уже позднее...

Но нет, спать он не мог и покоя в душе его не было.

В ночь на четырнадцатое мая Интеллигент на работу не выехал, — заявил, что машина неисправна и нуждается в небольшом ремонте. И начал копать в моторе... А когда люди разъехались, разошлись, и гараж опустел, он подкинул в печку дровишек. Водрузил на плиту ведро с водой. И старательно стал промывать крутым кипятком номерные таблички своего грузовика.

Он поступил так не зря, не случайно...

Ведь обычно, когда происходил обмен машинами, он не заменял старые таблички — на новые, а попросту перекрашивал номера!

Для этого совсем немного требовалось. Достаточно

было восьмерку превратить в тройку, а единицу — в семерку... (И потому Игорь специально держал в машине, в холщовой сумке с инструментами, две баночки с черной и белой, быстросохнущей краской.) А едва лишь наступало время возвращения в поселок, — таблички протирались специальным химическим раствором. И, в общем, дело это было верное, очень простое... Но теперь пришла пора заметить следы.

Человек с большим жизненным опытом, Игорь всегда был готов к худшему. Он знал, что одним из главных законов бытия является так называемый «закон тельняшки», — то есть такой, когда белые полосы чередуются с черными... Причем черных полос, как правило, больше!

И он вполне резонно предположил, что милиция может вдруг заинтересоваться шоферами... Ну, а если это случится и дело дойдет до серьезного следствия, то экспертиза, конечно, легко сумеет обнаружить на номерных табличках микроскопические частицы краски. А также — и следы растворителя.

Значит, надо все хорошенько промыть, — решил Игорь, — а заодно и избавиться от предметов, связанных с этой аферой. От баночек с красками, от кистей и тряпок. И лучше всего их сжечь здесь же, в печке.

В гараже Игорь проторчал часа три. Сделал все, что надо. И ушел, когда огонь в печи полностью прогорел.

Заперев снаружи дверь гаража, он немного постоял, осматриваясь и вдыхая всей грудью свежий влажный воздух, пропитанный горьковатым запахом лиственничной хвои... Поселок спал. Его окружала предрассветная мгла, но была она уже не прежней — черной и непроницаемой — а какой-то белесой, пастелевой.

И сквозь эту пастель, сквозь клубы поднимающегося тумана, просвечивали редкие, неяркие, словно размытые огоньки.

Эх, черт, напиться бы сейчас, — подумал Игорь, — зайти бы к кому-нибудь... Но — к кому? Наверное, у одной только Ольги и можно еще раздобыть водочку. Она же — птица ночная!

И он торопливо пошагал к манящим, подмигивающим огонькам.

Это было в тот самый час, когда вдали, на болотах, Малыш и Портвейн вели разговор об Иосифе Сталине.

* * *

Ольга, ночная эта птица, действительно еще не спала. Но встретила она Интеллигента как-то неприветливо. Как-то очень уж сдержанно.

И это было тем более странно, что обычно Ольга славилась веселым своим характером. Она не отказывала никому! (Среди приисковых блядей эта была — самая добрая, самая покладистая...) А к Игорю она всегда проявляла особое расположение.

Они познакомились давно, сразу же по приезде Интеллигента на прииск... В первый же вечер, в местной столовой, Игорь обратил внимание на пышную, розовошекую буфетчицу, с грудью столь великой, что казалось даже странным, как можно таскать такую тяжесть? Но ничего, она таскала и, судя по всему, с удовольствием! И вообще, была шустра, проворна, и беспрерывно улыбалась. Причем улыбка у нее была широкая, ясная, обнажающая все десны. И понаблюдав за ней некоторое время, Игорь сказал, обращаясь к парням, сидевшим рядом, за общим длинным столом:

— Забавная бабеночка... Интересно, сколько ж в ней весу?

— Да наверное, полтонны, — сказал один, — если ее развести пожиже — на весь прииск хватит.

А другой сейчас же добавил:

— Ее и так хватает — на весь прииск. Наша толстуха — девочка безотказная.

— И между прочим, она дома подторговывает еще водочкой, — встрял в разговор третий. — Захочешь выпить — чеши прямо к ней! В любое время! Ольга — птица ночная...

— Значит, она живет одна? — пробормотал Игорь.

— Это как понимать — одна? — усмехнулся первый.

— Ну, то есть, — незамужняя?

— Незамужняя — это точно. И, главное, за постель она — не берет, ты понял? В общем, не настаивает... Понял? Гроши требует только за водку.

— Но тут уж надо платить сразу, без фокусов, — строго сказал второй, — согласно таксе.

— И какая же у нее такса? — полюбопытствовал Игорь.

— Да немалая, — пояснил третий, — в пять раз выше казенной. Но, если вдуматься, — не жалко. Ведь в придачу к этой водке, сколько добра дается почти даром! Ты посмотри, какие у нее сиськи! Ты только глянь! На одну можно лечь, а другой — накрыться, как одеялом...

Когда ужин кончился, Игорь подошел к буфету и разговорился с улыбчивой толстухой. Сказал, что хотел бы приобрести несколько бутылок... И та очень просто, толково, разъяснила, — каков ее адрес, и когда ее лучше всего застать дома.

И первую свою ночь на прииске Радужный Игорь провел по-барски, на мягкой постели, на чистых простынях.

Его согревало роскошное оливо тело — большое, податливое, доброе... И почему-то снилось ему в ту ночь давно позабытое детство.

Расставаясь с ним под утро, Ольга сказала:

— Вообще-то я никого на ночь не оставляю. У меня правило: зашел, получил, что надо — и отваливай!.. Но ты какой-то особый. Грустный. Вроде бы и гордый, и несчастный... Таких, как ты, бабы обычно любят, жалеют.

— Ну, так и люби меня, — сказал Игорь.

— Посмотрим, — ответила она, сонно и снисходительно, — поглядим. Время покажет.

И время показало. Они стали хорошими друзьями. Игорь всегда находил здесь теплый прием. Но вот теперь она стояла в дверях, загораживая вход. И зябко куталась в шерстяную, наброшенную на плечи шаль. И говорила — хмуро и озабоченно:

— Нет, нет, миленький. Сейчас я, право же, ничего не могу тебе дать... Тем более — водки! Я все бутылки убрала из дому. Никакой торговли нету... Ах, тут такие дела начинаются!

— Какие дела?

— Лучше и не спрашивай.

— Но все-таки? Объясни! И кстати, почему ты меня держишь на улице?

— Да у меня там, понимаешь ли, люди.

— Ну, вот, — с обидой проговорил Игорь, — а говоришь: нет никакой торговли...

— Так это вовсе не клиенты, — улыбнулась вдруг она, — ты не ревнуй. Это — из моей столовой. Думаешь, я одна торговала? Нас много. И все теперь в панике.

— Но что же, черт возьми, случилось?

Ольга быстро обернулась — глянула назад. И потом, аккуратно притворив дверь:

— Часа три назад на прииск прибыл самолет из Якутска. И в нем — полно всяких начальничков. Разные ревизоры, контролеры, следователи... Ты разве не слышал об этом?

— Н-нет... Я же все время в гараже возился. Ну и что дальше?

— Они теперь разбрелись повсюду; суетятся, чего-то вынюхивают...

— Но никаких арестов пока еще не было?

— Арестов-то не было, но кое-кого уже потревожили.

— Кого, например?

— Одного шофера — Федю Сокова. У него кличка Козел. Да ты его, по-моему, знаешь. Он иногда работал ведь и для нас — привозил кое-какие левые товары с главной базы. И на нашей коммерции он, в общем, подшибал неплохо...

— Ты говоришь — потревожили... Это как же понимать? К нему приходили домой?

— Наоборот — вызывали. К новому коменданту!

— Тебе кто об этом рассказал? Сам Козел?

— Конечно.

— А где он сейчас?

— На трассе... Где-то ездит...

— Значит, вызывали к коменданту, — медленно, задумчиво пробормотал Игорь.

— В комендатуре, между прочим, находился также и капитан Самсонов, — добавила Ольга. — И еще кто-то... Много людей интересуются нынче Козлом. Ох, много!

— Но чего они, собственно, хотели? О чем расспрашивали?

— Да кто их поймет? Расспрашивали о том, как он сейчас живет, как работает. И, кроме того, интересовались его прошлым.

— Откуда такая забота?

— Вот эта забота и пугает. — Ольга зябким движением поправила на груди концы мохнатой своей шали. — У Федора, понимаешь ли, хвост замаранный. Он же в прошлом сиделся, сидел!

— Сидел? — нахмурился Игорь, — постой, как так? Насколько я знаю, те, кто когда-то сидели в лагерях, на «алмазную трассу» не допускаются... Меня, например, не допустили.

— Козел как-то сумел скрыть свою судимость, — пояснила Ольга. — Но вот теперь мусора, видать, докопались...

Игорь почувствовал при этих словах, как по спине его прошел холодок. Если уж милиция заинтересовалась старыми делами Козла — ей не так-то уж трудно будет добраться и до новых... Ведь не случайно же в комендатуре находился сам Самсонов!

И весьма возможно, что «серьезное следствие» — то самое, о коем он, Игорь, думал недавно, возясь в гараже, — оно уже началось. Все-таки началось!

— Началось! — повторил он вслух эту мысль. И сейчас же Ольга спросила:

— Что началось? Ты о чем?

— Да так... — он махнул рукой, — это неважно... В общем, принять меня ты сейчас не можешь?

— Нет, миленький, нет, — сказала Ольга. — И ты прости, я пойду... Меня же ждут! А ночь уже на исходе.

И потом, вполоборота, — взявшись за ручку двери:

— А с тобой, — сказала ласково, — мы завтра увидимся. Ладно?

Дверь за ней захлопнулась. Интеллигент остался один в ночи. И это было то самое время, когда вдали, на болотах, Малыш и Портвейн покончили с болтовней — и направились к старой шахте.

А в то же время, в помещении комендатуры, происходила беседа между капитаном Самсоновым и новым, только что прилетевшим, комендантом — майором Квашиным.

И разговор здесь шел как раз об Игоре!

— Сей субъект мне давно ведь знаком, — оглаживая концом трубки седые, подковообразные усы, говорил Квашин, — еще с той поры, когда я работал в системе «Дальстроя», в колымских лагерях... Должен сказать, что Беляевский, — кличка его Интеллигент — является матерым хищником, старым рецидивистом. Теперь ему уже должно быть — под сорок... В сущности, он принадлежит к той, уже вымирающей породе урок, которых зовут «мравихеры», то есть — короли.

— Ну, это все известно, — сказал, развалившись в кресле, Самсонов — этот Интеллигент единственный, чья биография, — в отличие от прочей шпаны, — точно зафиксирована в досье.

— Да, но ты мне не дал договорить... В любом досье, — как всегда, в бумагах, — недостает нюансов.

— И какой же тут есть нюанс?

— Дело в том, что этот «мравихер», по существу, давно уже не король... Он завязал, отошел от воровской среды.

— Э, брат, — сказал, посапывая Самсонов, — брось... Ты же сам знаешь: у кого имеется воровская закваска, того уже не исправишь! Закваску эту не вытравишь ничем. Блатной так и умрет блатным.

— Но что ты, конкретно, против него имеешь?

— Да пока ничего. Однако верить ему — хоть убей — не могу! И в свете всех последних событий...

— Света маловато, — усмехнулся комендант, — скорее наоборот — сплошной туман.

Они толковали так, сидя рядышком. Дымили трубками. И были во многом схожи между собой. Оба — грузные, широколицые, усаые. Оба — коренные сибиряки. И возраст у них был, примерно, одинаков. И, к тому же, они давно и уже неплохо знали друг друга.

После хрущевской реформы, — когда большинство дальневосточных лагерей расформировали, — Квашин перешел на службу в секретную часть треста «ЯКУТАЛМАЗ». И вот тогда-то он и познакомился с Самсоновым! А теперь его, как человека опытного, бывалого, специально перебросили на Радужный — за полярный круг — на самый трудный и отдаленный прииск.

Квашин прибыл сюда, сопровождаемый довольно большой компанией. В нее входили чиновники различных ведомств. И имелся среди них один — в погонах лейтенанта — работающий в ОБХСС (что значит: «Отдел борьбы с хищениями социали-

стической собственности»)). В этом отделе служили, как правило, люди образованные; ведь боролись они не с простой уголовщиной, а с черным рынком! И лейтенант носил на своем форменном кителе традиционный голубенький университетский значок.

Он тоже находился сейчас в комендатуре. Тихонько сидел в уголке, в тени — и поблескивал там очками.

А комендант говорил:

— Да, Михаил, да! Все — в тумане. Что мы, собственно, имеем? Два убийства... Два странных убийства... И ни одно из них до сих пор так и не раскрыто.

— Уж не хочешь ли ты намекнуть, что мы тут плохо работаем? — сказал Михаил Самсонов.

— Ну, что ты, старик, речь не об этом, — добродушно отмахнулся Квашин. — Ты-то, как раз, молодец! Правильно сделал, что отправил нам, в трест, радиограмму... Мы передали весь твой список в Центр — и моментально вышли на Федора Сокова. На этого Козла! Теперь весь архив, как ты наверняка знаешь, проходит через компьютер...

— Быстрота феноменальная, — усмехнулся в усы Самсонов, — я, признаться, не думал. Не ожидал. Козла разоблачили — ну, прямо как в цирке...

— И мало того, — сказал из угла лейтенант, — попутно вскрылась также связь Сокова с одним из здешних браконьеров.

— Да! Связь с этим... Как его? — Квашин пощелкал пальцами. — Он в списке стоял последним... У него такая кличка забавная. Лисья Морда, что ли?

— Заячья Губа, — подсказал Самсонов.

— Вот, вот. Заячья Губа. Эти два — старые лагерные дружки. И здесь они снюхались, видать, не случайно. А если к ним подключить еще и моего знакомого, Интеллигента, то получается уже целая шайка. И какая шайка!

— Ну, вот видишь, — сказал Самсонов, — ты сам пришел к тем же приблизительно выводам, что и я... А говоришь: туман!

— Однако, все это пока — болтовня, — возразил Квашин, — заявлять о наличии какой-либо шайки можно только предположительно... Ничего же, старик, не доказано. Решительно ничего!

И скрипнув стулом, комендант тяжело повернулся в ту сторону, где поблескивали очки лейтенанта.

— Ну, а ты, Сидорчук? Как ты-то считаешь? Говори!

— Так что же сказать, — отозвался лейтенант, — в общем, вы правы. Нужны доказательства.

— Ладно, доказательства я добуду, — сказал Самсонов, — и весьма скоро!

— Каким же образом? — прищурился комендант.

— Хочу провести облаву на старой шахте... И у меня,

кстати, все уже готово. — Капитан посмотрел на часы. — Операция начнется примерно через полчаса.

— Зачем же мы тогда отпустили этого шофера? — проворчал Квашин. — Надо было задержать парня. Или уж, в крайнем случае, проследить...

— Эх, да чего следить! — поморщился капитан, — куда он теперь денется?

— Простите, товарищ капитан, — сказал вдруг Сидорчук, — но я так и не понял толком: зачем же вы его, все-таки, вызывали? Разговор был какой-то не деловой. Не конкретный... Вы ж его просто перепугали.

— Что и требовалось, — подмигнул Самсонов. — Он, конечно, сразу же побежал к друзьям... И мы теперь накроем на шахте всю ихнюю шайку. Ну, почти всю! Им же нужно будет собраться, поговорить...

— То есть вы специально решили их спровоцировать?

— Точно.

— Насчет этой шахты, — протяжно проговорил Квашин, — у тебя что же, есть какие-то сведения? Какие-то факты?

— Есть догадки, но — веские!.. Я много об этом думал... Основная база бандитов находится там. Только там. Больше ей и быть-то негде.

— Если уж ты ручаешься, — сказал Квашин, — я с тобой...

— Ну, дружище, ручаться ни за что никогда нельзя, — улыбнулся Самсонов. — Ты же сам знаешь: все, что мы планируем, реализуется, как правило, лишь частично... В лучшем случае — наполовину. Не так ли?

— Так-то оно так...

— Именно так! Но здесь и половины — вполне достаточно. Улов будет неплохой, это-то — наверняка... И идти на шахту надо немедленно!

24

*Скверный сон. Предчувствия... Две тени. Во-первых, где люди?
И во-вторых, где камни? Главный закон коммунистической
партии. Динамитная шайка.*

Когда Портвейн давеча пошутил, сказав, что ребятам на шахте снятся, наверное, богатые сны, — он оказался прав. Попал в самую точку. Заячьей Губе, и вправду, снились сейчас алмазы.

Однако, сон его вовсе не был приятным и радостным.

Никакой конкретной цельной картины — как это часто бывает в сновидениях — перед ним не возникало. Мелькали лишь разрозненные, странные, смутные кадры... И в каждом кадре фигурировали кристаллы. Самых разных размеров и форм, и цветов.

И маячили также какие-то люди. Но лиц их Николай не мог различить. Их смазывала, затмевала зыбкая пелена; словно бы туман, клубящийся над болотами, проник в его мозг и замутил сновидение.

Лиц он не видел — но голоса зато слышал неплохо. Люди говорили об алмазах. Об их красоте, о бесподобной их ценности.

И сквозь несмолкаемый гул голосов все время прорезался один, высокий и резкий голос, который твердил настойчиво: «Упрятано плохо! Упрятано плохо! Берегись!»

И был гортанный этот голос столь неприятен и мучителен, что Николай вдруг проснулся.

Он поднялся, весь мокрый, дыша тяжело и трудно, — как будто только что вынырнул из глубокой воды. Нашарил в темноте папиросы. Закурил. И подумал, вдыхая благодатный, успокаивающий дым:

«Вот же, чертовщина! Этот голос... Он мне знаком! Ну да, конечно, я же слышал голос Самурая — голос «серого палача»... Но что бы мог означать такой сон? К чему бы это?»

По своей натуре, по складу характера, Николай Заячья Губа являлся сугубым рационалистом. Он был далек от всякой мистики. И ни во что не верил. Но все-таки инстинкту своему он доверял, давно привык на него полагаться и, покурив, подумав, — пришел к выводу: скорее всего, алмазы и впрямь упрятаны плохо. Вчера, впопыхах, он на это не обратил внимания. А сейчас вот пришел сигнал...

«Мы положили мешки за третьей рудничной стойкой, — одеваясь, продолжал он размышлять, — а следовало бы — подальше! За пятой, или за шестой... Там, в самой глубине, действительно страшновато. Но там-то как раз и надежнее всего. И если уж я сам забоялся — вряд ли туда сунется кто-нибудь другой!»

— Эй ты, сурок, — толкнул он Ивана, — проснись.

— А? — Иван шевельнулся — но глаз не открыл. — Что?

— Пойдем в шахту!

— Зачем?

— Надо еще немножко поработать.

— Ну тебя к черту, — проворчал Иван. — Который теперь час?

— Ровно три.

— Ну, так и не мешай спать... Проваливай! Если нужно — поработаем утром.

Иван отвернулся лицом к стене и снова захрапел. А Николай стал натягивать сапоги. Он все-таки решил сходить в шахту!

Вскоре Николай уже пробирался под землей, по наклонной штольне. И он не видел, не знал, что на поверхности произошли кое-какие изменения.

Там, наверху, возле барака, появились две тени. Две неясные фигуры. И одна из них прошептала:

— Гляди, Малыш, дверь-то не заперта!

И другая, высокая фигура, ответила — тоже, шепотом:

— Они тут, падлы, совсем уж обнаглели... А ну — отворай!

* * *

— Опять ты, — протяжно, сонно, не размыкая глаз, сказал Иван, — когда ж ты, ядрена мать, угомонишься? Я ведь сказал: утром...

— А ну, вставай! Живо! — услышал он. — И не вздумай шуметь.

Иван приоткрыл глаза. Увидел каких-то неизвестных людей. И на мгновение зажмурился — так страшны показались ему эти новые, невесть откуда взявшиеся, склонившиеся над ним лица.

— Кто вы? — погодя, спросил он. — Что вам надо?

— Где твои друзья? — Малыш пригнулся, упираясь ладонями в колени. — Отвечай, только — тихо!

— Какие друзья?

— Ну, все остальные... Кто здесь еще живет?

— Еще — Заячья Губа, — тихо проговорил Иван, — больше никого нету.

— А Интеллигент?

— В поселке — как обычно. Здесь он никогда не ночует.

— А этот тип — Заячья Губа, — вмешался в разговор Портвейн, — куда же он-то подевался?

— Хрен его знает... Ушел.

— Когда?

— Вроде бы недавно.

— И куда — ты, конечно, не знаешь? Даже не догадываешься? А?

— Да ведь я же спал! Он что-то лопотал — только я не понял толком. Не запомнил... Но чего же вы хотите?

К нему вплотную придвинулась обезьянья, ухмыляющаяся рожа Портвейна.

— Мы хотим знать, во-первых, — где люди? И, во-вторых, — где алмазы?

— Людей нету, — растерянно сказал Иван, — вы же сами видите.

— А камни?

— Так что ж камни. Тут их тоже нема. Они в другом месте.

— Где?

— Внизу где-то, в шахте...

— Ты точно говори — где?

- Видит Бог, не знаю.
- Как так? Кто же их прятал?
- Заячья Губа.
- А ты?
- Я все время в бараке оставался.
- Выходит, твой друг тебе не доверяет? — скривил губу

Портвейн.

— Нет, почему? Каждый из нас занимался своим делом. Никола внизу шуровал, а я сторожил наверху.

— Ну, вот что, хватит! — прорычал тогда Малыш. — Надоело! Сейчас ты у меня все скажешь — как на духу, как в церкви.

И прикрыв рот Ивана одной рукой, Малыш хлестко ударил другою — по его щекам, по глазам, по скулам... Ударил несколько раз. Иван захрипел, задергался. Из рассеченной его брови потекла темная струйка крови.

И, вероятно, вид этой крови как-то по-особому подействовал на Портвейна. Неожиданно тот встрепенулся, взвизгнул. И навалился на Ивана, раздирая его одежду, рвя ногтями кожу на его груди, на животе...

Возня эта продолжалась минуты две. Потом Портвейн утих. Он запыхался и сильно вспотел. От него шел острый чесночный запах. Отстранясь от Ивана, он сказал, отдуваясь:

— Эй, Малыш, убери-ка руку! Ты ему дышать не даешь.

— Так он же вопить начнет...

— Вряд ли начнет. — Портвейн присмотрелся к Ивану. — Кажется, он вообще уже не дышит.

— Неужто помер? — удивился Малыш. — Ай-яй... Не вовремя.

— Да нет, просто сомлел, обеспамятовал. Дай-ка воды! Вон там, в углу, бочка, — видишь?

Тотчас же появилась вода. Малыш притащил из угла всю бочку. И половину ее вылил на лежащего. И затем Иван вздохнул, закашлялся, слабо застонал.

Взгляд его, поначалу мутный и бессмысленный, постепенно прояснился. Лицо перекосилось, как от безмолвного плача. Почерневшие губы раскрылись. И хриплым, надорванным голосом, Иван произнес:

— Не бейте. Я все скажу.

— Ну, вот и порядочек, — ухмыльнулся Малыш, — так бы и надо было — сразу... Так где же камешки? Действительно — в шахте?

— Да. Нужно пройти немного по главной штольне и свернуть в правый штрек. И там, за третьей по счету стойкой, они и лежат — все наши мешки.

— Ого! — Малыш присвистнул. — У вас уже целые мешки? Ну, лады.

И он повернулся к товарищу.

— Кто ж туда пойдет? Ты или я, или оба — вместе?

— Давай, уж лучше — я, — предложил Портвейн, распустив по лицу умильные морщины. — Я мальчик юркий, проворный. А ты — как слон. Еще застрянешь там где-нибудь... Сиди-ка лучше здесь и карауль этого типа. Я ему не очень-то доверяю.

— Я говорю правду, — прохрипел Иван, — чего уж теперь скрывать!

— Ты знаешь, каков главный закон коммунистической партии? — игриво спросил его Портвейн.

— Н-нет...

— Главный закон: «доверяй — но проверяй!» Понял? Вот то-то. Мы, хоть и не коммунисты, но законы знаем, чтим.

* * *

Николай Заячья Губа, спустившись в шахту, сразу же понял: товар, в самом деле, «упрятан плохо»!.. Инстинкт не обманул его. И он начал действовать. Перетащил на новое место мешки, старательно замаскировал их, засыпал кусками мелкой породы. И ушел только тогда, когда убедился: все сделано чисто, надежно.

Выбравшись снова на поверхность, Николай посмотрел на темный силуэт барака... Теперь можно было бы, пожалуй, спокойно отдохнуть, уснуть.

Но вместо того, чтобы направиться к дому, он вдруг круто поворотил в сторону.

И в этот-то момент, возле шахтной воронки, как раз и появилась тощая, сутулая фигура Портвейна. Так что они чуть-чуть не столкнулись — и разминулись прямо-таки чудом!

Николая увело в сторону от дома все то же безотчетное чувство тревоги, которое пробудилось в нем ночью, во сне — и до сих пор еще не ослабело, не кончилось... «Нужно пройтись по всему участку», — подумал он.

Он углубился в кусты ивняка, росшие по краю болота. И медленно, пригибаясь, пошел, раздвигая руками сырые спутанные ветви.

Кое-где, на ветвях, уже набухли весенние почки — и Николай это чувствовал на ощупь...

Так, укрываясь в кустарнике, Заячья Губа обогнул почти весь шахтный двор. И, наконец, приблизился к тому месту, где начиналась бревенчатая гать, — единственная проселочная дорога, соединяющая шахту с остальным миром.

И на этой дороге ему почудилось какое-то скрытое движение. Словно бы во мгле промелькнула чья-то тень... Чья? Кто бы это мог быть? Зверь или человек? Или же там просто проплыли клубы тумана?

Портвейн воротился в барак совершенно взбешенный: он, естественно, ничего не нашел. И злоба его усиливалась еще и оттого, что он — отправляясь за алмазами — втайне надеялся перехитрить Малыша.

Нет, похищать целиком всю добычу он не собирался. Да и вряд ли бы это ему удалось! Но отсыпать и утаить несколько крупных камешков можно было, конечно, с легкостью...

В бараке он застал вполне мирную картину. Иван уже не лежал на полу, на шкурах, а сидел рядом с Малышом у стены — на длинной лавке. И они о чем-то спокойно беседовали.

Но взглянув на вошедшего, оба они мгновенно поняли, в чем дело. И разговор их пресекался. Малыш помрачнел. А лицо Ивана превратилось как бы в гипсовую маску.

Портвейн сказал, цедя слова сквозь стиснутые зубы:

— Свяжи-ка ему руки, Малыш. Да покрепче! Я его, суку, сейчас научу...

— Значит — пусто? — тихо, грозно, спросил Малыш.

— Ну, ясно! Что я и предвидел... Он нас, видать, за фрайеров считает.

— Нет, нет, я правду сказал, — зачастил, затрясся Иван. — Тут какая-то ошибка! Я... — Но сейчас же мощная пятерня Малыша наглухо запечатала ему рот.

— Надо бы заткнуть ему пасть, — сказал Малыш, покоясь на товарища. — Поищи-ка что-нибудь... Не могу же я все время так сидеть!

Портвейн осмотрелся торопливо. И увидел под столом небольшой картонный ящичек с надписью: «Динамитные шашки».

— Есть, — воскликнул он, — нашел! Это то, что надо. Это будет смешно.

Портвейн шагнул к столу, присел на корточки. И проследив за ним взглядом, Иван похолодел... «Мой динамит, — сообразил он, — так вот, что этот подлец задумал. О, Господи! Значит, я специально притащил сюда свою смерть».

Динамитный этот ящичек принадлежал Ивану, и был принесен на шахту в числе прочих его вещей. Бывалый горняк, он привык таскать с собой различные предметы, необходимые для его ремесла; геологический молоток, немного взрывчатки, кусок запального шнура... И если Ивана спрашивали, зачем ему лишний груз? — он всегда отвечал: на всякий случай.

И вот, случай приспел, — такой, о каком Иван никогда и не думал, какого он даже и вообразить-то не мог...

Все дальнейшее произошло быстро.

Ивана крепко связали, прислонили спиной к стене. Затем

Портвейн извлек из ящичка круглую — в два пальца толщиной — динамитную шашку. И затолкал ее парню в рот.

Шашка вошла почти до половины... Другой ее конец торчал изо рта — на вершок. И к этому концу Портвейн прикрепил запальный шнур. Поджег его. А затем произнес, кривясь и мелко хихикая:

— Шнур будет гореть минуты полторы-две. И тут — вся твоя жизнь! Не расколешься — взлетишь к небесам. Захочешь признаться — постучи о пол ногой... Мы заметим. Мы подождем.

— Ты бы уж лучше признался, — попросил добродушно Малыш, — а то чего ж так-то пропадать? Скажи, пока не поздно.

Но что же мог теперь сказать бедный Иван? Судьба не оставила ему ни малейшего шанса. А шнур уже тлел, трещал, дымясь...

Глаза Ивана побелели от ужаса. Расширились, вышли из орбит. И застыли, остекленели.

25

Облава. Взрыв. Бегство Малыша. Подслушанный разговор... Пора, когда выходят на поверхность болотные духи.

Все-таки Заячья Губа не зря родился и вырос в Сибири, — в стране охотников и авантюристов! У него было обостренное чувство опасности, он не упускал из виду ни одной подозрительной детали. И то, что он заметил на дороге (вернее, то, что ему там почудилось), мгновенно насторожило его и встревожило. Он понял: уходить отсюда нельзя! Надо подождать, полежать, посмотреть...

И он опустился на сырую стылую землю и прижался к ней, стараясь стать неприметным, невидимым.

И вот, едва лишь он лег, — совсем близко, метрах в двух от его лица, — прошуршали по кустам тяжелые солдатские сапоги.

Облава началась!

Мимо Николая прошло, прошуршало много сапог... Судя по всему, здесь собралась вся местная милиция. Облава шла широким фронтом и устремлялась к шахте, к жилому бараку.

«Теперь Ивану — хана, — мелькнула у Николая мысль, — этот глупец спит себе и ничего не ведает... И как же удачно получилось, что я проснулся и вовремя ушел! Ведь это даже представить страшно: что было бы, если б я оказался в бараке... Мне, конечно, везет. Ужасно везет. Да и когда мне, в сущности, не везло!»

А в бараке, между тем, происходил такой разговор:

— Что это с ним, а? Портвейн? Он опять не дышит.

— Темнит, сука, притворяется.

— Не похоже. Ты на глаза его взгляни. На глаза! Такие — только у мертвых...

— Значит, не выдержал. Ай-яй... Обидно.

— А все — из-за чего? Из-за динамита. Кто ж это сможет выдержать? И ты понимаешь, лысый черт, что ты натворил?

— А что — я? Я ничего. Хотел, как лучше. Думал, так он быстрее расколется. Кто же мог бы подумать, что он такой подлец; взял вот, да и загнулся...

Иван по-прежнему сидел на лавке, прислонясь спиною к дощатой стене. Только теперь в его позе угадывалась какая-то каменная оцепенелость.

Он сидел, чуть сгорбившись, опустив голову. Широко раскрытые неподвижные его глаза исподлобья смотрели на блатных — и был этот взгляд странно пристален, упорен и как бы даже насмешлив.

А ниже — у его подбородка — дымился запальный шнур.

Шнур почти уже весь прогорел. И ползущий по нему огонек отделяло теперь от динамита расстояние совсем пустяковое, — не более сантиметра.

Малыш протянул было руку, — сорвать этот шнур, погасить огонь... Но внезапно рука дрогнула. Сзади, за его спиною, послышался шум. Хлопнула распахнутая дверь. И чей-то голос прокричал — свирепо и властно:

— Ни с места! Руки вверх!

* * *

Несмотря на то, что Малыш выглядел на редкость громоздким и неповоротливым, реакция у него была быстрая; тут сказывалась старая блатная выучка. Да и вообще руки его работали быстрее, чем голова.

И когда раздался за его спиною голос Самсонова, он выхватил кольт. Обернулся и выстрелил из-под локтя. И мгновенно отпрыгнул в сторону, к окну.

Выстрел получился удачным. Малыш с удовольствием отметил, как пожилой, седоусый человек в капитанских погонах вдруг схватился обеими руками за живот. И согнулся — словно бы переломился пополам.

И в этот миг Малыш начисто забыл о тлеющем шнуре.

А шнур догорел уже до конца. И в следующую секунду ударил гулкий взрыв.

И с грохотом взрыва слились звуки частых выстрелов; это палили оперативники, ворвавшиеся в барак вслед за своим капитаном.

Помещение заволокло густым едким дымом. И в дыму — мельком — увидел Малыш фигуру падающего Портвейна...

И еще он заметил, что та стена, к которой раньше было прислонено тело Ивана, — покосилась, покорежилась. А на полу, среди обломков досок, что-то чернело неясно. Что это было? Может быть, — останки Ивана? Останки человека, убитого за эту ночь дважды?

И больше он ничего уже не мог здесь разглядеть, — ибо ему надо было спастись, уходить от вражьих пуль... Он вышиб плечом оконную раму. Прыгнул в ночь. Разрядил свой кольт в чьи-то вопящие лица. И побежал, крепясь и прихрамывая.

Малыш хромал оттого, что одна пуля все же успела кусануть его за левое бедро, а другая — обожгла бок...

Раны эти были, вроде бы, не шибко опасны, хотя и болезненны! Пули только задели его, поцарапали, и хоть он и хромал, но бежал весьма резво. Силенка еще жила в нем покуда!

И когда наперерез ему, из кустов, метнулся кто-то, — то он расправился с нападавшим легко, на бегу.

Это все случилось в нескольких шагах от того места, где лежал Николай Заячья Губа.

* * *

Николай умел быть, — когда надо, — таким же терпеливым, какими бывают прячущиеся звери.

Он лежал, не шевелясь, почти не дыша. И только чутко вслушивался в ночь. И ему довелось услышать многое... Когда вдали грохнул взрыв, он подвинулся: гранаты бросают там, что ли? Потом раздалась трескотня перестрелки. Очевидно, около жилого барака произошло серьезное столкновение... Столкновение — с кем? Николай терялся в догадках. Он же ведь даже и не подозревал о существовании Малыша и Портвейна! Ну, а мысль о том, что перестрелку мог затеять Иван, была им решительно отвергнута.

Николай давно был знаком с Иваном. И знал, что тот — несмотря на всю свою любовь к приключениям — является, в сущности, парнем тихим, не злым и не очень решительным.

Вскоре послышался громкий треск сучьев; кто-то бежал, направляясь к дороге. И затем, в кустах, — почти над самой головой у Николая, — произошла короткая яростная схватка.

Послышался хрясткий звук удара. Кто-то застонал протяжно... И один из дерущихся с шумом упал, а другой — пошагал, тяжело топоча, по бревенчатому настилу.

«Кто бы это мог быть? — удивился Николай. — У Ивана походка совсем не такая. Ах, черт, странные вещи творят-

ся на нашей шахте! Что ж, надо будет еще полежать.»

И он осторожно шевельнулся, меняя позу, выпрямляя затекшую ногу.

«Все-таки, здесь я в укрытии, в безопасности, — подумал он с удовлетворением. — И слава Богу, что мусора на болотах не держат собак.»

* * *

Малое время спустя, Заячья Губа услышал возбужденные голоса, шум шагов; мимо него прошла большая толпа. Это возвращались на прииск участники облавы.

И они несли с собой раненых и убитых.

Из обрывков тех разговоров, которые Николай сумел уловить, ему стало ясно, что среди раненых находится сам Самсонов... А по поводу убитых, один из оперативников сказал:

— Получилось поровну! Как говорят блатные: «баш на баш». Два трупа наших и два — чужих... Я бы не сказал, что размен удачный.

— Да и кто они — эти «чужие»? — произнес другой голос. — Вот в чем вопрос! Вот главная загадка!

Разговаривающие остановились, прикуривая. И это дало Николаю возможность услышать дальнейшее.

— При них не найдено никаких документов, ничего! И, мало того, один из них вообще оказался без головы... Башка куда-то исчезла, — ну, прямо, как в страшных романах!

— М-да, случай редкий. Этот бродяга законспирировался, можно сказать, гениально. Полностью скрыл свое истинное лицо... Пожалуй, мы теперь никогда уже не сможем установить его личность.

— Ну, почему это — никогда? Ведь существует же, все-таки, дактилоскопия!

— Да, разумеется, — пальцы... Это годится — если он в прошлом судился. А если нет?

— Здесь мы столкнулись с профессионалами. Это наверняка! Капитан Самсонов, между прочим, был в этом твердо убежден.

— Кстати, как он — в сознании? Я же ведь не знаю всех подробностей. Все время находился в стороне... В дальнем дозоре...

— Пока в сознании, но — плох. Ранение в живот. Сам понимаешь.

— Кто ж теперь принял командование?

— Кравцов.

— Но ведь он же дурак!

— Зато у него школа хорошая. Самсоновская! И он уже

отдал кое-какие распоряжения — по-моему, толковые.

— Какие же?

— Ну, например, он хочет завтра придти сюда снова — и все хорошенько обследовать, осмотреть. Особенно интересуется его шахта! И Самсонов тоже о шахте говорил...

— Что ж там, в шахте-то, может быть интересного?

— Не знаю. Но проверить — надо.

— А здесь сейчас он никакого охранения не выставляет?

— Нет. Да и зачем? С рассветом будет блокирован весь оленекский район. Начнут задерживать всех подозрительных.

— Значит и тот, — сбежавший?..

— Далеко не убежит! Кравцов велел разослать радиogramмы не только по окрестным селам, но также и во все оленеводческие стойбища.

— Приметы этого человека известны?

— Конечно. Я, например, видел его в бараке — вот так, как тебя.

* * *

В подслушанном разговоре далеко не все было ясно для Николая. Он так и не понял, — что же это за «трупы чужих»? И какая такая «исчезнувшая голова»? Голова — чья? И как и почему она исчезла? И, наконец, — кто же он, этот «сбежавший»?

Но более всего интересовали его, конечно, алмазы.

Милиция, вроде бы, еще не добралась до тайника. Но, судя по всему, добраться могла скоро. Шахта чем-то сильно заинтересовала мусоров... Ну, а коли так, то следовало немедленно заглянуть туда и проверить: все ли там в порядке? И, может быть, — постараться получше, понадежнее замаскировать мешки.

Подождав, покуда смолкнут вдали голоса, Заячья Губа поднялся. И осмотрелся настороженно. Вокруг клубилась непроглядная мгла. Туман затопил, казалось, весь мир; не было видно ни земли, ни неба...

Вслепую — кончиками пальцев — ощупал он стрелки ручных часов. (Как и многие таежники, он носил часы без предохранительного стеклышка.) И понял: время приближается уже к пяти.

Это была самая мрачная пора на северо-востоке Азии. Предрассветная пора, когда туман сгущается, а темнота становится особенно грозной.

В такие часы — по туземным поверьям — на поверхность выходят болотные духи Абаасы. И обретают особую силу все демоны мрака.

Мечты параноика. Сторожевая застава. Застрелять здесь нельзя! Игорь и Малыш.

Послonyaвшиcь бесцельно по тихим пустынным улицам, Игорь вдруг принял решение.

Он вернулся в гараж. Разогрел мотор грузовика. И выведя машину наружу, включил полный газ.

Решение было такое: добраться со всей возможной скоростью до старой шахты и предупредить ребят!

«Они же, наверняка, ничего еще не знают, — думал Интеллигент, — им и невдомек, что Федька Козел уже спекся, вышел из игры. И неизвестно еще, о чем он там, в коммандатуре, успел наболтать...

Вообще, события стали принимать какие-то угрожающие формы... Все как-то сразу спуталось, затуманилось. И сейчас необходимо срочно собраться и обсудить все подробности!»

Игорь думал так — и все увеличивал скорость, доводил ее до предела. И огромная многотонная его машина с тягучим ревом неслась по ночной дороге.

Она, как бризантный снаряд, пронизывала и разрывала в клочья густую туманную пелену.

* * *

Малыш наткнулся на дорогу — на бревенчатую гать — совершенно случайно. Бежал он, в сущности, наугад... Но ступив на скользкие бревна настила, он сразу же понял, что этот путь ведет к большой «строительной трассе», соединяющей поселок с каменоломней. (Они успели с Портвейном неплохо изучить план окрестностей приска!)

И он торопливо пошагал по шаткому этому настилу, стремясь уйти как можно дальше от шахты.

Что с ним будет потом — он не знал. Да и не старался над этим задумываться.

А между тем, положение у него было самое отчаянное!

Малыш остался теперь совершенно одиноким, — без друзей, без знакомых, без чьей-либо помощи.

Укрыться в поселке ему было не у кого. И он не мог один бежать в тайгу, в бескрайние болота. Без проводника он там быстро бы заблудился и сгинул...

А по следам его шла погоня. И милиция была тут повсюду, кругом!

И хоть он и старался не задумываться над этим — все же он не мог этого не понимать.

Он понимал! Но безвыходность ситуации не ослабляла его, не лишала воли, а наоборот, лишь усиливала обычную, постоянно гнездящуюся в нем злобу.

Вообще-то говоря, было бы ошибкой считать, что все очень сильные люди — добродушны и придурковаты... Малыш, например, вовсе не был глупцом. И он, к тому же, обладал характером недоверчивым, мрачным и мстительным. И имелась у него еще одна, особенно опасная черта. Если случалась какая-либо неудача, он тут же начинал искать виноватого. Себя лично он никогда ни в чем не винил!

Он искал виноватого и думал только об одном — о мести... И никакие объяснения, никакие разумные доводы для него уже больше не существовали.

Вот так, когда-то давно, в Полтаве, он потерял своего друга Копыто — и обвинил в этом Интеллигента... Теперь же произошло нечто похожее: погиб Портвейн. И Малыш решил, что повинен в этом, прежде всего, Наум Самарский.

Ведь это же Наум соблазнил их и отправил в тайгу! И именно он, Наум, знал все детали дела! И, естественно, только по его доносу могла так быстро и так точно явиться на шахту милиция!

Зачем бы могло понадобиться спекулянту Самарскому доносить на блатных и, таким образом, губить столь выгодное дело и самого себя — Малыш ничуть не интересовался. У него, как и у каждого параноика, была своя особая логика... И он теперь шагал по сырым, скользким бревнам и мечтал о мщении. И мысленно смаковал свою встречу с будущей своей жертвой, с «приговоренным».

Таких «приговоренных» было у него, отныне, двое. Один обитал далеко в Якутске. А второй — где-то тут, на прииске. Может быть, совсем рядом...

* * *

Игорь и действительно, был сейчас совсем рядом!

Он приближался к тому месту, где от «строительной трассы» ответвлялась старая, ведущая к шахте, дорога. До нее оставалось всего метров сто... И вдруг он заметил впереди, в тумане, мутные пятна света.

Это горели автомобильные фары. Их было много — и были они совершенно неподвижны.

Сбросив газ, Игорь медленно подкатил к развилке. Там стояли три машины — два вездехода и небольшой автобус. А рядом с ними чернела и шевелилась людская толпа.

Вездеходы — он знал — принадлежали ведомству капитана Самсонова, автобус же являлся собственностью комендатуры... Стало быть, сюда согнали всю милицейскую технику. И, вероятно, всех людей. А это не могло быть случайным.

«Если они перекрыли дорогу к шахте, — подумал Интеллигент, — значит, там идет облава... Я опоздал! И теперь самое главное — миновать этот кордон. Надо проехать мимо милиции тихо, спокойненько, — так, как если бы я занимался обычной своей работой и ни о чем не догадывался...

А может, наоборот, надо остановиться? — спохватился он тут же, — это было бы вполне естественно! Ведь любой шофер, на моем месте, непременно притормозил бы и постарался выяснить: что же тут происходит?»

Игорь резко нажал на тормоза. И сейчас же от толпы отделились два человека и направились в его сторону.

«Что они знают? — в тревоге спрашивал себя Игорь. — До чего эти гады успели уже докопаться? Может, они подождут сейчас — и схватят. Повяжут... И — конец моим мечтам. Пропал мальчишечка!»

И он потянулся было к рычагу... Но потом пересилил себя. И остался на месте. И почувствовал, как по лицу его и по спине поползли струйки липкого пота.

Среди подошедших — один оказался знакомым. Это был старый сержант из комендатуры, Смирнов. Приоткрыв дверцу кабины, Смирнов сказал удивленно:

— Эй, это ты? Как же так? Ты же с вечера вставал на ремонт. Или я, может, ошибаюсь?

— Да нет, все правильно. — Игорь с трудом выдавил из себя улыбочку. — С вечера кое-какие неполадки были... Но я с ними управился. И эту смену думаю уж какнибудь добить, дотянуть.

— Ты на каменоломню, что ли едешь? — угрюмо поинтересовался другой, незнакомый охранник.

— Ну, да. Куда же еще? А в чем, собственно, дело? Что случилось?

— Ничего, — отрезал охранник, — поменьше спрашивай. И давай, проезжай! Застрывать здесь нельзя!

И с силой захлопнул дверцу кабины.

* * *

Сторожевую заставу — свет ее огней — заметил также и Малыш. Он вовремя это заметил. И, не долго думая, прыгнул с бревенчатого настила в болотный, мягкий, брызжущий влагою мох.

Туша его была тяжела. Моховой покров прорвался — и сразу же он провалился по пояс. Но потом его ноги во что-то уперлись. (То ли это был гранитный пласт, то ли еще не растаявший лед?)

Держась за бревна, Малыш постоял, потоптался в густой грязи. Убедился в том, что идти — можно. И медленно, трудно, побрел в обход тусклых, маячивших впереди огней...

Он решил обойти заставу с запада, со стороны каменоломни.

Идти на восток — в поселок — было опасно. Ведь у него там не было ни одного знакомого... Да он и вообще избегал людных мест! Зато каменный карьер, расположенный на отдаленном пустынном островке, представлялся ему убежищем вполне подходящим, надежным.

На островке этом Малыш мог укрыться в кустах, отлежаться. И может быть, — что-то придумать, найти какое-нибудь решение.

* * *

— Застрывать здесь нельзя! — сказал охранник. И с силой захлопнул дверцу кабины. И Интеллигент вздохнул с облегчением. Мускулы его лица расслабились; застывшая кривая улыбочка, напоминающая скорее судорожную гримасу, превратилась теперь в улыбку натуральную, радостную... Опасность миновала! Путь был открыт!

До каменного карьера отсюда оставалось — километров восемь. И половину этого пути Игорь промчался на полной скорости. Но затем он замедлил ход. А вскоре и совсем остановился. Погасил фары — это на всякий случай, чтобы не привлекать ничего внимания. И закурил, задумался.

Опасность миновала — но вовсе не ушла! И тот факт, что его легко пропустили через заставу, еще мало о чем говорил.

Игорь прекрасно понимал, что на обратном пути его могут поджидать любые неожиданности... «Так что же делать? — размышлял он, — бежать с прииска? Но бежать еще рановато. Еще ничего не ясно. И вообще торопливость в подобных делах — опасна. Хотя, с другой стороны, и долго медлить тоже нельзя.»

Папироса догорела, и он тут же прикурил новую. И так сидел, размышляя и маясь, и все дымил и дымил. Затем он опустил боковое стекло — чтобы проветрить кабину. И внезапно услышал близкий шорох, сопение, непонятную возню.

Игорь выглянул в окно. И ему почудилось, что на дороге — из болотной тины — выползает какое-то черное чудовище... «Час предутренних духов, — подумал он, — время, когда властвуют болотные демоны!»

Болотный демон застонал и внятно выругался. Слова были русские. Ругань — блатная. А голос, к тому же, — странно знаком... И тогда Игорь поспешно включил машинные фары.

Малышу было нехорошо. Раны его болели все сильнее и сильнее. (Пулевые «царапины» оказались гораздо серьезнее, чем он полагал!) И особенно донимало его простреленное бедро. Кровь беспрестанно стекала по бедру в сапог. И с каждой каплей иссякали силы... И когда Малыш добрался до дороги, — он был совсем уже плох.

Кряхтя и стона, он уселся на край бревенчатого настила. И вдруг перед ним вспыхнули слепящие огни.

Облитый светом, Малыш поднялся, пошатываясь и шурясь. Он растерялся. Случившееся ошеломило его. Огромная машина, казалось, специально поджидала его здесь, таилась в тумане.

Открылась дверца кабины. С подножки спрыгнул Игорь Беляевский. Некоторое время они молча разглядывали друг друга. И потом оба одновременно воскликнули:

— Ты?!

Наконец-то Малыш встретился с давним своим врагом, с одним из «приговоренных»! И сразу, привычным движением, он рванул из-за пояса револьвер. Нажал курок. Но выстрела не последовало.

Израженный и усталый, он совсем забыл о том, что кольт его разряжен.

А Игорь круто повернулся и бросился к машине.

Отшвырнув с проклятием револьвер, Малыш потянул из чехла ножик. Метнул его вдогонку... Но рука у него была уже не та! И тяжелый охотничий нож — неряшливо вертясь и блистая — пролетел мимо Игоря и упал, дребезжа, на дорогу.

В ту же минуту дверца кабины захлопнулась. Мотор загудел, завыл. И самосвал тронулся.

И Малыш попятился, заслоняясь руками от света — от надвигающейся беды...

Потом он побежал — и это было первой роковой его ошибкой! Ему следовало бы сейчас свернуть с дороги, спрыгнуть в грязь и углубиться в болотные заросли. И Интеллигент, конечно, не стал бы его там разыскивать! (Игорь же ведь помнил, знал, какой непомерной силой обладает Малыш.)

С такими, как этот парень, сходитья в драке вплотную было крайне опасно, Таких полагалось убивать на расстоянии... Однако пистолета Игорь при себе не держал.

Нет, гнаться за ним по болотам Игорь вряд ли бы стал... Другое дело — здесь, на дороге!

Здесь в распоряжении Игоря имелась мощная многотонная машина; он был, можно сказать, неплохо вооружен. И все преимущества оказывались на его стороне.

И глядя в спину убежавшему, Игорь усмехнулся надменно. И плавно нажал на акселератор.

* * *

Мальш бежал, хромая и оскальзываясь. В левом его сапоге хлопала кровавая жижка. И телогрейка на боку и спине тоже вся была пропитана кровью. Он изнемогал. Но остановиться и передохнуть не мог; его преследовал грохочущий самосвал.

Машина двигалась за ним на расстоянии метра — не более. И — не шибко быстро. Она как бы подталкивала Малыша, гнала куда-то.

И он бежал, бежал из последних сил... Но вдруг опомнился. На какое-то мгновение остановился. Подумал: «Куда я бегу, дурак! На кой черт мне эта дорога?» И сиганул в сторону — в болото.

И вот тут он допустил последнюю свою ошибку!

Последнюю — потому, что в этом именно месте сворачивать с дороги было уже нельзя. Тут, неподалеку от каменного карьера, начиналась настоящая гиблая трясина. Она со всех сторон окружала болотный остров и подходила вплотную к трассе — и сюда-то как раз и гнал Игорь своего врага.

В том месте, куда спрыгнул Малыш, послышались шипящие, булькающие звуки. Как будто в болоте что-то закипело... Словно бы там готовилось какое-то варево... Затем на краю настила появилась рука.

Рука вцепилась в бревно. Ломая ногти, заскребла древесину. И тотчас же скрюченные эти пальцы накрыло колесо самосвала.

27

*Снова — старая шахта. Заячья Губа. Нежданный пришелец.
Разгадка тайны. Проглоченная записка.*

Поминутно вздрагивая, замирая, прислушиваясь к тишине, Заячья Губа возвращался на шахту.

И вот перед ним возник — в туманной мгле — высокий конус рудного отвала. Тогда он осторожно вылез из кустарника. И побежал, пригибаясь, через шахтный двор.

Двор был пустынен и тих. И все же Николая не покидало неприятное, тревожное чувство, — такое, как будто кто-то украдкой следил за ним, глядел ему в спину... (Это чувство он уже испытал не так давно — ранней весной — на вершине Холма Пляшущего!)

Добежав до шахты, Николай оглянулся, перевел дыхание.

Ничего подозрительного не заметил. И стал спускаться в черное жерло штольни.

Он достал карманный фонарик (здесь, под землей, им можно было пользоваться свободно, не опасаясь сторонних глаз.) И пройдя несколько шагов, свернул в боковой, правый штрек.

И как только он свернул туда, — то сразу же заметил чужие следы. В штреке кто-то уже успел побывать! Однако следы эти, по счастью, далеко не вели; они обрывались у третьей рудничной стойки. Мешки с камнями оставались пока целыми, не потревоженными.

«Возможно, что и впредь никто не рискнет пойти дальше, — подумал Заячья Губа, — но все же рисковать не стоит. Всегда ведь может найтись какой-нибудь тип, особенно настырный и слишком везучий! И потому надо заранее обезопаситься, — принять срочные меры...»

Николай извлек из кармана клубок шпагата. Прикрепил бечевку к большому остроугольному камню — у входа в штрек. Натянул ее над самым полом. Другой ее конец провел в глубину штрека и соединил там с шаткой, гнилой, почти уже падающей крепью. «Теперь, — рассудил он, — если кто-нибудь сунется сюда, то непременно заденет ногой бечевку. Та свалит стойку. И это вызовет обвал... Судя по всему, обвал не должен быть слишком большим. Но панику он все же спровоцирует, — это уж точно. И дорогу к ценностям перекроет надежно!»

* * *

Покончив с делами, Николай поднялся к выходу. Но выбираться наружу не стал — остался в укрытии... В этом месте, у самого выхода, штольня расширялась, образуя небольшую пещеру. Николай уселся здесь и закурил с наслаждением.

Он отдыхал, попыхивал дымом и думал о том, как бы побыстрее связаться теперь со своими хозяевами — с «Серыми»...

И вдруг ему припомнилась фраза из недавнего, подслушанного в кустах разговора. «К утру будет блокирован весь оленекский район, — сказал кто-то из милиционеров, — начнут задерживать всех подозрительных...» И Заячья Губа с содроганием понял, что речь тогда шла о таких, как он. В сущности, — о нем самом! Ведь он-то как раз и есть, и всегда был, человеком — в глазах милиции — явно подозрительным.

«Если меня задержат где-нибудь в тайге, может получиться история скверная, — забеспокоился он, — алмазы для «Серых» пропадут. И они сразу же во всем обвинят меня. А как я смогу оправдаться? Да и смогу ли? Успею ли? А «Серые» шутить не любят. Их ангелы разыщут меня в любой тюрьме, всюду, — и тогда, пожалуй, уже некогда будет

толковать. У «Серых» все делается быстро... Значит, надо сейчас же, немедленно, приготовить записку с указанием места тайника и объяснением всех деталей!»

Заячья Губа положил зажженный фонарик наземь — лампой к себе. И торопливо стал рыться в карманах, ища хоть какой-нибудь клочок бумаги. Но бумаги не было. Было много всякого другого хлама; патроны, мелкие монеты, обрывок шпагата, огрызок карандаша.

В руки ему попала полупустая, смятая пачка папирос. И поначалу он не обратил на нее внимания. Но потом опять достал — повертел в пальцах... И обрадовался: чего же я, дурак, ищу? Бумага — вот она!

Он оторвал от пачки узкую полоску. Разравнивал ее, разгладил. И, положив на плоский осколок гранита, начал писать.

Заячья Губа писал и, одновременно, думал о том, кому же отдать эту записку? Козлу? Ох, нет, нельзя... Когда-то он вместе с Козлом провел два года в лагере на Печоре. И сумел неплохо изучить его характер... Козел был суетен, жаден, хитер, — это Николай отлично знал. И понимал, что тот, в случае надобности, может пойти на любую подлость. Другое дело — Игорь Беляевский!

В общем-то, Игорь тоже не очень нравился Заячьей Губе. Парень этот разыгрывал из себя аристократа, гордился своей верностью полузабытым, ветхим, никому давно не нужным традициям. И поэтому выглядел нелепым, смешным... Но все же, Николай понимал, что Интеллигент — единственный, на кого сейчас можно положиться. Он человек слова, этот Игорь! Он не подведет, не предаст. И лучшей кандидатуры, конечно же, в данный момент не сыскать.

Кончив писать, Заячья Губа скатал бумажку в тугий шарик — величиною с боб. Подкинул на ладони. И улыбнулся удовлетворенно: получилось хорошо. Такой шарик спрятать не трудно. И уж Интеллигента-то не надо учить, как прятать. Он же старый уркаган. Он знает дело!

Но тут же им опять овладели тревожные мысли. Черт возьми, а как же теперь отыскать Интеллигента? Где он может находиться? На работе? Или же дома, в поселке? Или, может, у этой толстухи, у своей любовницы? Да и отыскать-то еще полдела. Главная проблема: благополучно миновать милицейские посты!

И все-таки он был оптимистом — Николай. Он всегда верил в себя, в свою удачу. И побарывая беспокойство, подумал: «Ничего, как-нибудь вывернусь... Фортуна меня любит. И если мне всегда выпадала счастливая карта, — почему бы ей не выпасть еще раз?»

И так он был увлечен своими мыслями, так высоко в них занесся, что не сразу услышал звук приближающихся шагов.

Шаги приблизились. Заскрипел под подошвами гравий. Заячья Губа встрепенулся, поднял голову. И увидел чей-то черный силуэт.

Силуэт этот четко вырисовывался в овальном отверстии входа; там, снаружи, мгла уже поредела. Начинаясь медленный мутный рассвет...

Николай потянулся было к поясу — к револьверу. Но странный пришелец сказал сейчас же:

— Тихо, Коля, не шевелись! Я стреляю без промаха. Да ведь ты и сам знаешь.

— Но кто ты такой? — побелевшими губами выговорил Николай. — Погоди, погоди...

Он вытянул шею, всматриваясь. И ахнул изумленно:

— Степан?

— Однако, я, — сказал, усмехаясь, рябой якут.

— Ты что здесь делаешь? Зачем пришел?

— За тобой.

— За мной? Ты разве знал, что я — здесь?

— Ну, да. Я ведь за тобой давно наблюдаю. Все время наблюдаю... Еще с тех самых пор, когда ты — помнишь? — сжег секретный пакет. Ты что ж тогда думал: я поверю?..

— Но чего ты хочешь?

— Алмазы, Коля. Алмазы! Ты где их прячешь?

— Какие алмазы? Ничего не понимаю...

Заячья Губа попытался изобразить недоумение, досаду, растерянность. Но якут перебил его:

— Не хитри! Говори правду! Учти, я знаю, чем ты занимался все последнее время.

— Откуда ты знаешь?

— Мне твой дружок, Сергей, все рассказал!

— Сергей?

— Ну да. Помнишь его? Или ты, может, уже позабыл? Ты ведь своих друзей забываешь легко...

— Погоди, так это ты, значит, встречался с ним тогда — на Холме Пляшущего? — изумленно пробормотал Николай. — Вот, значит, как все было... Почему же я, дурак, об этом сразу не подумал?

Слова Степана потрясли Заячью Губу. Наконец-то приоткрылась завеса над давней, мрачной тайной, — тайной, интриговавшей всех в округе и постоянно мучившей его самого... Все разъяснилось. И оказалось на редкость простым!

— Ах, я дурак, — повторил он, — но объясни еще вот что... Как же это Серега тебе рассказал о наших делах? Он что, раскололся сам, добровольно?

— Он же был сильно пьяный, напуганный. И крепко на тебя обижался! А я его обогрел, угостил чайком...

— Та-ак, — Николай покивал, припоминая давние события. — Да, да, да... Но погоди. Еще вопрос! Зачем же ты все-таки задушил Серегу? Он был парень безвредный.

— А как бы я мог его отпустить? Если бы он вернулся в барак, он рассказал бы о нашей встрече. И вы потом стали бы сами за мной охотиться... Не-ет, Коля, я не дурнее тебя. У вас, у русских, есть одна хорошая блатная поговорка... Да ведь я впервые от тебя ее услышал!

— Какая поговорка? — уныло спросил Николай. — Их у нас много.

— На хитрую жопу всегда найдется член с винтом!

— Что ж, сказано неплохо, но...

— Ты не отвиливай! Говори: где алмазы? Хитрить со мной, учти, бесполезно. И — да, покажи-ка, что это ты там держишь в руке?

Во все время этого разговора Заячья Губа прятал бумажный шарик в ладони. Теперь же он понял, что хитрить, действительно, бесполезно. Проклятый якут все видел, все подмечал.

— А ну, разожми кулак! — Якут угрожающе вскинул карабин. — Покажи!

И тогда, разжав кулак, Николай ловко бросил шарик в рот. С усилием проглотил его. И нагло рассмеялся в лицо якуту.

— Ты что это съел? — спросил подозрительно Степан. — Камень?

— Да нет, кое-что поважнее, — небрежно сказал Заячья Губа, — пожалуй, самое важное.

«Ах, ты, паскуда, — подумал он, — рябая морда! Ты, конечно, обыграл меня. Но не полностью, не до конца... Нет, не до конца!»

Однако додумать эту мысль он не успел. Якут подступил к нему вплотную и коротко, резко, ударил его по лицу тяжелым, окованным медью прикладом карабина.

И от этого ошеломляющего удара все с треском перевернулось в глазах Николая. Он ахнул, опрокинулся навзничь. И так и остался лежать. И все вокруг него тотчас же заволклось непроглядною мглою...

Якут вынул широкий, отточенный, как бритва, нож. Склонился над беспомощным, потерявшим сознание Николаем. И одним движением распорол его рубашку.

Обнажились выступы ребер, грудные мышцы, худой, запавший, мускулистый живот. И Степан, сощурился, какое-то время разглядывал беззащитное это тело.

Рябое морщинистое лицо якута выражало полное спокойствие, какую-то даже скуку. Он думал сейчас о деле, о работе — и только!

Конечно, он сразу же догадался, что Заячья Губа проглотил записку, хранящую какую-то тайну. Скорее всего — тайну клада. (Парень сам себя выдал, заявив, что это — «самое важное».) И теперь надо было постараться как можно скорее достать эту записку, достать из нутра — из желудка... Как и каждый таежный охотник, Степан был неплохим препаратором. Он умел разделявать и потрошить звериные туши. Он привык копать в их внутренностях... И в данном случае ему предстояла такая же простая, привычная работа!

Поразмыслив недолго, Степан опустил свой нож — и резко рванул его на себя. И по животу Николая, по бледной его коже, мгновенно протянулся ровный длинный багровый разрез.

Заячья Губа был в глубоком обмороке; сейчас он, вроде бы, ничего не должен был чувствовать! И все же плоть его среагировала... Тело дрогнуло, затрепетало и выгнулось крутою дугой.

Начались конвульсии. Но продолжались они недолго.

28

Великий птичий перелет. Рябой якут. «Мягкая смерть».

С восходом солнца — когда туман стал развеиваться, редеть, — над прииском Радужный послышались тягучие, хриплые крики гусиных стай и лебединых косяков.

Наконец-то он наступил — час великого птичьего перелета!

И прислушиваясь к этим крикам, к плеску многих крыл, старший лейтенант Кравцов сказал:

— Наш капитан — завзятый охотник. И он очень ждал этого часа. Ах, как ждал! А вот поди ж ты... Да, прискорбно.

— Да, — повторил Сидорчук, — прискорбно.

Они только что вышли из дома Самсонова, куда капитан был принесен сразу же после тайги. И, шагая по главной улице поселка, оба думали — о нем. Состояние капитана было неважное; он находился в беспамятстве, бредил...

— Но все-таки, как вы думаете, — спросил, помолчав, Сидорчук, — надежда какая-нибудь есть? Этот ваш медик, мне кажется, человек знающий, толковый.

— Нужна срочная операция, — сказал Кравцов, — а наш медик, хоть он и толковый, но все же — молодой. Бойтся ответственности... Требуется опытного хирурга... И я его понимаю. Случай очень серьезный!

— Вы уже связались с Якутском?

— Ну, ясно. Сразу, как вернулись. Но проблема в том, что хирург прилетит только к вечеру. Да и то, — если не будет

никаких помех... Вся надежда теперь — на хорошую погоду.

— Так что ж, погода...

Сидорчук запрокинул голову, озирая небосвод, позлащенный зарею и исполненный птичьего гомона.

— Погода добрая! Она не подведет.

— Кто знает, — поднял плечи Кравцов, — кто знает? В Якутии всего можно ожидать. Сейчас ведь наступает лето, — самое бурное время. Время ливней и гроз. И каких гроз!

— Н-да, Якутия, — протяжно проговорил Сидорчук. — Удивительная страна! Сколько тут всяческих сложностей...

— В этих сложностях, кстати сказать, Самсонов отлично разбирался, — Кравцов легонько вздохнул. — Наш старик все понимал — и природу, и людей... Да ведь это понятно! Он же коренной сибиряк! А я, в сущности, кто? Турист.

— Вы когда сюда прибыли?

— Два года назад. Из Ленинграда... И об этой проклятой Якутии никогда раньше даже и понятия не имел.

Кравцов был в эту минуту вполне откровенен. Главную роль тут сыграло то обстоятельство, что оба они принадлежали к разным ведомствам. Пути их, в принципе, почти не пересекались... Ведь откровенничать с чужими, случайными людьми, много легче и безопаснее, чем со своими, с близкими.

— Все легло на мои плечи, — продолжал Кравцов, — а это, думаете, легко? У меня есть немало разных вопросов... Но как их без него решить?

— Между прочим, у меня тоже есть кое-какие вопросы...

— Вопросы — к кому? К капитану?

— Вот именно что — к нему! Вчера, в суматохе, я не успел их задать... А теперь уж и не знаю, что делать. Боюсь, что — поздно.

— А вы задайте их мне, — сказал Кравцов, — выкладывайте, что там у вас? Как бы то ни было, я сейчас — прямой заместитель Самсонова!

— Ладно, — кивнул головой Сидорчук. И если вы не возражаете, я начну издалека... Так будет понятнее... Дело в том, что месяца два тому назад был обнаружен один весьма важный дефект в организации охраны вашего прииска.

— Какой дефект? — живо спросил Кравцов.

— Выяснилось, что «алмазная трасса», ведущая от кимберлитового карьера к приемным бункерам лаборатории, у вас до сих пор не освещена и почти никак не контролируется. Понимаете? Ведь это открывает широкие возможности для самых разных комбинаций.

— Ну, например, — для каких?

— Для разных... Что стоит, хотя бы, сбросить на ходу с машины солидный кусок кимберлитовой породы? Подобрать его потом будет не трудно. А ведь там — алмазы! И их

может оказаться много... Или же представьте себе другой вариант. Преступники угоняют груженный самосвал куда-нибудь в сторону...

— Это, все-таки, сделать не так-то легко, — с сомнением в голосе проговорил Кравцов. — Не забывайте: наш район — болотный. Дорог здесь мало. И все кругом — как на ладони. Все на виду!

— На виду? — покачал головой лейтенант, — среди этих-то туманов?

— Ну, я сказал так — в переносном смысле...

— Неважно. В любом смысле, места здесь трудные, темные... Да вы разве забыли о старой шахте? Вероятно, имеются еще и другие варианты. Словом, в управлении заинтересовались. И где-то в начале марта на адрес капитана был отправлен специальный пакет. Однако ответа на него не поступило... Какое-то время мы ждали. Потом слегка позабыли об этом. Дел у нас, вы сами понимаете, много! Но вот теперь начальство вдруг вспомнило — и начался переполох. И потому-то я, собственно, и прибыл.

— В начале марта? — медленно, удивленно, переспросил Кравцов, — вот как! Между прочим, как раз тогда, в районе Путорана, упал почтовый самолет... Но никаких пакетов, адресованных Самсонову, мы не обнаружили.

— И все же самолет был именно тот самый!

— Странно, — пробормотал Кравцов. — Ведь сохранилось же, в сущности, все! Даже — почтовые переводы.

— Значит, пакет похитили...

— Но как же можно было отправлять его с простой почтой? Для этого существует особая фельдъегерская служба. Вы сами знаете!

— Так в том-то и дело, что этот летчик исполнял одновременно обязанности фельдъегеря. По прибытии в село Оленек, он должен был передать пакет — под расписку — в руки работников местной милиции. А уже те доставили бы его к вам на прииск.

— Самолет упал во время снежной бури километрах в двадцати от села, — после недолгого молчания сказал Кравцов. — Да, не повезло... Никому не повезло! Если бы не было проклятого бурана, то и летчик остался бы жив, и возможно — сам капитан. Да, да. Я тут улавливаю некую связь... Пакет, бесспорно, похитили — и это дало толчок ко всем последующим событиям.

— А кто, собственно, обнаружил упавший самолет?

— Один здешний охотник, якут.

Кравцов произнес это — и умолк, задумался. И потом:

— Черт возьми! Мы все как-то забыли о нем... А ведь он же единственный, кто может дать хоть какие-то разъяснения.

— Вопрос в том, захочет ли он их дать, — проговорил с усмешечкой Сидорчук.

— Ну, это-то как раз не вопрос, — отмахнулся Кравцов. — Если надо — заставим. Главное, найти его побыстрее!

— А где он обретается?

— Точно неизвестно. Он же охотник, бродяга. Но капитан не так давно говорил, что видел этого типа в ближайшем стойбище, у шамана... Вот оттуда мы и начнем поиск!

* * *

Поиск этот, однако, желаемого результата не принес. Рябой якут исчез. И никто в стойбище не мог объяснить — куда... Старый шаман, Нюргун, на все вопросы отвечал медлительным, скрипучим своим голосом:

— Был здесь — верно. Но потом ушел. Куда — не знаю. Своего дома у Степана нет. Живет в тайге, а тайга большая!

И председатель колхоза Аким тоже не смог сказать ничего вразумительного.

— Степан никогда не оставляет прямого следа, — заявил он, — все время кружит, петляет, — как хорек... Но все же, учтите. Началась большая охота! Так что искать его, по моему, надо теперь среди болот, на тайных охотничьих тропах.

Лейтенант Сидорчук спросил у Кравцова — когда они покинули стойбище:

— Вы эти тропы знаете?

— Да как вам сказать, — угрюмо ответил Кравцов, — знаю некоторые, но — плохо, мало... Охотники засекречивают их, чужим не показывают... Вот старик Самсонов знал здесь все! Он же был для якутов — своим!

— Ну, и что же вы собираетесь предпринять?

— Так что ж мне остается? Буду продолжать розыск... Рано или поздно, Степан все равно заловится! Из пределов района он уйти еще не успел. Вероятно, таится где-нибудь, прячется неподалеку...

— Лежит где-нибудь в кустах, — добавил лейтенант, — покуривает и смеется над нами, дураками!

* * *

Степан и действительно лежал в кустах, — в семи километрах от стойбища. Но было ему сейчас не до смеха. И курить он не мог. Он вообще не мог шевелиться; даже пальцем двинуть был не в силах...

Все суставы его рук и ног, все сочленения и хрящи, были перебиты, раздроблены. Тело его представляло как бы студенистую массу. И единственное, что он мог, это только дышать — но с трудом. Глядеть — но сквозь зыбкую поволоку слез. И думать, — преодолевая боль и головокружение.

И он лежал так и думал, перебирая в памяти подробности недавних событий.

Все поначалу шло хорошо, шло — как надо! Он ловко выследил Заячью Губу. И вовремя сумел извлечь из его нутра бесценную записку... Пропитанная кровью и желудочной слизью, бумажка эта все-таки уцелела! Спасло ее то обстоятельство, что она была скатана в тугий плотный шарик. И уцелел также и текст записки, — ибо он был начертан карандашом не химическим, а простым, графитным... А ведь графит не боится ни влаги, ни кислоты. Он очень стоек, графит. Как-никак это — близкий родственник алмаза!

Да, все, в сущности получилось неплохо. Степан быстро разыскал мешки с камнями. И выволок их из шахты. И сбегав по откосу вниз, в болото, — побрел по зыбким, моховым кочкам.

Рябой якут шел тайной, путанной тропкой, которую он сам же и проложил в позапрошлом году. И он был твердо уверен, что никто, кроме него, об этом пути не знает!

Но оказалось, что знал еще кто-то...

Внезапно в тумане послышался тихий свист. Взметнулся, раскручиваясь, ременной аркан. И Рябой почувствовал, как плечи его сдавила тугая петля.

Последовал резкий рывок. Рябой поскользнулся и упал. И сейчас же его окружили какие-то люди. Все произошло столь стремительно, что он даже и разглядеть-то не успел нападавших. Но все же понял, угадал, что это были якуты.

Потом на него обрушились удары — и он закричал от нестерпимой боли. Били безжалостно, деловито и с разных сторон. Степан почувствовал, как захрустели его кости... И потерял сознание.

А когда он очнулся, то людей вокруг него не было. И не было мешков с камнями. И ночь уже кончилась; над сырыми болотными зарослями восходила веселая, румяная заря.

* * *

Степан лежал на спине — на широкой выпуклой кочке. Перебитые его ноги утопали в грязи. И руки тоже свисали по краям этой кочки, как плети.

Он был совершенно беспомощен, парализован. И сознавал, что умирает. И понимал также и то, что конец его будет долгим, мучительным... Кто-то, зачем-то, обрек его на страшную, так называемую «мягкую смерть».

Этот способ медленного убийства сохранился на Севере с древнейших, незапамятных пор. Он применялся, обычно, шаманами. И всегда — крайне редко. В тех исключительных случаях, когда надо было принести особую, ритуальную жертву...

Сущность данного ритуала заключалась в том, что «жерт-

ву», вроде бы, вовсе и не убивали; ее просто лишали возможности двигаться. В таком виде ее дарили болотным могущественным духам!

Духи могли не принять такого подарка — отвергнуть его. Или же наоборот, — одобрить и пожрать... И они, как правило, с огромным удовольствием пожирали эти жертвы!

Пожирали, так сказать, — живьем... И в этом был свой, мистический смысл. Ибо духам потребна не только плоть, но также и душа. А душа, как известно, обитать в мертвом теле не может.

Рябой якут был человеком, напрочь лишенным всякой сентиментальности. Он никогда никого не жалел (в том числе и себя самого!). Но сейчас он, может быть, впервые в жизни, испытал горькую обиду и жалость к себе. «За что меня так? — думал он, — почему? И кому это могло бы понадобиться?»

А свет становился все ярче, пронзительней. Туман постепенно развеялся. Проглянуло небо. Оно было чистым, безоблачным, — красным снизу и голубым вверху. И там, в бездонной голубизне, черными пунктирами тянулись перелетные птицы.

Денек обещал быть добрым, солнечным... И к Рябому пришла утешительная мысль: «При дневном свете духи успокаиваются, уходят в тину, в глубину... Так, может быть, мне теперь повезет, и я смогу умереть спокойно, своей смертью? Еще до наступления темноты?»

Но очень быстро надежда эта погасла. И Рябого вновь захлестнула волна страха и смертной тоски.

* * *

Скосив глаза (вертеть головой Степан ведь не мог!), он заметил с правой стороны неясные очертания какого-то животного.

Лохматое, не очень большое, — похожее на росомуху — животное это возникло из болотной мути. И на мгновение замерло, застыло, обратясь как бы в темную замшелую корягу. Затем коряга шевельнулась. И осторожно — короткими рывками — двинулась прямо к Степану.

Блеснули два зеленых огонька — два круглых, ледяных, немигающих глаза... Степан захотел грозно крикнуть, отпугнуть беду. Но из горла его, сведенного судорогой ужаса, вырвался только слабый, болезненный хрип.

*Последние, заключительные события... «Серые Ангелы».
Птицы всегда возвращаются к старым гнездовьям. Песня
старого шамана.*

Солнце взошло — завершило свой медленный круг — и опять над прииском Радужный закрубились синие сумерки.

И весь этот день Интеллигент провел в тревоге, в душевных метаниях. Он так и не смог попасть на старую шахту и не знал: что же там, в действительности, произошло? А знать было крайне важно. От этого зависела вся его дальнейшая жизнь.

По поселку, впрочем, бродили всевозможные слухи. Люди рассказывали, что на болотах, у старой шахты, произошло настоящее сражение. Передавались какие-то жуткие подробности о неизвестном человеке с оторванной головой, о Заячьей Губе, которого кто-то зарезал и выпотрошил, как оленя... И было чрезвычайно трудно разобраться в этом потоке сплетен — отделить правду от вымысла.

Едва дождавшись ночи, Игорь поспешил к своей подруге. «Уж Ольга-то должна знать, — подумал он, — в столовой, как на базаре: собираются все сплетни. Но скажет ли она — вот что сомнительно! Может, опять не примет меня. Как в прошлый раз. Что-то с ней случилось за последнее время...»

* * *

— Заходи, Игорек, — проворковала толстуха, открывая дверь, — заходи, мой милый! Я тебя, как раз, ожидаю. Даже искать собралась. И кстати, с тобой еще кое-кто хочет познакомиться...

— Ты, значит, опять, — не одна? — угрюмо спросил Игорь.

— Да не совсем одна... Но ты не беспокойся. Эти люди — свои.

— Но кто они такие?

— Да как тебе объяснить... Ты войди в помещение — и сам все увидишь.

— Что-то ты, старуха, хитришь, — проговорил недоверчиво Игорь, — тень на плетень наводишь... Ох, смотри!..

— Да брось, Игорек, не будь таким пугливым, — сказала Ольга. И потянула его за рукав. — Иди, иди, не сомневайся!

Он вошел в дом и увидел две любопытные фигуры. Раньше он никогда их не встречал! И все-таки сразу почуял, понял, что люди эти — подземные, блатные. Но блатные не обычные, не простые, а какие-то особенные.

Один из них был уже не молод и сед, — но очень строен и очень высок. В его движениях угадывалась сдержанная сила. И он отличался странной, вкрадчивой вежливостью. Другой же тип внешне походил на японца; узкое сухое его лицо обтягивала кожа, желтоватая, как старый пергамент.

Маленький и жилистый, этот японец сидел за столом, на дальнем конце — возле печки. Он что-то там жевал и помалкивал. И на приход Игоря никак не среагировал... Зато высокий седоголовый заметно оживился, тотчас же поднялся и протянул Игорю руку:

— Так это вы и есть — тот самый Интеллигент? — сказал он. — Я о вас много слышал... Рад познакомиться! Меня зовут Семен Сергеевич.

Он крепко, коротко, сдвинул пальцы Игоря. И затем кивнул в сторону своего напарника:

— А это — Самурай. Такая у него кличка. Мы вместе работаем.

— Где? — быстро спросил Игорь. — На кого?

— Вы что-нибудь слышали о «Серых»?

— О «Серых»? — повторил настороженно Игорь. — Ах, вот в чем дело. Значит — вы?..

— Да, — кивнул Семен Сергеевич, — а что? Вас это удивляет?

— Ну, немного. — Игорь пожал плечами. — Скорее, даже не вы удивляете, а она!

И круто поворачиваясь, он посмотрел в упор на Ольгу.

— Так и ты, стало быть, — тоже?..

— И она тоже, — сказал Семен Сергеевич, — мы ее очень ценим!

— Вот уж этого, признаться, я меньше всего ожидал, — усмехнулся Игорь. — Но в конце концов, что ж... Жизнь, как говорят в Одессе, — сплошная цирковая арена. Каждый кувырывается по-своему.

— А почему, Игорек, — спросила медленно Ольга, — почему ты не ожидал? — Она, кажется, решила обидеться. — Что уж я, такая безнадежная блядь?

— Да нет, я не о том... — Игорь замялся, подыскивая подходящее выражение. — Просто, как-то странно. Ты — и эта суровая организация...

— Для этой суровой организации, — веско, отделяя слова, сказал Семен Сергеевич, — зачастую как раз и нужны такие, как Ольга. Ведь она же — гениальный поставщик информации! Да и вообще, прелестная женщина.

И Самурай при этих словах вдруг засмеялся, заржал, выпячивая кривые, неряшливые свои зубы.

— Это еще что такое? — удивленно посмотрел на него Семен Сергеевич. — Друг мой, ты ошибся... Ты не в цирке... И разговор у нас сейчас — деловой!

Он сказал это ласково, собрав у глаз добрые морщинки, но Самурай поперхнулся и сразу умолк. И опять склонился над закусками.

— Ладно, — сказал тогда Игорь, — кончайте эту комедию.

До сих пор он стоял, но теперь уселся за стол — спиной к дверям, к выходу. Уперся кулаками в расставленные ляжки. И сухо спросил:

— Вы меня хотели видеть — зачем?

— По многим причинам, друг мой, по многим, — мягко отозвался Семен Сергеевич. — Но может быть, мы, для разгона, выпьем, а? Рванем по стопочке?

Они рванули — по первой... И повторили. И потом приняли еще. И наконец, отодвинув тарелки с едой, — закурили неспешно.

Вытолкнув губами голубое колечко дыма, Семен Сергеевич начал:

— Мы знаем о вас почти все. О вашем прошлом, а также — о настоящем.

— Ого! Это кто же вас просветил? — Игорь указал папиросой на Ольгу. — Уж не она ли? Не этот ли ваш гениальный поставщик информации?

— Не только она, — сказал Семен Сергеевич, — да и вообще дело не в ней. Вы человек, в своем роде, известный... Но чего это вы все кипятитесь, друг мой? Чего топорщитесь? Похоже, что нам не рады. А между тем, мы к вам — добром! Хотим помочь.

— Помочь?

— Ну, конечно! Ведь у вас сейчас — большие затруднения...

— Что вы можете знать о моих затруднениях, — пробормотал Игорь.

— Кое-что, все же, нам известно, — сказал Семен Сергеевич. — Вы, может быть, забыли: Заячья Губа был ведь наш человек!

— Да, — сказал Игорь жестко, — был! И что с ним стало? Кто-то в шахте расправился с ним не по-людски... И милиция тут, конечно, не при чем. Мусора обычно ножи не употребляют и вообще орудуют по-другому... Так что в этом деле замешаны иные люди. Может быть — целая организация.

При этих словах Семен Сергеевич помрачнел, нахмурился.

— Уж не хотите ли вы сказать...

— Вот именно что — хочу!

— Но с чего вы это взяли? Откуда такая дикая мысль?

— Почему же — дикая? — сказал, с кривой ухмылочкой, Игорь. — По-моему, наоборот. Все очень просто и ясно... И с такими вещами я уже встречался раньше! Организация использует кого-то, а потом устраняет — за ненадобностью.

— Что ты, миленький, что ты, — сейчас же отозвалась Ольга. — Они, то есть мы, то есть, «Серые», — совсем не такие!

— Ты уверена? — поднял брови Игорь.

— Вот хочешь, я поклянусь. Поклянусь — чем угодно!

— Не клянись, — сказал Игорь устало, — не стоит... — И протянул ей пустой стакан. — А ну-ка, плесни еще немного!

И потом внимательно, остро глянул в глаза Семена Сергеевича:

— Если не вы — то кто же? Как это все объяснить? Ведь именно ваша организация стояла за спиной Николая. А теперь он убит. И алмазы исчезли!

С минуту они оба — молча — разглядывали друг друга. И выпив наполненный Ольгой стакан, Игорь добавил, явно перерывная собеседника:

— Постарайтесь, друг мой, меня понять...

— Что ж, я вас понимаю, — сказал, помедлив, Семен Сергеевич, — объяснить происшедшее пока трудновато. Могу лишь сказать одно: алмазы исчезли не только для вас, но и для нас! И потому-то мы сюда и приехали.

— Ну-у-у, — протянул Игорь, — если это — честно...

— Абсолютно честно, — вмешалась опять Ольга. — Можешь мне верить! Кто-то, а уж Семен Сергеевич, наш шеф...

— Так вы, значит, — шеф? — спросил Игорь.

— Шеф, друг мой, — это чересчур сильно сказано. — Семен Сергеевич метнул недовольный взгляд в сторону Ольги. — Но конечно, кое-какое значение в организации я имею... И я — заметьте себе это — не терплю мелких хитростей и интриг! Сейчас разговор идет по большому счету. На полной откровенности. Я лично вам доверяю. И прошу также вашего доверия.

— Хорошо, — наклонил голову Игорь, — я вас слушаю.

— Объяснить происшедшее пока трудновато. Но предположить кое-что можно. Вы, например, знаете, что в Якутске существует группа фарцовщиков, интересующаяся здешними алмазами?

— Нет, — сказал Игорь, — впервые слышу.

— А между тем, они весьма активны! И руководит ими некто Самарский. Ваш знакомый, если я не ошибаюсь. Он же ведь родом с Украины, из Полтавы.

— Наум? — удивился Игорь, — разве он здесь, в Сибири? Да, это крупный деляга.

— Вы его хорошо знаете?

— Да не то, чтобы хорошо... Но в общем — знаю! Встречался несколько раз. В мое время, в Полтаве, это был, пожалуй, самый знаменитый скупщик краденого. По-блатному — каин...

— Я блатной язык понимаю, — сказал Семен Сергеевич, — ботаю... Можете не разьяснять.

— Вижу, что вы ботаете, — прищурился Игорь, — с одной стороны, вы вроде бы наш, блатной. А с другой... Кто вы, собственно?

— А какая вам разница? Самое главное сейчас — это то, что я не враг ваш, а друг! И у нас общая задача: найти исчезнувшие камни.

— Так, может, они уже в руках у наумовских хлопцев?

— Ну, это был бы самый легкий вариант, — сказал, с сомнением, Семен Сергеевич. — Имейте в виду: Наум у нас — под контролем. Под крепким контролем! Однако мне, почему-то, кажется, что искать пропажу следует в другом месте.

— Где же?

— Пока не знаю... Но могу поручиться: камни еще не ушли из этого района! И вот тут-то вы можете нам помочь.

— Интересно, чем же это я могу быть полезен? — поднял плечи Игорь. — Вы же сами — полчаса тому назад — обещали мне свою помощь...

— Это, знаете ли, взаимосвязано, — неопределенно pokrутил рукой Семен Сергеевич, — вы для нас, мы — для вас.

— Вы для меня, — повторил Игорь, — м-да... Что же вы, конкретно, предлагаете?

— «Руку и сердце» — говоря поэтическим языком! Разве этого мало? Ведь вы же один. А нас много. И мы сильны. И поверьте, мы не устрояем своих людей так вот запросто, за ненадобностью... Хотя у нас, разумеется, и не детский сад! За серьезные проступки организация наказывает... Но у вас-то ведь репутация хорошая! Человек вы достаточно опытный. Как я вижу, учить вас ничему не надо.

На мгновение возникло всеобщее молчание. И потом Семен Сергеевич добавил, лукаво поигрывая бровью:

— Да вы придвигайтесь поближе! А то чего ж так-то, у дверей... Здесь у нас печка, а там — сквозняк! Еще вдруг продует.

— Вы хотите, чтобы я стал «серым», — сказал Игорь, пересаживаясь поближе к печке. — Что ж, ладно... Надо будет подумать.

— Да чего тут думать-то, Игорек, — вмешалась в разговор Ольга, — чего думать? Соглашайся! Дело несложное. Дашь небольшую клятву — и все. И уж тогда-то я буду с тобой — по-настоящему... Только с тобой!

— Погоди, — остановил ее Игорь, — не трещи. Клятва, действительно, дело несложное.

И он опять потянулся взглядом к Семену Сергеевичу.

— Что же теперь я должен буду делать для вас?

— Да ничего особенного, — ответил тот, — просто прислушивайтесь, присматривайтесь ко всему, что происходит в округе. Ловите любую сплетню. У вас есть знакомые среди местных якутов?

— Есть кое-какие...

— Вот к ним стоит присмотреться с особым вниманием.

— Так вы что ли предполагаете?..

— Я ничего пока не предполагаю. — Семен Сергеевич поднял над столом огромные свои ладони. — Я просто советую, как вам жить дальше.

— Как жить! — вздохнул Игорь, — советовать-то легко... А я здесь — как на пороховой бочке. И у меня, должен сказать, уже возникла мыслишка рвануть отсюда побыстрей и подальше. Куда-нибудь совсем далеко... Может, даже, — за рубеж!

— Н-ну, если вы захотите рвануть — приезжайте к нам, в Хабаровск. Оля даст вам адреса явок. От Хабаровска до Америки не так-то уж и далеко... Но к чему торопиться? Вы же ведь оказались как бы в стороне от событий; заподозрить вас в чем-либо трудно! Тем более, что все ваши партнеры убиты.

— Убиты, во-первых, не все, — уныло возразил Игорь. — Вы что ли забыли о Козле? О Федоре Сокове?

— Ах да, Козел, — проговорил протяжно Семен Сергеевич, — про него я и вправду забыл!

И Самурай, перестав жевать, повторил — как дальнейшее эхо:

— Ах, да, — Козел...

И вот перед Игорем разыгралась короткая мимическая сцена, — словно в немом кино. Начался разговор глаз.

Семен Сергеевич слегка сдвинул брови и посмотрел на Самурая. Тот медленно опустил морщинистые веки. И потом покосился на Ольгу. И толстуха не то, чтобы в ответ подмигнула, нет. Круглое, миловидное ее лицо осталось невозмутимым. Лишь изменился на какое-то мгновение цвет голубых, ясных глаз. Что-то там, в глазах, вроде бы дрогнуло, потемнело... А затем Ольга повернулась к Игорю — и послала ему широкую, простецкую свою улыбку, обнажающую все зубы, все десны.

— Об ем, миленький, ты можешь не беспокоиться!

Она весело это сказала. И Интеллигент понял, что вот сейчас, — одной своей случайной фразой — он приговорил Федора Сокова к смерти.

Но понял Игорь также и то, что он и сам уже завяз... Завяз глубоко, прочно. И отступать теперь поздно. Да и некуда. Да и зачем?

* * *

Они просидели за столом всю ночь. Обговорили множество деталей. И покинули ольгину квартиру уже при свете новой зари.

Когда Игорь вышел с новыми своими друзьями, на улицах было тихо, малоллюдно. Поселок только еще просыпался.

— Имейте в виду, — предупредил он Семена Сергеевича, — в районе, судя по слухам, введено чрезвычайное положение. Так что попадаться на глаза мусорам вам не стоило бы...

— Пустяки, — небрежно сказал Семен Сергеевич, — у нас все предусмотрено. Все — отполировано. Мы с Самураем, — к вашему сведению, — журналисты из Москвы!

— И куда же вы сейчас? — погода спросил Игорь.

— В село Оленек, — сухо сказал Семен Сергеевич. И Игорь понял, что задавать дальнейшие вопросы не следует.

Они шагали по широкой улице свайного поселка. Раннее солнце блистало, просвечивая между сваями. И землю испещряли косые длинные тени.

Хотя на земле было еще сравнительно тихо, — небо уже шумело всюду! Там, опережая друг друга, тянулись, горляны, птичьих косяки.

Взглянув ввысь, Самурай сказал:

— Ишь, как ровно летят! Какие четкие треугольнички!

— Между прочим, — сказал Игорь, — я недавно прочитал в одной ученой книжке, что лебеди и, особенно, журавли, строят свои косяки в соответствии с законами кристаллографии. Стороны каждого такого треугольника образуют угол, близкий к 110 градусам.

— Да? — равнодушно, думая о чем-то своем, проговорил Семен Сергеевич.

— Да! А между точным направлением полета и одной из сторон птичьего клина угол равен, обычно, 54 градусам 44 минутам и 8 секундам... Неужели вы не знаете, что это значит?

— Нет... А что?

— Да ведь именно такой угол образуют естественные грани алмаза!

— Не может быть! — воскликнул Семен Сергеевич. И даже остановился на миг. — Вот странно... Птицы — и кристаллы!

А Самурай сейчас же спросил, оскалив кривые зубы:

— А зачем это птицам? В чем тут секрет?

— Этого никто не знает, — сказал Игорь, — это тайна. Одна из многих тайн.

Он проводил взглядом далекий удивительно правильный треугольник лебедей. И потом — с трудной сдерживаемым вздохом:

— Вот так и наши алмазы — улетели, растаяли...

И тогда Семен Сергеевич сказал, положив на плечо Игорю тяжелую пятерню:

— Ничего, друг мой. Может, еще не все потеряно...

Ведь птицы — куда бы они не улетели — всегда возвращаются к старым гнездовьям!

* * *

А в оленеводческом стойбище, в островерхом тордохе, сидел старый Нюргун и держал на коленях плоский шаманский бубен.

Этот свой инструмент он употреблял, обычно, за пределами стойбища... Но сейчас он, все же, рискнул; час был еще ранний, и гостей в тордохе не было.

Он жил совершенно один, Нюргун. Свою жену и детей он давно уже схоронил. И одинокий, старый, сутулый, он сидел, скрестив ноги и что-то пел, раскачиваясь. И чуть слышно постукивал ногтями о тугую, потертую кожу бубна.

Нюргун думал в этот момент о жестоких и мудрых духах своего племени.

Он всегда верил в то, что духи относятся к нему благоклонно. И теперь опять получил наглядное тому подтверждение.

Похитители алмазов должны были умереть, — Нюргун просил об этом — и вот, они умерли! Из них один только Степан, по прозвищу Рябой, был специально умерщвлен людьми Нюргуна; остальные же погибли без малейшего вмешательства с его стороны. Они сами истребили друг друга. Но сами — это так только казалось со стороны. В действительности же все произошло по велению свыше...

И самое главное, — алмазы не пропали, не ушли из пределов Якутии!

О том, что в Якутии существует культ Священных Камней, европейцам было известно давно. Но все они считали, что культ этот связан только с огромными базальтовыми глыбами. А между тем, в категорию священных объектов входили также и различные кристаллы, самоцветы... И конечно, первое место среди них занимал алмаз, — волшебный камень, который в Индии, в Гималаях и на Тибете называется «Чандамани».

Вышедшее из Центральной Азии племя якутов сохранило воспоминания о нем и веру в его могущество.

В течение многих веков якутские шаманы тщательно хранили тайну сибирских алмазов. Роскошные меха и рассыпное золото, это все было, так сказать, на виду. Скрыть это от глаз пришельцев не представлялось возможным. Но мелкие, зачастую, малоприметные кристаллы, — они попадались редко. Их надо было уметь разыскать!

Русские разыскали их в Якутии недавно — в середине двадцатого века. И активно занялись их добычей. И воспрепятствовать напору новой, мощной, организованной силы —

силы государства — шаманы, конечно же, не могли.

Однако якуты ни на миг не забывали, что камни эти — священные! И когда предоставлялась возможность хоть какую-то часть их спасти, вырвать из чужих, хищных рук, — они не колебались и не знали жалости...

И в тот ранний час, когда Игорь прощался с «Серыми Ангелами», а над поселком тянулись шумные лебединые стаи, — старый шаман Нюргун постукивал ногтями в бубен и напевал полупшепотом старинную песню.

Старинную песню о том, что все в мире движется по кругу. Все должно двигаться только так! Птицы должны возвращаться к старым гнездовьям. Алмазы — в родную землю. А души умерших — в те таинственные края, где можно снова встретиться с давними друзьями, с родными, с предками... Со всеми людьми, навсегда покинувшими злой, неласковый этот мир.

ЭПИЛОГ

История алмазов, в сущности, есть история преступлений... Да это ведь и понятно: слишком большую ценность представляет собою данный минерал!

С тех пор, как алмаз был впервые обнаружен — где-то в Индии, около пяти тысяч лет назад — он всегда поражал людское воображение... Самый твердый из всех природных веществ, не поддающийся времени, равнодушный к воздействию любых кислот и, к тому же, обладающий особым свойством преломления света, — таким, что кажется, будто он сам этот свет излучает, — алмаз с незапамятных пор сделался символом вечности и красоты.

Древние маги и средневековые алхимики наделяли сей камень многими волшебными свойствами. Индусы, например, разделяли алмазы, так же, как и людей, на четыре касты: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Каждой касте соответствовал особый оттенок... Камни красного цвета — одни из самых священных — считались застывшими каплями крови богов. (Любопытно, что красный алмаз в современной науке стал именоваться «оптическим», в нем обнаружены поразительные полупроводниковые свойства, он необходим для электронной и лазерной техники, и сейчас такого сорта камни — самые дорогие!) И в народных поверьях, причем, повсюду, — как на Востоке, так и на Западе, — постоянно сохранялась вера в тайное могущество минералов. Существовала особая, мистическая символика драгоценных камней. Например, аметист — по-гречески «не пьяный» — предохранял от излишеств и оберегал от действия ядов. Равно, как и бирюза. Рубин останавливал кровотечения. Яшма излечивала от лихорадки и эпилепсии. Изумруд открывал будущее. Топаз умирал мор-

ские бури. И так до бесконечности... А так как алмаз в этом перечне всегда занимал первое, главенствующее место, то в нем, естественно, воплощались все указанные свойства.

Всем этим, собственно и объясняется огромная его стоимость. Если цены на золото и платину периодически колеблются, то на алмазы — непрерывно возрастают. Считается, что один карат алмаза стоит столько же, сколько сто граммов золота. Однако цена камня с увеличением его объема повышается в геометрической прогрессии.

Стоимость одного килограмма технических алмазов доходит до 500 тысяч долларов, — это более чем в 250 раз дороже золота. Цена же крупных, но необработанных алмазов зачастую равняется трем тысячам долларов за карат. Ну, а если говорить о больших, хорошо ограненных, белых и цветных бриллиантах — о королях мира минералов — то стоимость их вообще баснословна, труднопредставима...

Вот кстати, поговорим теперь об этих «королях». У каждого из них имеется своя родословная, окутанная туманом легенд. И своя, весьма сложная биография, исполненная мрачных тайн и кровавых подробностей.

Взять, хотя бы, знаменитый бриллиант «Орлов». Он представляет собою большую «розу» древнеиндийской огранки, нежного, голубовато-зеленого цвета, весящую 190 каратов. Форма его (часть октаэдра) свидетельствует о том, что он является осколком какого-то другого, гораздо большего камня. И мы знаем — на основании легенд — какого!.. Речь тут идет о редчайшем алмазе, когда-то найденном в Индии, в Голконде и принадлежавшем «Сыну солнца» Карна — правителю Анги — жившему за три тысячи лет до нашей эры.

Впоследствии легендарный этот алмаз стали называть «Великим Моголом». Впрочем, в истории известно несколько «Великих Моголов». Кстати сказать, такое же точно имя в начале XVII века носил даже сам «Орлов»... В ту пору камень Карна уже был расколот. Одна половина его где-то затерялась, другая же попала в руки шаха Джихана.

Однако, в этих руках будущий «Орлов» задержался недолго. Вскоре началась война между шахом и его сыном Ауренг-зебом. И в 1651 году Джихан погиб.

Ауренг-зебу достались баснословные богатства — и он с течением времени их еще приумножил. Так, например, он каким-то образом раздобыл алмаз, весьма схожий с «Орловым», являющийся прекрасной его парой... Ауренг-зев полагаю, что два этих камня — родные, так сказать, братья.

Затем индийскую столицу Дели захватили персы. И все эти ценности перешли во владение к шаху Надиру. И «Орлов» с его двойником, по приказу Надира, были вделаны в шахский трон. Причем, первый камень стал носить название «Дерианур», т.е. «море света», а второй — «Коинур», что означает «гора света».

Но и новому их владельцу тоже не повезло. Весьма скоро персидского шаха зарезали, а бриллианты пошли гулять по рукам...

Коинур — «гора света» — попал к королю Пенджаба Лахору. А в 1860 г. был захвачен англичанами. Через два года его почему-то перегранили, и он потерял свою первоначальную форму. И уже в таком виде — навсегда остался в Соединенном Королевстве.

Судьба Дерианура оказалась сложней и запутанней. Существует предание, согласно которому шах Надир забрел однажды в тайный индусский пещерный храм и увидел этот камень во лбу статуи мироздателя Брахмы. И якобы шах сам, своими руками, вырвал священный алмаз из глазницы. И таким образом — осквернил святыню и накликал на себя беду... И будто бы после его смерти алмазом завладел безвестный французский гренадер — утопивший драгоценность в кровотокающей ране на своем бедре. Затем и гренадер этот тоже умер... А камень переменял множество хозяев, обошел полсвета, повсюду оставляя кровь и слезы. И в конце концов оказался на алмажном рынке в Амстердаме. Там его нашел в 1772 г. граф Орлов — купил и преподнес императрице Екатерине II.

Легенда, как мы видим, несколько отличается от официальных сведений... Где тут правда? Трудно сказать. Может быть, Ауренг-зеб, действительно, пожертвовал свой алмаз какому-нибудь храму — отдал его служителям Брахмы?... Хотя нет, вряд ли. Насколько можно судить, этот потомок монгольских завоевателей особой святостью не отличался. Зато был он на редкость алчен и лукав, и эти его качества известны.

Но, как бы то ни было, проделав долгий путь, «Орлов» прибыл в Россию. Тут его вставили в золотой царский скипетр. И с тех пор он считается самым большим — известным — индийским алмазом.

В сокровищнице русских царей имеется также и другой знаменитый алмаз, именуемый «Шах». Его история выгравирована на самом камне. Вот хронология главных событий:

1591 г. — Камнем владеет Бурхан-Низам-шах II.

1614 г. — Переход камня во владение к Великому Моголу шаху Джихану.

1824 г. — Захват камня персидским государем Фатх-Али-шахом.

А спустя еще пять лет, принц Хосрев-Мирза передал этот алмаз русскому императору. Но не в качестве простого подарка — а как возмещение за смерть великого поэта Александра Грибоедова. В 1829 г. Грибоедов находился с дипломатической миссией в Тегеране, и был убит религиозными фанатиками. Персидский двор поспешил замять конфликт... Ну, а царь, получив великолепный камень, счел, что цена за голову поэта дана вполне подходящая.

Вообще о царских сокровищах можно было бы рассказать много интересного. Ведь накапливать их стали еще со времен средневековья...

В 1498 г. в Москве произошло первое церковное венчание на царство. Данный ритуал — пришедший из Византии — требовал торжественности и пышности, подтверждающих божественную сущность венчания. И к царскому двору, в связи с этим, были приглашены европейские ювелиры. В их обязанности входило украшение драгоценными камнями короны, скипетра, державы и мантии. И так это и повелось с тех пор. И каждый новый государь неустанно заботился об увеличении дворцовых ценностей и об украшении ритуальных знаков своей власти.

Например, Екатерина Великая (пришедшая к власти путем переворота — после убийства своего мужа, Петра III) заказала себе новую, чрезвычайно богатую корону. Ее сделал прославленный ювелир Иеремия Позье. В короне числится огромное количество алмазов, общим весом в 2858 каратов. И это — одно из самых замечательных ювелирных изделий восемнадцатого века.

Сохранилось также описание того, как создавалась царская мантия — надевавшаяся во время торжественных церемоний. Мантия была ссткана из золотого шелка, подбита горностаевым мехом и украшена двуглавыми орлами. Но самым замечательным в ней является застежка из многих алмазов, стоившая колоссальную по тем временам сумму — 100 тысяч золотых рублей. Сделать эту застежку было поручено немецкому ювелиру Рокентину. Выполнив заказ, Рокентин решил вдруг застежку присвоить. Он спрятал ее и заявил, что она украдена... Однако, обман вскоре был раскрыт. И незадачливого ювелира отправили в Сибирь на вечное поселение.

Все такого рода ценности долгое время хранились в знаменитой «бриллиантовой» комнате, основанной в 1719 г. по указу Петра Великого. Комната эта помещалась в Петергофском дворце. Но в 1914 году — в начале Первой мировой войны — царские сокровища были уложены в восемь больших сундуков, перевезены в московский Кремль и спрятаны в подвалах Оружейной палаты.

Об этом позаботился последний император России, Николай Второй. Он, очевидно, чувствовал, что на страну надвигается хаос... Отправка в Кремль сокровищ была произведена весьма спешно и тайно. Настолько тайно, что после смерти царя никто по существу не знал, где же их следует искать?

А их искали многие. И повсюду... Поиски эти начались сразу же после семнадцатого года — после ареста и отречения императора. И кто только не принимал в поисках участия! И анархисты, и агенты ЧК, и сотрудники контрразведок

белых армий Деникина и Колчака. А также — бесчисленное количество авантюристов, спекулянтов и уголовников.

Искали не только в России, но и за ее пределами. В самом начале гражданской войны широко распространился слух о том, что царские «коронные» драгоценности, якобы, вывезены большевиками в Швецию¹, где потихоньку и распродают... И тогда же в Стокгольме возникла тайная эмигрантская «Военная организация по восстановлению империи», которая, впрочем, более известна под именем «Лиги убийц».

Возглавлял эту лигу некий Магомет Бек Хаджет Лаше — казачий полковник и автор бульварных романов. Был он личностью по-своему любопытной... Авантюрист, позер, убийца с садистскими наклонностями, он, — прежде чем перейти на русскую службу, — состоял когда-то агентом турецкой тайной полиции. И впоследствии опубликовал книгу «Убийца на троне»², где описывались чудовищные злодеяния полиции в Константинополе, при Абдул-Гамине.

Подробно, со знанием дела, рассказал Лаше в этой книге о том, как вымогала полиция деньги и ценности у населения, как намечалась определенная жертва, как она заманивалась в дом на пустынной улочке предместья... И там, применяя изощренные пытки, жертву заставляли выдать чек или денежное письмо, или ключ от сейфа. Затем человека приканчивали, засовывали в мешок. И топили в водах Босфора.

И в точности то же самое повторилось в Швеции; безусловно, Хаджет Лаше использовал свой личный опыт! В местечке Баль Станэс — неподалеку от Стокгольма — была им арендована двухэтажная дача, расположенная на берегу красивого озера. Вот в ней-то и происходили все те преступления, которые затем потрясли Европу.

Лаше разыскивал пропавшие царские сокровища. И он успел уничтожить немало людей. (У большинства из них — еврейские фамилии). Причем на мешках, в которых были зашиты трупы, стояла надпись: «По постановлению Лиги спасения Российской империи».

Когда эту лигу разоблачили, журналисты много писали о «Жуткой загадке Баль Станэса»³. Но, если вдуматься, большой загадки тут не было. Был просто бандитизм, слегка замаскированный, прикрытый политическими лозунгами. Как это частенько случается в наше время. В результате, Хадже-

¹ Во время Первой мировой войны и в послереволюционные годы нейтральная Швеция являлась международным центром шпионажа и спекуляции. (Прим. автора).

² Эта книга была опубликована в 1917 г. в Петрограде в русском переводе самого автора. (Прим. автора).

³ Материалы об этом можно найти во всех стокгольмских газетах от 12 и 13 сентября 1919 г. (Прим. автора).

та Лаше приговорили к 10 годам тюрьмы. Ближайшие его помощники тоже попали за решетку. А остальные члены организации были изгнаны из пределов Скандинавии и разбрелись по свету, унося с собою несбывшиеся мечты о сказочных царских камнях...

А между тем, эти камни спокойно полеживали в запечатанных сундуках. Заваленные в кладовой всевозможными ящиками, тряпками и прочей пыльной рухлядью, сундуки долгое время оставались никем не замеченными; никому ведь и в голову не приходило искать среди хлама исчезнувшие миллионы!

Прошумела революция, началась и окончилась гражданская война, — а они все покоились там... И только в 1922 году были найдены, по существу, совершенно случайно.

Тотчас же была создана особая правительственная комиссия, которую возглавил крупнейший русский ученый-минералог, «поэт камня», академик Александр Ферсман. Обследование и перепись найденных драгоценностей продолжались в течение трех лет. И в конце концов, под руководством Ферсмана, образовался известный ныне «Алмазный фонд СССР».

В этом фонде насчитывается камней на много тысяч каратов. Имеются любые сорта и формы. С помощью богатейшей этой коллекции можно изучать общую историю добычи алмазов.

Начало этой истории связано с Индией и теряется в веках. Вторая страна, где были обнаружены алмазы, это — остров Борнео. Затем следует Бразилия; добыча камней там началась в конце семнадцатого века. С середины прошлого — появляются австралийские алмазы. И немного погодя — африканские. Они были найдены в бассейне реки Оранжевой в 1867 г. Словом, здесь представлены все месторождения, почти все континенты, множество стран... Однако Россия, в данном перечне, занимает самое последнее место.

На протяжении многих веков, все крупные ценности здесь были привозными, — из Византии, из Бухары, с европейских рынков... Своего камня Россия долго не знала. Древним грекам, впрочем, были известны «скифские алмазы», но где они добывались — до сих пор остается тайной. В скандинавских сказаниях тоже упоминались драгоценные камни Зауралья. Но туда было нелегко добраться... А когда русские люди добрались — то о камнях они мало заботились. Искать минералы, вообще говоря, гораздо труднее, чем, скажем, золотой песок. Тут требуется специальная выучка, особая «культура камня», которой русские не имели. И главным промыслом в Сибири была пушнина, а затем — золото.

Только в первой половине XVIII столетия на Урал отправилась экспедиция, целью которой был поиск ценных ми-

нералов. И с этого момента начинается история российских самоцветов.

Однако прошло около ста лет, прежде чем алмазы стали там находить...

К этому, кстати, причастен знаменитый путешественник, географ Александр Гумбольдт. Собираясь в поездку на Урал, он пообещал императрице привезти хоть один русский алмаз — и обещание свое выполнил! Алмаз был найден в июле 1829 года в тамошних золотых россыпях.

Между прочим, Гумбольдт первым обратил внимание на удивительное сходство Урала с алмазоносной областью в Бразилии.¹ И эта его догадка сыграла немаловажную роль...

На самом Урале, правда, крупных месторождений найти так и не удалось. Но зато впоследствии — уже в нашем веке — их обнаружили на территории Якутской автономной республики. И здесь ученым помог все тот же метод сравнительного анализа.

Было замечено, что базальтовые «траппы» Якутской равнины во многом схожи с «траппами» Деканского плато в Индии, а также — с южноафриканскими. Постепенно ученые нашли и другие общие признаки... И, начиная с 1945 года, в Сибирь — одна за другой — уходят многолюдные экспедиции, различные поисковые группы.

Но все же успех и здесь пришел не сразу. Минуло еще немало лет, пока, наконец, у берегов таежной болотистой речки Далдын — в Западной Якутии — не была обнаружена первая кимберлитовая трубка.²

И любители экзотики, с этих пор, стали Сибирь называть «второй Индией».

На реке Далдын быстро вырос алмазный прииск, окрещенный именем «Зарница». А немного времени спустя, в бассейне Вилюя, были открыты кимберлитовые трубки «Мир», «Айхал», «Интернациональная». И так началась промышленная добыча алмазов.

А параллельно с этим тотчас же возник черный рынок.

До середины пятидесятых годов в Сибири существовала традиционная, хорошо организованная, спекуляция золотом и некоторыми сортами пушнины (норка, соболь, морская выдра). Теперь же появился новый подпольный бизнес, — гораздо более сложный, но и гораздо более прибыльный.

Похищаемые алмазы стали уходить тайными путями на Дальний Восток, в Москву и на Кавказ.

¹ В Бразилии алмазы добываются в тех же местах, где и золото. Такие случаи не редки. Древние вообще считали, что «Король минералов» и «благородный металл» — близкие родственники. (Прим. автора)

² Кимберлитом называется алмазоносная порода, содержащаяся в особых вулканических жерлах — «трубках». Впервые такая трубка была открыта 100 лет назад в Южной Африке, вблизи поселка Кимберлей. Отсюда и название. (Прим. автора)

В столице Якутской республики — городе Якутске — и в других городах Сибири появились подпольные гранильные мастерские. И вокруг алмазных приисков, среди топких болот и диких зарослей, развернулась скрытная, жестокая, поистине волчья жизнь таежных авантюристов. Жизнь, исполненная постоянного риска и непрекращающейся борьбы.

Путь многих сибирских алмазов — как и всюду, как и тысячи лет назад, — оказался обильно политым кровью и слезами. И, пожалуй, не случайно, на русском блатном жаргоне, алмазы так и называются: «слезы».

СОДЕРЖАНИЕ

...И ПЯТЬ БУТЫЛОК ВОДКИ	7
ТАЙНЫ СИБИРСКИХ АЛМАЗОВ	151

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССИКА»

- RUSSICA-81.** Литературный сборник. Поэзия, проза, публицистика, мемуары, публикации. 400 стр. Тв. пер. \$25.00. Бум. обл. \$20.00.
- АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.** Салат из булавок. Рассказы и фельетоны. 224 стр. \$9.95.
- АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.** Три книги: «Нечистая сила». «Дети». «Пантеон советов молодым людям». 1921—24. / *Переиздание.* 303 стр. \$7.95. *Распродано.*
- ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ.** Рука. (*Повествование палача*). Роман. 314 стр. \$16.50.
- НИНА БЕРБЕРОВА.** Железная женщина. Роман-биография. 402 стр. \$18.50.
- НИНА БЕРБЕРОВА.** Курсив мой. Автобиография. Издание второе, исправленное и дополненное; с новым предисловием автора. В двух томах. 708 стр. Тв. пер. \$48.00. Бум. обл. \$28.50.
- НИНА БЕРБЕРОВА.** Стихотворения. 1921—1983. 120 стр. \$7.95.
- ИОСИФ БРОДСКИЙ.** Римские элегии. 32 стр. \$5.00.
- МИХАИЛ БУЛГАКОВ.** Дьяволиада. М., 1925. / *Переиздание.* Новая красочная обложка и рисунок А. Крынского. 160 стр. \$5.95. *Распродано.*
- НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ.** Чужие камни. Стихи 1979—1982. 70 стр. \$5.95.
- МИХАИЛ ДЕМИН.** Блатной. Роман. 364 стр. \$18.50.
- МИХАИЛ ДЕМИН.** Перекрестки судеб. (Две повести: «И пять бутылок водки» и «Тайны сибирских алмазов»). 307 стр. \$17.00.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Сети. Первая книга стихов. Берлин, 1923. *Переиздание.* Обложка по оригинальному рисунку Н. Альтмана. 208 стр. \$5.95.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Нездешние вечера. Стихи 1914—1920. Петербург, 1921. / *Переиздание.* Обложка — по оригинальному рисунку М. Добужинского. 136 стр. \$5.95.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. Книжные украшения М. Добужинского. Петроград, 1919. / *Переиздание.* С новым предисловием Геннадия Шмакова. 250 стр. \$9.95.
- НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА.** Подготовка текста В. Кабронского. Предисловие проф. В. Раскина. 220 стр. \$6.95. *Распродано.*
- НОВАЯ НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ ЧАСТУШКА.** Сост. В. Козловский. 405 стр. Тв. пер. \$20.00. Бум. обл. \$15.00.
- БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ.** История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932 г. / *Переиздание.* 374 стр. \$12.00.
- СЕРГЕЙ ПЕТРУНИС.** Иероглифы. Первая книга. 250 стр. \$8.95.
- АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.** Россия в письменах. Том 1. Берлин, 1922 / *Переиздание.* С новым предисловием О. Раевской-Хьюз. 222 стр. \$7.95.
- РУССКАЯ ЛИРИКА.** Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. Кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924. / *Переиздание.* С новым предисловием проф. Глеба Струве. 254 стр. \$6.95.
- Н. А. ТЭФФИ.** Городок. Рассказы. С новым предисловием Эдит Хейбер. 204 стр. Тв. пер. \$13.00. Бум. обл. \$7.95.

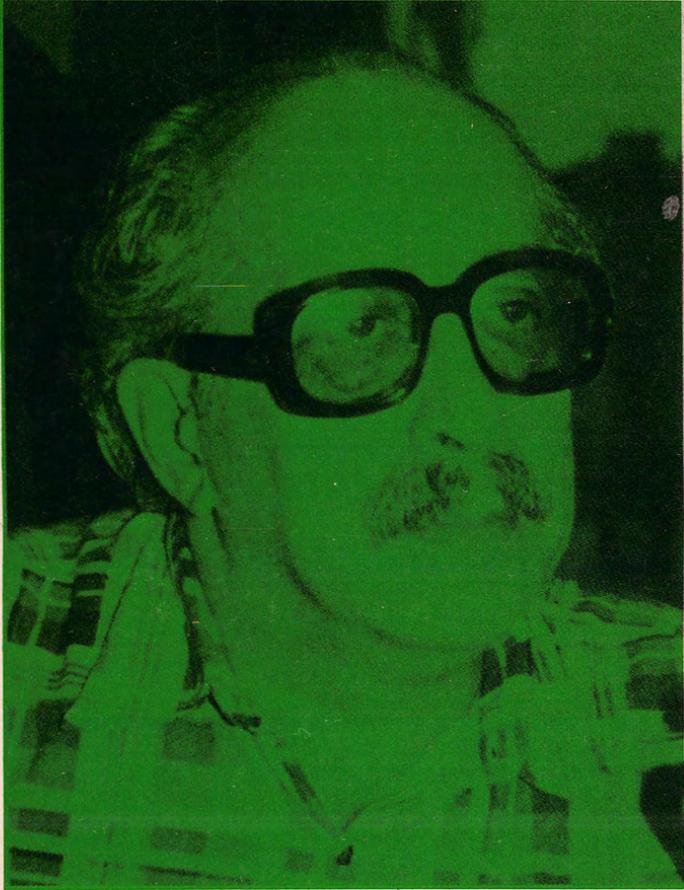
- ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.** Собрание стихов. Париж, 1927. / *Переиздание.* 184 стр. \$5.95.
- ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.** Избранная проза. С предисловием и комментариями Н. Берберовой. 320 стр. \$9.95.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Избранная проза в двух томах. Предисловие И. Бродского. 2 тома, 835 стр. \$35.00.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 1. Иосиф Бродский. Об одном стихотворении. (Вместо предисловия). Виктория Швейцер. «Своими путями». (Биографический очерк). Стихотворения 1908—1916 гг.: «Вечерний альбом». «Волшебный фонарь». «Юношеские стихи». «Версты 1». (1916). Стихи, не вошедшие в сборники. 402 стр. Тв. пер. \$30.00. Бум. обл. \$25.00.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 2. Стихотворения 1916—1922 гг.: «Версты 2». «Лебединый стан». «Стихи к Блоку». «Психея». «Ремесло». Стихи, не вошедшие в сборники. 420 стр. Тв. пер. \$30.00. Бум. обл. \$25.00.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 3. Стихотворения и переводы 1922—1941 гг.: «После России». Стихи и переводы 1922—1941. Воспоминания М. Слонима и Л. Чуковской. 545 стр. Тв. пер. \$37.00. Бум. обл. \$32.00.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 4. Поэмы. 392 стр. Тв. пер. \$33.00. Бум. обл. \$28.00.
- АЛЕКСАНДР ЧАЯНОВ.** История парикмахерской куклы и другие сочинения Ботаника Х. Предисловие А. Бахраха. Очерк творчества Л. Черткова. 450 стр. \$15.00.
- АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР.** 2 × 2 = 4. Стихи. 1926—1939 гг. Биогр. заметка А. Головиной. Предисловие проф. Ю. П. Иваска. 104 стр. Тв. пер. \$13.00. Бум. обл. \$6.95.
- Access to Resources in the '80s: Proceedings of the First International Conference of Slavic Librarians and Information Specialists.** Ed. by Marianna T. Choldin. 110 стр. \$7.50.
- EDWARD KASINEC.** Slavic Books and Bookmen. Papers and Essays. 180 стр. \$13.50.
- WOJCIECH ZALEWSKI.** Russian-English Dictionaries with Aids for Translators. A Selected Bibliography. 144 стр. \$7.50.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

- АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.** Гибель сенатора. Авторская инсценировка романа «Петербург». Под ред. проф. Джона Малмстеда.
- АЛЕКСАНДР РАДАШКЕВИЧ.** Шпалера. Первая книга стихов.
- НИНА БЕРБЕРОВА.** Биянкурские праздники и другие рассказы.
- ЗИНОВИЙ ЗИНИК.** Перемещенное лицо. Роман.
- АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.** Пляшущий демон. С новым предисловием проф. Владимира Маркова.
- ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ.** Крыса. Подготовка текста и комментариев Роналда Врууна.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Письма Анатолию Штейгеру.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Письма Юрию Иваску.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Проза. Письма. Воспоминания. Сборник новых материалов.

МАГАЗИН «РУССИКА» ПРЕДЛАГАЕТ

- СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА.** Двадцать писем к другу. США, 1981. 216 с. \$10.00.
- БОРИС БАЖАНОВ.** Воспоминания бывшего секретаря Сталина. 2-е издание. США, 1983. 319 с. \$15.00.
- ЮРИЙ ГАЛЬПЕРИН.** Играем блюз. Повесть. США, 1983. 96 с. \$7.00.
- МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.** Перед восходом солнца. США, 1973. 315 с. \$9.95.
- ИНДИЙСКИЕ ТРАКТАТЫ О ЛЮБВИ.** США, 1977. 133 с. \$4.00.
- НИКОЛАЙ КАТЕНЕВ.** Костя Попандопуло и я. США, 1977. 325 с. \$6.95.
- ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВСКИЙ.** Красная площадь. Диссидент и чиновница. Повесть и рассказ. США, 1983. 189 с. \$8.00.
- ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВСКИЙ.** Мы встретились в раю. Роман. США, 1983. 313 с. \$17.50.
- КРАТКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.** В 6 томах. Израиль, 1976—
- Том 1. Аарон — Высоцкий. 756 кол., илл., тв. пер. \$25.00.
- Том 2. Габбай — Измир. 868 кол., илл., тв. пер. \$30.00.
- Принимается подписка на льготных условиях.
- ЭДУАРД ЛИМОНОВ.** Дневник неудачника, или Секретная тетрадь. США, 1982. 249 с. \$12.50.
- ЭДУАРД ЛИМОНОВ.** Это я — Эдичка. 2-е издание. США, 1982. 281 с. \$12.50.
- СЕМЕН РЕЗНИК.** Дорога на эшафот. США, 1983. 127 с. \$8.00.
- ВЯЧЕСЛАВ СЫСОЕВ.** Ходите тихо, говорите тихо. (Записки из подполья). США, 1983. 96 с. \$7.00.
- ТАНАХ.** В 3-х томах. 1. Пять книг Торы. Израиль, 1975. 271 с.
2. Первые и последние пророки. Израиль, 1978. 494 с.
3. Кетувим. Израиль, 1978. 394 с. Цена комплекта \$29.00.
- ТРЕТЬЯ ВОЛНА.** Альманах литературы и искусства. Выпуски 13, 14. Цена одного выпуска \$6.00.
- ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ.** Солженицын и социалисты. Предисловие А. Глезера. США, 1983. 47 с. \$4.50.
- АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН.** Конец трагедии. США, 1973. 236 с. \$6.50.
- МИХАИЛ ЯКОБСОН.** Карзубый. Лагерная повесть. США, 1983. 90 с. \$6.50.
- AVRAHAM SHIFRIN.** The First Guidebook to Prisons and Concentration Camps of the Soviet Union. Швейцария, 1980. 379 с. \$7.50.



Max. Jensen

0-89830-033-9